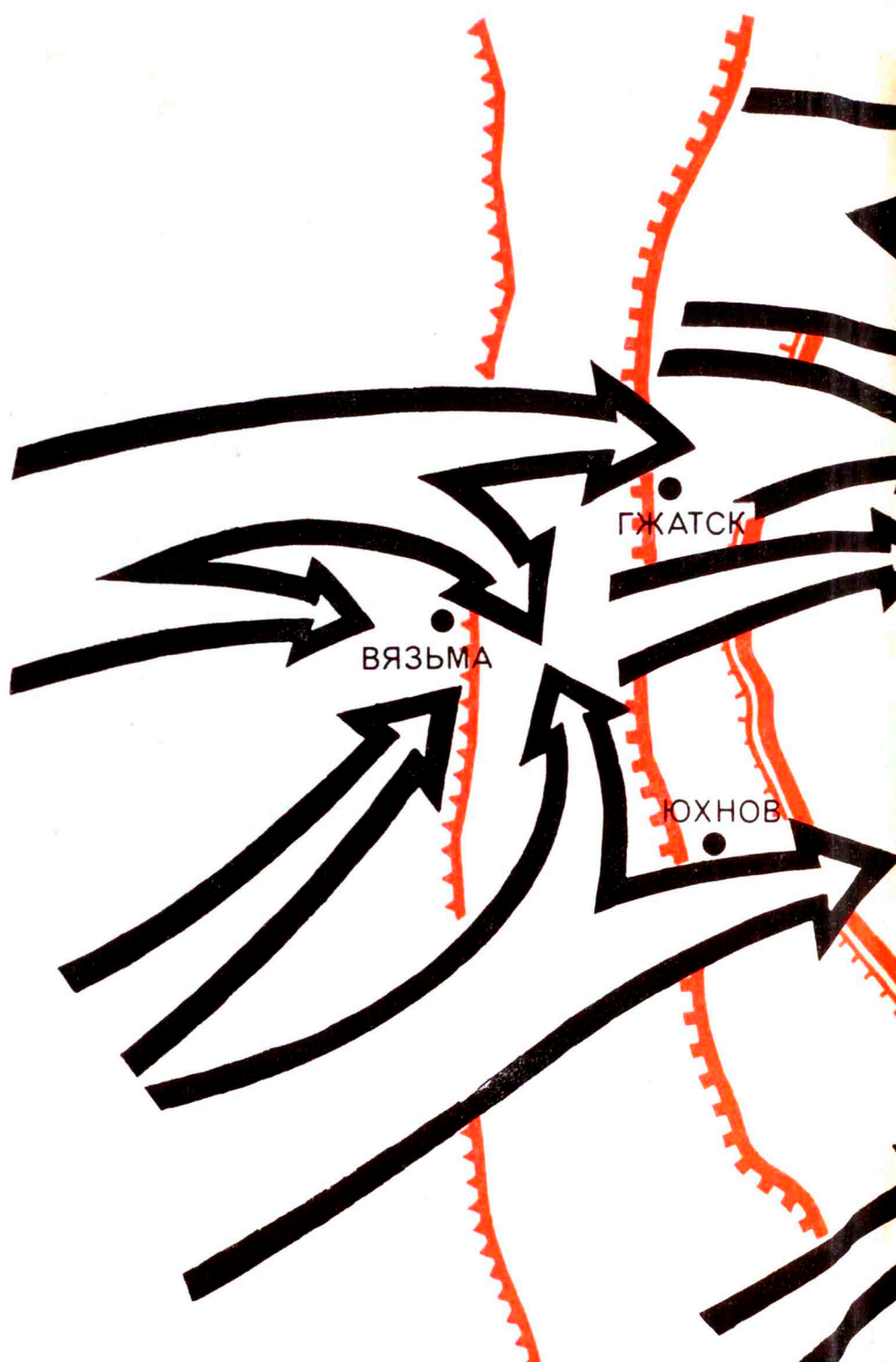

НЕ ОТДАЛИ МОСКВЫ!

ВЯЗЬМА

ГЖАТСК

ЮХНОВ

ЯХРОМА

ГЕРОИЧЕСКАЯ ОБОРОНА МОСКВЫ

ИСТРА

МОСКВА

ПОДОЛЬСК

КОЛОМНА

СЕРПУХОВ

КАШИРА

К.Ф. ТЕЛЕГИН

НЕ ОТДАЛИ МОСКВЫ!

**Издание 2-е,
дополненное, переработанное**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
МОСКВА — 1975**

9(C)271
Т31

Т $\frac{11202-086}{M-105(03)75}$ 85—75

© Издательство «Советская Россия», 1975 г., дополнения.

***Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!***

От автора

Битва под Москвой занимает особое место в истории Великой Отечественной войны. В этом сражении был сорван фашистский план «молниеносной войны», развеян миф о непобедимости германской армии. В разгроме немецко-фашистских войск у стен столицы нашей Родины советские воины, трудящиеся Москвы и Московской области — весь наш советский народ под руководством своей испытанной в боях и труде ленинской Коммунистической партии проявили неслышимую стойкость, великое мужество и массовый героизм.

Прошло уже более 33 лет со времени окончания этой великой битвы. И все же не все о ней рассказано, не все герои подняты на пьедестал народного почета, не все страницы исторического подвига советского народа и его армии раскрыты. Потребуется еще годы, чтобы собрать по крупницам драгоценный материал, полностью воссоздать героическую эпопею, чтобы никто не был забыт.

В те грозные дни автор был членом Военного совета Московского военного округа и Московской зоны обороны. На округ была возложена задача строительства оборонительных рубежей на дальних подступах к столице и их защита до подхода резервов Ставки Верховного Главнокомандования и войск Западного фронта. С середины октября 1941 года Военный совет округа руководил созданием на ближних подступах к столице Московской зоны обороны, воины которой совместно с войсками Западного и Калининского фронтов участвовали в отражении бешеного натиска врага и вместе с ними отстояли Москву.

Разгром немецко-фашистских полчищ под Москвой уже достаточно широко освещен в исторической и мемуарной литературе, выступлениями в печати непосредственных участников этого великого сражения. На основе сохранившихся в Центральном государственном архиве Советской Армии личных рабочих записей автора, документов Военного совета и штаба МВО и МЗО, а также других достоверных источников и воспоминаний участников боев. Автор в этой книге стремится раскрыть еще неизвестные или мало известные страницы великого оборонительного сражения, роль и место в нем Московского военного округа и Московской зоны обороны, рассказать о беспримерных подвигах курсантов военных училищ, бойцов, командиров и политработников, совершенных ими в ожесточенных боях на оборонительных рубежах и в небе Москвы, о мужестве и героизме москвичей, грудью

оставших на защиту родного города, о великой организующей и мобилизующей роли нашей Коммунистической партии и ее московских городской и областной организаций в дни суровых испытаний осени 1941 года.

Как удалось автору справиться с этой задачей — оцените вы, дорогие читатели. Всякое полезное ваше замечание, предложение, поправка будут приняты с благодарностью.

С момента выхода первого издания книги прошло более шести лет. Многочисленные рецензии в печати, большое количество писем в издательство и автору в целом положительно оценили книгу, ее воспитательное и историко-познавательное значение. Многие родные и близкие воинов, пропавших в те дни без вести, узнали о ратных подвигах или героической гибели дорогих им людей.

В настоящее, второе, издание дополнительно включены материалы о подвигах курсантов, особенно курсантов Московского Краснознаменного военно-политического училища имени В. И. Ленина, названы новые имена героев битвы и описаны их подвиги.

Автор глубоко признателен всем товарищам, особенно работникам Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, Военно-научного управления Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, за присланные документы, воспоминания, за ценные замечания, поправки, пожелания, улучшающие историко-познавательную ценность труда.

*Москва,
1969—1973 гг.*

Началась война

Телефонный звонок разбудил меня в пятом часу утра. Не было ничего необычного в том, что кому-то я попался в столь ранний час самого продолжительного летнего и притом воскресного дня — 22 июня 1941 года. Многолетняя пограничная жизнь приучила к звонкам, вызовам и визитам посылных в самое вроде бы неподходящее время суток, и этот звонок показался одним из сотен подобных.

Привычным движением снял трубку с аппарата, стоявшего у изголовья на тумбочке. Дежурный по управлению торопливо, но четко передал распоряжение: «Немедленно прибыть на службу!» — и положил трубку.

Хотя прошло уже немало лет с той поры, как я расстался со службой непосредственно на границе, но навсегда сохранились навыки собираться по сигналу «тревога» за 3—4 минуты. Видимо, и в этот раз уложился в «норматив». Второпях и не заметил, что не один я разбужен. Сразу же поднялась жена — Марья Львовна. За девятнадцать лет совместной жизни она привыкла уже ко многому. При каждом срочном вызове или подъеме по боевой тревоге на границе, конечно, волновалась, провожая порой надолго, но умела скрывать беспокойство. Понимала: это долг. Однако на этот раз жена не смогла утаить волнения. Об этом говорил ее вопросительный взгляд и то, что она вдруг включила радиолу. Комната неожиданно наполнилась звуками бравурной мелодии.

— Война? — тихо спросила жена.

Что я мог ответить? Сам был почти убежден в этом, но пожал плечами и, наверное, не очень уверенно сказал, что вызов «рядовой», зачем-то понадобился в управлении.

Похоже, что поверила. Или сделала вид? Ведь так же провожала меня в Хабаровске на озеро Хасан во время провокационной вылазки японских самураев. Всего полтора года назад подобный же спешный вызов направил меня в освободительный поход в западные области Белоруссии, а потом в заснеженные холодные

Карелию и Финляндию на войну с белофиннами. А куда позовет этот?

Дети тоже проснулись и пришли в нашу комнату. Сын Костя смотрит на меня настороженно и с нескрываемым любопытством. Я его понимаю. Лишь на днях он закончил 10-й класс 1-й Московской спецшколы Военно-Воздушных Сл. Он все торопил время, мечтал скорее стать летчиком-истребителем. Сейчас у него каникулы, но похоже, что курсантскую форму он наденет раньше, чем рассчитывал только вчера. Тринадцатилетняя Августина не выражает особой озабоченности и поднялась, видимо, просто так, «за компанию».

А Мария Львовна уже извлекла откуда-то немало выдавший на своем веку дорожный чемоданчик, с которым я обычно уезжал в длительные командировки. По сложившейся на границе традиции в этом чемоданчике всегда хранился «энзэ» — неприкосновенный запас дорожных и бивачных предметов личного обихода, а также не подлежащие расходованию даже в канун получения 100 рублей. Таков был закон для каждого командира и политработника. Правда, работа в окружном и центральном аппарате несколько нарушила эту традицию, кое-что из чемодана «перекочевало» на полочку в ванной, и сейчас Мария Львовна торопливо укладывала обратно все необходимое.

Еще раз прошу домашних преждевременно не тревожиться — если понадобится, успею заехать домой. Уходя, обещаю сразу же, как только что-то выяснится, позвонить.

В те июньские дни советские люди жили предчувствием надвигающихся грозных событий. Полыхавший в Европе пожар второй мировой войны, открытая проповедь германскими фашистами антикоммунистического крестового похода, сообщения печати о разгуле на Западе антисоветской пропаганды, официальные сообщения о сосредоточении крупных сил германских войск вблизи наших границ не могли не породить тревоги и озабоченности у советского народа. Впрочем, внешне эта озабоченность почти ни в чем не проявлялась. В Москве, как и во всей стране, царил спокойная деловая обстановка, советский народ напряженным трудом претворял в жизнь решения XVIII съезда ВКП(б) и третьего пятилетнего плана.

Но нам, работникам Главного управления пограничных войск СССР, отчетливо представлялись масштабы и направления в подготовке фашистской Германии к нападению на СССР. Донесения за май — июнь были одно другого тревожнее. Вот почему по дороге в управление я перебирал в памяти все, что стало известно за это время, особенно в последние недели и дни, по сводкам и донесениям, по разговорам с теми, кто возвращался из инспекторских

проверок пограничных частей Западного направления, из информации на совещаниях руководящего состава Главного управления погранвойск. И все навязчивее в мозгу повторялось страшное слово — война, война...

Доклады, сводки, донесения с границы говорили о том, что продолжается интенсивное сосредоточение у наших западных границ крупных сил германских войск с их корпусными и армейскими управлениями, танковых и моторизованных дивизий, артиллерии, саперных частей с переправочными средствами; подсаживаются на аэродромы авиационные части; поспешно строятся оборонительные сооружения, вплоть до железобетонных, аэродромы и взлетно-посадочные площадки; ремонтируются и строятся вновь железные дороги, автотранспортные дороги и мосты; из пограничной полосы отселается вглубь местное польское население, эвакуируются семьи офицерского состава; пограничная полиция заменяется полевой жандармерией и полевыми войсками, вдвое-втрое увеличивается состав патрульных нарядов, появляются необычные — офицерские; генералы и группы офицеров ежедневно и бесцеремонно ведут наблюдение за нашей территорией, рекогносцировки, инструментальную съемку; резко возросла агентурно-диверсионная деятельность германской (особенно) и других разведок.

Газета «Правда» 24 июня 1941 года писала: «Задолго до нападения Германии немецким командованием были предприняты на западных границах СССР столь широкие разведывательные действия, что сам характер их свидетельствовал об агрессивных замыслах германского империализма в отношении Советского Союза»¹.

Мой давнишний товарищ и сослуживец начальник штаба погранвойск генерал Н. И. Яценко в начале 1941 года познакомил меня со сводными данными по Западным пограничным округам за период с октября 1939 года, то есть с момента установления линии границы с Германией на захваченной ею территории Польши по декабрь 1940 года. Данные эти не могли не astonраживать. За это время было задержано агентов разведки и уничтожено диверсионно-разведывательных банд общей численностью до 5000 человек.

Несколько дней назад, зайдя в кабинет Яценко, я застал его необычно встревоженным.

— Что-нибудь стряслось, Николай Иванович? — спросил я.

— Да, дорогой. Мы, видимо, стоим на грани грозных событий.

¹ История Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1965. Т. I, стр. 479.

Только что я и Иван Иванович Масленников имели неприятный разговор с руководством. Мы докладывали донесения начальников пограничных округов Прибалтики, Белоруссии, Украины о том, что крупные группировки германских войск выходят на исходные позиции, что их авиация продолжает вторгаться в наше воздушное пространство, а пограничным войскам и Красной Армии все еще запрещено открывать огонь и поднимать в воздух истребители. Ты понимаешь, — говорил возбужденно Яценко, — они каждый день ведут наблюдения за гарнизонами полевых войск прикрытия, за системой нашей обороны, а мы пассивно созерцаем все это и только фиксируем, хотя обстановка уже требует уничтожать разведчиков не только на земле, но и в воздухе.

— Позволь, Николай Иванович, но ведь были случаи, когда пограничники открывали огонь и сбивали немецкие самолеты, а летчики ВВС вынуждали садиться немецких разведчиков на нашей территории. Значит, все же это возможно? — спрашиваю я.

— Такие случаи были, даже не так давно. Но наше руководство резко осудило это «своевольство», приказало категорически исполнять приказ НКВД от 29 марта 1940 года — огня не открывать, составлять акты о нарушении и заявлять протест пограничным представителям германского командования. Только на днях получено донесение от Хоменко (начальник погранвойск УССР. — *К. Т.*), в котором он пишет, что вторжения самолетов не только типа разведчиков и истребителей, но и бомбардировщиков приняли более упорный характер. На наши протесты германское командование приносит извинения и заверения, что примет меры.

— Мы снова поставили этот вопрос перед НКВД и другими центральными органами, но вновь получили приказание — ни на какие провокации отдельных недисциплинированных немецких генералов, офицеров и солдат не поддаваться, чтобы нас не обвинили в том, что мы начали враждебные действия и тем самым спровоцировали конфликт. Посуди сам, — говорил Яценко, — вот справка. С января по 19 апреля этого года через наши западные границы германские самолеты вторгались 324 раза, среди этих самолетов более половины — бомбардировщики. Они пролетали над расположением наших соединений в приграничной полосе, над аэродромами. Для всех нас ясна цель этих облетов — разведывание объектов для нанесения ударов в первую очередь. Мы доложили полученные сведения, что в последние дни среди немецких офицеров, солдат, местного населения на сопредельной стороне ведутся усиленные разговоры о том, что в ближайшие дни начнется война с Советским Союзом. Но нам было сказано, что не всяким разговорам и слухам надо верить, они могут сознательно распространяться с целью дезинформации.

— Фашистская Германия уже подготовилась к броску, и он может состояться в самое ближайшее время. В этом Масленников и я глубоко убеждены. Я отдал приказание максимально усилить бдительность, привести заставы в полную боевую готовность, занять оборонительные позиции, установить контакт на случай боевых действий с войсками Красной Армии и при всякой попытке нарушить границу — отражать всеми имеющимися средствами.

Уходил я от Н. И. Яценко встревоженным. Вспомнилось сообщение ТАСС от 14 июня, но оно не снимало настороженности. Судя по фактам, не верилось, что заявление фашистского командования и политического руководства Германии о вводе своих войск в Восточную Пруссию и Восточную Польшу с Запада, Балкан и Чехословакии «для отдыха, пополнения и маневров» соответствует действительности.

Мы хорошо также знали и о том, что Центральный Комитет партии, Советское правительство и военное командование принимают безотлагательные меры по укреплению западных рубежей, по переброске крупных войсковых соединений и объединений из тыловых районов страны, по призыву из запаса отдельных категорий командиров и политработников, приписного рядового состава на сборы. Мы не могли не понимать мудрости политики партии и правительства, направленной на необходимый выпрыгивание времени для усиления оборонной мощи, завершения организационной перестройки Красной Армии, производства в достаточном количестве новой боевой техники, с прекрасными образцами которой нам посчастливилось ознакомиться. Все это так. Но последние события у наших западных рубежей были зловеще тревожны...

Спешу. Ускоряю шаг... Улица Красная тиха и безлюдна, но на Садовом кольце и на улице Горького бросалось в глаза необычное для столь раннего часа оживление. На большой скорости проносились легкие автомашины с военными и гражданскими людьми; гулким эхом отдавались шаги сотрудников Генштаба и центральных управлений Наркомата обороны, спешивших с портфелями и полевыми сумками к Арбату и Красной площади. Дворники, размеренно помахивая метлами, с удивлением смотрели на автомашины, на торопливо идущих военных, не понимая, что же совавало всех их с постелей в столь ранний час выходного дня.

А москвичи после напряженного трудового дня спали мирно и безмятежно. Исключение составляло беспокойное племя рыбаков — они с рюкзаками и связками удочек уже стояли группами и поодиночке в условленных местах сбора или у автобусных остановок, с увлечением ведя разговоры о том, на каком водоеме и ка-

ких размеров вытаскивали щук и судаков, и на какую наживку лучше всего клюет рыба в июне. Их еще ничто, кроме рыбалки, не тревожило.

На повороте с площади Пушкина на Большую Бронную движение возросло. С разных сторон сюда стекались мои товарищи по Управлению политпропаганды, работники штаба погранвойск. У всех на лицах один и тот же недоуменный вопрос: что случилось? Уже по тому, что назначен общий сбор, стало ясно, что по меньшей мере где-то на границе произошла серьезная провокация. А может быть, война?

Предчувствие не обмануло. В кабинете начальника Управления политпропаганды бригадного комиссара П. Н. Мироненко уже находилось более половины руководящего состава. Мироненко нервно прохаживался по кабинету, остальные тихо переговаривались, строили предположения и нетерпеливо поглядывали на своего начальника, ожидая сообщения, что же произошло.

Наконец, собралось большинство, и как-то необычно тихо Мироненко сказал:

— Сегодня в четыре утра немецкие войска по всей западной границе внезапно атаковали пограничные отряды и части прикрытия Красной Армии, подвергнув сильной авиационной бомбежке города Минск, Вильно, Киев, Одессу, Севастополь и другие. Без объявления войны началась война.

Эти слова обожгли сердце. До этого, хотя все и говорило о неизбежности схватки с фашистской Германией, оставалась все же какая-то надежда, что это произойдет не скоро, что сосредоточение войск и военная демонстрация у наших границ, возможно, является дезинформацией для Запада, где остались еще не решенными военные задачи, в частности, с нападением на Англию. Именно о таких намерениях Гитлера неоднократно сообщалось в нашей печати. И лишь после того, как будет обезопасен тыл и выполнено завещание Бисмарка — не ввязываться в войну на два фронта, — Гитлер может решиться напасть на Советский Союз. Но коварство фашистских главарей опрокинуло эти предположения. Еще кто-то в древности говорил — если пушки установлены на позициях, они должны стрелять. А Германия их уже установила, и зловеющая рука натянула шнур. По всей линии наших границ от Балтийского до Черного морей пушки заговорили. Полилась кровь. Кто-то не выдержал и громко крикнул:

— Да как же это так, ведь это подлость!..

На минуту все притихли, пытаясь осознать произошедшее. А Мироненко продолжал:

— Начальники Белорусского, Прибалтийского и Украинского пограничных округов генералы Богданов, Ракутин и Хоменко со-

общили, что отряды ведут жестокий бой, связь прервана, командиры и политработники управлений выехали на места для выяснения обстановки и оказания помощи отрядам. Начальник войск Соколов вместе с Богдановым направились в район Августова и Белостока, где, по всем данным, наиболее трудно... Замнаркома Масленников приказал немедленно вскрыть пакеты «М» и приступить к выполнению предусмотренных мобилизационных мероприятий.

Нужно было какое-то время для того, чтобы осмыслить все, что произошло, оценить масштаб события, его возможное развитие. Но уже сейчас мы отчетливо представляли положение наших пограничных застав, комендатур, отрядов и приданных им отдельных подразделений, частей полевых войск, принявших на себя всю тяжесть первого удара врага. Мы знали, что главные силы первого эшелона прикрытия Красной Армии находятся в лагерях на различных сборах, а вторые эшелоны прикрытия и резервы Главного командования смогут подойти на помощь только через многие часы или дни. Не было сомнения и в том, что враг попытается использовать это время, чтобы смять все, что прикрывает границу, и застать врасплох или на марше войска Красной Армии, выдвигающиеся из глубины.

Насколько тяжелой была борьба пограничников и первого эшелона прикрытия, нам отчетливо представлялось еще и потому, что на новой границе не было завершено строительство оборонительных сооружений, еще во многих дотах и дзотах не успели установить вооружение, снимаемое с укрепленных районов по старой границе 1939 года. Это создавало для войск первого эшелона прикрытия крайне трудные условия, что враг безусловно учитывал и далеко не случайно совершил нападение в крайне невыгодный для нас момент.

Зная хорошо пограничников, мы не сомневались, что сражаться они будут до последнего дыхания, и дорогой ценой заплатит враг за каждую пядь советской земли. Глубоко верили также, что и части Красной Армии, принявшие первыми удар, будут биться не на жизнь, а на смерть и уже на границе противник будет жестоко проучен за подлое вероломство. Все минувшие сражения убедительно говорили об этом. Вопны нашей армии и флота наносили сокрушительные поражения врагам всех мастей, покрыли свои боевые знамена неуязвимой славой.

У советских людей была непоколебимая уверенность в том, что родная Красная Армия с честью выполнит долг перед Родиной, новой славой покроет свои боевые знамена. Именно поэтому в первый день войны мы с нетерпением ждали с границы сообщений, что враг не прошел, а там, где прорвался, разгромлен и от-

брошен назад. Это настроение не проходило еще несколько дней, пока не прояснилась обстановка и не стала очевидной опасность совершенных врагом глубоких прорывов. Скучные, а порой и путаные вести с границы были столь неутешительными, что горький смысл их воспринимался с большим трудом. Но все яснее становилось одно: там, на священных рубежах нашей Родины, в ожесточенных сражениях, в неравном поединке с фашистскими полчищами борются те, воспитанию которых отдано более двадцати лет жизни. А ты сегодня не с ними. А завтра? Что принесет новый день?

Сложив руки никто, конечно, не сделал. Я приступил к организации работы по мобилизационному плану, отчетливо понимая ее значение. Но и чувствовал: этого мало, надо сделать что-то еще, очень важное. Все более неблагоприятные вести с границ от Балтики до Карпат подсказали решение — взял лист бумаги и написал рапорт:

«В час грозной опасности для Родины прошу направить меня на фронт, на любую должность. Имея боевой опыт комиссара в гражданскую войну, в боях на озере Хасан, в освободительном походе в Западную Белоруссию и в боях с белофиннами, считаю, что на фронте я принесу больше пользы, чем в аппарате Управления политической пропаганды».

П. Н. Мироненко мельком взглянул на мой рапорт и положил его на стол, где уже лежало несколько, видимо, таких же рапортов от только что вышедших из кабинета Борисоглебского, Истомина и находившихся здесь Р. Г. Базарова и Л. И. Кринберга. Бригадный комиссар нахмурился и, потирая рукой лоб, будто разглаживая внезапно прорезавшиеся глубокие морщины, сказал с раздражением:

— А вы подумали, кто за вас будет работать здесь, осуществлять мероприятия по мобилизационному плану? Полагаете, что сейчас люди нужны только на фронте? А ведь от Главного управления ждут экстраординарных мер по организации помощи нашим погранотрядам. Дел предстоит много и срочных, и жизненно важных.

Я пытался убедить Петра Никифоровича, что на фронте сейчас особенно нужны люди с боевым опытом, а здесь мою работу успешно выполнит заместитель, полковой комиссар Михайлов с остальными работниками отдела.

Мироненко мои доводы явно не убедили. И он холодно, с расстановкой произнес:

— Идите и выполняйте свои задачи. А если понадобится, пошлем на фронт.

Раздосадованный, но без возражений я оставил кабинет бригад-

ного комиссара. Служба в армии, двадцатидвухлетнее пребывание в партии воспитали во мне уважение к распоряжению старшего, к порядку и дисциплине. Но сейчас в душе трудно было согласиться с таким решением, я «взбунтовался» и оставил за собой право добиваться отправки на фронт.

Впрочем, Петр Никифорович был прав: обстановка потребовала круто перестраивать всю работу, весь установившийся распорядок. Когда льется кровь, было бы преступлением из-за личных настроений, той или иной служебной неудовлетворенности не отдаваться целиком делу, которому служил, которому посвятил жизнь.

От относительно спокойной и размеренной службы в Управлении политпропаганды не осталось и следа. Объем работы по мобилизационному плану уже в первый день оказался значительно большим, чем представлялось. Согласование, увязка множества вопросов занимали все время. Теперь уже буквально на ходу удавалось узнавать хоть что-то о положении на фронте, и все более неутешительные вести только укрепляли решение о получении направления на фронт.

В полдень прекратилась суета, умолк стук дверей: мы с волнением слушали по радио обращение Советского правительства к народу и армии. Как-то невольно оно ассоциировалось с историческим декретом-воззванием В. И. Ленина «Социалистическое Отечество в опасности». Тогда оно к жизни было вызвано вероломством кайзеровской Германии, войска которой, нарушив условия перемирия, развязали наступление на всем русско-германском фронте. Ленинский призыв поднял на защиту республики Советов все революционные силы страны, и смертельная опасность была ликвидирована. Так будет и теперь: на зов Коммунистической партии поднимется весь многомиллионный народ и выбросит вон с нашей земли наглых захватчиков. Да, наше дело правое, победа будет за нами!

Перед рассветом донельзя усталый возвратился домой. Но не успел лечь в постель, как началась артиллерийская канонада. Первой мыслью было — воздушный налет на Москву! Выскочил во двор, посмотрел на небо, но самолетов противника не было видно, не слышно было и гула моторов. А во дворе уже распоряжались дружинники МПВО, расставляя посты на крыше, в подъездах, у входа в бомбоубежище. Тут же суетились сандружинницы с противогазами и санитарными сумками, с носилками, готовы оказать первую медицинскую помощь. Все они — из нашего дома. Десятки раз встречал я этих молодых и пожилых людей, своих соседей во дворе, по дороге на службу или со службы. Все как-то недосуг было присмотреться ко многим ровесникам сына, школь-

никам, «зеленой молодежи». А сейчас — вот они: серьезные, подтянутые, умелые — настоящие бойцы. Не растерялись при первом возможном испытании. Значит, не дрогнут и в бою.

Хотя воздушной тревоги не объявили, женщины с детишками и небольшими узелками или свертками спешили в бомбоубежище. В полуподвале нашего дома было оборудовано надежное укрытие на двести пятьдесят человек. В канун войны немало делалось для подготовки населения к противовоздушной и противохимической обороне. Каждый взрослый и школьник имел противогаз, знал сигналы воздушной тревоги, места бомбоубежищ; были организованы группы и дружины ПВХО, санитарные, заготовлены противопожарные средства, ящики с песком для тушения зажигательных бомб. В общем, местные власти и Осоавиахим проделали большую работу.

Стрельба вскоре прекратилась, и, недоумевая, что бы это могло быть, жители стали расходиться по квартирам. По телефону от дежурного по управлению узнал, что тревога эта была учебной: для проверки готовности частей и управления ПВО. Не знаю, как оценило результаты тревоги руководство страны и столицы, но мне лично огонь зениток показался довольно интенсивным. Значит, Москва будет надежно прикрыта, воздушным пиратам не поздоровится.

Уснуть так и не удалось. К восьми часам пришел на службу, заглянул к дежурному, чтобы узнать о положении на границе и на фронте. Обстановка оставалась все еще недостаточно ясной. Бои шли жестокие, но сдержат натиск врага все еще не удавалось. Вызывала беспокойство судьба большинства погранотрядов Прибалтийского, Белорусского и Украинского пограничных округов. Сводка Генштаба о результатах контрудара пока не поступила. Словом, надо было набраться терпения.

Кажется, желание сбывается

В полдень меня вызвал Мироненко и, глядя куда-то в сторону, объявил, что я назначаюсь военкомом дивизии, формируемой из пограничных и внутренних войск. Решение это было принято старшим начальником, и бригадный комиссар чувствовал неловкость, вспоминая наш вчерашний разговор.

А у меня сразу исчезло гнетущее состояние досады от сознания, что ты находишься в стороне от событий, решающих судьбу Родины. Теперь все менялось, предстояла встреча с врагом лицом к лицу. Это было именно то, чему посвятил всю свою сознатель-

ную жизнь, чему учился не только в стенах академии, но и на полях минувших сражений.

Быстро сдал дела и к 14.00 явился к заместителю наркома по войскам НКВД генерал-лейтенанту И. И. Масленникову. В просторном кабинете собрались все назначенные на посты командиров и комиссаров дивизий — старейшие командиры пограничных войск. Я встретил здесь своих товарищей и сослуживцев, бригадных комиссаров Истомина, Тузова, Мочалова, начальников политпропаганды округов — полковых комиссаров Борского, Шемионко.

Информация заместителя наркома о положении на фронте была более подробной, чем та, которой мы располагали раньше, но еще менее утешительной. Контрудар наших войск не дал ожидаемых результатов: остановить врага не удалось, соединения Красной Армии вместе с пограничниками ведут тяжелые бои, некоторые из них — в окружении или отражают атаки с флангов, на ряде участков наши войска продолжают отход. Поэтому принято решение — в короткий срок сформировать одиннадцать стрелковых дивизий из пограничных и внутренних войск НКВД и отправить их на фронт.

Здесь я узнал, что командиром дивизии, в которую я еду, назначен полковник Иван Иванович Мельников из отдела боевой подготовки — человек хорошо мне знакомый, энергичный, опытный, высокообразованный командир.

И. И. Масленников приказал нам не позднее 25 июня выехать на место формирования и подготовить базу для приема личного состава и имущества, подчеркнул, что новые дивизии будут пополняться лучшими командно-политическими кадрами и бойцами, преимущественно добровольцами. Они будут прибывать из всех пограничных и внутренних округов сборными подразделениями. Наиважнейшая задача командования и политорганов не только быстро завершить организацию формирования, но и использовать каждую минуту для напряженной боевой учебы, для сколачивания подразделений, частей и соединений в целом.

Остаток дня 24 июня ушел на уточнение и выяснение вопросов, связанных с укомплектованием и материальным обеспечением дивизии. С автобазы управления в мое распоряжение была выделена «эмка», и поздней ночью, попрощавшись с семьей, я выехал к месту назначения. Усталость давала себя знать, хотелось вздремнуть хоть немного, но напряжение последних часов и новые заботы по формированию в срок дивизии отгоняли сон. И под гул автомобильного мотора я стал продумывать план работы, на что до этого не было и минуты времени.

Командир дивизии задерживался в Москве на три-четыре дня;

остальные командиры и политработники управления дивизии и полков начнут прибывать с 26 июня. В моем распоряжении оставалась часть дня 25 и 26 июня, за которые надо успеть решить вопросы расквартирования, коммунального обслуживания, подготовить все для приема личного состава. В прыгающей по неровной дороге машине таким же прыгающими строчками я набросал основные мероприятия, с которых надо было начать.

К полудню добрался до старинного городка с деревянными домками, палисадниками, садочками, булыжной мостовой. И сразу же — к секретарю горкома партии. Известие о формировании здесь дивизии подняло на ноги аппарат горкома и горсовета. В мое распоряжение выделили школьные здания, бараки строителей канала Москва — Волга, хлебопекарни, банн. В общем, с размещением и коммунальным обслуживанием на первое время все решалось быстро и вполне удовлетворительно. Население было мобилизовано на приведение в порядок этих помещений, их оборудования, на организацию культурного обслуживания воинов. Я не мог не выразить сердечной благодарности товарищам, столь деятельно помогавшим во всем.

Итак, мое желание сбывалось — я еду на фронт! На фронт вместе с пограничниками. Пограничники! Какую любовь и уважение у советского народа снискали эти люди в зеленых фуражках. Все годы мирного строительства они бдительно несли свою нелегкую службу по охране государственных границ нашей Родины.

За девятнадцать лет службы в погранвойсках я хорошо узнал высокие моральные и боевые качества этих мужественных людей, их готовность, не щадя жизни, выполнить любой приказ, свой долг перед Отчизной. Старшее поколение пограничников, громившее врагов в годы гражданской войны, гордилось тем, что вливающаяся в их ряды молодежь жадно впитывала революционные и боевые традиции, с достоинством и честью преумножала их своими подвигами и ратными делами.

Начав службу в пограничных батальонах и отрядах, куда приехала меня военная дорога в беспокойные двадцатые годы из боевых частей Красной Армии, я прошел затем с часовыми советских границ через многие годы испытаний боевой жизни на западных, среднеазиатских, дальневосточных и северных границах. Был участником и свидетелем героических сражений с японскими самураями у озера Хасан, освободительного похода в западные области Белоруссии, войны с белофиннами в суровых условиях зимы.

С годами не тускнеют образы одиннадцати героев-пограничников, принявших первыми на себя удар вдесятеро превосходящих сил японских самураев у озера Хасан, на легендарной сопке За-

озерной. Теря товарищей, раненные, почти без боеприпасов, они долгие часы ночи и дня отражали натиск врага до подхода поддержки. Их подвиг был высоко оценен партией, Советским правительством. Лейтенанты П. Ф. Терешкин, А. Е. Махалли и В. М. Веневитин (посмертно) вместе с мужественными и отважными И. Д. Чернопятко и Г. А. Батаршиным были первыми среди пограничников удостоены звания Героя Советского Союза, а остальные — ордена Ленина и боевого Красного Знамени. С огромным удовольствием я вручал партийные билеты некоторым из них, в том числе прославленному герою границы Никите Карацупе.

Во время войны с белофиннами небольшие гарнизоны обороняли коммуникации частей Красной Армии до 40—45 дней, сражались в окружении с многочисленным противником, отражали ежедневно по нескольку бешеных атак и выходили победителями или погибли, но врагу не сдавались.

Они были верны героическим традициям и тогда, когда началась жесточайшая схватка с германским фашизмом. Уже 24 июня центральный орган нашей партии — газета «Правда» доводила до сведения советского народа, что «как львы, дрались советские пограничники, принявшие на себя удар подлого врага... Они бились в рукопашную, и только через их мертвые тела враг мог продвигаться вперед». Они свято выполняли клятву, данную от их имени героем Хасаном И. Д. Чернопятко с трибуны XVIII партсъезда:

Если тревога охватит границы,
То в жаркую схватку идя,
До полной победы готовы сразиться,
Ни жизни, ни сил не щадя.

24 июня 1941 года, через два дня после вероломного вторжения, начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Гальдер записывает в своем дневнике: «Следует отметить упорство русских соединений в бою. Имели место случаи, когда гарнизоны дотов взрывали себя вместе с дотами, не желая сдаваться в плен».

Так в жестоких схватках с врагами социалистической Родины пограничники повсюду показывали высокую дисциплинированность, отличную подготовку. Вот почему свое назначение военным комиссаром в дивизию я воспринял с особым удовлетворением. С такими бойцами можно в бой идти спокойно и уверенно, зная, что они до конца выполняют свой долг.

Как и планировалось, с 26 июня начали прибывать командиры, политработники, сержанты и рядовые. Действительно, сюда отбирали лучших из лучших — дисциплинированных, горящих желанием быстрее схватиться с ненавистным врагом.

День и ночь слились воедино, откуда-то брались силы, позволявшие преодолевать усталость, сокращать до предела отдых. Все: и бойцы, и командиры, и политработники — стремились быстрее закончить формирование и подготовку дивизии для отправки на фронт.

Вместо фронта — в тыловой округ

В ночь на 3 июля неожиданно получаю телеграмму: немедленно передать дела одному из работников отдела политпропаганды и явиться в Главное управление политпропаганды Красной Армии. Не мог понять, почему, когда еще не закончено организационное сколачивание дивизии, вдруг отрывают от срочного дела. А тут еще слова: «передать обязанности...» Неужели отзывают совсем? Для чего? Может быть, пошлют на фронт для срочной замены выбывших из строя товарищей? Но почему явиться в ПУР (так кратко называли Главное управление политпропаганды Красной Армии)?

Прибыв в Москву и не заходя домой, отправился в Главное управление политпропаганды Красной Армии, предполагая, что буду принят начальником управления. Но его на месте не было, и меня принял заместитель, корпусной комиссар Ф. Ф. Кузнецов. Не объясняя причин вызова, он предложил мне кратко рассказать биографию.

Она проста. Сын крестьянина. В тринадцать лет начал самостоятельную трудовую жизнь. С восемнадцати лет в Омской Красной гвардии, затем в Красной Армии. Сражался с белочехами, колчаковцами, с врангелевцами на Каховском плацдарме, форсировал Сиваш во время штурма Перекопа, вместе с 459-м полком, будучи его комиссаром, освобождал Севастополь. В 1921—1922 годах гонялся за бандами на Одессине, затем, с выделенным из 51-й Перекопской дивизии пограничным батальоном, ушел на охрану государственной границы и нес службу в должностях комиссара погранотряда, а с 1935 года — начальника Политотдела пограничных округов. В 1931 году окончил Военно-политическую академию. В партию вступил в феврале 1919 года, на партийно-политической работе с начала 1919 года: секретарь партийной полковой школы, товарищ председателя (заместитель) и председатель партколлектива полка, помощник комиссара и комиссар полка, начальник Политотдела пограничного округа в Казахстане, на Дальнем Востоке. Военком погранвойск по охране тыла 9-й ар-

мии и одновременно воеком Ребольского боевого участка во время войны с белофиннами. Начальник отдела в Главном управлении политпропаганды пограничных войск.

Строго официальный прием, внимательный, изучающий взгляд, несколько неожиданные вопросы: а как вы знакомы с партийно-политической работой в Красной Армии? Представляете ли, например, чем занимается военный округ? — и другие заставляли думать о возможности возвращения в армию.

Выслушав мои ответы и объяснения, Ф. Ф. Кузнецов, наконец, сообщил, ради чего я оказался здесь: решением Центрального Комитета партии я назначен начальником Политуправления Московского военного округа.

— Не теряя времени, — сказал Федор Федотович, — вы должны явиться в Военный совет, принять дела от временно исполняющего эти обязанности бригадного комиссара Федора Кондратьевича Прудникова. Он остается вашим заместителем.

К такому повороту дела я был не подготовлен и, забыв вошедшие в кровь и плоть правила беспрекословного подчинения решениям старших, как-то совсем по-граждански обратился к Федору Федотовичу с просьбой оставить меня в дивизии, уходящей в ближайшее время на фронт. Но Кузнецов, словно не расслышав моей просьбы, начал коротко информировать о задачах округа и Политуправления. Суть состояла в том, что округ, хотя и тыловой, выполняет огромной важности задачи по формированию новых соединений и частей, мобилизации материальных и людских ресурсов для фронта и следует сделать максимум возможного, чтобы поставленные задачи были быстро и успешно решены. Для этого придется перестраивать работу политорганов, парторганизаций, поднимать ответственность каждого коммуниста за порученное дело.

— Понимаю, — говорил Федор Федотович, — первое время вам будет нелегко. Пока вы служили в погранвойсках, в армии многое изменилось. К тому же аппарат Управления политпропаганды округа значительно ослаблен — многие его работники убыли на Южный фронт. Начинать работу придется с новыми людьми, знакомиться с округом и сотрудниками буквально на ходу. Так что, если потребуется помощь, обращайтесь ко мне или к другим нашим работникам, поможем.

На этом разговор был закончен. С предписанием за № 46275 я отправился в штаб округа. В душе — смятение. Сколько событий, сколько крутых поворотов судьбы за считанные дни! Только добился права отбыть на фронт, как попал в тыловой округ. Теперь уж, наверное, не быть мне в действующей армии до конца

войны. Как не позавидовать товарищам по Управлению погранвойск, выехавшим на Запад в сражавшиеся погранотряды.

Эти мысли настолько овладели мной на коротком пути от Арбата до улицы Осипенко, что я и не подумал, справлюсь ли с новой работой, оправдаю ли столь высокое доверие? А может быть, не это казалось главным и потому, что за долгие годы партийно-политической работы привык к самостоятельности, не боялся трудностей, ответственности за порученное дело и никогда еще не подводил тех, кто мне что-либо поручал.

И только вид массивного каменного четырехугольника здания штаба Московского военного округа вернул к действительности. К тому, что здесь предстоит начать новый этап службы и жизни уже сегодня, немедленно. Как-то все сложится?

Поднимаясь по широкой лестнице в кабинет командующего, я обратил внимание на царившее оживление. По всем этажам торопливо сновали люди с папками в руках, командиры в полном полевом снаряжении шумно разговаривали, что-то друг другу доказывали, требовали, кого-то разыскивали.

Недавно назначенный командующий округом генерал-лейтенант Павел Артемьевич Артемьев оказался старым знакомым. Я знал, за его плечами большая интересная жизнь. В Красную Армию Павел Артемьевич ушел добровольцем в 1918 году. Шесть лет был на политической работе, затем — на командных должностях в пограничных войсках, в предвоенные годы командовал дивизией особого назначения имени Ф. Э. Дзержинского и оперативными войсками НКВД. Человек глубоко партийный, наделенный большой волей и мужеством, незаурядными организаторскими способностями, прекрасно знавший солдатскую службу, — он неизменно пользовался большим авторитетом у сослуживцев и подчиненных. Потому и у меня на сердце немного отлегло — с таким командующим работать будет легче.

В кабинете Артемьева были работники штаба, представители формируемых частей, пришедшие за решением неотложных вопросов. Вид у Павла Артемьевича был крайне утомленный, под глазами темные круги. Видно, нелегко далась ему эти шесть дней командования округом. Его положение нетрудно было понять: в первый же день войны все прежнее командование округом, взяв с собой почти три четверти основных работников штаба и управлений, убыло на Южный фронт. Новым начальникам отделений, отделов и управлений нелегко было сразу решать вопросы, поставленные перед ними развернувшимися событиями. А жизнь настоятельно требовала конкретных и эффективных решений и действий.

Поговорить спокойно с командующим так и не удалось.

Непрерывные звонки четырех телефонов, стоявших на круглом столике, поток посетителей со всякими неотложными делами, бесконечные вопросы новых начальников отделов мешали нашему разговору, и Артемьев предложил мне приступить к работе, а там, мол, будет виднее что и как. Условились, что ежедневно, а по сути, еженочно в ноль часов с минутами будем подводить итоги истекших суток и намечать, что безотлагательно делать завтра, на чем сосредоточивать внимание свое и работников аппарата.

Сложными внутренними переходами меня провели в расположение Управления. Бригадный комиссар Ф. К. Прудников встретил очень радушно, искренне порадовался, что теперь станет легче работать.

Федор Кондратьевич, человек высокого роста, спортивного сложения, с крупными чертами лица, темно-серыми глазами и густыми, аккуратно зачесанными волосами, даже сейчас, в столь напряженной обстановке весь как-то светился неизбывной энергией. Глядя на него, я думал, что именно таким — собранным, уверенным в своих силах, в значимости дела, которому отдается без остатка, — должен быть настоящий политработник. Вскоре мы станем большими друзьями и я узнаю, что он добровольно вступил в Красную Армию в 1919 году и тогда же был принят в ряды партии, о том, что коммунисты избирали его секретарем партийной комиссии сперва школы спецслужб Военно-Воздушных Сил, а затем и округа, а с 1940 года он был назначен заместителем начальника Управления политпропаганды МВО. Сослуживцы Прудникова расскажут мне о высокой партийной принципиальности и душевной щедрости этого прекрасного работника и человека, и все это подтвердит наша дальнейшая совместная работа и многолетняя дружба. А сейчас, при первой встрече, мы, не отвлекаясь от главного, договорились, что сперва я познакомлюсь с начальником штаба и начальниками ведущих управлений, разберусь в положении дел, в задачах на ближайше десять-пятнадцать дней и возможных их решениях, а затем уже в соответствии с этим определим план работы Управления.

Должность начальника штаба исполнял генерал-майор Иван Сергеевич Белов. Невысокий, коренастый, подтянутый, с правильными чертами лица и добрыми глазами, он как-то сразу вызывал симпатию, располагая к себе собеседника. В его рабочем кабинете царил идеальный порядок, даже диван с аккуратно сложенными постельными принадлежностями не нарушал этого впечатления. На рабочем столе лежали папки с четкими надписями: «На доклад командующему и Военному совету», «Ожидающе ответа», «К срочному исполнению».

Белов ознакомил со структурой штаба, функциями отделов,

руководящими кадрами, затем достал из сейфа выписку из плана по мобилизационному развертыванию. Против большинства мероприятий стояла отметка «выполнено» такого-то числа и даже в такое-то время. Казалось, что еще несколько дней, и штаб полностью завершит мобилизационные мероприятия. Но в папке был еще перечень дополнений к этому плану, составленный на основе приказов и распоряжений Генерального штаба, полученных с начала войны. И дополнения по объему значительно превосходили все, что намечалось планом в мирное время. Сюда входили новые формирования воздушных и наземных частей противовоздушной обороны Московской зоны, увеличение вдвое-втрое численного состава военных училищ и курсов, расширение их сети, развертывание запасных стрелковых и специальных полков, новые формирования различных технических частей, госпитальных баз и много другого. Да, уже первые десять дней войны внесли весьма существенные поправки в планы и расчеты мирного времени.

Начальник штаба остановился на трудностях, возникших в связи с отъездом ряда основных работников на фронт. Пришлось сделать передвижку немногих оставшихся на более высокие посты.

— Дело они, в общем, знают, — говорил Иван Сергеевич, — но далеко не всегда еще самостоятельно решают некоторые вопросы, боятся ответственности, ждут указаний старших. Из-за неукomплектованности штаб округа с трудом справляется с огромным объемом работ, главным образом за счет перенапряжения сил сотрудников. Домой никто уже не уходит, отдыхают урывками, подчас засыпают за рабочими столами.

Понятно, что недостаток опыта, естественная на первых порах осторожность внезапно повышенных в должности работников, особенно при решении сложных вопросов, когда промах может привести к серьезным последствиям, — это не вина их, а беда. К сожалению, далеко не всегда руководители готовили помощников к экстраординарным случаям, когда последним потребуется немедленно принять, как эстафету, дела начальника и вести их дальше без спадов и ошибок. А насколько это опрометчиво, особенно в армейских условиях, пришлось наглядно убедиться теперь.

Впрочем, некоторые работники оказались готовы к тому, чтобы успешно выполнять свои новые обязанности и прочно взять бразды правления в свои руки. С похвалой отозвался Белов, например, о начальнике оргмоботдела комбриге М. В. Хрипунове. На этом отделе лежала основная тяжесть всех мобилизационных и организационных мероприятий, и отдел успешно их решал, хотя люди в нем вымотались основательно. Об этом можно было и не гово-

рять, стоило только внимательно взглядеться в самого Белова: глаза воспалены, движения рук вялые. Оставь его в покое на пятьдесят минут, и он заснет все равно где — на стуле или диване. Иван Сергеевич пил стакан за стаканом холодную воду из стоящего на столе графина, полагая, по-видимому, что она его бодрит и освежает.

Уже поздно вечером я познакомился с командующим Московской зоной ПВО, помощником командующего Военным округом по ПВО генерал-майором М. С. Громадиным, командующим ВВС МВО полковником Н. А. Сбытовым, начальником артиллерийского управления генерал-майором артиллерии Н. Ф. Устиновым, начальником артснабжения генерал-майором М. М. Новиковым, начальником автобронетанкового управления полковником С. И. Богдановым и окружным интендантом бригадинтендантом Ф. П. Погудо. Они ознакомили меня с основными задачами, которые решают, поделились трудностями, планами и оставили очень хорошее впечатление знанием дела.

С большим вниманием я выслушал доклад Николая Федоровича Устинова. В свои 45 лет он был полон юношеского задора и оптимизма, присущего поколению бойцов, открывавших новую эру человечества в октябрьские дни 1917 года. Это не иначе, как о таких людях писал поэт Эдуард Багрицкий, что молодость водила их в сабельный поход и бросала на кронштадтский лед. Потомственный питерский рабочий, он штурмовал Зимний, прошел в пламени и пороховом дыму гражданскую войну, участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа, а затем отдал свою неуемную энергию и революционную страстность делу укрепления могущества Красной Армии.

Николай Федорович говорил о сложностях в снабжении артиллерийско-стрелковым вооружением и боеприпасами спокойно, по-деловому, не жалуясь, но и не приукрашивая действительности. Все необходимое округ получает по нарядам ГАУ — Главного артиллерийского управления Красной Армии, но, к сожалению, весьма скудными дозами. Из-за нехватки оружия подчас задерживается формирование частей, в частности, формируемых московскими организациями дивизий народного ополчения, истребительных батальонов и отрядов, а их уже насчитывалось свыше восьмидесяти. Слушая Николая Федоровича, я чувствовал по его тону, что трудности эти преодолимы, и мой собеседник непоколебимо верит в свою партию, в героический рабочий класс, которые сделают все, чтобы эти временные затруднения преодолеть в кратчайший срок.

Многое, очень многое узнал я от новых товарищей, с которыми переговорил, и, чтобы все это осмыслить и определить роль

и место Политуправления в решении стоящих перед округом задач, требовалось только время. А его было так мало.

Прикинув, что же является главным и как преодолеть ставшие зримыми трудности, я возвратился в свой еще необжитый кабинет. Теперь, в относительно спокойной обстановке, Федор Кондратьевич смог обстоятельно рассказать мне о состоянии дел в управлении, о его работниках. Беседа продолжалась более двух часов, и я был глубоко благодарен Прудникову за то, что он так подробно информировал меня и о состоянии партийно-политической работы в округе, и основных ее направлениях, определенных директивами Главного управления политической пропаганды Красной Армии. Затем уже с сотрудниками Политуправления выработали общую линию дальнейшей работы, обсудили и выделили главное на ближайшие дни.

Первая встреча с секретарем ЦК

Готовясь к разговору с командующим, я обдумал ряд практических вопросов, и надо было уточнить некоторые детали. Продумав еще раз, как и с чего начать, пошел к командующему и в его кабинете увидел Александра Сергеевича Щербакова — секретаря Центрального и Московского комитетов партии и члена Военного совета МВО. Его знала вся страна: много раз с большим интересом я слушал его яркие убедительные выступления, но ни разу еще не приходилось встречать лично. И поэтому сейчас я пришел в некоторое замешательство, не знал, как к нему обратиться: как к секретарю ЦК, члену Военного совета или просто как к Александру Сергеевичу, старшему товарищу по партии?

Не знаю, как другие, но я, встречаясь со старшими по должности и особенно с занимавшими высокие руководящие посты, вначале всегда испытывал скованность и смущение и убедился, что правильный тон в таких встречах целиком и полностью зависел от вышестоящих товарищей.

— А вот и новый начальник Политуправления — дивизионный комиссар Телегин, знакомьтесь! — опередил меня Артемьев.

— Вот и прекрасно, очень рад, — радушно сказал Щербаков, подавая руку и внимательно разглядывая меня. — Вы, военные, привыкли к обращению по званиям и должностям, а я прошу без чинов, зовите просто — Александр Сергеевич.

И напряжение исчезло, а разговор, спокойный, непринужденный, товарищеский, принял неожиданный для меня оборот. Щер-

баков спросил, устроен ли я с квартирой, большая ли семья и где она находится сейчас, не нуждается ли в чем-нибудь. Затем стал интересоваться моими наградами.

— За что вы получили орден Красного Знамени? Я вижу у вас знак «Почетного чекиста». Вы были чекистом? А это что за знак рядом с ними — боец со знаменем?

Я ответил, что орден Красного Знамени получил за боевые дела на финском фронте, знак «Почетного чекиста» за охрану государственных границ, а боец со знаменем — это знак «Участнику Хасанских боев». С семьей же все обстоит нормально.

Выслушав ответы, Александр Сергеевич несколько приподнято сказал:

— Вот ведь как получилось. Пришлось вам повоевать в гражданскую войну и в мирные годы на восточных, северных и западных границах. А ведь между ними тысячи километров советской земли, города, села, миллионы и миллионы людей. Огромная страна. Никому не одолеть ее, не сломить такую силу. Сейчас мы ведем смертельную схватку с самым сильным нашим врагом. Война будет жестокая, победа сама не придет. И надо будет много потрудиться, чтобы победить этого врага. Читал в вашем личном деле, — продолжал Щербаков, — что вы были комиссаром полка в 51-й Перекопской имени Московского Совета дивизии. Что же, рад вдвойне познакомиться с подшефным Московского комитета партии и Московского Совета еще с гражданской войны. — И, немного помолчав, добавил: — Вот мы тут с Павлом Артемьевичем с согласия Центрального Комитета партии вчера подписали постановление Военного совета о вашем назначении на должность начальника Политуправления. Не обижайтесь, что сделали это без предварительного разговора и без вашего согласия. Знаем, что вы просились на фронт, и все же придется пока поработать здесь, это тоже очень важно, ибо без людских и материальных резервов фронт действовать не может, а создают их в тыловых округах. Есть у вас желание или нет, но такое решение состоялось, и мы верим, что вы оправдаете доверие партии.

Что я мог ответить на это? Только то, что воля партии была, есть и будет для меня законом, что ее решения и поручения я всегда принимал, как подобает большевику. И если ЦК считает, что я справлюсь с этой работой, постараюсь сделать все, что в моих силах.

— С чем вы уже успели ознакомиться и как представляете себе место Политуправления в решении стоящих перед округом задач? — поинтересовался Щербаков.

Смущение мое прошло, и я мог отвечать спокойно и обстоятельно.

Первая и главная задача — обеспечить окончание всех формирований в установленные сроки; вторая — разъяснить коммунистам и работникам политорганов, военкоматов необходимость быстрой мобилизации людских и материальных ресурсов для новых формирований и маршевых пополнений; третья — укрепить партийные и комсомольские организации частей ПВО Московской зоны, повысить их бдительность и боеготовность к отражению возможных воздушных налетов врага; четвертая — развернуть агитационно-пропагандистскую работу среди всего личного состава округа, особенно среди мобилизованных, разъяснять наши цели и задачи в войне, воспитать в них ненависть к врагу и готовность идти на любые испытания ради спасения Родины; пятая — перестроить работу политорганов и парторганизаций на военный лад, оказать практическую помощь политработникам, призванным из запаса; шестая — всемерно укреплять связи с местными партийными организациями, опираться на них в решении всех задач, стоящих перед округом.

А. С. Щербаков и П. А. Артемьев одобрительно отозвались о намеченных основных направлениях работы Политуправления, но попросили поподробнее рассказать о некоторых из них, желая, видимо, убедиться, насколько конкретно представляю себе практические пути их решения. Я счел необходимым прежде всего подчеркнуть важность быстрой перестройки политорганов и парторганизаций, усиления их организаторской и воспитательной работы во всех звеньях. Это диктовалось еще и тем, что, как инструктор начал работы отдела кадров Политуправления старший батальонный комиссар Л. А. Лесов, 60—70 процентов политсостава формирований укомплектовывается за счет мобилизованных из запаса; значительно обновился и состав политорганов. Люди эти давно оторвались от жизни армии. Все они при увольнении в запас получали очередное воинское звание, при переаттестовании их вновь повышали в званиях, повышая тем самым и должностные категории. Но при этом недостаточно подготовили эти кадры к практической работе в войсках, особенно в военное время. Понятно, что на первых порах они будут испытывать большие трудности и нуждаться в помощи старших и опытных товарищей. Это потребует от меня и работников Политуправления усиления организаторской работы, правильного подбора и расстановки кадров, их воспитания в соответствии с новой обстановкой и новыми задачами.

И еще одно очень важное обстоятельство: упразднение Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 августа 1940 г. института военных комиссаров и реорганизация Политуправлений и политотделов в управления и отделы политпропаганды свело

их деятельность, по существу, только к агитации и пропаганде.

— Основываясь на изучении работы парторганизаций и отделов политпропаганды пограничных частей и округов, я твердо убежден, товарищ секретарь Центрального Комитета, что сейчас, с началом войны, назрела необходимость восстановить прежнее значение института военных комиссаров и политорганов,— продолжал я,— как это было в годы гражданской войны, как записано в решениях X съезда РКП(б). Это важно еще и потому, что кадры командного состава единоначальников значительно омолодились и будут омолаживаться, задачи усложнились, для их выполнения нужна крепкая опора, которая разделяла бы с единоначальником всю ответственность за выполнение боевых задач, за стойкость и непоколебимую готовность воинов до последнего биться с врагом. Такой опорой и будут представители партии, ее доверенные лица — комиссар, начальник политотдела, использующие всю силу влияния и авторитета партии, коммунистов частей на жизнь и деятельность соединений.

Не мог я не сказать и о трудностях, возникших в работе уже с первых шагов, ибо многое еще не уяснил, а люди идут, им нужны не обещания «подождите — разберусь», а конкретные решения, и притом немедленно. Обстоятельства же сложились так, что прежнее руководство округа с основными работниками штаба и управлений убыло на Южный фронт, наспех передав дела работникам, им подчиненным, не все из которых могли выполнять сложные и ответственные обязанности.

Глубокое впечатление произвело на меня умение Щербакова слушать. Пока я подробно и, может быть, не всегда достаточно сжато излагал свои мысли, он не сделал ни одного нетерпеливого движения, не перебил, не поправил. За холодно поблескивающими стеклами очков в круглой оправе я ощущал на себе внимательный, сосредоточенный и доброжелательный взгляд.

Выслушав меня, Александр Сергеевич сказал:

— А вы не робейте, действуйте смелее и решительнее, ориентируйтесь по обстановке, принимайте самостоятельные решения, ни на кого не надеясь, не оглядываясь, не думая «как бы чего не вышло». В общих вопросах по округу чаще советуйтесь с командующим. Что касается вашей практической работы, то надо самому все делать так, чтобы задачи решались быстро, успешно, дружными усилиями всего коллектива работников управлений и штаба. Если нужна будет помощь — поможем, не стесняйтесь обращаться в ЦК и МК. Я буду у вас частенько, да и вам надо хорошо узнать туда дорогу, тем более что, как мы тут с Павлом Артемьевичем порешили, до назначения нового члена Военного совета, вместо убившего на фронт, в мое отсутствие часть этих

обязанностей придется выполнять вам. Не сомневаемся, что справитесь и с этим.

Признаться, я несколько растерялся — ведь пока не знал, как пойдет работа по Управлению политпропаганды, не успел изучить весь круг обязанностей, а тут еще серьезная нагрузка...

— Ничего, ничего, — заметил Щербаков, выслушав мои доводы. — Постараемся вас не очень загружать. В мое отсутствие будете рассматривать вопросы, требующие санкции члена Военного совета. А решение ЦК о назначении нового попробуем ускорить.

На этом первая встреча с Александром Сергеевичем Щербаковым закончилась.

Весь разговор и атмосфера, в которой он происходил, оставили неизгладимый след. Выходил я из кабинета окрыленный. И будто сил прибавилось и уверенности. Хотелось работать и работать, оправдать высокое доверие, не упустить главное и не закопаться в мелочах, суметь подобрать ключики к сердцам и душам каждого работника, побудить его отдать все силы и энергию великому делу победы над врагом.

Москва военная

«Москва! Как много в этом звуке для сердца русского слилось» — в те дни мне часто вспоминались эти слова великого поэта.

Первый раз я прибыл для прохождения службы в Москву в 1925 году, затем в 1929—1932 годах выезжал в Ленинград в Военно-политическую академию и в Свердловск на стажировку, с 1932 по 1936-й вновь служил в Москве, с 1936 по 1940 год работал в Казахстане и на Дальнем Востоке и вновь возвратился в Москву. Так что жителем Москвы числюсь десять лет, хотя фактически почти половину этого времени пришлось провести в служебных командировках на всех границах Советского Союза, участвовать в освободительном походе в Западные области Белоруссии, в боях на финском фронте.

Возвращаясь в четвертом часу утра на квартиру, чтобы немного отдохнуть, я вспоминал все, что знал о Москве, стараясь ответить на вопрос: а что же изменилось в значении и самом положении Москвы с началом войны? Ответ дал сам город.

...Ранние рассветные часы. Строгий, по-военному подтянутый

город, объявленный уже на угрожаемом с воздуха положении. Почти не видно пешеходов в гражданской одежде. Но город не спит. Пронесятся легковые автомашины; колонны крытых брезентом грузовиков с красноармейцами, с артиллерийскими орудиями на прицепе движутся по улице Горького к Ленинградскому и Волоколамскому шоссе. В воротах и у подъездов жилых домов стоят группами и в одиночку дружинники местной противовоздушной обороны с красными повязками на рукавах и противогазам через плечо. Часто встречаются военные и милицейские патрули. На бульварах, в парках, на стадионах, на крыше гостиницы «Москва», на зданиях у площадей Пушкина и Маяковского пастороженно устремлены в тревожное небо стволы зенитных орудий и пулеметов, готовые к действию прожекторы. Медленно опускаются к земле огромные серебряные аэростаты заграждения, закончившие свою боевую ночную вахту в небе Москвы. Кое-где приоткрыты заклеенные крест-накрест белыми полосками бумаги окна квартир, убрана светомаскировка — отдыхающие от напряженного труда москвичи наслаждаются прохладой июльского утра. Уже многие витрины магазинов упрятаны за толстыми деревянными щитами, за мешками с песком. Убираются яркие цвета. Москва одевается в маскировочный цвет.

Зловещее дыхание войны наложило свой отпечаток не только на внешний вид города, но и на всю его внутреннюю жизнь. Он спокоен и суров, как воин, стоящий на боевом посту.

В эти тяжкие дни взоры всего мира устремлены к Москве: наших друзей — с верой и надеждой, наших недругов — с нескрываемым злорадством.

Но советские люди, наши москвичи верят в победу. В едином патриотическом порыве поднялись старые революционные кадры и пылкая молодежь. И они преодолеют нависшую над Родиной опасность. Уже десятки тысяч мобилизованных и добровольцев ушли на фронт. Шесть тысяч коммунистов отправилось пополнить ряды политработников, тысячи записалось в истребительные батальоны и отряды. Московский комитет партии бросил клич: «Москвичи, к оружию!» — и трудовая Москва стала Москвой боевой. Созданы районные и городские штабы записи в народное ополчение, повсюду проходят бурные митинги. Как сообщил А. С. Щербаков, этот почин, поддержанный Московским, а затем и Центральным Комитетами партии, сделал Ленинградский райком ВКП(б), возглавляемый первым секретарем А. Я. Секачевым. Так война становилась поистине народной.

Но Москва — это еще и 25 процентов всей валовой промышленной продукции страны, это крупнейший центр оборонной промышленности, это важнейший стратегический узел железных

дорог, связывающих юг и север, запад и восток, через который происходит и в возрастающем масштабе будет происходить снабжение фронтов всем необходимым для победы.

Таковыми были в те дни Москва и москвичи. Исключительная роль нашей столицы в смертельной схватке с врагом определяла и задачи командования и управления политпропаганды Московского военного округа.

Новое назначение

Первые дни работы в Управлении политпропаганды поглотили все время без остатка. Домой теперь уже не заглядывал, накоротке отдыхал тут же, в кабинете. С каждым днем чувствовал себя уверенней, и прожитый день стоил, пожалуй, многих месяцев учебы в мирное время. Постепенно все становилось на свои места, направления и масштабы работы принимали четкие очертания, налаживались необходимые связи, прояснились возможности и способности сотрудников управления. Казалось, еще немного — и новое дело будет освоено в полном объеме. И вдруг — неожиданность.

Позвонил Александр Сергеевич Щербаков и пригласил меня в кабинет члена Военного совета. Я решил, что это обычная деловая встреча. Александр Сергеевич, как всегда, расскажет о положении на фронте, о новых мероприятиях ЦК и МК партии, заинтересуется ходом работы и потом, очевидно, обсудим безотлагательные вопросы.

Встретил Александр Сергеевич меня своей неизменно доброй улыбкой, а разговор начался с совершенно неожиданного:

— Ну вот, Константин Федорович, этот кабинет члена Военного совета после отъезда на фронт товарища Богаткина¹ пустовал до сегодняшнего дня... Вы в нем бывали от случая к случаю, а теперь вам придется обживать его основательно.

— Как это прикажете понимать, Александр Сергеевич?

— Понимать надо это просто, — ответил Щербаков. — Состоялось решение ЦК и Государственного Комитета обороны о вашем назначении членом Военного совета округа. Вот и придется уже сегодня переходить в этот кабинет и брать бразды правления

¹ Член Военного совета МВО корпусной комиссар В. Н. Богаткин 24 июня отбыл на Северо-Западный фронт.

в свои руки. Вы же понимаете, — продолжал Щербаков, — я слишком загружен работой в ЦК, в МК, в Совинформбюро и не могу уделять столько внимания округу, как этого требует дело. Вот и решили, что вам это будет по плечу. Эти дни я внимательно наблюдал за вашей работой и взял на себя смелость выдвинуть вашу кандидатуру на члена Военного совета. Командующий меня поддерживает. Правда, мы сделали это опять без предварительного разговора с вами и вашего согласия. Надеюсь, что не будете в претензии?

Я молчал. Что можно было ответить? Александр Сергеевич продолжал:

— Война требует быстрых решений, она не оставляет времени для предварительных разговоров и уговоров, как это делалось в мирные дни. Сейчас если и вызываем в ЦК или МК коммуниста, то просто говорим ему: вы назначаетесь тем-то и туда-то, вам задание такое-то, идите и выполняйте. Так было принято решение и о вашем назначении, а меня уполномочили сообщить его вам и пожелать успеха в работе. Дела Политуправления временно передайте товарищу Прудникову...

Такой оборот озадачил меня. Еще как-то можно было мириться с временным совмещением должностей. Я представлял себе, что в столичный округ придет человек с большим опытом политической работы в Красной Армии, к которому можно будет обратиться за помощью при затруднениях и мне как новому человеку на посту начальника Политуправления.

Еще немного подумав, я обратился к Щербакову:

— Александр Сергеевич, прошу пересмотреть решение ЦК о моем новом назначении. Я считаю себя недостаточно компетентным в делах члена Военного совета.

На это последовал ответ:

— Решение окончательное, пересмотру не подлежит, и не боги горшки обжигают. Жизнь покажет, что надо будет делать, а для этого у вас и голова на плечах. В трудных случаях будем советоваться и сообща выработать решения. Думаю, что глупостей не наделаем, будем опираться на коллективный разум коммунистов штаба и управлений, они помогут, а нужно будет и поправят. Так учил нас Ленин, и мы будем следовать ему. Когда тебе трудно, ищешь правильное решение и не находишь, не впадай в амбицию, что ты большой начальник, у тебя семь пядей во лбу и ты все можешь. Иди к партии, к своему партийному коллективу, и он тебе поможет. Да к тому же есть инструкции, положения — прочтите их внимательно и смелее приступайте к работе.

Эти слова Щербакова несколько успокоили меня, и после его

отъезда я стал тщательно изучать все документы, касающиеся работы Военных советов округов. Издаваемые в 1937 году, все они, к сожалению, определяли функции и права Военных советов только в мирное время. Постановление Государственного Комитета Обороны от 9 июля 1941 года определяло задачи члена Военного совета армии на фронте. Был еще один важный документ — Указ Верховного Совета СССР о введении военного положения (в том числе в Москве и области), но, как его применять в столице, для меня было не ясно.

На хорошо знакомой работе я старался как можно реже обращаться в высшие инстанции за разъяснениями и указаниями, а принимал решения самостоятельно, прибегая в необходимых случаях к советам товарищей по работе. Здесь же, в новой роли, чувствуя себя недостаточно компетентным по многим вопросам, я, конечно, вынужден буду чаще обращаться за советом и помощью. Успокаивало, что руководящие органы были рядом, в Москве. Одно было для меня совершенно ясно, что Военный совет — это высшая военная власть в округе. Широкий круг его деятельности, и велика ответственность за выполнение задач, которые ставят партия, Советское правительство и высшее военное руководство. Военному совету предоставлены огромные права, и надо видеть жизнь во всем ее разрезе не только в штабе, но и на всей территории округа, поддерживать деловой контакт с местными партийными, советскими и общественными организациями, опираться на них и соблюдать партийную принципиальность при решении больших и малых дел.

Обо всем этом я раздумывал в первые часы после разговоров с Щербаковым, Артемьевым и Прудниковым. Затем, забрав с собой порученца — младшего политрука А. С. Донченко, я перешел в кабинет члена Военного совета. Алексей Донченко нравился мне своей дисциплинированностью, подтянутостью и скромностью, во многом облегчал работу и быт «на казарменном положении».

Кабинет члена Военного совета показался мне очень большим, слишком парадным. Правда, удобств для работы и связи с внешним миром было достаточно: телефоны прямой связи с Кремлем, с Наркоматом обороны, городской, внутренний; за дверью — небольшая комнатка отдыха с жесткой кушеткой.

Осмотрев кабинет, вызвал Донченко и дал ему указание: начальники управлений и отделов входят ко мне беспрепятственно в любое время, а все идущие по срочным делам — вне очереди. В приемной всегда должны быть свежие газеты и журналы. Обязательно вести запись посетителей, отмечать время их прибытия и убытия, чтобы можно было проверить, не долго ли они у нас

задерживаются. Война не терпит долгих разговоров и напрасной траты времени любым работником, пришедшим в Военный совет. Конечно, это не было самым главным, но любое дело следует начинать с наведения определенного порядка, который позволяет в дальнейшем не отвлекаться от основной работы. А ее сразу же оказалось так много и такой серьезной, что, не будь уже некоторого опыта, накопленного ранее, трудно сказать, как все сложилось бы.

Как бы то ни было, но постепенно в процессе работы осваивал функции члена Военного совета. И чем больше я узнавал, тем яснее становилось, что первоначальные представления о новой должности были слишком упрощенными, дел оказалось значительно больше и более сложных, особенно в связи с положением, складывавшимся на фронте. Работники штаба и управлений округа трудились, не жалея сил, и уже к началу июля отправили все кадровые полевые войска на фронт, заканчивали формирования второй очереди, а Генеральный штаб давал все новые и все более срочные задания.

Московское ополчение

Прибыл я в округ, когда уже в полном разгаре шла работа по формированию дивизий Московского народного ополчения. Предо мной на столе лежало постановление Военного совета округа от 2 июля 1941 года «О добровольной мобилизации в дивизии народного ополчения» и постановление Бюро МГК и МГК от 16 и 17 июля об утверждении комиссаров дивизий и полков.

Нельзя было без глубокого волнения воспринять решение москвичей сформировать народное ополчение в дни, когда обстановка на фронте продолжала ухудшаться, враг быстро продвигался в Прибалтике, Белоруссии и на Украине. Отправив все регулярные части на фронт, Военный совет округа не мог не беспокоиться за безопасность столицы. И ополчение должно было стать боевым резервом Красной Армии, а если потребуется — защищать свой родной город, столицу Родины.

Правда, вначале у Военного совета не было ясного представления о масштабах этого патриотического движения: за несколько дней было сформировано в городе и области 87 истребительных отрядов и батальонов, а добровольцев были еще десятки тысяч.

К 5 июля все окончательно прояснилось. По всем районам города и области подали заявлений свыше 300 тысяч человек.

После согласования с Генеральным штабом было решено сформировать двенадцать дивизий по 10 тысяч человек каждая, а именно: 1-ю — Ленинского района, 2-ю — Сталинского, 4-ю — Куйбышевского, 5-ю — Фрунзенского, 6-ю — Дзержинского, 7-ю — Бауманского, 8-ю — Краснопресненского, 9-ю — Кировского, 13-ю — Ростокинского, 17-ю — Москворецкого, 18-ю — Ленинградского и 21-ю — Киевского районов, включив в них добровольцев-ополченцев Московской области.

Таким образом, Москва получала реальные силы для прикрытия, и через месяц-полтора из них можно было подготовить высокобоевые войска. Но оптимистическое настроение в первые же дни формирования было омрачено рядом весьма серьезных обстоятельств, которые не были полностью учтены. Военный совет единодушен был в том, да это подкреплялось и решением ГКО от 4 июля, что эти соединения должны готовиться для защиты столицы на случай самого неблагоприятного хода войны, что они должны формироваться из добровольцев в возрасте от 18 до 50 лет, не подлежащих мобилизации, с широким привлечением женщин на должности медицинских и технических работников, связистов, политпросветработников, снайперов, работников блока питания. Военный совет не так волновали руководящие кадры этих соединений и частей: в округе имелся резерв, обещали помочь Главное управление кадров и Главное управление политпропаганды Красной Армии, не вызывало беспокойства и обеспечение транспортом, интендантским имуществом, средствами политпросветработы и многим другим. Эту задачу взяли на себя местные партийные и советские организации. Самым сложным было обеспечение оружием, боевой техникой, радиосредствами.

Попросили ГАУ разъяснить, как будет обстоять дело с вооружением московских ополченческих дивизий. Ответ был неутешителен: можно рассчитывать на обеспечение 20—25 процентов потребности, да и то не сразу. А остальное следует изыскивать на месте.

Военный совет округа не мог не понимать трудностей, вставших перед ГАУ, ясно было и то, что трудности эти временные, что наши рабочие, инженеры, техники, ученые, энергия и мудрость нашей партии в короткий срок преодолеют их и армия получит все необходимое для успешного отпора вражеского наступления. А пока нужно было до максимума использовать внутренние возможности и найти для народного ополчения оружие и другие виды боевой техники.

По вопросу о мобилизации внутренних ресурсов вооружения

состоялось заседание Военного совета, на котором присутствовали начальники управлений и отделов штаба, городские и областные военные комиссары и начальники политотделов комиссариатов, и заведующий военным отделом МГК. До начала заседания начальник штаба И. С. Белов доложил, что положение с вооружением в дивизиях народного ополчения остается крайне неудовлетворительным, обеспеченность винтовками и пулеметами пока в пределах 50 процентов. Артиллерийские системы еще от ГАУ не поступали, для народного ополчения отправляется имеющаяся главным образом отремонтированная техника, но делается это не в ущерб формированиям для фронта. Дивизии вышли в лагеря для боевой подготовки, им нужно в короткий срок изучить оружие, сколотить расчеты, отстреляться из тех систем, с которыми придется сражаться с врагом, а возможности для проведения этой подготовительной работы пока ограничены.

— Александр Сергеевич, — обращается командующий к Щербакову, — вы имеете непосредственную связь с Государственным Комитетом Обороны, ориентируйте нас, какие перспективы с обеспечением оружием и боевой техникой, ну, скажем, не в ближайшие дни, а хотя бы в ближайшие недели?

— Что я вам могу сказать, — ответил Щербаков, — положение пока очень трудное, потери на фронте велики. Центральный Комитет и ГКО сейчас принимают экстренные меры, утвержден большой план, подключаются новые заводы, в том числе в Москве и области, но для того, чтобы перестроить производство, изменить технологию, нужно время. То, что производится сейчас, не восполняет потерь на фронте, идет на обеспечение формируемых резервов, и лишь небольшая часть может быть выделена на другие нужды, в том числе и для народного ополчения не только московской, но и других прифронтовых областей. Партия делает все для того, чтобы в короткий срок исправить положение, но в ближайшие дни и недели ожидать заметного улучшения пока нельзя. Поэтому, дорогие товарищи, не будем ждать манны небесной, надо искать внутренние резервы, они у нас безусловно найдутся, если мы призовем всех наших командиров, политработников, коммунистов к творческому поиску и сами не успокоимся до тех пор, пока действительно не исчерпаем наши резервы до конца. Главное для всех нас — ни одно срочное задание по формированиям для фронта не должно уйти из округа, не получив положенного отечественного вооружения. Для остальных нужд кое-что даст ГАУ, а все оставшееся — за счет внутренних резервов. В этом и будет наш вклад в выполнение требований ЦК партии и ГКО об изыскании максимальных возможностей на местах. Московский комитет, все коммунисты Москвы помогут вам в этом. А вы, Константин Федоро-

вич, держите связь с другими обкомами партии на территории округа, они тоже должны и могут многое сделать, почаще напоминайте им об этом.

И Военный совет начал этот поиск. Строго и обстоятельно спрашивались работники управлений — артиллерийского и боевой подготовки, областные и городские военные комиссары. В результате оказалось, что «внутренние ресурсы» все же есть. Первый из них — артиллерийские базы, непосредственно подчиненные ГАУ. В суматохе текущей работы я сначала и не поинтересовался ими, так как они не были нам подчинены. Артиллеристы округа тоже ничего о них не говорили.

Напомнил об этих базах секретарь обкома С. Я. Яковлев. Он позвонил 9 июля и сообщил о неудовлетворительном положении дел на одной артиллерийской базе. Только после его звонка я обнаружил пробел в своей ориентировке о подчиненных политорганах. Оказалось, что существует еще и гарнизонный отдел политпропаганды спецчастей, баз и складов, возглавляемый полковым комиссаром Бересневым, в ведении которого пятьдесят восемь первичных парторганизаций, в том числе и эта база, о которой говорил Яковлев. С начала войны ни Береснев, ни работники отдела на этой базе не побывали.

Разговор с Бересневым был для него не из приятных. Ему было предложено вместе с секретарем МГК ВКП(б) И. М. Соколовым срочно разобраться с положением на базе и навести там порядок, уточнить количество оружия на ней, выяснить причину конфликта начальника базы с его заместителем по политчасти.

14 июля Береснев доложил, что коллектив базы мобилизован на повышение производительности труда, приняты меры к улучшению условий быта рабочих, разработаны мероприятия по широкому развертыванию политико-воспитательной работы. Ненормальные взаимоотношения в руководстве явились следствием как субъективных причин, так и неправильного понимания начальником базы сути единоначалия. Обоим разъяснили их права и обязанности.

В те горячие дни артиллерийская база явилась для нас целым открытием. Оказалось, что она располагает значительными запасами иностранного стрелкового оружия, отремонтированного и требующего ремонта. Ее месячная программа ремонта до 30 тысяч единиц, а по новому заданию ГАУ она должна довести его до 120 тысяч. Руководство базой перестраивалось на военный лад медленно, требовалось срочно оказать необходимую помощь. Вместе с Московским комитетом партии Военный совет принял меры по мобилизации квалифицированных рабочих, увеличению станочного парка, выделению оборудованных общежитий и налаживанию

быта рабочих. Это позволило к концу месяца довести производительность ремонтных работ до 5 тысяч единиц в день. Если отечественным оружием распоряжалось ГАУ, то фонд иностранных образцов поступал в распоряжение Военного совета.

Это был серьезный «внутренний резерв». Кроме того, московские парторганизации собрали значительное количество винтовок, ручных и станковых пулеметов в спортивных и гражданских военизированных организациях. И, наконец, управления штаба округа очень оперативно справились с учетом оружия в военно-учебных заведениях и тыловых частях. Все это дало возможность значительно улучшить вооружение ополчения, истребительных батальонов и рабочих дружин.

Когда 6 июля Военный совет отдал приказ о выводе дивизий народного ополчения в западные районы Подмосковья, с тем чтобы организовать боевую подготовку, строить оборонительные рубежи, на которых в случае необходимости они и должны будут защищать родной город, сразу же всплыли и еще некоторые недостатки поспешного формирования.

Пока дивизии формировались в Москве, все шло как будто нормально. Руководство предприятий и учреждений рассчитывало, что ополченцы будут проходить обучение и нести службу без отрыва от работы, как это было в далеком 1917/18 году с Красной гвардией, не подумали, кто уходит и как будет с выполнением планов и новых заданий по выпуску военной продукции. Но как только стало известно, что дивизии выводятся из Москвы, начались беспрерывные телефонные звонки, партийные комитеты и Военный совет осаждались просителями, требовавшими возвратить некоторых работников, так как их нечем заменить. А командиры и комиссары дивизий слали рапорты о том, что часть ополченцев непригодна для походов и подлежит отчислению.

Военному совету и московским организациям буквально на ходу пришлось исправлять эти ошибки, возвращать на предприятия и в учреждения необходимые им квалифицированные и научные кадры, отчислять и людей пожилых. Не всегда это гладко получалось. Люди возмущались, протестовали, некоторые добровольцы видели в отчислении какое-то недоверие к ним. Но потом, после большой разъяснительной работы, они поняли, что одного патриотизма, желания схватиться с врагом на поле боя еще недостаточно для победы — нужны для этого и хорошие физические данные.

Отправляя дивизии на подмосковные поля, Военный совет отдавал себе отчет в том, что нестандартное вооружение, недостаточная военная подготовленность кадров из запаса, ставших во главе взводов, некоторых рот и даже батальонов, создают немалую

трудности в полевой жизни и учебе ополченцев, и, исходя из этого, потребовал от управлений и отделов штаба округа оказания им постоянной помощи и максимума внимания.

Задача командования МВО по дальнейшему морально-политическому сплочению личного состава дивизий, материально-техническому их оснащению в значительной степени облегчалась активной помощью московских городских и районных партийных и советских организаций, продолжавших поддерживать с дивизиями тесную связь, снабжать автотранспортом, мотоциклами, предметами солдатского обихода, котлами для варки пищи (походные кухни были в то время крайне дефицитными и шли в первую очередь для частей, отправляющихся на фронт) и в ряде случаев отремонтированной боевой техникой.

Огромную заботу проявили москвичи и о культурном обслуживании ополчения: была прислана литература, музыкальные инструменты, концертные бригады.

Большим событием для ополченцев явилось вручение учрежденных Московским комитетом партии и Моссоветом Красных знамен. На митингах и собраниях личный состав дивизий давал под знаменем клятву не уронить чести и достоинства москвичей в любых испытаниях, в короткий срок изучить свое оружие и боевую технику.

Выход дивизий народного ополчения в подмосковные лагеря совпал с обнадеживающими вестями с фронта. С этим мы связывали свои надежды об окончании боевой подготовки дивизий народного ополчения и снабжении их полностью положенным для полевых войск вооружением и боевой техникой. Ежедневные доклады отдела военных сообщений Военному совету радовали. По всем железным дорогам, пролегающим через территорию округа, с востока и юго-востока на запад непрерывным потоком ускоренно продвигались воинские эшелоны. Оперативная ориентировка Генштаба сообщала, что на Смоленском направлении Ставка Верховного Главнокомандования сосредоточивает свои крупные резервы, объединяемые с 14 июля во фронт резервных армий под командованием генерал-лейтенанта И. А. Богданова.

Представлялось, что эти свежие силы совместно с войсками Западного фронта не только остановят бешеный натиск фашистских полчищ, но и сокрушат его ударные силы и погонят назад. С середины июля потянулись дни надежд и тревог. 10 июля враг начал свое наступление на Смоленск, имеющий важное стратегическое значение на пути к Москве. Владению этим городом Гитлер и его главное командование в своих планах придавали огромное значение, как «ключу к Москве». Позднее мы узнаем

о том, что в изданной гитлеровским главным командованием (ОКВ) директиве № 33 от 19 июля 1941 года и в дополнении к ней от 23 июля говорилось о том, что «после уничтожения... окруженных частей противника» группа армий «Центр» вполне может осуществить «дальнейшее наступление на Москву силами пехотных соединений» и что «после улучшения обстановки в районе Смоленска и на южном фланге группы армий «Центр» силами достаточно мощных пехотных соединений обеих входящих в ее состав армий должна разгромить противника, продолжающего находиться в районе между Смоленском и Москвой, продвинуться своим левым флангом по возможности дальше на восток и захватить Москву»¹. Враг рассчитывал на слабость наших сил, их истощение, но неожиданно встретил упорнейшее сопротивление. Завязалось ожесточенное оборонительное Смоленское сражение.

Радостно было получать весточки о великом мужестве, стойкости и самоотверженности защитников Могилева, освободителей Рогачева и Жлобина, о нанесенных ударах по врагу под Ярцево, Бобруйском, Витебском. Однако героизм наших воинов не мог переломить врага, превосходящего в силах и боевых средствах на его ударных направлениях.

16 июля неприятелю все же удалось ворваться в Смоленск, и попытки возвратить город не увенчались успехом. Нависла угроза над Ленинградом. Крайне осложнилась обстановка на юге, на Киевском направлении.

В 20 числах июля возвратился из поездки командующий округом П. А. Артемьев, выезжавший для ознакомления с 24-й армией в связи с предполагаемой передачей ее в состав фронта Можайской линии обороны и для связи с командованием Западного фронта. На заседании Военного совета мы попросили его проинформировать нас о положении на фронте.

— Ничего утешительного пока сказать вам не могу, — говорил Павел Артемьевич, — положение по-прежнему очень трудное. В районе Смоленска идут жестокие бои, две армии ведут героическую борьбу в окружении, командование фронтом принимает все возможные меры, чтобы разорвать кольцо окружения, возвратить Смоленск. Однако враг, пользуясь превосходством в подвижных ударных силах и в авиации, локализует успехи, достигнутые на отдельных участках нашими войсками.

Главная трудность, — продолжал командующий, — состоит в том, что прибывающие резервы Ставки чуть ли не из эшелонов вводят-

¹ «Военно-исторический журнал», 1959, № 6, стр. 80, 82.

ся в бой, чтобы ликвидировать опасные вклинения врага. Резервы не успевают подготовиться к боевым действиям, создать оборонительные позиции.

Авиация противника беспрерывно бомбит железнодорожные станции, пути, эшелоны на них, совершает варварские налеты на дороги, по которым движутся беженцы: женщины с детьми, старики. Картина тяжелая. Среди беженцев я встретил народную артистку СССР Александровскую. С горьким чувством выслушал я ее рассказ о всех ужасах, пережитых ею вместе со всеми, кто этим скорбным путем уходил от фашистов.

Во всех нынешних наших трудностях и бедах, — говорил командующий, — сказывается временное превосходство врага в танках, авиации, в подвижности войск, в опыте кадров командного состава, в стратегической инициативе, которая сейчас в руках командования противника. Пока что противник имеет возможность осуществлять глубокие прорывы, обходы и даже окружения. Мы же противопоставляем врагу главное оружие советских людей — мужество, героизм, стойкость, беспредельную любовь к Родине, которые помогают не только сдерживать натиск фашистов, но и наносить чувствительные контрудары, изматывать и обескровливать противника, срывая в конечном счете его планы «молниеносной войны».

Хотя картина, нарисованная Павлом Артемьевичем, была тревожной, но отдельные штрихи ее, свидетельствовавшие о героизме и стойкости наших воинов, о крепнущей в оборонительных боях опытности и зрелости командных кадров, вселяли уверенность в изменении обстановки к лучшему на этом главном направлении.

Но пока — волна вражеского нашествия катилась к Москве. Западный особый военный округ прекратил свою деятельность и распоряжением Наркомата обороны часть его территории, еще не занятая врагом, была передана в состав Московского военного округа. Таким образом, уже с середины июля Московский округ из тылового стал прифронтовым, и это потребовало коренного пересмотра всей работы. Забота о защите столицы выдвинулась на первый план, стала одной из главных задач командования округа и всего его аппарата. Теперь особое значение приобретало быстреее приведение дивизий народного ополчения в полную боевую готовность, повышенная боевая готовность противовоздушной обороны Москвы и всей Московской зоны ПВО.

В эти дни мысль работала в поисках наилучшего решения задач, так неожиданно вставших перед тыловым округом. Я старался вспомнить все, что могло бы оказаться полезным из моего прошлого военного опыта; все, что дали занятия по тактике

и оперативному искусству в академии имени Толмачева в 1929—1931 годах.

Бои 51-й стрелковой дивизии осенью 1919 года в окружении под Тобольском могли служить примером мужества и героизма молодых солдат революции, грамотности и военного таланта их командира В. К. Блюхера, сумевшего в тяжелейших условиях умелым маневром, смелыми рейдами на фланги и в тыл противника не только удержать занятые позиции, но и разгромить во много раз превосходящие силы врага.

Героическая семидесятидневная оборона Каховского плацдарма в 1920 году давала еще больше поучительного для современности: значение оборонительных сооружений, правильное распределение сил и средств по направлениям возможных ударов противника, маневр силами и средствами, наличие резервов для восстановления положения, активная разведка противника и обучение войск борьбе с бронированной конницей врага и танками. Там впервые получила свою разработку тактика борьбы с танками противника.

Обучение в Военно-политической академии безусловно дало много в оперативно-тактической подготовке, но не все, что требует сейчас война. Тогда только в январе 1929 года (постановление РВСР о работе Военно-политической академии имени Толмачева (ВПАТ) было предложено усилить военно-техническую подготовку, установить тесную связь с воинскими частями, ознакомить слушателей с новыми видами вооружения. Но объем военной подготовки оставался в пределах батальона, «с получением твердых знаний по основам боевых действий части, соединения», и по окончании академии слушатели получали право на командование батальоном. Учеба давала много теории и мало практики в управлении подразделением, недостаточную полевую выучку.

Также серьезным пробелом в подготовке кадров к войне было поверхностное знакомство со своим вероятным противником, его сильными и слабыми сторонами. Ход войны на Западе и дни наших горестных неудач раскрывают перед нами оперативные и тактические основы приемов и методов ведения войны врагом, в ходе жестоких сражений вырабатывается и наше оперативное искусство и тактика противоборства.

Как прав был великий Ленин, предупреждавший об опасности недооценки сил противника, требовавший пристально наблюдать за ним, глубоко изучать его технику, приемы и методы ведения войны и не позволить застать себя врасплох.

Сейчас над тем, что и как надо сделать, чтобы возможно надежнее прикрыть столицу от всяких неожиданностей, думали

командующий Артемьев, генералы штаба, начальники управлений, готовясь к разработке планов и практических мероприятий по защите столицы, использовали все, что удавалось извлечь из опыта сражений на фронтах.

Защитники московского неба

Обстановка на фронте заставила более глубоко вникнуть в состояние противовоздушной обороны не только Москвы, но и всей Московской зоны. Командующий зоной генерал-майор М. С. Громадин, старый артиллерист, прекрасно знавший свое дело, удивительно скромный и душевный человек, хороший организатор.

Непосредственная защита столицы с воздуха возлагалась на 1-й зенитно-артиллерийский и 6-й истребительно-авиационный корпуса ПВО. Артиллеристами командовал опытный и волевой генерал Д. А. Журавлев, активный участник гражданской войны, долгое время возглавлявший Рязанское артиллерийское училище. Комиссаром корпуса был полковой комиссар Н. Ф. Гритчин. Перед войной Николай Федорович работал в Москве секретарем Фрунзенского райкома партии, окончил курсы политсостава. Большая практика партийной работы, сохранившиеся связи с московскими организациями очень помогли ему в работе по повышению боеготовности корпуса.

6-й авиационный корпус возглавлял полковник И. Д. Климов, опытный воздушный командир и боец, влюбленный в авиацию, он имел знания, опыт и волю, чтобы умело организовать прикрытие столицы от воздушных налетов. У него были надежные заместители — полковники А. П. Митенков, Трифопов, начальник штаба И. И. Комаров. Комиссар корпуса, бригадный комиссар И. А. Орлов пришел с должности начальника отдела политпропаганды Военно-политической академии имени В. И. Ленина, имея за плечами большой опыт партийно-политической работы. Хотя и не летчик, но он уже достаточно глубоко вник в особенности жизни и боевой деятельности авиационных частей ПВО. Будучи хорошим организатором, вместе с начальником политотдела А. С. Соловьевым (его в ноябре сменил бригадный комиссар И. Т. Чернышев) сумели мобилизовать личный состав на повышение летно-тактического мастерства, на овладение навыками боевых действий в сложных метеоусловиях и ночью. Все входившие в корпус части располагали вполне подготовленными кадрами командно-политического состава, младшими командирами, авиа-

специалистами и бойцами, прошедшими хорошую выучку, что неоднократно отмечалось Военным советом округа.

Однако силы и средства, которыми располагала ПВО Москвы, все же не обеспечивали надежного ее прикрытия. К началу войны почти половина зенитно-артиллерийских частей находилась в лагерях и из-за нехватки механической тяги они не могли быстро и одновременно прибыть к месту постоянной дислокации. Эта же причина привязывала значительное количество орудий к основным позициям, сковывала оперативный маневр силами.

Было ясно, что в первую очередь следовало ожидать ночных воздушных налетов, ибо удаленность аэродромов противника не позволит истребителям сопровождать бомбардировщики, а без прикрытия они вряд ли решатся показаться днем в московском небе.

Со второй декады июля обстановка с каждым днем все больше накалялась. Надо было принимать срочные меры для повышения бдительности и боеготовности частей ПВО, быстро доформировать, доукомплектовать и создать новые части, ибо наличных сил, по расчетам командования ПВО, явно не хватало для создания плотного огневого заслона перед вражеской авиацией.

Решения Государственного Комитета Обороны об организации непреодолимой противовоздушной обороны столицы, о всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне помогли командованию округом в укреплении воздушного щита Москвы. К 21 июля было дополнительно сформировано десять зенитно-артиллерийских полков, 2 отдельных дивизиона и несколько отдельных батарей, почти полностью снабдили их орудиями. Одновременно по заданию Генштаба было сформировано 3 зенитно-артиллерийских дивизиона для прикрытия плотины «Волга», моста через Волгу у Калинина и завода имени Куйбышева в Коломне, несколько дивизионов аэростатов артиллерийского наблюдения для фронта.

Трудной и сложной была эта задача.

Особенно неблагоприятно сложилось положение с укомплектованием постов ВНОС¹. Кадровых вносовцев было мало, и так как подготовке резервов такого профиля в мирное время не уделялось достаточного внимания, мы вынуждены были направлять туда призванных по общей мобилизации и готовить их в спешном порядке прямо в частях. В сложившейся обстановке посты ВНОС имели особое значение. Выдвинутые вперед на запад до 120—150 километров, они являлись и «ушами», и «глазами» столицы. На них возлагалась обязанность вести не только воздушное, но и наземное наблюдение, немедленно докладывать

¹ Воздушного наблюдения, оповещения, связи.

о любом изменении воздушной или наземной обстановки. Московский комитет партии помог 1-му артиллерийскому корпусу мобилизовать шестьсот коммунистов и комсомольцев, а политорганы корпуса сделали их своей опорой на постах ВНОС.

Резко выправилось положение и в 6-м авиационном корпусе. Его дополнили 7 истребительно-авиационными полками, командиры и политработники добились максимально возможных в столь короткий срок успехов в подготовке летчиков-ночников и в освоении новых типов самолетов.

К 22 июля противовоздушная оборона Москвы была основательно укреплена и стала реальной силой, серьезной преградой на воздушном пути врага к Москве. Она уже располагала 602 самолетами, 796 орудиями среднего (76 и 85 мм) и 248 малого калибра (37 мм), 336 зенитными пулеметами, 400 прожекторными установками, 600 постами ВНОС.

Необходимо было еще и еще раз выверить всю систему организации и управления, отработать взаимодействие наземных и воздушных средств ПВО.

Командиры и политработники авиационных частей подготавливали летчиков к полной самостоятельности, инициативности при ведении воздушного боя. В эти дни, как никогда, почувствовались последствия упущений в специальной подготовке летчиков для ПВО, особенно ночников (их было всего 16 процентов), и обеспечении управления самолетами в воздухе по радио. За те немногие дни, которыми мы располагали, восполнить пробел, конечно, было невозможно.

Для усиления ПВО экипажами-ночками Государственный Комитет Обороны санкционировал создание 2-й отдельной истребительной авиаэскадрильи из летчиков-испытателей под командованием участника перелета Москва — США через Северный полюс Героя Советского Союза А. Б. Юмашева. В эскадрилью были включены такие опытные летчики, как М. К. Байкалов, А. П. Якимов, В. В. Шевченко, М. Л. Галлай, Г. М. Шиянов, В. П. Федоров, В. Н. Юганов, М. В. Федоров, В. А. Расторгуев, Е. Н. Гимпель и некоторые другие.

С чувством тревоги выслушивал я доклады комиссара авиационного корпуса И. А. Орлова о том, что ускоренная подготовка ночников и освоение новой материальной части выпудили дать летчикам максимальную летную нагрузку до 7—8 часов в сутки, в то время как в мирные дни она зачастую не превышала 2—3 часов. Для некоторых, недостаточно тренированных летчиков, резкая смена режима и повышение психологических нагрузок, связанных с освоением сложного вида полетов, как ночные, оказались неблагоприятными, сказывались на качестве полетов.

Наша озабоченность росла с каждым днем. Требовались самые энергичные и разносторонние меры, чтобы сохранить и надлежащим образом подготовить авиаторов к предстоящим воздушным схваткам.

Члены Военного совета вместе с командованием ВВС, командованием зоной ПВО, корпусов, политорганами искали более эффективные методы обучения летчиков и освоения ими новой материальной части. С прибытием в 6-й авиакорпус летчика-испытателя полковника М. Н. Якушина, летчика-инструктора П. М. Стефановского, с назначением старшим инспектором ВВС округа по технике пилотирования майора Г. П. Карпенко положение начало заметно выправляться. Сейчас, спустя тридцать лет, трудно поверить, что в такие короткие сроки нашим людям удалось создать, обучить, подготовить к схватке с обстрелянными, опытными асами немецкой авиации высокобоеспособных воздушных бойцов ПВО. В мирное время этот процесс, как правило, длился долгие месяцы и даже годы. Война заставила всех ценить каждый день, каждый час. Воздушные силы ПВО были готовы к отпору. И если эта задача была выполнена, то только благодаря высокому патриотизму личного состава ПВО, творчеству, инициативе, организаторскому таланту командиров и политработников частей, огромному вниманию к состоянию противовоздушной обороны Москвы, Центрального Комитета партии, Государственного Комитета Оборона, московских партийных организаций и Главного командования.

Июль. Многие признаки говорили о том, что затишье в московском небе скоро кончится. Все настойчивее авиаразведчики противника пытаются пробиться к Москве, прощупывают систему противовоздушной обороны. Ежедневные доклады командующего Московской зоной ПВО генерала М. С. Громадина подтверждали это. Уже были зафиксированы пролеты одиночных разведчиков над Ржевом, Вязьмой, а с 8 по 21 июля не проходило дня, чтобы не появлялось в небе Подмосковья по нескольку самолетов, пытавшихся раскрыть систему ПВО Москвы, расположение аэродромов, взять под наблюдение железнодорожные и шоссейные пути от Москвы на Запад.

Только в корпусном районе ПВО с 1 по 21 июля было засечено 89 самолетов-разведчиков, 9 из которых с большой высоты вели разведку непосредственно столицы. Пленный летчик показал, что Гитлер отдал приказ начать в ближайшие дни массированные удары по Москве.

Непрошенных гостей встречали наши истребители, в небе Подмосковья возникали первые воздушные схватки. Героем одной из них стал лейтенант 11-го истребительного авиаполка С. С. Гошко.

2 июля на самолете Як-1 с аэродрома Великие Луки он вылетел на перехват Хе-111, направлявшегося в сторону Ржева, и, настигнув его, атаковал. Но случилось непредвиденное — отказало вооружение. Возвращаться на аэродром — значит дать возможность врагу беспрепятственно и безнаказанно выполнить свою задачу. А с этим патриот смириться не мог. Оставалось единственное оружие — таран. Набрав высоту, герой бросил свой самолет на вражескую машину и, точно рассчитав, винтом своего Яка отрубил «хейнкелю» хвостовое оперение, а сам с поврежденным винтом произвел посадку на ближайшей летной площадке. Самолет врага рухнул на землю.

Такой же замечательный подвиг в борьбе с воздушными разведчиками совершил отважный воздушный боец 126-го истребительного полка Владимир Каменщиков. Первое свое боевое крещение он получил 22 июня в районе Белостока. 7 июля, к 4 уже сбитым самолетам, он добавил еще один — Ме-109, 10 июля — Ю-88. Командир полка подполковник Ю. А. Нимцович писал в его характеристике: «В бою он не чувствует усталости, иногда делает до десяти вылетов в день...»

К этой же плеяде героических воздушных стражей Москвы относился и комсомолец Степан Григорьевич Ридный из 126-го авиаполка. Счет сбитых вражеских самолетов он начал под Гомелем. 10 июня уже под Москвой он на своем И-16 продолжил боевой счет, уничтожив Ю-88, 11 июня — Хе-111, а 12 июля в паре с младшим лейтенантом Иваном Левшой еще два Ю-88. Затем в схватке с группой бомбардировщиков противника он сбил «мессершмитта», а при возвращении на аэродром обнаружил на дороге колонну танков и автомашин врага и штурмовал ее до полного израсходования боеприпасов. Главным правилом этого героя-комсомольца было первым вступать в бой с фашистскими стервятниками, не взирая на их численность, используя внезапность, все мастерство, пилотажные возможности самолета и мощь бортового оружия.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 августа 1941 года за мужество и героизм, за верность воинскому долгу и Родине Владимиру Григорьевичу Каменщикову и Степану Григорьевичу Ридному было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Как и ожидалось, события не заставили себя ждать. С 21 часа 30 минут 21 июля ротные посты ВНОС из Сычевки, Ржева, Можайска, Волоколамска и других пунктов стали доносить о большом количестве вражеских самолетов, идущих волнами курсом на

Москву. Пронзительно завывли сирены, взбудоражили ночью город тревожные гудки заводов, паровозов. Москва вступала в новый этап своей жизни. Мысль все еще не мирилась с тем, что враг может ворваться в небо Москвы и обрушить свой смертоносный груз на нашу столицу, крушить все, что создавалось титаническим трудом поколений, убивать и калечить мирных советских людей.

Военный совет с оперативной группой работников штаба и управлений перешел в только что законченный строительством командный пункт, чтобы проверить уже в боевых условиях всю систему связи и управления. С каждой минутой напряжение нарастало. Начиналась и для нас боевая жизнь со многими пока еще неизвестными. Практически мы ничего еще не знали о тактике врага, о том, насколько мы в самом деле готовы отразить удары с воздуха. Предстояла первая боевая проверка всей сложной системы ПВО, проверка мужества, мастерства, результатов напряженного труда всех звеньев командного состава, политорганов и партийных организаций. Главный вопрос, к которому было приковано внимание, — сумеют ли наши зенитчики, прожектористы и летчики расстроить боевые порядки противника еще на подступах к столице, не допустить его появления над городом.

С наблюдательной вышки, оборудованной на крыше здания, было отчетливо видно, как с запада все ближе к центру города надвигается, становится плотнее огненная завеса, как все гуще и гуще расчерчивает темное небо подвижная сетка ослепительных световых лучей. Вот на острие прожекторного луча светлячком вспыхнула точка, начала метаться из стороны в сторону, бросаться вниз, вверх, но уже потянулись к ней с земли разноцветные нити пулеметных очередей, замигали огоньками снаряды малокалиберной артиллерии, яркие вспышки разрывов охватили «светлячок» со всех сторон, и он вспыхнул, будто уткнулся во что-то невидимое, сорвался в своем стремительном полете и затухающим факелом полетел к земле. Еще одна, вторая, третья вражеские машины попали в цепкие лучи прожекторов; с ними повторилось то же, что и с первой. Сердце наполнилось радостью и гордостью за зенитчиков и прожектористов. Из штаба авиакорпуса сообщили, что все ночники подняты, ведут воздушные бои вне зоны заградительного зенитного огня, но отсутствие выделенных специально для них прожекторных групп крайне затрудняет поиск противника.

В небе бушевал огненный смерч, здания содрогались от грохота орудий. Казалось, что через такую завесу врагу не прорваться. Но тут стали поступать донесения с главного поста ВНОС, с командного пункта ПВО, от коменданта гарнизона о том,

что отдельным самолетам все же удалось пробиться к городу и сбросить бомбы. Есть разрушения, жертвы, кое-где возникли пожары. И как бы в подтверждение этому где-то вблизи штаба округа раздался мощный взрыв. Здание задрожало, зазвенели осколки оконных стекол, с треском рухнули в некоторых помещениях перегородки и двери. Высланные к месту взрыва командиры вскоре доложили: прямым попаданием, очевидно, 1000-килограммовой бомбы на углу улицы Осипенко разрушено несколько домов, есть жертвы. Вторая бомба пробила Устьинский мост, но не взорвалась.

Нет, не случайно еще до первого воздушного налета на Москву нас волновала проблема ликвидации последствий бомбардировок. И за месяц, прошедший с начала войны, особенно после постановления Государственного Комитета Оборона от 1 июля о всеобщей подготовке населения города к противовоздушной обороне, московские организации проделали огромную работу по укреплению местной противовоздушной обороны (МПВО), создали стройную систему отрядов, частей, дружин. Все население, пионеры и школьники прошли кратковременную подготовку и сейчас держали экзамен на боевую зрелость. Доклады штаба МПВО, коменданта гарнизона генерала В. А. Ревякина, командиров, работников штаба и Политуправления свидетельствовали о том, что вся система МПВО действовала безупречно. Мужественно вели себя в этот трудный час испытаний славные москвички, пионеры и школьники, составившие основной костяк дружин по борьбе с зажигательными бомбами и санитарных дружин. Многие тысячи зажигательных бомб были потушены. Сотни пострадавших вовремя получили помощь. Героическими усилиями пожарных ликвидированы очаги огня. Бригадный комиссар Орлов докладывал, что Тушинский аэродром был буквально засыпан зажигательными бомбами, но люди действовали героически и отстояли все самолеты.

Пять часов тридцать минут продолжалось отражение первого воздушного налета на Москву. 220 вражеских бомбардировщиков, ведомых отборными летчиками, пытались сбросить свой смертоносный груз на столицу, чтобы подавить, парализовать ее жизнь. Но лишь немногим из них удалось прорваться к центру города, а остальные, не выдержав яростного огня зенитчиков, стремительных атак наших бесстрашных летчиков, поспешно убрались восвояси, сбросив бомбы, не дойдя до цели. За эти часы произошло 25 воздушных боев, в которых сбито 12 бомбардировщиков. В зону зенитного огня вошло 200 самолетов, 10 было сбито огнем зенитчиков.

С радостью и удовлетворением восприняли москвичи сообще-

ние диктора радио: «Граждане! Первый воздушный налет немецко-фашистской авиации на Москву отражен нашими доблестными летчиками и зепитчиками. Опасность миновала». А утром они прочитали в газетах сообщение Совинформбюро о том, что «...рассеянные и деморализованные действиями нашей ночной истребительной авиации и огнем наших зенитных орудий, немецкие самолеты большую часть бомб сбросили в леса и на поля на подступах к Москве. Ни один из военных объектов, а также ни один из объектов городского хозяйства не пострадал...».

Так закончилось первое воздушное сражение над Москвой. Это была и первая радостная победа. Для личного состава ПВО она была радостной вдвойне еще и потому, что в этот день они удостоились благодарности наркома обороны за мужество и боевое мастерство, за первый хороший урок, данный ими обнаглешему врагу.

Первый успех окрылял, но не давал оснований для благодушия и самоуспокоенности. Было совершенно очевидно, что враг еще только приступил к выполнению своего замысла, открыто провозглашенного Гитлером, — сровнять Москву с землей. Всем нам, от командования округом и ПВО и до рядового бойца, предстояло еще многое сделать, чтобы сорвать эти злодейские планы.

Несмотря на бессонную ночь, нервное напряжение и физическую усталость, Военный совет счел необходимым сразу же рассмотреть итоги первого воздушного налета и сделать необходимые выводы. Доклады Громадина, Журавлева, Климова, Гритчина, Орлова, Ревякина, работников штаба и Политуправления, сообщения штаба МПВО подтвердили, что план фашистского командования нанести массированный удар по центру Москвы сорван, нормальная работа учреждений и предприятий не нарушена. Население города, особенно его боевые отряды дружинников МПВО, личный состав пожарных команд проявили выдержку, высокое мужество.

Первый воздушный удар Москва выдержала и отразила стойко и мужественно. Отдельные случаи неорганизованности, недисциплинированности, несоблюдения требований светомаскировки были учтены и приняты необходимые меры. Начали поступать сообщения, что там-то и там-то были замечены световые сигналы, что пускались даже ракеты якобы для целеуказания важнейших объектов, а кое-где сознательно нарушалась светомаскировка. Были приняты меры для проверки этих сигналов, но они не подтвердились. К тому же, как показало внимательное изучение всех обстоятельств, большой надобности в специальных «сигнальщиках» у врага не было. Москва — это большой объект, имеющий множество характерных ориентиров, в том числе и водных — хо-

рошо просматриваемых с воздуха даже ночью. Географические координаты города также хорошо известны врагу и точно обозначены на картах. Осветительные бомбы («фонари») давали возможность врагу рассмотреть каждое крупное здание, а пожары от зажигательных и фугасных бомб дополнительно освещали объекты. Расположенные в черте города прожекторы, средние- и крупнокалиберная зенитная артиллерия при отражении налета также высвечивали контуры зданий. Так что увидеть Москву, даже затемненную, ночью враг мог с любой высоты и без помощи сигнальщиков. Но исключить возможность их появления было бы легкомыслием. Поэтому, не забывая о всемерной бдительности, выявлении вражеской агентуры и ее пособников, особенно вблизи важных объектов, основные усилия были направлены на решение главной задачи — не допускать бомбардировщики к городу, сбивать и обращать в бегство еще на подходе к нему, а прорвавшихся сквозь заслон — уничтожать зенитным огнем расположенных в Москве батарей. И не только самолеты, но и поставленные ими «фонари».

22 июля еще трудно было говорить о полном понимании всего, что произошло за ночь, давать полную и объективную оценку сложившейся системе ПВО Москвы, ее эффективности. Еще не успели остыть пушки, еще дымились остатки пожарищ, извлекались и обезвреживались неразорвавшиеся бомбы, а зенитчики были уже заняты восстановлением разрушенных огневых позиций, пополнением израсходованных боеприпасов, ремонтом поврежденной техники. Но все же, даже самым фактом налета фашистской авиации на Москву, ряд вопросов был поставлен в порядок дня, и надо было искать какие-то решения.

Что же мог сказать Военный совет командирам, политработникам, летчикам и бойцам зоны ПВО в этот первый их боевой день? Во-первых, поблагодарить за успех и предложить командованию и политорганам не оставлять без внимания ни одного случая мужества и героизма; во-вторых, подумать, как обеспечить более надежное прикрытие западного направления. Кто-то из работников ПВО уже выдвинул идею «кочующих» батарей и дивизионов, которые можно было бы быстро перебрасывать на главное направление подхода авиации противника. При ограниченных средствах такое маневрирование имело определенный смысл; в-третьих, перестроить систему оповещения так, чтобы донесения с постов ВНОС одновременно поступали и на ближайшие к ним аэродромы. Летчики справедливо жаловались, что их поздно информируют с главного поста.

Итог ночного боя вызывал и известную тревогу: а может ли промышленность, переживающая серьезные трудности, обеспечить ПВО Москвы боеприпасами, если мы так же щедро будем

шпиговать ими небо и в дальнейшем? За ночь зенитчики израсходовали 16 000 снарядов среднего калибра, 13 тысяч — малокалиберных, 130 тысяч патронов, а сбили всего 10 самолетов противника. Смущала и тревожила столь малая эффективность огня. В чем причина? В неподготовленности личного состава? Неудовлетворительности зенитных систем? Плохом управлении огнем? Или еще в чем-то другом? Найти ответы на эти вопросы не так-то легко: требовалось детальное их рассмотрение не только с командованием ПВО, но и непосредственно в частях.

В личном составе, его мужестве и подготовке, в качестве материальной части — сомнений не было. Здесь все было на уровне требований. По убедительным доводам Громадина, Журавлева, Сбытова и Климова было совершенно очевидно, что для повышения эффективности средств ПВО, особенно в ночное время, нужны радарные установки, нужно больше и более мощных прожекторов.

На результативности действий ночной истребительной авиации отрицательно сказывалась необеспеченность бортовыми средствами радиосвязи. Это резко снижало возможности управления боем, самолеты невозможно было навести на цели, изменить направление и высоту полета, поставить новую задачу. Все зависело от личных качеств летчика, его подготовки, опыта, инициативы и мужества. Мы не могли не восхищаться первыми, правда, еще скупymi сведениями, поступившими в тот день о действиях наших героев К. Титенкова, П. Еремеева, П. Мазепина, Елисеева, С. Горелика, С. Майковского, В. Бакича, В. Лапочкина, открывших боевой счет сбитых вражеских самолетов.

В летных частях, штабах и политорганах тщательно разобрали итоги первого ночного сражения и сделали необходимые выводы. Это помогло вскрыть существенные недостатки в действиях даже опытных летчиков. Некоторые из них огонь открывали со слишком дальних дистанций, неэкономно расходовали боеприпасы, вели огонь не по кабине летчика, а по крестам на фюзеляже, атаковали, находясь на одной высоте с вражеским самолетом, подставляя себя под огонь и верхней, и нижней огневых точек.

Командование округом и ПВО, учитывая трудности, переживаемые страной, не могло рассчитывать на безотказное снабжение боеприпасами и поэтому требовало от командиров частей лучшей организации огня, более четкого управления им, внимательного разбора результатов ведения каждого боя расчетом, взводом, батареей, дивизионом и полком. Но отказаться от заградительного огня пока было нельзя. Вышестоящие инстанции согласились с этим и обещали снабжать боеприпасами в количестве, достаточ-

ном для успешного отражения вражеских налетов. Было предъявлено лишь одно строжайшее требование — собирать все латунные гильзы и без промедления отправлять их на снаряжательные заводы. Этим экономилось время, нужное для изготовления гильз, и цветной металл.

Уроки первой боевой ночи не пропали даром. Вторым палет враг совершил в 22 часа 10 минут 23 июля. И снова лишь небольшим группам и одиночным бомбардировщикам удалось прорваться к центру города. Огонь зенитчиков на этот раз был еще более интенсивным, несмотря на усиленную бомбежку их огневых позиций. Так же, как и в первом налете, нервы фашистских летчиков не выдерживали, и большинство бомб было сброшено на подступах к городу. В завязавшихся ожесточенных воздушных боях и огнем зенитчиков было сбито 15 вражеских самолетов и примерно столько же получили серьезные повреждения.

Третий же воздушный рейд врага на Москву окончился полным провалом. Из 190 бомбардировщиков к городу прорвалось только два, да и те были сбиты, а остальные, не преодолев огневого барьера и не выдержав дерзких атак наших истребителей, повернули назад. При отражении этого налета в значительной мере сказалось внимательное изучение результатов прошедших боев и устранение вскрытых недостатков во всех звеньях Московской ПВО. А главное — был уже накоплен первый боевой опыт, взятый на вооружение бойцами, командирами и политработниками ПВО. Сумев отстоять Москву от первых массированных налетов, они ощутили свою силу, увидели, как горят, сраженные метким огнем, или спасаются бегством вражеские самолеты, и стали действовать более четко, хладнокровно, уверенно.

В последующие дни и ночи июля активность вражеской авиации заметно снизилась, и не потому, что гитлеровцы отказались от плана разрушения Москвы. Наоборот. Было совершенно очевидно, что неудачи еще больше обозлят фашистское руководство и своей цели оно будет добиваться, невзирая на потери. Но фашистское командование, видимо, поняло, что лобовые атаки успеха не принесут, что подступы к Москве плотно перекрыты, и искало сейчас другие пути. Перед руководством ПВО Москвы встала задача: разгадать возможные изменения в тактике воздушного противника и противопоставить ей свою, более эффективную.

Так оно и получилось. Враг вскоре перешел к осуществлению так называемых «звездных налетов»: самолеты шли с двух, трех и даже четырех направлений. Но этот прием был сразу же разгадан. Маневр — силами и средствами ПВО — «кочующие» батареи и дивизионы, перестройка управления их боевыми действиями свели на нет и эту тактику врага.

Наши герои

Первая боевая неделя Московской противовоздушной обороны дала много поучительных примеров мастерства, мужества и героизма защитников неба столицы. Из многочисленных донесений, докладов Военному совету и Политуправлению особенно запомнились следующие.

Уже при отражении первого налета 193-й зенитно-артиллерийский полк записал на свой счет два сбитых самолета. Однако воздушный противник засекал огневые позиции этой части. При втором налете в ночь на 23 июля на зенитные батареи полка полтора часа один за другим самолеты противника сбрасывали бомбы, поливали позиции огнем из пулеметов, но отважные воины не снижали интенсивности огня, заставляли вражеские самолеты маневрировать, сбиваться с боевого курса, бросать бомбы и стрелять неприцельно. Многие бойцы из орудийных расчетов, получившие ранения, остались на своих боевых местах. Тяжело раненного командира батареи заменил политрук Каплинский. Его четкие команды, умелое управление огнем и взаимодействие с соседями принесли новый успех — еще четыре стервятника врезались в землю.

Своевременно предупрежденные постами ВНОС, расчеты 5-й батареи 251-го зенитно-артиллерийского полка под командованием старшего лейтенанта И. В. Клеца по сигналу боевой тревоги быстро заняли свои места и изготовились к открытию огня. Шли томительные минуты ожидания. Слышен нарастающий гул вражеских самолетов. Ночь плотной завесой скрывала самолеты противника от визуального наблюдения. Но вот вспыхнули прожекторы, и их острые лучи устремились навстречу врагу. Через минуту первый самолет оказался в луче.

— Высота 3200 метров, — громко доложил старший стереоскопист ПУАЗО (прибор управления зенитно-артиллерийским огнем). Он выдал расчетам данные, а затем последовали доклады командиров орудий: «Готов!», «Готов!», «Готов!» И необычно громко раздалась команда Клеца: «По фашистскому самолету гранатой — огонь!» Первый залп. Огненные вспышки опоясали вражеский бомбардировщик, он шарахнулся в сторону, пытаясь вырваться из луча, но луч как бы прикипел к самолету, совершая вместе с ним эволюцию движения. Последовали второй, третий залп... и под ликующее «ура» зенитчиков и прожектористов самолет перешел в беспорядочное падение.

Можно было понять радость артиллеристов, в первом же бою третьим залпом сразивших врага. Но в воздухе продолжали угрожающе рычать еще десятки вражеских самолетов, и всем им надо

преградить путь на Москву. На заградительный огонь враг ответил бомбежкой огневых позиций. Одна из бомб разорвалась в расположении батареи. Взрывная волна бросила воинов на землю, оглушила, но зенитчики с еще большей яростью продолжали вести бой. Вот на стыке с соседями прожектор захватил самолет противника. Две батареи немедленно сосредоточили по нему огонь, и тот, объятый пламенем, стремительно полетел вниз.

Образцы высокого мужества показали воины 1-й батареи 176-го зенитно-артиллерийского полка, расположенной в районе Центрального аэродрома имени М. В. Фрунзе, которые отбивали настойчивые попытки вражеских самолетов нанести удар по аэродрому. Им активно помогали прожектористы взвода младшего сержанта Э. И. Левина. Их прожектора, установленные на высоких зданиях, снайперски выхватывали из темноты, ослепляли и подставляли под огонь зенитчиков вражеские самолеты, заставляя их панически метаться из стороны в сторону, лишая возможности вести прицельное бомбометание.

Заместитель командира эскадрильи 562-го истребительного авиационного полка лейтенант И. Н. Калабушкин 31 июля первым поднялся навстречу врагу и в районе Звенигорода смело вступил в бой с 22 «хейнкелями». С первой же атаки он вогнал один самолет противника в землю. С подоспевшими боевыми друзьями в групповом бою сбил еще 2 самолета. В этот же день в районе Истры звено Калабушкина уничтожило 3 «мессершмитта-109». Это была замечательная победа. Одержать ее помогли не только хорошая подготовка летчиков звена, но и личный пример лейтенанта Калабушкина, его мастерство и бесстрашие.

Всем нам, непосредственно отвечавшим за прикрытие столицы от ударов с воздуха, было радостно сознавать, что по силе духа и морально-боевым качествам наши летчики намного превосходили хваленых немецких асов из эскадрильи «Кондор».

Советское правительство высоко оценило первые боевые успехи летчиков и зенитчиков. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 июля 84 воина из 1-го арткорпуса и 17 из 6-го авиакорпуса были награждены орденами и медалями. И первыми среди первых героических защитников столицы были летчики — капитан К. Н. Титенков, лейтенант С. С. Гошко, младший лейтенант П. А. Мазепин, командир зенитной батареи старший лейтенант И. В. Клец и другие, удостоенные высшей награды — ордена Ленина.

Объявление Указа о награждении стало радостным праздником для всего личного состава ПВО. Вволнованно и горячо выступали на митингах награжденные, выражая Центральному Комитету партии и Советскому правительству признательность

и благодарность за высокую оценку их ратных дел, заверяя, что личный состав Московской ПВО сделает все, чтобы сорвать зловещные замыслы врага, не допустить воздушного противника к Москве. И это о них, доблестных защитниках неба и столицы, и от их имени писал наш замечательный поэт Алексей Сурков:

В любом сраженье выступим,
Рискуя головой,
Чтоб небо было чистое
Над нашею Москвой.

Таковы были первые боевые успехи Московской ПВО. Но это лишь один эпизод грандиозной битвы с фашистскими захватчиками. А в начале августа с фронта по-прежнему приходили тревожные вести. Враг еще продвинулся на восток и настолько приблизился к Москве, что получил возможность сопровождать свои бомбардировщики истребителями, а значит, и осуществлять дневные налеты. Необходимо было выискивать пути дальнейшего повышения эффективности зенитного огня, сокращения расхода боеприпасов.

Для отражения дневных воздушных налетов особое значение приобретало быстреее техническое перевооружение авиации, освоение летным составом новой авиационной техники и формирование новых летных частей. Правительством было сделано для этого все возможное. В частности, 6-й авиакорпус получил дополнительно более сотни новых самолетов. Благодаря усилиям командиров и политорганов авиационных соединений и частей, их самоотверженной работе поддержки, неизбежные при форсированном переучивании летного состава и освоения новой материальной части, оказались не значительными, как можно было ожидать. Экипажи быстро вводились в строй, с каждым учебным, а затем и боевым вылетом набирались опыта, мастерства.

На основе анализа результатов первых десяти дней сражений над Москвой были внесены поправки в порядок взаимодействия между наземными и воздушными частями ПВО, усилена организаторская роль политорганов и комиссаров. И в августе мы ощутили результаты этого труда. Воздушному врагу, несмотря на всевозможные ухищрения, становилось все труднее прорываться к Москве, его потери возрастали. В рядах защитников московского неба росло мастерство, крепла воля к победе, рождались новые герои. Именно в августе совершает свой беспримерный подвиг Виктор Талалихин. Об этом читатель знает из многих книг.

Когда о подвиге Виктора Талалихина доложили Военному совету округа, было принято решение представить его к званию Героя Советского Союза, как первого в истории авиации совершившего ночной воздушный таран и проявившего го-

товность выполнить свой воинский долг ценой самопожертвования.

Политуправление округа совместно с политотделом корпуса широко распространили в частях ПВО обращение Виктора Талалихина к своим боевым товарищам, имевшее огромное значение для воспитания мужества. В нем говорилось:

«Товарищи летчики! Нам доверено почетное дело охраны прекрасной Москвы. Помните: дело нашей чести, нашей славы биться с врагом так, чтобы он ни в коем случае не дошел до города. Биться надо упорно, пока противник не рухнет на землю. Надо смелее подходить к врагу и открывать беспощадный огонь. Наше оружие замечательное. Учитесь правильно подойти к бомбардировщику и быть до конца мужественными... Если израсходованы патроны — идите на таран! Не останавливайтесь ни перед чем, чтобы уничтожить врага. Не надо бояться тарана. И главный мой совет всем летчикам: будьте в бою, товарищи, смелее. Отважного патиска враг никогда не выдерживает, от решительной атаки он теряется. Будем бить врага, откуда бы он ни появлялся, бить беспощадно, так, чтобы не допустить стервятников к Москве».

МК и МГК ВЛКСМ от имени всех комсомольцев и молодежи города и области писали в своем поздравлении герою: «Смелым подвигом ты показал пример подлинного бесстрашия в борьбе с врагом, презрение к смерти, отвагу и мужество. Мы горды тобой, воспитанником московского комсомола, славным соколом нашей Родины, беззаветным защитником родной и любимой Москвы. На примере твоего подвига комсомол и молодежь будет учиться смелости в борьбе с врагом, находчивости, хладнокровию и выдержке».

Обращение Талалихина, подробности о его подвиге были доведены до каждого защитника столицы, вызвали у них желание быть такими же мужественными, храбрыми. И, несомненно, пример героя-комсомольца отразился в боевых делах воинов округа, в их отваге и бесстрашии при защите столицы.

В последующих боях Виктор Талалихин сбил еще четыре вражеских самолета, но вылет 27 октября оказался для него последним. В схватке с превосходящим по численности воздушным противником в районе города Подольска геройски погиб этот 23-летний богатырь мужества и духа, воспитанник Ленинского комсомола. В приказе министра обороны о зачислении Виктора Талалихина навечно в списки авиаэскадрильи, в которой он сражался, было сказано: «...Бесстрашие и героизм, проявленные товарищем Талалихиным, должны служить примером доблести и героизма для всего личного состава Советской Армии».

О нем можно сказать словами М. Горького из «Песни о Соколе»:

Пускай ты умер,
Но в песне смелых
Всегда ты будешь живым примером,
Призывом гордым к свободе, к свету...

Среди отлпчившихся в первом бою был замечательный воздушный боец Константин Николаевич Титенков. О нем Владимир Ставский в те дни писал: «В ночь с 21 на 22 июля прозвучала тревога... Звено Титенкова поднялось в воздух... Вражеские самолеты летели по одному, явно нащупывая, где бы можно было прорваться... Титенков увидел в лучах прожектора вражеский бомбардировщик «хейнкель», рванулся на врага и вместе с младшим лейтенантом В. В. Бокачем атаковал «хейнкель» справа. В ходе боя вражеский бомбардировщик начал маневр провать вправо, влево, вниз, вверх, но продолжал лететь на Москву.

Капитан Титенков зашел в хвост врага и сзади дал по нему еще шесть очередей. Правый мотор «хейнкеля» сдал, но прожекторы выпустили самолет противника из луча, однако Титенков не потерял его из вида и продолжал стрелять по нему в темноте. Бомбардировщик, беспорядочно сбросив бомбы, стал разворачиваться на Запад, искусно маневрируя, управляемый, видимо, опытным пилотом, но уйти от капитана не удалось.

Сбитый «хейнкель» нашли на другой день в лесу. Пилотировал его полковник, награжденный тремя фашистскими орденами. Он и второй пилот — подполковник — были убиты, а два живых летчика были взяты в плен. Это была очень серьезная победа капитана Титенкова. А через день капитан Титенков сбил в воздушном бою вражеский бомбардировщик «юнкерс-88».

Так сражались в небе Подмосковья наши отважные летчики-истребители, нанося врагу жестокие потери, вместе с зенитными частями преградившие воздушному противнику путь к сердцу нашей Родины — Москве. Из 964 вражеских самолетов, вторгавшихся в зону ПВО Москвы в июле, прорвалось к городу 9, в августе из 1250 — 16. Враг, взбешенный неудачами, наращивал силы, но его потери все возрастали. И это являлось лучшим свидетельством того, как мужали в боях наши воины, крепло боевое мастерство личного состава противовоздушной обороны столицы.

Сохранить Москву от разрушений, уберечь ее жителей от жертв можно было только при единстве действий боевых частей и местной противовоздушной обороны (МПВО). Огромный ущерб, нанесенный Лондону первыми фашистскими налетами, объяснялся, в частности, тем, что по сигналу воздушной тревоги уходили в убежище не только мирные жители, но и подразделения гражданской противовоздушной обороны.

По-прежнему действовали дружинники Московской МПВО. Непрерывно поступавшие к нам на командный пункт сведения подтверждали, что вся система МПВО действует безотказно, москвичи ведут себя под бомбежкой мужественно и героически, что они полны непреклонной решимости любой ценой отстоять свой родной город. Планы фашистских главарей морально подавить, деморализовать население, нарушить управление страпой и ходом войны терпели полный провал. Не такими оказались москвичи.

Укрыв детей, стариков и больных в надежных убежищах, все остальное население стояло на боевой вахте, показывая изумительные образцы самоотверженности.

Зажигательная бомба попала в деревянный дом. Он загорелся. Боец-ствольщик пожарной охраны Д. А. Данилюк мощной струей из брандспойта быстро сбил огонь. Но тут же вспыхнуло пламя в соседнем доме. Враг сбрасывал бомбы на зарево пожара, они рвались вблизи, а Данилюк продолжал бороться с бушевавшим пламенем. Рядом разорвалась бомба, воздушная волна сбила его с ног. Но Данилюк не ушел, даже когда обрушилась стена горящего дома и он получил сильные ушибы. Он оставил свой боевой пост, только когда был потушен пожар.

За отвагу и мужество Данилюк был удостоен высокой правительственной награды — ордена Красной Звезды.

Нельзя не вспомнить мужественный подвиг командира взвода медико-санитарной роты Ленинградского района Волобуева. Фашистам удалось поджечь здание родильного дома, вокруг рвались бомбы. Жизнь женщин-рожениц и новорожденных оказалась под угрозой. Волобуев увлек за собой дружинников, они быстро вынесли из горящего дома в безопасное место женщин и детей, и когда новая бомба попала в здание, разрушив три этажа, там уже никого не было. Об этом в свое время писалось в газете, имена Данилюка, Волобуева и других стали символом мужества и бесстрашия для всех дружинников МПВО.

Бойцы МПВО, пожарной охраны, рабочие заводов и фабрик, домохозяйки, наши славные ребяташки делали свое дело спокойно и уверенно.

Среди героев нельзя не назвать московских школьников Евгения Пешедова, Владимира Таланова, братьев Павла и Виктора Студенцовых, показывавших пример смелости и неутомимости при тушении «зажигалок» и награжденных за это медалью «За отвагу».

Примером бойцам МПВО служил и известный летчик страны Б. И. Росинский, лично тушивший зажигательные бомбы, оказывавший помощь пострадавшим.

О мужественной работе бойцов МПВО 24 июля в передовой

газеты «Правда» говорилось: «Опыт борьбы с фашистскими воздушными пиратами во время ночных налетов на Москву показал, что повсюду, где население проявляет выдержку, хладнокровие, боевую готовность, метание зажигательных бомб не дает врагу ожидаемых результатов».

Можайская линия обороны

Уделяя много времени укреплению и совершенствованию ПВО столицы, Военный совет пристально следил за развитием событий на фронте и в первую очередь на Западном направлении. Как-то поздно вечером приехали А. С. Щербаков, председатель Моссовета В. П. Проппин и попросили меня зайти в кабинет командующего. После короткого разговора о текущих делах и событиях Александр Сергеевич задал вопрос:

— Ну, как вы, военные, оцениваете дела на фронте и какие выводы делаете о безопасности Москвы?

Вопрос не застал нас врасплох. Судьба Москвы, ее надежное прикрытие, и не только с воздуха, вызывали серьезную озабоченность. Когда наши войска оставили Смоленск, фронт оказался всего лишь в 300 километрах от столицы. Командование округа знало о положении на фронте не только через Генеральный штаб, но и через своих командиров, выезжавших на передовую. Нам были известны и мероприятия Ставки по укреплению Западного направления, о переброске на фронт резервов, следовавших в основном через территорию округа и Московский железнодорожный узел. Источников информации было достаточно для того, чтобы иметь, как нам казалось, более или менее точное представление о положении дел. Данные, которыми мы располагали, в какой-то мере позволяли надеяться, что враг не только будет не сегодня, так завтра остановлен на достигнутом им рубеже, но и с этого рубежа начнется его разгром и изгнание с родной земли.

Но надежда одно, а трезвый расчет, анализ возможностей своих и противника, естественное желание оградить Москву от всяких неожиданностей, которых не исключала война, особенно такая жестокая и бескомпромиссная,— это совсем другое. Мы учитывали, что в составе Резервного фронта находятся дивизии Московского народного ополчения, по своей боевой готовности еще не достигшие желаемого уровня, что крайне недостаточна боевая плотность нашей артиллерии, мало танков и самолетов. Было ясно и то, что Гитлер не отказался от плана овладения Москвой, и если вражеские войска вынуждены сейчас резко снизить

темп наступления, а кое-где и топтаться на месте, то только благодаря беспримерному мужеству и героизму советских воинов, основательно потрепавших ударные части вермахта, пополнение которых потребует какого-то времени, после чего наступление безусловно будет возобновлено. Разведсводки Генштаба говорили о том, что количественно фашистская армия на Московском направлении продолжает превосходить Западный, Резервный и Брянский фронты в танковых и моторизованных войсках, в артиллерии и авиации. В руках врага пока оставалась и инициатива. Мы не могли не считаться с опытом второй мировой войны в Европе и первых недель Великой Отечественной войны, достаточно наглядно раскрывших оперативные приемы врага, возможности его ударных клиньев из подвижных войск, поддерживаемых господствующей в воздухе авиацией.

Вот почему на вопрос А. С. Щербакова командующий округом ответил, что, по мнению Военного совета, необходимо, не теряя времени, ставить вопрос перед ЦК и военным руководством о строительстве оборонительных рубежей на подступах к Москве и переброске на них некоторого числа полевых войск из резервов Ставки.

— Все это, пожалуй, правильно, — согласился с Артемьевым Щербаков. — Руководство МК и Моссовета тоже обсуждало этот вопрос. Мы также верим, что враг дальше не должен пройти, но, как говорят, береженого и бог бережет. Обстановка на фронте остается тяжелой, чего можно ожидать от коварного врага — трудно сказать, поэтому благодушествовать, быть беспечными у нас нет никаких оснований. Мнения наши по этому вопросу совпадают. Поэтому давайте поступим так. Я от имени МК и Моссовета поставлю этот вопрос в ЦК, а вы — по своей линии. Москвичи возьмут на себя основную тяжесть строительства оборонительных рубежей, народ они крепкий, выдержат и эту нагрузку, а вы, военные, возьмите на себя руководство строительством. На этом порешим.

К сожалению, мы не смогли ответить сразу на законный вопрос Щербакова и Пронина — имеются ли в штабе документы по организации обороны Москвы, разработанные в мирное время. Обилие неотложных дел, вера в то, что на фронте вот-вот произойдет перелом в нашу пользу, невольно отодвинули на второй план заботы о розыске подобных документов, а о том, что сделали в этом направлении наши предшественники, ни Артемьев, ни я не знали. Условились, что с разрешением вопроса о строительстве рубежей будет использовано все, что разработано и оставлено нам прежним командованием.

Щербаков и Пронин уехали. А мы с Артемьевым сели обдумыв-

вать документ, который должен пойти в Генштаб. В нем все должно быть изложено предельно конкретно: участки для возведения оборонительных сооружений, начертание переднего края, характер строительства — полевое или долговременное, расчеты необходимых сил, времени и средств.

Но сразу же оказалось, что всего этого конкретно мы изложить не могли. Во-первых, потому, что место строительства оборонительных рубежей, их характер и сроки определяются оперативной обстановкой и планом Генерального штаба. Во-вторых, мы с Артемьевым не были специалистами-фортификаторами, никогда подобным строительством не занимались, а то, что видели на границах (долговременные инженерные укрепления с мощными дотами, убежищами, командными и наблюдательными пунктами), в сложившейся обстановке не подходило, так как требовало значительного времени, больших сил и огромных материальных затрат.

Кто бы мог помочь нам в разработке такого документа? Инженерный отдел округа слишком малочислен, да и занят до предела организационно-мобилизационными мероприятиями. Прежнее командование Московского военного округа через два дня после начала войны с большой группой руководящих работников штаба и управления убыло из округа, чтобы возглавить вновь образуемый Южный фронт. Все это было логично — опытный руководящий состав из тылового округа выехал в действующую армию, чтобы на дальних рубежах организовать отпор врагу.

Но решение уже состоялось. 16 июля мы получили постановление Государственного Комитета Обороны о строительстве Можайской линии обороны по рубежу: Московское море, западнее Волоколамска, Можайска, Малоярославца с окончанием у Детчино, общей протяженностью в 220 километров. Предстоял огромный объем работ. Общая площадь, выделяемая под строительство оборонительных рубежей, составляла 300 тысяч квадратных километров, требовалось выбросить семь с половиной миллионов кубометров земли, уложить 24 586 тонн цемента, 51 440 тонн гравия и щебня, использовать 589 841 кубометр лесоматериалов. На все это требовалось затратить 5 233 458 человеко-дней и 67 887 машино-дней.

Ответственность за строительство рубежа возлагалась на Военный совет округа. Постановление ГКО воспринято было нами с большим удовлетворением. Такой размах оборонительного строительства вселял уверенность, что доступ врагу к Москве будет закрыт и гарантировал столицу от всяких случайностей.

Сроки определены жесткие: первая очередь к 15 октября, вторая — к 20—26 ноября. Сразу же встал со всей остротой вопрос

о руководстве столь огромным строительством, во много раз превышающим по объему работ Волховстрой. Инженерный отдел, как мы уже установили, помочь бессилён, тем более что в нем не оказалось ни одного фортификатора. Значит, требуется создание специальной организации по строительству. Но решением ГКО такая не предусмотрена, как не указаны и источники получения важнейших и дефицитных материалов — бетона, металла, леса, арматуры, — а также организации и наркоматы, ответственные за их поставку. Округ, по существу, ничем этим не располагал.

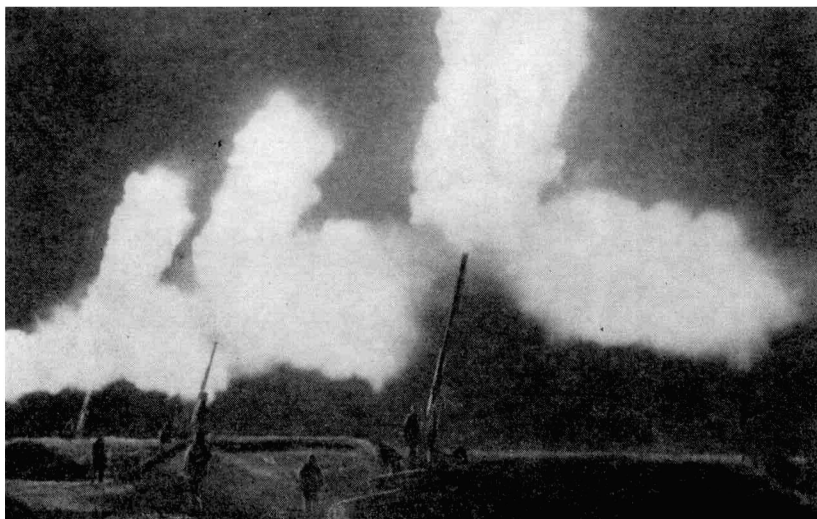
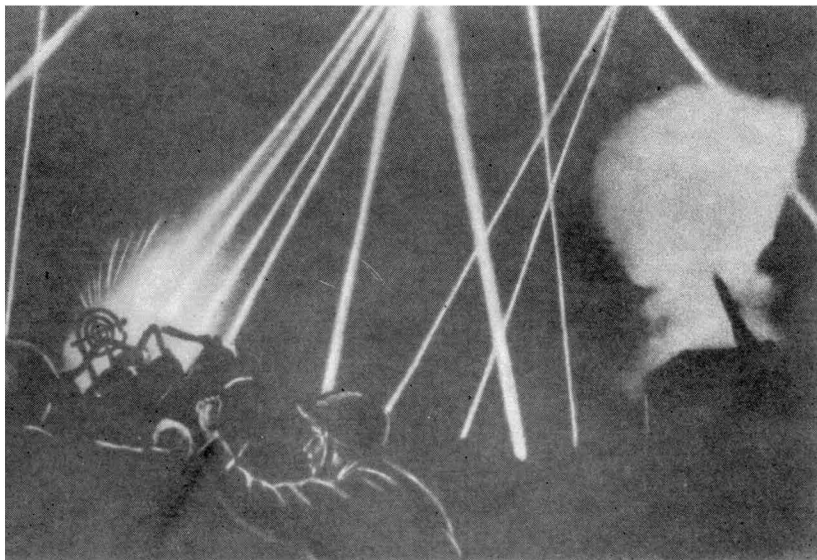
Не беспокоила нас, пожалуй, лишь проблема рабочей силы. Москва и ближайшие области ее дадут. Но где взять столь нужные сотни автомашин, строительные механизмы (бетономешалки, бетоновозы, скреперы, бульдозеры, подъемные краны)? Где найти 100—120 опытных рекогносцировщиков? В резерве округа таких специалистов нет, а слушатели военных академий разъехались на стажировку в части и на фронт.

Однако приказ есть приказ. Надо было его выполнять, действовать энергично и незамедлительно.

Мы знали, что без Управления по строительству оборонительных рубежей нам не обойтись. И начались переговоры с Генеральным штабом, его управлениями. Благодаря внимательному отношению со стороны работников Генштаба к нашим запросам, а порой и в результате настоятельных просьб к началу августа были решены некоторые организационные вопросы, в частности о создании в составе штаба округа оперативной группы по строительству Можайской линии обороны; добиться распоряжения — военным академиям направить нужное количество преподавателей и слушателей для рекогносцировочных работ; указания Управлению оборонительного строительства выделить несколько военно-полевых строителей (ВПС). Было также решено создать на Можайской линии обороны Волоколамский, Можайский и Малоярославецкий укрепленные районы полевого типа. Военному совету разрешили приступать к формированию рабочих батальонов за счет старших возрастов, не подлежащих мобилизации в действующую армию.

Мы знали, конечно, что и наркоматы и управления с предельным напряжением выполняли заказы фронта, что каждая дополнительная нагрузка, каждая сверхплановая поставка ложились на их плечи тяжелым грузом и не всегда они могли даже физически справиться в срок и по объему с этими заданиями. Это сильно тормозило развертывание работ на рубеже. И если все же удавалось преодолевать трудности, то главным образом потому, что руководители Московских городского и областного комитетов пар-

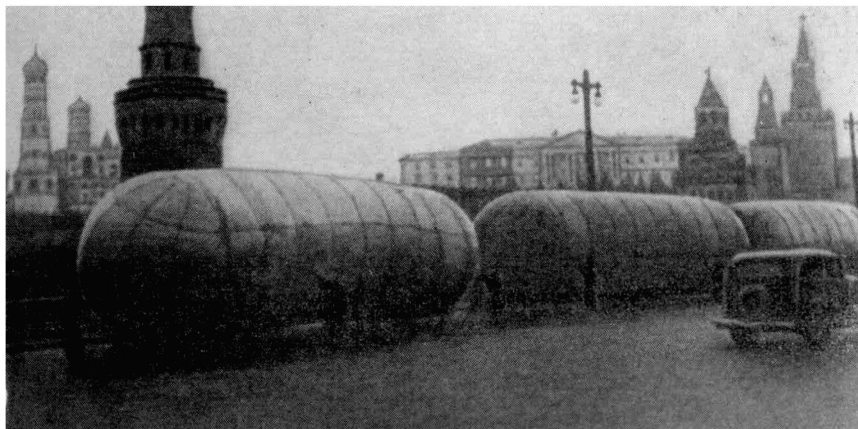
**Отражение ночного налета авиации противника на Москву
в ночь на 21 июля 1941 года.**

Аэростаты заграждения на улицах Москвы.

На защите Москвы.

Командующий Московским военным округом и Московской зоны обороны генерал-лейтенант П. А. Артемьев (в центре), член Военного совета дивизионный комиссар К. Ф. Телегин (с п р а в а) и начальник штаба МЗО генерал-майор А. И. Кудряшов над картой Московской зоны обороны.

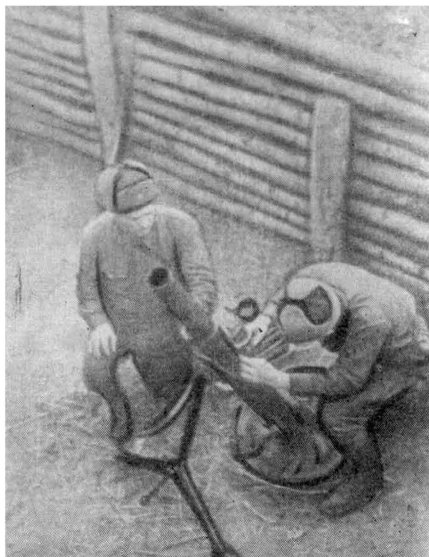
Александр Сергеевич Щербаков, секретарь ЦК, МК и МГК партии, член Военного совета МВО и МЗО.

**Начальник Политуправления Московского военного округа
и Московской зоны обороны бригадный комиссар Н. М. Ми-
ронов.**

**Капитан И. П. Ключко, командовал баталь-
оном под Боровском и Верей.**

Бойцы Казахской дивизии перед отправкой на фронт.

Можайский рубеж обороны. Минометчики готовятся к бою.

Начальник училища имени Верховного Совета РСФСР Герой Советского Союза полковник И. С. Младенцев (с л е в а) и командиром училища полковой комиссар А. Е. Славкин, возглавлявшие сводный курсантский полк на Волоколамском направлении.

1941 год. Можайская линия обороны. Дзот для 45 мм пушки.

**23 июня 1941 года. Первый день призыва в Красную Армию.
Октябрьский воспомат Москвы.**

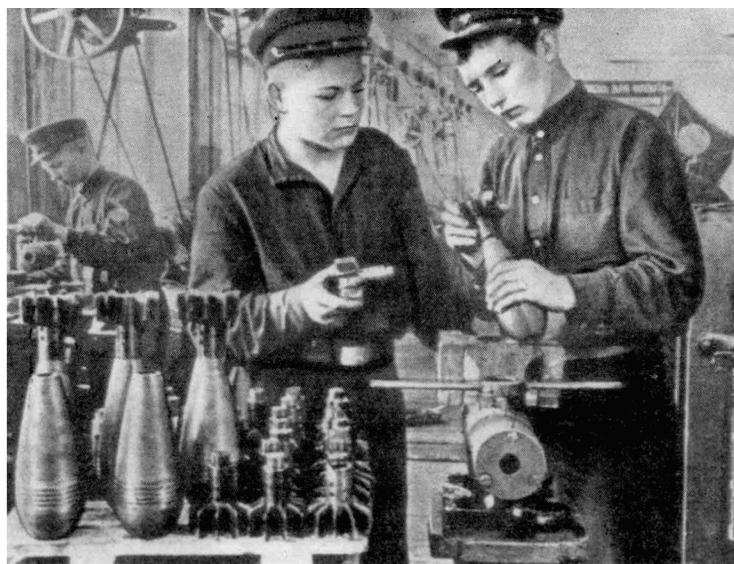

**Бойцы народного ополчения готовы к отправке на фронт.
Лето 1941 года.**

**Секретарь Московского областного комитета
партии Б. Н. Черноусов.**

Сбитый фашистский самолет на Манежной площади Москвы.

Ветераны труда, юноши, девушки заменили у станков ушедших на фронт.

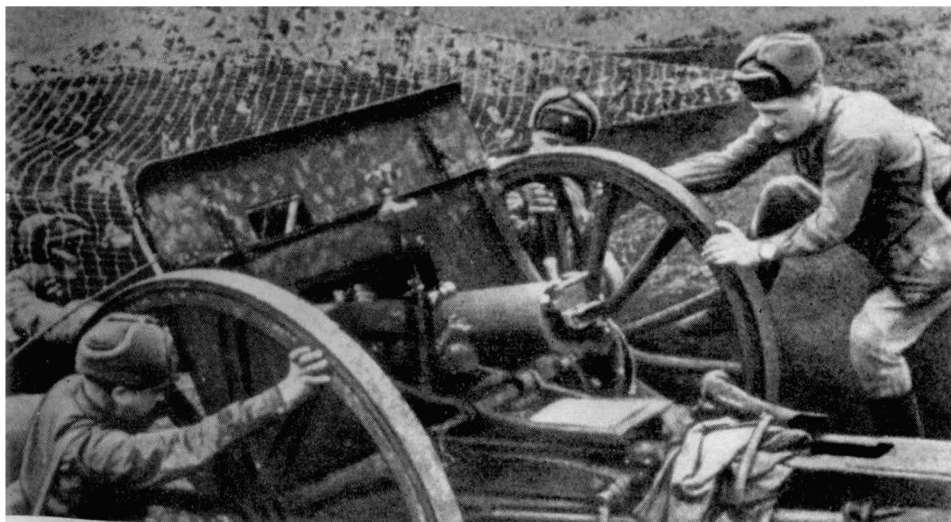

К. Е. Ворошилов и Е. А. Щаденко на проверке боевой готовности стрелковой дивизии перед ее отправкой на фронт.

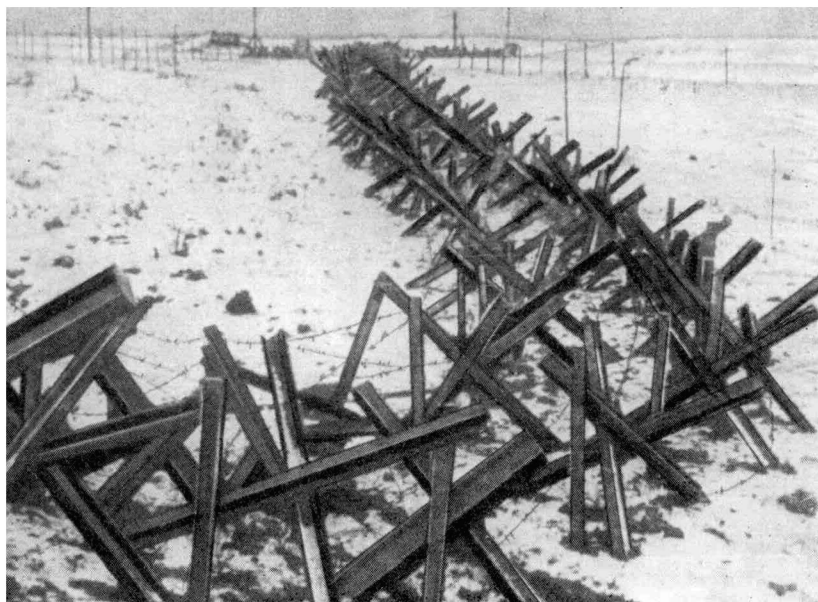
Председатель Московского совета депутатов трудящихся В. П. Прохия (на первом плане справа) на Подмосковном оборонительном рубеже.

Командующий ВВС Московского военного округа и Московской зоны обороны генерал-майор Н. А. Сбытов.

Можайская линия обороны. Войска выкатывают орудие на прямую наводку для отражения атаки танков противника.

Противотанковые надолбы и «ежи» на ближайших подступах к Москве.

Работницы «Трехгорки» на строительстве противотанкового рва. Осень 1941 года.

Перед уходом на фронт бойцы пришли к Мавзолею Владимира Ильича Ленина. Ноябрь 1941 года.

Рабочие завода имени Орджоникидзе изучают станковый пулемет.

**Батальоны народного ополчения уходят на защиту столицы.
Октябрь 1941 года.**

тии и исполкомов Советов депутатов трудящихся, в первую очередь товарищи А. С. Щербаков, Б. Н. Черноусов, В. П. Пронин и С. П. Тарасов, оказывали огромную помощь людьми, строительной техникой и материалами.

Я с благодарностью вспоминаю инициативную и плодотворную деятельность московских организаций и трудящихся в столь трудное для нас время, их разностороннюю помощь командованию округа в решении важной задачи, поставленной Государственным Комитетом Оборона. Это в результате их активной деятельности вскоре одно за другим стали поступать в округ сообщения, что там-то и там-то выявлены запасы нужных материалов, строительные механизмы, что на таком-то предприятии, в ремонтной мастерской можно наладить производство шанцевого инструмента. Принимались конкретные меры по увеличению производства бетона, металлических колпаков для дотов и еще многое и многое другое.

В те суровые дни особенно возросла патриотическая настроенность нашей молодежи, ее передового отряда — комсомолни. Какая бы сложная задача ни ставилась в ходе оборонительного строительства, первой по зову партийных организаций откликлась молодежь. Нужна рабочая сила — комсомол мобилизует добровольцев. И не сотни, а десятки тысяч идут в рабочие батальоны, на воскресники. Нужен шанцевый инструмент — по инициативе комсомола на предприятиях создаются молодежные бригады, которые во внеурочное время делают лопаты, кирки, ломы, тачки, топоры. Городской комитет ВЛКСМ во главе с его первым секретарем Анатолием Михайловичем Пеговым был по-настоящему боевым штабом московского комсомола. Как только возникала потребность в молодых и сильных духом строителях оборонительных рубежей, мы обращались в горком и не знали отказа.

Огромный патриотический подъем среди молодежи позволил в августе широко развернуть строительство Можайской линии обороны. Достаточно сказать, что из 41 067 человек, работавших на строительстве, к началу августа 32 204 были комсомольцами, а к 25 августа из 83 043 строителей было 43 012 комсомольцев.

22 августа я был свидетелем отправления на строительство рубежа 2000 комсомольцев Бауманского района. Оно напомнило мне картины того давнего времени, когда «уходили комсомольцы на гражданскую войну». Те же бодрость, решительность, собранность, негибаемая вера в величие дела, за которое надо отдать не только свой труд, но если понадобится, то и жизнь. Сердце старого бойца-коммуниста переполнялось гордостью за то, что возросла такая замечательная смена, готовая идти на любое испыта-

ние и отстаивать свою страну, свое будущее, раскрытое перед советской молодежью величием ленинских идей.

Опираясь на московские партийные, советские, комсомольские и общественные организации, Военный совет округа постепенно налаживал планомерное строительство оборонительных рубежей, укреплял руководство им, устранял недостатки, принимал все меры к тому, чтобы преодолеть трудности, не только неизбежные вообще в большом деле, но и те, что были связаны с особенностями обстановки.

В середине июля Военный совет обратился к наркому обороны с просьбой разрешить вывести дивизии народного ополчения на Можайскую линию обороны, с тем, чтобы они могли заняться боевой подготовкой, принять участие в строительстве и освоении оборонительного рубежа. А для лучшего управления — свести их в армии с соответствующим армейским аппаратом. 18 июля такое решение последовало. Нам предложили срочно сформировать полевые управления 32, 33 и 34-й армий, для руководства которыми директивой Ставки 18 июля создавался фронт Можайской линии обороны во главе с Военным советом Московского военного округа (по совместительству).

Создание фронта нас обрадовало. По приказу ВГК на рубеже, прикрывающем дальние подступы к столице, должны были располагаться довольно внушительные силы: пятнадцать стрелковых дивизий ополчения и войск НКВД, одна танковая дивизия и десять артиллерийских полков. Каждая армия располагалась на отведенном ей участке укрепленного района, и командование армии принимало на себя ответственность за подготовку войск и рубежа. Предполагалось придать им полевые строительства и формируемые рабочие батальоны.

Совершенно неожиданно 25 июля получаем приказ: фронт Можайской линии обороны упразднить, 32, 33 и 34-я армии снять с Можайского рубежа и передвинуть на Ржевско-Вяземский оборонительный рубеж, передав их создаваемому Резервному фронту.

Нам было разъяснено, что подтягивание ополченческих дивизий ближе к фронту создает более благоприятные условия для превращения их в короткий срок в боевые полевые войска, что командование Западным и Резервным фронтами лучше справится с задачей их довооружения и перевооружения, у них больше для этого возможностей, чем у округа, и, наконец, что, располагаясь непосредственно за боевыми порядками Западного фронта, эти дивизии, как и весь Резервный фронт, подготовят второй мощный оборонительный рубеж для надежного прикрытия Москвы.

Доводы были разумны. Мы всем сердцем и душой были за то, чтобы враг не дошел до Можайского рубежа, чтобы два наших фронта сломали хребет гитлеровским полчищам при их новой попытке наступления на Москву. Вот с такими раздумьями и надеждами на лучшее с 31 июля мы начали отправлять ополченческие дивизии на Запад.

Наступил август. Потеря Смоленска, неудачи на юге резко обострили обстановку. Опасность для столицы вновь возросла. Необходимы были самые энергичные меры, чтобы решить многие неотложные вопросы обеспечения безопасности Москвы. В сложившихся условиях, не скрою, странно порой было слушать рассуждения отдельных работников из центральных управлений, что Москва — это все еще тыл, пока ничего серьезного ей не угрожает и в первую очередь надо заботиться о полном удовлетворении нужд фронта. Формально как будто все было правильно, если жить сегодняшним днем, мерить расстояния до линии фронта линейкой на карте. Но ведь опыт уже показал, сколь короткими могут оказаться такие непреодолимые на первый взгляд маршруты, особенно для танковых и механизированных войск. Но когда приходилось сталкиваться с непониманием наших нужд, наших доводов, подчас и самим они начинали казаться проявлением местничества. Ведь все эти запрашиваемые силы и средства нужны были пока еще на тот случай, если враг, обладая превосходством в авиации, вздумает посадить где-то вблизи Москвы крупный десант или прорвется через фронт и бросит на Москву танковые дивизии. Ну, а если на самом деле ничего подобного не произойдет, если враг остановлен окончательно и с этого рубежа его погонят назад? Продолжающееся Смоленское сражение и ряд контрударов наших войск уже показали возросшую силу сопротивления Красной Армии, противник вынужден был не только замедлить бег на Московском направлении, но и перейти на шаг, а на отдельных направлениях и участках топтаться на месте. Так не ослабнет ли главная группировка на фронте, выделив войска для Можайского рубежа, не урвем ли мы из резервов Ставки то, что так нужно сейчас на южном крыле фронта, где положение крайне осложнилось? Военный совет решил у Ставки войск не просить, изыскивать внутренние резервы.

Прежде всего, учитывая применение противником воздушных десантов, а также глубокие прорывы подвижных войск, решено было на случай чрезвычайных обстоятельств из имеющихся сил гарнизона создать пять оборонительных секторов. Приказом по Московскому гарнизону от 4 августа ответственность за организацию секторов возлагалась на коменданта гарнизона генерал-майора В. А. Ревякина.

В представленном комендантом и утвержденном Военным советом плане предусматривалась оборона сектора № 1 слушателями академии моторизации и механизации, сектора № 2 — Военно-политической академии имени В. И. Ленина, сектора № 3 — академии имени М. В. Фрунзе, сектора № 4 — артиллерийской академии и сектора № 5 — Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева. Начальникам академий приказывалось перейти на батальонную и полковую системы, создать штабы секторов, в кратчайший срок подготовить планы и расчеты по устройству заграждений и разрушений, особенно в местах возможной высадки авиадесантов. Планы должны были предусмотреть время, силы и средства для переброски слушателей по нескольким вариантам (в зависимости от обстановки) и порядок взаимодействия секторов. Каждому сектору дополнительно придавались спецчасти и боевые формирования милиции.

По секторам были раскреплены и истребительные батальоны столицы.

Эти меры Военного совета были одобрены Верховным Главнокомандованием.

Затем было созвано немногочисленное совещание. В нем приняли участие Артемьев, Щербаков, Черноусов, Пронин, Тарасов и автор этих строк. Решали один вопрос: где найти силы и средства для новых формирований народного ополчения. Мы с Артемьевым прекрасно понимали, что москвичи уже отдали максимум возможного на фронт, в ополчение, в истребительные отряды, в части МПВО. Но мы вынуждены были еще раз поставить этот вопрос перед московскими руководителями в надежде, что общими усилиями найдем какой-то выход.

— А не злоупотребляете ли добрым отношением к вам присутствующих и не пытаетесь ли использовать меня как члена Военного совета? — сказал Артемьеву и мне Щербаков. — Вы, кажется, забываете, что Москва — это еще и важнейший экономический район, питающий фронт военной продукцией, и это ее значение все больше возрастает в связи с тяжелым положением на Украине и под Ленинградом. Этак без головы мы можем нанести ущерб общегосударственным интересам.

Наступило молчание. Нам с Артемьевым было неловко, понимали справедливость упрека Александра Сергеевича.

— Вы прекрасно знаете, товарищи, если Москве придется испытать более тяжкие времена, то московские организации поднимут всех, кто способен двигаться, стрелять, бросать гранаты и бутылки с горючей смесью, и москвичи не пощадят себя, но не позволят врагу поганить землю родного города, — заключил Щербаков.

Да, мы хорошо знали москвичей и глубоко верили, что так и будет. А пока? А пока на этом совещании было решено: первое — проверить правильность бронирования призывных возрастов на предприятиях и в учреждениях и попытаться найти дополнительные ресурсы для фронта и внутренних формирований; второе — организовать военную подготовку населения, чтобы в случае необходимости опереться на военно обученные резервы; третье — уход армий с Можайского рубежа резко ослабил темп работ, и московские организации обязались быстро закончить формирование строительных рабочих батальонов, усилить помощь строительной техникой, материалами, инструментами.

Решение ряда вопросов, связанных со строительством рубежа, проходило (с учетом военного времени) медленно. Наши усилия не всегда давали нужные результаты. И я решил обратиться к начальнику Главного политического управления РККА армейскому комиссару 1-го ранга Л. З. Мехлису, рассказать о трудностях в подготовке столицы к обороне.

Позвонил ему по телефону, начал докладывать. Не дослушав меня до конца, Мехлис довольно резко сказал:

— Перестаньте смотреть на обстановку только со своей колокольни. Главное — это фронт, а потом уже заботы об обороне Москвы.

— Товарищ армейский комиссар! Но ведь срок выполнения важного задания ЦК и Государственного Комитета Обороны под угрозой!

— А вы думаете, что об этом заботитесь только вы? Москва пока никакая опасность не угрожает, надо в первую очередь укрепить фронт, тогда и Москва будет в безопасности. Выполняйте быстрее задания по подготовке резервов для фронта. В строительстве оборонительных рубежей центральные управления будут помогать вам по мере возможности.

На этом разговор был закончен.

После такой отповеди я снова задумался над тем, а оправдана ли наша тревога, может быть, действительно нет необходимости в спешке, ибо там, наверху, лучше понимают обстановку, дальше видят, чем мы со своей колокольни «тылового округа», хотя и Московского.

Вскоре после разговора с Л. З. Мехлисом приехал А. С. Щербаков. Очевидно, заметил, что я расстроен, спросил:

— Константин Федорович, что-нибудь случилось?

— И да, и нет. Вы, Александр Сергеевич, знаете, что из-за целого ряда организационных неувязок, медлительности некоторых учреждений в решении важных вопросов строительство Можайской линии обороны разворачивается медленно, управляемая

укрепленных районов не созданы. Я и обратился за помощью к Мехдису, а он обвинил меня в непонимании обстановки и, по существу, в помощи отказал. Мы с Артемьевым как военные люди должны выслушивать указания старших начальников, выполнять их, но как коммунисты не можем согласиться с недооценкой важнейшей необходимости уже сейчас готовить надежное прикрытие столицы, строительство перед ней оборонительных рубежей и освоения их, хотя бы артиллерийско-пулеметными батальонами. А ведь на каждый укрепрайон их положено пять.

— А сколько имеется сейчас? — спросил Щербаков.

— Ни одного.

Складки на лбу Александра Сергеевича становились все глубже, пальцы нервно барабанили по столу. Поднявшись с кресла, он энергично взмахнул рукой и сказал:

— В ЦК и Московском комитете есть твердое решение — готовить Москву к обороне и не жалеть на это ни сил, ни средств. Если и не пригодятся нам оборонительные сооружения, чему мы все будем очень рады, то наши усилия история оправдает. ЦК будет претворять в жизнь решения Государственного Комитета Оборона от 16 июля...

Эти слова Александра Сергеевича развеяли мои сомнения. Москва — возжеленная цель Гитлера. Быть готовым ко всяким неожиданностям — вот сейчас главное. Оставалось бесспорным одно: враг силен и коварен. Поставленные перед собой цели и задачи он еще не решил и от них не отказался. Временная передышка на Московском направлении еще не говорила о том, что враг потерял наступательные возможности. По существу, он только задержался на время, пока решает далеко идущую задачу на Юге, куда перебросил часть сил. Об этом говорили данные разведуправления. Весь вопрос сейчас во времени. Даст ли нам враг это время, чтобы закончить формирование танковых бригад, гвардейских минометных и артиллерийских частей, завершить подготовку и подтягивание из глубины резервов Ставки? О том, что эти мероприятия начали проводить, рассказал представитель Генштаба генерал В. Н. Курдюмов.

Тем временем высланные Военным советом рекогносцировочные партии закончили черновую работу, оформлялась оперативная группа по строительству Можайского рубежа. Московские партийные и советские организации, военкоматы формировали рабочие батальоны, изыскивали необходимые технику, материалы и инструменты.

Оперативную группу штаба МВО по строительству Можайской линии обороны возглавил генерал-майор Александр Иванович

Кудряшов. Небольшого роста, плотный, с непокорными русыми волосами и хитроватым прищуром глаз, он отличался огромной энергией, хорошей военной подготовкой и пастойчивым характером. В округе с июля месяца исполнял должность начальника оперативного отдела штаба фронта Можайской линии обороны. Фронт упразднили. Кудряшов остался в резерве, и когда стал вопрос, кто возглавит оперативную группу по строительству рубежа, выбор пал на Александра Ивановича, и Военный совет не ошибся¹.

Еще задолго до официального приказа наркома обороны о назначении его на эту должность Кудряшов уже подбирал кадры, налаживал связи со строительными организациями, руководил рекогносцировочными группами. В Военно-инженерной академии удалось буквально отвоевать старшего преподавателя кафедры фортификации, кандидата технических наук бригадионера А. И. Пангсена, очень крупного специалиста в этой области. Его назначили начальником инженеров опергруппы, придали ему еще несколько командиров-специалистов из резерва и определили задачи группы. К середине августа удалось создать небольшие ячейки управлений укрепленных районов. Таким образом, у Военного совета уже было на кого опереться в развертывании строительства рубежа.

К 6 августа Пангсен закончил рассмотрение рекогносцировочных материалов и доложил их Военному совету. На каждом рубеже предусматривались отдельные противотанковые районы, связанные по фронту и в глубину промежуточными полосами. В этих районах намечалось расположение ударных групп, резервов, командных пунктов. Круговое построение обороны районов делало их более устойчивыми против танков противника.

Рассмотрение материалов вскрыло существенную ошибку оперативной группы Кудряшова, окружного инженерного управления и Военного совета: в рекогносцировочные группы не были включены общевойсковые и артиллерийские командиры, поэтому

¹ Кудряшов Александр Иванович родился в 1901 году в Вологодской губернии, из крестьян. Военное образование: пехотные командные курсы, стрелковая школа, объединенная военная школа имени С. С. Каменова и ускоренный курс академии Генерального штаба. Член КПСС с 1926 года, участник гражданской войны — бойцом и командиром роты на Юго-Востоком фронте и в советско-финской войне — в должности начальника штаба стрелкового корпуса, после — начальником штаба 8-го стрелкового корпуса. С июля 1941 года — начальник оперативной группы штаба МВО по Можайской линии обороны и начальник штаба МЗО, затем — начальник штаба армии на Калининском, 1-м и 2-м Прибалтийских фронтах и Степном фронте. По окончании войны работал в Генеральном штабе ВС СССР, в звании генерал-лейтенанта ушел в отставку. Умер в 1958 году.

в рекогносцировочных документах было удовлетворительное инженерное решение строительства рубежа, но не были учтены его оперативно-тактические возможности. Доты и дзоты спланированы в недопустимой близости к противотанковым рвам (30—50 метров) и друг к другу, слишком мало внимания уделено организации косоприцельного и флангового огня.

Едва Военный совет разобрался в огромной массе документов и материалов, представленных рекогносцировщиками и фортификаторами, внес необходимые коррективы и одобрил в принципе тип строительства, как 6 августа была получена директива Генштаба, по которой предлагалось строить линейную оборону обычного полевого типа из 150 батальонных районов по переднему краю главной полосы обороны, с большим количеством казематированных сооружений и мощных противотанковых препятствий.

И опять бессонные ночи, и опять печеловеческое напряжение. Командиры оперативной группы, штаба и управлений вымотались, выбились из сил, но работали не покладая рук, хорошо понимая, что выполняют работу огромного значения для столицы и Родины.

В конце июля Государственный Комитет Оборона принял еще одно важное решение — о срочном строительстве в тылу Можайской линии обороны Московского западного полукольца по рубежу Тарасовка — Хлебниково — Черкизово — Брехово — Талица — Павловская Слобода — Знаменское — Перхушково — Б.-Свинарье — Горчаково — Борисово — Красная Пахра — Подольск — Домодедово, со специальными электро- и водозаграждениями.

Руководство этим строительством возлагалось на начальника Главного военно-инженерного управления Красной Армии (ГВИУ КА).

Первая очередь строительства электрозаграждений должна быть закончена к 20 августа, вторая — к 1 сентября. Это говорило о том, что ЦК ВКП(б), ГКО, реально оценивая соотношения сил на фронте и ближайшие возможности страны, обращали внимание военных, партийных и советских организаций на принятие незамедлительных мер к организации обороны столицы, на преодоление всякого благодушия и самоуспокоенности. Московское западное полукольцо должно было явиться важным звеном в системе обороны Москвы.

Однако практическая реализация этого важного постановления ГКО оказалась делом не простым. Формально округ не имел отношения к строительству полукольца. Однако общегосударственные интересы, ответственность Военного совета за то, что делается на его территории, особенно по организации обороны Москвы, заставляли нас вникать в ход строительства, помогать,

а в нужных случаях и вмешиваться. Когда в Военный совет и Политуправление округа стали поступать сигналы об организационных неурядицах, о повторении ошибок, допущенных при рекогносцировках Можайского рубежа, мы направили на строительство группу командиров и политработников, поставив во главе ее опытного и энергичного начальника политотдела научных учреждений Наркомата обороны, старшего батальонного комиссара М. А. Фадеева.

1 августа Фадеев доложил о прибытии 20-го и 21-го управлений полевого строительства, возглавляемых военинженерами П. К. Бузником и Назаровым, о создании Управления по строительству электрокольца, которое возглавил военный инженер 2-го ранга М. Ф. Иоффе, сообщил, что положение с инженерными кадрами, рабочей силой, механизмами и материалами остается пока неудовлетворительным.

Короче говоря, сроки, установленные ГКО, находились под угрозой срыва. Замысел строительства Московского полукольца был хорошим, но при его реализации в конкретно сложившейся обстановке возникли серьезные трудности с обеспечением квалифицированными инженерными кадрами, рабочей силой, механизмами и материалами, особенно остродефицитными, такими, как кабель, трансформаторы, изоляционные материалы и многое другое. Выход противника в Донбасс, блокада Ленинграда резко уменьшали возможности получения всего необходимого для быстрого завершения работ такого огромного масштаба. В то же время строительство полукольца при остром дефиците рабочей силы и материалов снижало возможности успешного завершения работ на главном рубеже — Можайской линии обороны. Распылялись силы и средства, рассредоточивалось внимание. Работники аппарата округа оказали всю возможную помощь этому строительству, но, естественно, не могли подменить того, на кого ГКО возложил полностью ответственности, и, забегая вперед, я должен с горечью сказать, что даже к кризисным дням под Москвой строительство это не было еще завершено.

Партия перестраивает свои боевые ряды

Вторая половина июля и август потребовали ряда серьезных организационных и политических мероприятий партии, Государственного Комитета Обороны, Советского правительства, чтобы преодолеть трудности, возникшие в армии вслед-

ствии неблагоприятного развития событий на фронте. В своих указаниях ЦК ВКП(б) сообщал Военным советам фронтов, армий, округов, всем политорганам, что в сложившейся обстановке высокие моральные качества советских войск, их героическая борьба и готовность к самопожертвованию во имя интересов Родины играют решающую роль в изменении обстановки на фронте. Партия требовала от политорганов максимально напрячь усилия всех звеньев и коммунистов в работе по укреплению политико-морального состояния бойцов как главной основы повышения боеспособности, стойкости в боях.

В развитие этих требований Центрального Комитета Главное управление политической пропаганды в своих директивах от 15 июля требовало повысить авангардную роль коммунистов и комсомольцев в бою, усилить разъяснение бойцам смысла и характера борьбы, решительно бороться со всякой неорганизованностью, растерянностью, потерей бдительности и широко популяризировать боевой опыт, мужество, стойкость, находчивость, взаимопомощь на поле боя. Во всех случаях, особенно в сложной обстановке, обеспечить, чтобы коммунисты и комсомольцы выступали силой организующей, ведущей за собой массы бойцов на отпор врагу и разгром его.

Бажнейшее условие в решении этих задач Центральный Комитет партии и Политбюро видели в усилении партийного влияния в армии и флоте, перестройке своих военных органов в соответствии с обстановкой, чтобы в кратчайший срок повысить боеспособность войск. Это нашло свое отражение в решении Политбюро и вытекающем из него Указе Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля «О реорганизации органов политической пропаганды и введении института военных комиссаров в Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

С чувством глубокого удовлетворения были восприняты эти решения ЦК партии и Указ Верховного Совета. С самого начала войны возникла острая потребность изменить положение политорганов, преобразованных накануне войны в управления и отделы политпропаганды. Теперь необходимо было дать командиру-единице крепкую опору не только в области политической, но и военной, наравне с командирами повысить ответственность политработников за все стороны жизни и боевой деятельности части, соединения, за выполнение боевых задач.

Эти документы возлагали огромную ответственность на Военный совет и Политуправление округа. Мы формировали боевые части, резервы фронту, в военно-политических и военных училищах готовили кадры командиров и политработников; в наших политорганах замполитами частей работало большое количество

призванных из запаса, прошедших краткосрочную подготовку на сборах и спецкурсах. И не все из них будут удовлетворять новым задачам, многие будут нуждаться в помощи старших и более опытных товарищей.

Вместе с Ф. К. Прудниковым и вновь назначенным 18 августа начальником Политуправления полковником Н. М. Мироновым мы изучили документы и выработали практические задачи. Почти месяц ушел на подбор, перестановку кадров политорганов частей и перестройку их работы. По несколько часов мы вели подробный разговор с отдельными категориями политработников, комиссарами частей и соединений, инструктируя и разъясняя смысл перестройки работы, взаимоотношений с командиром, роль и место комиссара в решении стоящих перед частью или соединением задач.

Восстановление полноправных партийных органов активизировало их деятельность, повысило роль в росте боеспособности, организованности и дисциплины в войсках, подняло их авангардную роль.

В утвержденном тогда же Положении о комиссарах было предельно четко сказано: «Военный комиссар является представителем партии и правительства в Красной Армии и наряду с командиром несет полную ответственность за выполнение войсковой частью боевой задачи, за ее стойкость в бою и непоколебимую готовность драться до последней капли крови с врагом нашей Родины и с честью отстаивать каждую пядь земли».

Преодолевая трудности

Мы не могли похвастаться ходом строительства на Можайской линии обороны, ее не удалось закончить в срок в полном объеме. Причин к этому было много, вот основные из них.

Только к 10 сентября вышло решение о создании Управления военно-полевого строительства. Но по-прежнему не хватало строительных механизмов, автотранспорта. Строительству нужны были 600 автомашин, а имелось всего 250, да и то сильно изношенных, так как лучшие автомашины из народного хозяйства в первую очередь отдавали частям, уходящим на фронт. Сформировали гужевые транспортные роты, но и это не разрешило полностью проблемы и создало ряд дополнительных трудностей.

В августе — сентябре начались полевые уборочные работы, в сентябре полили дожди. Участились случаи простудных заболе-

ваний среди рабочих строительных батальонов. Для лучшей экипировки строителей округ изъясил со своих складов все обмундирование и обувь 2-й и 3-й категорий, московские организации помогли их отремонтировать, еще раз призвали население помочь строительству — и положение поправилось.

Трудным было рождение этого оборонительного рубежа. Когда враг стоял у порога Москвы, отдельные руководители не отдавали себе отчета в серьезности положения. Например, 15-й Московский строительный трест, который по решению МГК ВКП(б) к середине августа должен был для возведения бетонных сооружений Малоярославецкого укрепрайона сформировать батальон с необходимыми техникой и имуществом, прислал этот батальон к месту работ только в конце августа без техники, транспорта, кухонь или котлов для варки пищи, без кружек, мисок, ложек. Руководство этого треста не проявило должного внимания к обеспечению строителей, к улучшению условий их работы. Московский комитет партии справедливо воздал по заслугам этим горе-руководителям.

Были и другие вопросы, от решения которых зависело завершение строительства в установленный срок. Как уже говорилось, Государственный Комитет Обороны и Генштаб определили, что рубеж Можайской линии обороны должен проходить от Московского моря до Полотняного завода и Дetchино. Проанализировав оперативно-тактические приемы врага, Военный совет пришел к выводу, что все труды по строительству рубежа могут оказаться напрасными, ибо противник сможет легко обойти его на Калужском направлении. 15 августа эти соображения были доложены Генеральному штабу с просьбой разрешить строительство еще одного укрепленного района — Калужского. 31 августа Военный совет утвердил линию переднего края этого укрепрайона по рубежу: восточный берег реки Угра до Плетеневки и далее по восточному берегу реки Ока до деревни Андреевская и на восток по рубежу населенных пунктов Мужач — Горки — Ахлебишино.

При дальнейшем детальном рассмотрении в этом варианте нами были найдены различные недостатки, для устранения которых нужно было время, а Генштаб уже потребовал от нас конкретных предложений по строительству оборонительного рубежа.

16 и 20 сентября Военный совет внес уточнения в начертание переднего края Калужского укрепрайона и утвердил соображения опергруппы штаба по промежуточному рубежу. Генштаб предвзительно одобрил все эти решения. Когда фашистские полчища начали свое генеральное наступление на Москву и заняли Орел, мы получили директиву, которой предписывалось немедленно приступить не только к строительству Калужского укрепленного

района, но и на севере продолжить Можайскую линию обороны по линии Тургиново — Бежецк — Весьегонск, для чего сформировать управление Калужского укрепрайона, три армейских военно-полевых строительства с десятью старшими производителями работ, мобилизовать необходимое количество местного населения со своим инструментом, транспортом, продуктами питания.

Итак, мы получили окончательное решение по возведению Калужского укрепрайона, с совершенно неожиданным «привеском», значительно превосходившим все то, что округ делал до сих пор по оборонительному строительству. Значение этого задания нам было хорошо понятно: после занятия Орла под угрозой оказались Брянск и Тула. Мы доложили начальнику Управления оборонительного строительства Генштаба генерал-майору Ширяеву и военкому — полковому комиссару Точилову, что Военный совет округа приступил к организации работ по строительству Калужского укрепленного района, сформировал ячейку управления во главе с комендантом майором П. С. Гавилевским, 24-е военно-полевое строительство с десятью рабочими батальонами. Доложили Генштабу и то, что строительства Можайского рубежа и Московского полукольца испытывают серьезные трудности с рабочей силой, многими видами материального обеспечения, и потому Военный совет в конце августа пересмотрел планы, сократил объем работ, поставив как главную задачу строительство первой линии главной полосы обороны с возведением противотанковых препятствий на основных направлениях. Но возведение рубежа от Тургинова до Весьегонска было непосильной задачей для округа. Доводы наши были приняты во внимание, и мы были освобождены от этого задания.

Многое в той сложной, пзобилующей крутыми поворотами обстановке пуждалось в уяснении, осмысливании, в перестройке, но времени для этого не было, военное положение требовало выполнения насущных и многообразных задач, и Московский военный округ, получив постановление ГКО от 13 августа о формировании маршевых батальонов и пополнений для действующих частей, пожалуй, даже более активно, чем другие округа, ибо имел больше возможностей и ближе находился к фронту и военному руководству, приступил к его выполнению. Естественно, что Московскому военному округу в первую очередь адресовались требования о срочной и неотложной помощи фронту, и он в августе — сентябре давал людские и материальные ресурсы, ранее не предусмотренные и не планировавшиеся.

Видимо, учитывая особое значение Московского округа, Ставка и Генштаб в 1941 году подчинили ему территории бывших Западного особого и Орловского военных округов, пяти автоном-

ных республик Российской Федерации и Кировскую область. Все это весьма значительно увеличивало нагрузку на каждого работника окружного аппарата, давно уже работавших на пределе физических сил. На воздушные тревоги, на рвавшиеся вблизи штаба бомбы никто уже не реагировал.

Кто работал в это время в тыловых округах, знает, какие огромные трудности надо было преодолеть, чтобы обеспечить каждое формирование кадрами, оружием, боевой техникой, обмундированием, снаряжением и всем другим имуществом, необходимым на войне. Как правило, мы получали распоряжения: «Следующее из такого-то округа такое-то соединение, часть, маршевые роты — принять, разместить, довооружить, дообеспечить и отправить на такой-то фронт».

Трудно было выполнять такие распоряжения, но в конечном итоге округ успешно справлялся с ними, я не помню ни одного случая, когда бы подобные задания не были выполнены в срок. И все же, решая множество важнейших задач мобилизационно-организационного характера, наиглавнейшим мы считали строительство оборонительных рубежей. Дальнейшие события подтвердят, какое поистине огромное значение имели эти рубежи в отражении мощного натиска фашистской ударной силы, несмотря на то, что многие сооружения не были закончены строительством.

Советские патроны

В то трудное военное время каждый советский человек стремился помочь Родине всем, чем мог. В МК и МГК, в райкомы партии, в Военный совет округа поступало много сообщений о том, где, что и как можно использовать для войны, шли и шли люди с предложениями об усовершенствовании боевой техники, различными изобретениями.

Вспоминаю, как ко мне на прием пришел инженер одного из московских заводов товарищ Величко. Это был еще молодой человек. Он с волнением рассказал о том, как настойчиво добивался отправки на фронт, но его, как специалиста, бронированного на производстве, непустили. Тогда он решил сделать что-то такое, что послужило бы делу разгрома врага.

Мучительные поиски, раздумья, бессонные ночи — и вот у меня на столе инфракрасный прибор для ночной стрельбы из винтовки. Я пригласил к себе артиллеристов, порученец Донченко принес винтовку, и тут же в затемненном кабинете мы убедились в ценности этого изобретения. Прибор, правда, был еще далек от совершенства, но идея была заманчивой. Автор, волнуясь, расска-

зывает, как в ночном полевом карауле, в засаде, в окопах наши бойцы просматривают в прибор впереди лежащую местность, обнаруживают фашистов, готовящихся броситься в почную атаку, или крадущихся лазутчиков и внезапным прицельным огнем уничтожают их. Да, это действительно могло быть здорово, фронт принял бы такой прибор с благодарностью, но он нуждался еще в доработке, упрощении конструкции, увеличении дальности действия.

Во время беседы с Величко подошел командующий ВВС Н. А. Сбытов. Николай Александрович человек зоркий, цепкий. Вижу, как он сразу загорелся, слушая объяснения изобретателя, а затем, прервав его, воскликнул:

— Да это ведь замечательно! Это то, что нужно нам, авиаторам, до разреза!

— Для чего это авиаторам такой прибор? — спросил я Сбытова в недоумении. — Ведь самолет противника ночью обнаруживать надо не за двадцать пять, а за сотни или даже тысячи метров.

— Не для этого пока нам нужен такой прибор, — ответил Николай Александрович. — У нас нет средств для скрытной ориентации самолетов. При посадке на аэродром приходится подсвечивать прожекторами посадочную полосу или площадку и тем самым раскрывать свое базирование. Если же установить такие приборы большой мощности вдоль посадочной полосы да снабдить летчиков приборами видения инфракрасных лучей, проблема будет решена. К вам тогда не придет бригадный комиссар Орлов с жалобой, что посадочные прожекторы демаскируют аэродромы.

— Дело это действительно очень важное. Но ведь у вас нет специалистов в этой области и производственной базы?

— Все найдем, товарищ член Военного совета. Привлечем научно-исследовательские институты ВВС, своих лучших специалистов и доведем дело до конца.

И действительно, вскоре на наших аэродромах и на самолетах были установлены инфракрасные приборы, и проблема скрытой ночной посадки была в какой-то мере решена.

Среди множества других предложений и изобретений, с которыми обращались посетители в Военный совет, не могу не вспомнить еще об одном.

В октябре мой новый порученец старший политрук Владимир Алешин доложил, что прибывший из Сибири старший сержант Перевалов настойчиво просит принять его по очень важному делу. Было уже немало таких случаев, когда просители «по очень важным и неотложным» вопросам занимали дорогое время пустяками. Но, немного подумав, я принял старшего сержанта. Ведь

народ наш богат талантами и, просто отмахнувшись от посетителя, можно было погубить ценную идею.

Перевалов тоже оказался изобретателем. Его взволновали сообщения о глубоких прорывах танков противника, и он загорелся идеей создать новые средства борьбы с ними. Вдвоем с товарищем старший сержант провел много ночей за расчетами, чертежами, изготовлением опытных образцов, их проверкой, прежде чем показать своему командованию и получить от него одобрение и согласие срочно везти свое детище в Москву.

Суть его изобретения — противотанковые мины, оборудованные оригинальными магнитными индикаторными взрывателями. Танк противника должен был быть выведен из строя в двух случаях — при наезде гусеницей на взрыватель и при замыкании цепи индикаторов под воздействием металлической массы танка. Командиры инженерного отдела признали изобретение Перевалова заслуживающим внимания. Оно сулило хорошие перспективы и было очень нужным для организации противотанковой обороны на Можайском рубеже. Поэтому было решено провести в районе Кузьмино: испытание.

И вот мы на испытании. Полковник М. С. Овчинников и изобретатель доложили о месте расположения магнитного устройства и заряда и о готовности начать испытание. Разрешение дано, и танк Т-34, набирая скорость, двинулся на магнитное устройство. Танк прошел, а взрыва не последовало. Стоявший рядом со мной Перевалов поблдел, по его лицу пробежала нервная дрожь, и, не говоря ни слова, он бросился к врагу, где расположен был заряд. Прошли томительные две-три минуты, и неожиданно раздался взрыв. Сперва мы подумали, что взрыв произвел Перевалов с какого-то безопасного расстояния, но он не появлялся. Побегавший туда В. Алешин обнаружил только шлем изобретателя и ключья одежды. Что случилось, почему погиб этот замечательный советский человек — осталось тайной. С ним погибло и техническое описание изобретения. Только в книге посетителей осталась запись Алексея Донченко: «Старший сержант, техник по авиационному оборудованию Канской авиашколы Перевалов Николай Михайлович, уроженец Могилевской области, города Мстислав, Шлыкowska улица, дом № 2». Николай Перевалов родился 15 декабря 1918 года в семье рабочего-каменщика небольшого белорусского города Мстиславля. После окончания семилетки — учился в Мстиславском педтехникуме, работал учителем и завучем в Могилевском детдоме. В октябре 1939 г. был призван на действительную военную службу, сперва в артиллерию, но его потянуло в пятый океан, и в 1940 г. он пошел учиться в Краснодарское авиационное училище, передислоцировавшееся в 1941 г. в г. Канск.

По воспоминаниям матери, сестры, родных и близких, Николай с детства увлекался техникой, моделированием, конструированием, заполняя дом множеством колб, пробирок, авиамodelей, инструментов и приспособлений. Будучи студентом педтехникума, он увлекся идеей сконструировать автоматическую винтовку, сделал ее. Работой его заинтересовались в ЦК комсомола. Первый секретарь ЦК А. В. Косарев прислал Николаю Перевалову письмо, в котором признавал саму идею заслуживающей внимания, хотя первый экземпляр, созданный Переваловым, был далек от совершенства. Одновременно ЦК ВЛКСМ обратился в горсовет с просьбой оказать всяческую помощь конструктору.

Николай отличался необыкновенной жаждой общественной деятельности, коллективизмом. В студенческие годы он являлся активным бригадильцем, одним из руководителей районной организации Осоавиахима, членом райкома комсомола. В 19 лет он стал коммунистом.

И совершенно закономерно, что опасность, нависшая над Родиной, заставила его творческую мысль сосредоточиться на создании новых средств и способов борьбы с бронированными чудовищами врага. Он близок был к тому, чтобы внести свой посильный вклад в это благородное дело. Но нелепый случай оборвал кипучую патриотическую жизнь Николая Перевалова.

После выхода первого издания моей книги я получил волнующее письмо от матери и дочери Николая Перевалова. О судьбе сына и отца они знали лишь из извещения, что Николай числится пропавшим без вести. И вот — книга. «Можете понять наши чувства, когда мы прочли ее. Для нас совершенно не одинаково: погиб ли дорогой нам человек как советский патриот или просто пропал без вести», — пишет дочь Николая Михайловича — Светлана Николаевна Перевалова. Районная газета «Свято кастрычніка» 15 мая 1969 года поместила небольшой очерк о своем земляке, в котором говорилось, что «через 25 лет заполнена еще одна страничка ратной летописи Великой Отечественной войны. Найдено еще одно имя нашего земляка... Сегодня мы узнали еще об одном верном сыне Родины — Николае Михайловиче Перевалове, который отдал свою молодую жизнь во имя победы советского народа над фашистской Германией». Его имя вписано в ряд с сотнями своих земляков на скрижалях «Кургана славы» Мстиславщины.

В дни грозной опасности особенным был накал патриотических чувств и дел советских людей. Никто не хотел оставаться в стороне. Желание встать в боевой строй охватывало всех. И сейчас, десятилетия спустя, вспоминается множество примеров, раскрывающих величие души, благородство поступков москвичей. И среди них — семьи П. Н. Кравченко, Ф. М. Орлова, как бы олицетворявшие

настроения и душевные порывы всего нашего многомиллионного народа, поднявшегося на священную освободительную войну.

Старый большевик П. Н. Кравченко — отец Г. П. Кравченко, прославленного летчика, дважды Героя Советского Союза — в первые дни войны явился в военкомат с просьбой послать его добровольцем на фронт. По возрасту и состоянию здоровья ему отказали. Но когда началось формирование Московского народного ополчения, П. Н. Кравченко подал в райвоенкомат заявление, которое нельзя читать без волнения и преклонения перед этим солдатом революции. Он писал: «Прошу Ленинский райвоенкомат зачислить меня в ряды ополчения. Я отец пяти сыновей, которые призваны в Красную Армию. Четыре моих сына сражаются на фронте против гитлеровских полчищ. Пятый сын работает в военном ведомстве. Я желаю, несмотря на свой возраст, защищать с оружием в руках свою Родину. И от меня не будет врагу пощады, не дрогнет стариковская рука. Я выполняю свой долг перед Родиной».

Такой же патриотической, глубоко любящей свою Родину была семья Орловых. Глава этой семьи — 64-летний Ф. М. Орлов — уже прошел суровую военную школу в годы русско-японской, первой империалистической и гражданской войн, в последней был за подвиги награжден орденом Красного Знамени, золотым именным портсигаром; был соратником М. В. Фрунзе при разгроме Врангеля и только по состоянию здоровья был вынужден сняться с военного учета. Но вот разразилась новая военная гроза, и старый боец революции явился в Дзержинский военкомат не с просьбой, а с требованием зачислить его в народное ополчение. И он был принят. Сначала командовал ротой, затем батальоном. В сентябре 1941 г. 6-я дивизия народного ополчения Дзержинского района Москвы преобразовывается в 160-ю стрелковую дивизию регулярной Красной Армии, и командиром ее назначается Ф. М. Орлов. За успешное руководство боями дивизии под Вереей в октябре 1941 г. награжден орденом Красного Знамени. Это о нем писал тогда А. Сурков:

Битвами испытанный,
Отважен и суров,
Водил полки на подвиги
Седой комдив Орлов.

Отцовской военной дорогой пошли его сыновья Владимир, Василий, Евгений и дочь Мария. Все они с первых дней войны ушли на фронт. Под Ленинградом погиб старший сын Владимир. Младший — Василий командовал танковым полком, затем бригадой, а с осени 1944-го — механизированным корпусом. Он мужественно и с достоинством пронес славное имя патриотов Орловых до

Берлина и на подступах к нему, в жестокой схватке с врагом, героически погиб. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Высоко держал фамильную честь и Евгений, удостоенный ордена Красного Знамени и других воинских отличий. Мария перед войной окончила академию ВВС имени профессора Н. Е. Жуковского, храбро сражалась в авиаполку Марины Расковой, грудь ее украсили многие ордена и медали, в том числе и орден Красного Знамени.

Сердце жены и матери, Марии Иосифовны, было с ними, на полях сражений. Тяжелы были утраты, велико материнское горе, но всего дороже для нее были Родина, Советская власть, за них она прошла вместе с мужем суровые испытания в гражданской войне, а затем отдала свои силы воспитанию достойных наследников отцовской славы, патриотов Отчизны. Сама она уже не могла встать в боевой строй, чтобы отомстить врагу за смерть сыновей, за народное горе, но и не могла остаться безучастной к тому, чем было переполнено ее сердце. Она обратилась к Верховному Главнокомандующему с просьбой принять от нее все сбережения семьи, построить на них танк и передать его в ту часть, где сражался и пал смертью героя сын Василий.

Просьба была удовлетворена, танк получил название «Мать-Родина», успешно громил гитлеровцев под Берлином и закончил боевой путь в столице Чехословакии — Праге. Так Мария Иосифовна внесла и свой личный вклад в дело разгрома фашизма. Ее щедрое материнское сердце, открытое людям, закованное в танковую броню, было вместе с экипажем боевой машины на полях завершающих сражений с ненавистным врагом. И этот боевой подвиг матери не был забыт народом. В ознаменование 20-й годовщины победы над фашистской Германией Президиум Верховного Совета СССР наградил Марию Иосифовну орденом Отечественной войны 1-й степени.

А можно ли не преклониться перед революционной страстью бойцов Великого Октября, соратников Владимира Ильича Ленина — Н. И. Подвойского, С. И. Аралова и многих других, которые, не взирая на свой возраст, рвались туда, где бушевала война, где сражались те, во имя кого они прошли через все тяжкие испытания в годы самодержавия и под руководством великого Ленина штурмовали старый мир, открывали новую эру человечества, затем строили молодую Красную Армию, защищали добытую кровью, муками и страданиями рабочего класса и трудового крестьянства родную Советскую власть.

Новое грозное оружие

В многообразии дел, ставших привычными, порой происходили события, рождавшие большие надежды. Одним из таких событий было появление совершенно нового и грозного оружия — гвардейских минометов БМ-13 и БМ-8, получивших впоследствии на фронте поэтическое название — «катюши».

Только за несколько дней до начала Великой Отечественной войны были закончены государственные испытания этого оружия, принято решение об организации массового производства и формировании реактивных минометных частей. В штабе округа не знали, что уже сформированы 1-я, а затем и 2-я батареи «катюш» и под командованием капитанов И. А. Флерова и К. П. Небоженко отправлены для окончательной проверки в бою.

В середине июля я неожиданно был срочно вызван в Государственный Комитет Обороны. Я не знал, к чему надо быть готовым, какими сведениями и документами запастись, поэтому решил ехать без бумаг, перебирая в памяти все наиболее важное. И по дороге в Кремль промелькнула мысль: а может быть, на фронт, может быть, наконец осуществится мое желание?

В ГКО меня принял Г. М. Маленков и спросил:

— Знаете ли вы что-нибудь о реактивных минометах?

— Нет, — ответил я. — О таком оружии первый раз слышу. Если речь идет о пушках ДРП (динамическо-реактивных 76 мм пушках), то о них представление имею. Еще в 1930 году их демонстрировали нам, слушателям Военно-политической академии, в Ленинграде. Пушки понравились простотой конструкции, хорошей подвижностью, правда, у них был серьезный недостаток — малая дальность полета снаряда и демаскировка огневых позиций. Но с тех пор о судьбе этих пушек я больше ничего не слышал.

— Нет, это совсем другое, абсолютно новое оружие, способное в считанные секунды выпустить десятки снарядов с одной установки. Сейчас Центральный Комитет партии и Государственный Комитет Обороны организуют его массовое производство, и в ближайшие дни начнется формирование отдельных дивизионов и полков.

— Кто будет этим заниматься? — спросил я.

— Непосредственное руководство формированием будет осуществлять от ЦК и ГКО Л. М. Гайдуков, от Главного артиллерийского управления — военинженер 1-го ранга В. В. Аборенков. К ним вы зайдете за более подробной информацией.

— Хорошо.

— Теперь самое главное. Отбором личного состава в эти части будет заниматься комиссия ЦК партии, а на Военный совет округа, и на вас лично возлагается ответственность за представление комиссии личного состава из числа мобилизованных. Следует подобрать больше коммунистов и комсомольцев, кадровых рабочих, обеспечить формирования в срок лучшим боевым имуществом, положенным по табели, и строго контролировать своевременное его поступление, а также организовать всю партийно-политическую работу до ухода этих частей на фронт. Вот за все это в Военном совете округа вы персонально несете ответственность перед ЦК и ГКО.

Разговор окончен. Я тут же поехал в Главное артиллерийское управление к В. В. Лобренкову. Он пригласил в кабинет Л. М. Гайдюкова и познакомил нас. Они посвятили меня в некоторые тайны нового оружия, в планы формирования частей, сформулировали основные требования к оборону личного состава, предупредили еще раз о соблюдении строжайшей тайны и о том, что личный состав будет изучать материальную часть только перед отправкой на фронт.

Теперь, когда я узнал некоторые подробности о новом оружии, на душе стало как-то спокойнее. Конечно, оно не могло решить исход войны, не было «абсолютным», как и вообще не существует оружия, способного само по себе воевать и побеждать. Но в руках советских воинов новые боевые машины должны были стать грозной силой, внести свой вклад в наше святое дело разгрома фашистских захватчиков, и конкретно сейчас — в оборону Москвы, помогут изменить ход событий в нашу пользу.

Правда, говоря откровенно, в тот момент я еще не очень четко представлял действительные боевые возможности новой техники. Объяснили мне «на пальцах», в кабинете, а не на полигоне. Уяснил только, что боевая машина БМ-13 имела шестнадцать направляющих для реактивных снарядов калибра 132 мм, весом каждый 42 килограмма. Дальность полета снаряда — около 8,5 километра. Одновременный залп батареи из пяти машин — 80 снарядов. БМ-8, монтируемая на шасси автомобиля ЗИС-6, имела тридцать шесть направляющих для 82 мм снарядов, а на гусеничном шасси Т-40, Т-60 или трактора СТЗ — двадцать четыре.

Но даже из этой краткой информации не трудно было понять, что может принести эта техника: исключительная маневренность, скрытность сосредоточения, неожиданность удара, мощнейший секундный залп, малая уязвимость — все это открывало большие возможности для эффективного применения боевых машин в нужное время и на решающих участках. Ну как было не преклониться перед нашими учеными, конструкторами, рабочими, создавшими

ми в труднейших условиях войны такую грозную и столь необходимую боевую технику.

Обо всем этом я рассказал командующему, мы обсудили с ним порядок выполнения этого задания, начальникам штабов и управлений отдали распоряжение — вне всякой очереди удовлетворить потребности этих формирований.

Примерно через два-три дня Военный совет получил постановление ГКО о сформировании десяти отдельных дивизионов БМ-13 и БМ-8, для чего создавался Центр формирования ГМЧ (гвардейских минометных частей), а начальник 1-го Московского Краснознаменного артиллерийского училища полковник Ю. П. Бажанов (сейчас — маршал артиллерии, начальник академии ПВО страны) назначался по совместительству и начальником этого Центра.

До 22 июля мне не приходилось лично встречаться с Ю. П. Бажановым, и первая наша встреча произвела приятное впечатление. Открытое русское лицо, мощная фигура тяжелоатлета, подтянутость и собранность, по-военному чеканные слова доклада свидетельствовали о том, что этот человек крепкой военной косточки прошел большую жизненную школу, хорошо знает свое дело. Излагал он свои соображения кратко, четко.

Суть его доклада так отмечена в моей рабочей тетради: «Первая очередь — пять дивизионов, сегодня заканчивают обмундировку. Завтра — вторая очередь. Распоряжения Военного совета выполняются точно. Необходимо получить 1,5 тысячи пар сапог. Представители Политуправления активно помогают в подборе личного состава, в создании партийных и комсомольских организаций, проводят работу по повышению бдительности и строжайшему сохранению военной тайны. Недостает личного оружия комполитсоставу и боевым расчетам».

В целом положение можно было считать удовлетворительным. Что касается личного оружия, то в нем округ испытывал постоянную нужду, так как перед войной спяли с вооружения и производства револьвер «наган», а новый пистолет «ТТ» в мобилизационный запас не производился.

Перенос Центра формирований в лагеря создал ряд трудностей, особенно с экипировкой личного состава, его размещением. Пришлось заниматься и подбором секретарей партийных и комсомольских организаций, врачей, фельдшеров...

Энергии и настойчивости Бажанова можно было позавидовать. Он не только по нескольку раз в день звонил по телефону, приезжал в Военный совет и управления для разрешения различных вопросов по формированиям, но и подключил к этому политотдел училища. Начальник политотдела артиллерийского училища, полковой комиссар Лопасев регулярно докладывал Военному совету

о ходе формирования. Мне нравилось в них это душевное беспокойство за порученное дело, глубокое понимание его важности.

В практике работы командующего и лично моей было твердое правило — не откладывать решения срочных вопросов, а рассматривать их тут же в присутствии заявителя или после разговора по телефону. Так и в этом случае — все необходимые распоряжения давались немедленно, устанавливались конкретные исполнители, сроки и все бралось под строгий контроль. В результате формирование дивизионов было закончено по плану, и в установленный срок они получили боевой приказ о выступлении на фронт.

Но это было только началом. Потом состоялось решение Государственного Комитета Обороны о сформировании еще восьми гвардейских минометных полков: 4 полка БМ-13 и 4 полка БМ-8 из двадцати восьми дивизионов. Это решение было воспринято нами с большим воодушевлением. Через В. В. Аборенкова мы уже знали о результатах применения первых батарей на фронте. Он рассказывал, что фашисты были потрясены, они метались по полю боя, ища спасения. И наши бойцы, увидев проносящиеся над своими головами извергающие гул и пламя «огненные кометы», сначала растерялись, а когда увидели, что творится в стане врага, пришли в неопикуемый восторг и так громко кричали «ура», что гитлеровцы ударились в еще большую панику. Нужно ли говорить, какое огромное моральное воздействие на наши войска оказывала такая эффективная поддержка, как это подняло их боевой дух и укрепило веру в победу.

За очень короткий срок было создано двадцать восемь дивизионов гвардейских минометов, насчитывающих 115 батарей, способных в одном коротком залпе выпустить до 1500 снарядов большой разрушительной силы. Это стало возможным благодаря патристическому и трудовому подвигу героического советского народа, в первую очередь коллективов московских заводов «Компрессор» и «Электросталь», и ряда других, производивших детали, монтировавших установки БМ и выпускавших боеприпасы.

Свое отношение к выполнению особой срочности и государственной важности задачи, поставленной ГКО, ярко выразили коммунисты «Компрессора», записавшие в решении партийного собрания о том, что невыполнение в срок задания «...будет расценено как измена Родине».

Для всех соприкасавшихся с этим новым оружием было совершенно очевидным, что сделан еще один шаг на пути к преодолению неблагоприятного для нас хода войны и перелома ее в нашу пользу.

Устрашающее действие «катюш» заставило бить тревогу и самого Гитлера. 14 августа он отдает приказ: «Русские имеют авто-

матпеческую многоствольную огнеметную пушку... При захвате таких пушек немедленно сообщать». Тогда фашистское командование не могло сообразить, что это такое за «огнеметные пушки». Через четырнадцать дней кое-какое просветление в мозгах наступило. В новой директиве командующим фронтами и группами, озаглавленной: «Русское орудие, метающее ракетаобразные снаряды», Гитлер указывает и требует: «Войска доносят о применении русскими нового вида оружия, стреляющего реактивными снарядами. Из одной установки в течение 3—5 секунд может быть произведено большое число выстрелов... О каждом появлении таких орудий немедленно допустить командующему химическими войсками при Верховном Командовании в этот же день».

Гитлер предпринимает лихорадочные меры к палачиванию производства оружия подобного типа. Но находившиеся на вооружении вермахта шестиствольные минометы (прозванные нашими солдатами «дурплами») по боевым характеристикам, эффективности огня не шли ни в какое сравнение с нашими «катюшами». Характерным является признание Гальдера. 18 августа он пишет в своем дневнике: «Полковник Окснер. а) о новом виде оружия. У противника появилось оружие массированного огня, подобное нашему шестиствольному миномету... Может быть, это ракеты... б) В боеприпасах для шестиствольных минометов вследствие низкой теплоустойчивости за время доставки их (4—6 недель) заряды уменьшились в объеме на $\frac{1}{3}$ »¹.

«...28 ноября 1941 г. Полковник Окснер. Затруднения с тяжелыми метательными установками (рамы метательных установок часто перекашиваются, кассеты взлетают в воздух вместе со снарядами, 25 процентов недолетов)... Трудность подготовки боеприпасов к стрельбе... По данным разведки, русские имеют 16 полков реактивных установок. Производство в Москве. Боеприпасы хорошие»².

Так в капун решающих сражений под Москвой появилось у нас новое грозное оружие, вызвавшее смятение у гитлеровской верхушки и военного руководства, а еще большее — у тех, кому на своей шкуре довелось испытать удары гвардейских минометных частей. Противопоставить этому замечательному творению советских конструкторов гитлеровцам было нечего. А народ наш уже давал фронту и такую босвую технику, как танки Т-34, самолеты-штурмовики Ил-2, автоматы ППШ и многое другое совершенное оружие.

¹ Ф. Гальдер. Военный дневник. М., Воениздат, 1971, т. 3, кн. 1, стр. 284—285.

² Там же, кн. 2, стр. 77—78.

Политбойцы

Уже в первый месяц войны Центральный Комитет партии провел ряд экстраординарных мер, направленных на усиление отпора врагу, в том числе и специальных мобилизаций коммунистов и комсомольцев. Это делалось для того, чтобы укрепить ряды действующей армии, поднять боевой дух войск, вселить веру в нашу победу, остановить продвижение врага.

Помимо частных мобилизаций коммунистов на политическую работу в действующую армию, по которым только московские организации дали 5479 человек из своего актива, 27 июня Центральный Комитет принял решение провести новую мобилизацию 11 500 коммунистов и комсомольских активистов в Московской, Горьковской, Ивановской, Калининской, Тульской и некоторых других областях, входивших в Московский военный округ, для послышки на фронт в качестве политбойцов.

На основе этого решения ЦК 28 июня Главное управление политической пропаганды РККА возложило на Военный совет и Управление политпропаганды округа организацию военной подготовки мобилизованных коммунистов и комсомольцев. Это задание было выполнено, и полностью экипированные политбойцы ушли на фронт.

Подобных мобилизаций в летние месяцы 1941 года было несколько. Как инфильтровал начальник Главного управления военно-учебных заведений (мобилизованные коммунисты обучались при военных училищах и курсах) генерал-лейтенант И. К. Смирнов, по всей территории Советского Союза было мобилизовано около 200 тысяч политбойцов.

В мобилизации коммунистов была заложена глубокая ленинская идея, проверенная в огне гражданской войны, когда на решающие участки фронта партия направляла свои лучшие силы, и они, вливаясь в сражающиеся части, поднимали боевой и революционный дух бойцов, крепили организованность и дисциплину, цементировали ряды пламенным большевистским словом и личным примером воодушевляли красноармейцев на подвиги. На своем собственном опыте участия в борьбе с Колчаком и Врангелем, в боях у озера Хасан и в снегах Финляндии я убедился на множестве примеров, что и один коммунист способен зажечь сердца сотен бойцов, в самый трудный момент поднять их в атаку, укрепить в них мужество и стойкость.

Решение Центрального Комитета предусматривало обязательную месячную военную подготовку мобилизованных коммунистов и комсомольцев и дальнейшее их распределение по подразделениям и частям действующей армии. Но на практике получалось

пначе — уже через две недели армейским комиссаром Л. З. Мехлисом нам было приказано отправить 75 рот на Западный фронт и остальные 50 — под Ленинград и на другие важные участки.

Как докладывали наши сопровождающие, в ряде случаев эти роты прямо из эшелонов бросались в бой, сражались они героически, стойко отражали натиск превосходящих сил противника.

Под Ленинградом, Ярцево, Ельней — повсюду, где вводились в бой роты политбойцов и части, в которые вливались эти верные сыны партии, фашисты получали достойный отпор, а у наших бойцов крепла уверенность в том, что захватчиков можно не только остановить, но и разбить.

Эталоном высокого мужества и стойкости для всех воинов являлись коммунисты и комсомольцы — политические бойцы нашей партии. Уже в августе — сентябре в новых формированиях округа появились признаки ослабления партийной и комсомольской прослойки.

Обращаться к московским организациям по поводу мобилизации новых отрядов коммунистов мы уже не решались. Они отдали фронту по общим и специальным мобилизациям многие десятки тысяч своих членов и свыше 100 тысяч комсомольцев, а ведь перед промышленностью и транспортом города и области стояли огромные задачи — требовались люди на строительство оборонительных рубежей. При очередной встрече с А. С. Щербаковым я не утерпел и поставил этот вопрос. Щербаков сердито выговорил:

— Москва не может без счета отдавать людей, вам известно, что оборонно-промышленные предприятия столицы выполняют важнейшие задания фронта. Потребуется обстановка, тогда все коммунисты и комсомольцы, до последнего, встанут под ружье и будут вместе со всеми москвичами, с Красной Армией биться с врагом.

Пожалуй, впервые за время нашей совместной работы я видел Александра Сергеевича таким суровым. Однако его можно было понять. Он отлично знал положение, но на нем лежала ответственность не только за дела округа, но и за то, что должна сделать Москва для фронта. Объемы задания, получаемые от ЦК партии, от ГКО, с каждым днем увеличивались, для их выполнения была нужна организующая и мобилизующая сила коммунистов.

Немного успокоившись, Щербаков сказал:

— А вы обратитесь к Мехлису с просьбой выделить возможное количество из мобилизованных политбойцов для гвардейских минометных, танковых и артиллерийских частей. Ведь эти части идут на фронт, и никакого «местничества» со стороны округа здесь нет.

Это было резонно, и я позволил Л. Э. Мехлису. Но лучше бы этого не делать. Пришлось выслушать обвинения в «местничестве», нежелании понять обстановку на фронте и не видеть ничего, кроме своего округа и его интересов...

Выслушать пришлось много всякого. А в целом создавалось впечатление, что только он, армейский комиссар 1-го ранга, и болеет душой за общие интересы Родины, за положение на фронтах. При подобном тоне разговора возражать, объяснять что-либо было бесполезно. Но учиненный «разнос» без убедительных аргументов давал возможность оставаться при своем мнении. Я и остался при своем убеждении, что коммунисты и комсомольцы, прошедшие боевую подготовку в формированиях, будут лучше знать своих боевых товарищей и станут настоящими вожаками в бою. В этом случае они будут не только примерными воинами, но и с большим успехом выполняют свое призвание — быть политическими бойцами партии.

Пока же во многих случаях получалось и так, что политбойцы, не успев как следует познакомиться с боевыми товарищами, вступали в бой, не щадя себя, шли впереди в атаке, часто выбывали из строя. У них не было времени, чтобы зажигающим большевистским словом подготовить солдата к предстоящему испытанию.

Нам с начальником Политуправления округа ничего не оставалось делать, как скрупулезно учитывать всех коммунистов, поступающих по общей мобилизации, возвращавшихся из госпиталей после излечения, заменять молодые возрасты коммунистов во всех тыловых частях и учреждениях пожилыми и ограниченно годными. И все же решить полностью проблему не удалось, маршевые батальоны и роты подчас уходили на фронт с небольшим количеством коммунистов и комсомольцев.

Поиски новых боевых резервов

Примерно в середине августа, когда отсутствовал командующий, зашел ко мне начальник организационно-мобилизационного отдела комбриг Хрипунов. Он был озабочен и расстроен. Доложил:

— Товарищ член Военного совета! От Генштаба идут все новые и новые приказания о формировании, маршевых пополнениях, о создании ряда запасных бригад и частей, а все ранее

учтенные нами мобилизационные контингенты уже выбраны. Под угрозой выполнение ряда срочных заданий. Как быть?

Действительно, казалось, что округ уже полностью исчерпал свои ресурсы. А фронт требовал новых людских и материальных пополнений. И их надо было найти.

Обсудили этот вопрос на Военном совете и решили еще, в который уже раз, проверить правильность бронирования специалистов на предприятиях и в учреждениях, заменить военнообязанную молодежь на производстве пожилыми, возвращающимися из госпиталей по ранению и ограниченно годными для фронта, тщательно учесть всех военнообязанных, эвакуированных из районов, оккупированных противником и осевших на территории округа. Это дало буквально десятки тысяч новых бойцов и позволило выполнить все задания центра. Достаточно сказать, что только Московским облвоенкоматом при перерегистрации военнообязанных было выявлено 25 272 человека призывных возрастов, из которых было сформировано 32 маршевые роты, 4 гвардейские (для минометных частей) и 15 рот для укомплектования гвардейских частей. Этим же военкоматом за счет эвакуированного населения из других областей было сформировано четырнадцать стрелковых дивизий и пять рабочих колонн по 1000 человек каждая.

По указанию Военного совета военкоматами Московской области до 1 октября 1941 года был организован ремонт 2690 грузовых автомашин, 456 гусеничных тракторов для частей и соединений, следовавших на фронт и временно остановившихся на территории округа. Вот какими оказались наши резервы, когда единственным критерием стало: «надо».

Но это оказалось еще не все. Вскоре потребовались новые огромные усилия, чтобы обеспечить формирование десяти, а затем и еще шестнадцати танковых бригад, доформировать десять стрелковых и три кавалерийские дивизии, большое количество артиллерийских частей, всех дивизий Московского ополчения. По линии ПВО и ВВС шло интенсивное формирование, переформирование и доукомплектование как воздушных, так и наземных соединений и частей.

На территорию округа выходили с запада военные училища, школы специалистов, тыловые учреждения, многочисленные, но пустые базы и склады, десятки тысяч выводимых военкоматами военнообязанных беженцев. Только четкая и оперативная работа сотрудников окружного аппарата, военкоматов, активная помощь местных партийных и советских организаций позволяли справляться с этим потоком людей. Центральный Комитет и Московский комитет партии выделили нам в помощь большую группу своих работников — товарищей Букова, Нестерова, Дыбичинка

и других. Они помогали расширять «узкие места», в необходимых случаях обращались в соответствующие центральные и местные организации.

Очень непростой и одной из важнейших и первоочередных для нас оказалась проблема приема, размещения, лечения и обеспечения всем необходимым эвакуируемых с передовых позиций раненых фронтовиков. К 15 октября были развернуты 128 госпиталей на 40 800 коек, к 15 ноября — еще 20 на 5000 коек. Наркомздрав, московские организации и москвичи глубоко сознавали свой долг перед опаленными огнем войны бойцами, оказали самую горячую и действенную помощь, отдали под госпитали — санатории, дома отдыха, лучшие школы, окружили материнской заботой и любовью каждого раненого. И такое отношение действовало нередко сильнее многих лекарств, способствовало быстрейшему возвращению раненых бойцов в строй, с чувством признательности вспоминая о радушии москвичей и еще мужественнее сражавшихся с ненавистным врагом.

Как я отмечал выше, по ряду объективных причин нам не хватало оружия. Пришлось идти на крайние меры — в военных училищах и на курсах оставлять для обучения лишь минимум.

Военный совет понимал озабоченность начальников училищ. Их положение усложнилось: количество курсантов увеличилось намного, для ускоренного их обучения по сокращенной программе оружия только-только хватало. Надо отдать должное руководству училищ, — оно с честью вышло из столь затруднительного положения. Правда, пришлось на ходу пересмотреть порядок использования оставшегося вооружения, методiku обучения его применения, проявить творчество, изобретательность, но нормальный учебный процесс был обеспечен.

Проблема оружия оставалась острой до конца 1941 года, когда явственно начали сказываться огромная организаторская деятельность партии, ГКО и Советского правительства, трудовой подвиг рабочих оборонных предприятий. Вероятно, Московский округ испытывал такие трудности в большей степени, чем другие, так как на него возлагалось больше особо важных и срочных задач, связанных с вооружением многочисленных формирований и довооружением прибывающих и проходящих на фронт частей из внутренних округов. А справиться с этим округу удалось в значительной мере благодаря помощи центральных органов Наркомата обороны, особенно Главного артиллерийского управления.

В дни «затишья»

Если в ходе Смоленского сражения враг встретил упорное сопротивление и вынужден был перейти на Московском направлении к обороне, то неудачи на Юге держали нас в постоянном напряжении. Черная тень фашистской свастики надвигалась на правобережную Украину. В осаду попала Одесса, под ударом оказалась угольно-металлургическая база — Донбасс. Часть резервов Ставки, предназначенных для Западного направления, поворачивалась на Юг, туда, где враг, разорвав Юго-Западный и Южный фронты, продвигался в Донбасс, к Крыму, имевшему исключительное значение не только как база Черноморского флота, но и база боевого и продовольственного снабжения осажденной Одессы.

Каждое утро и поздним вечером Военный совет заслушивал доклады генералов Белова или Кудряшова о положении на фронтах, анализировал, как эта обстановка может сказаться на Московском направлении, определял, чем еще мы можем помочь фронту.

В ходе Смоленского сражения родилась Советская гвардия. За стойкость в обороне, мужество, решительность и бесстрашие в наступлении первыми гвардейского звания были удостоены четыре стрелковые дивизии. В этом событии зримо отразились рост боевой зрелости, способность противостоять сильному врагу и наносить по нему чувствительные удары. Но как нелегко добывались эти успехи и как много еще нужно сделать, чтобы извратить Москву от всяких неожиданностей.

Враг ослаблен, задержан, но и нам нужно восстановить, умножить силы. А это требует времени. Теперь самое важное — успеет ли наша промышленность дать все необходимое не только для восполнения потерь в боевой технике, но и для наращивания мощи, подойдут ли новые резервы Ставки до того, как враг начнет новый штурм на Московском направлении?

Из докладов командиров штаба округа, поддерживающих связь со штабами Западного и Резервного фронтов, из сообщений выезжавшего туда командующего Артемьева складывалось впечатление, что эти фронты в общем-то в состоянии отразить очередную попытку врага прорваться к Москве. Войска приводились в порядок, закапывались в землю, пополнялись людьми, техникой, боеприпасами.

Настораживала, однако, скудость данных в разведсводках Генштаба о положении дел у противника. Если бы судить только по ним, то можно было представить, что мы уже настолько сильно победили его, что он вынужден отсиживаться, не помышляя о возобновлении наступления. Но не обманываемся ли мы? Учитываем ли

должным образом уроки первых двух месяцев войны, большую оперативную мобильность противника, способность в короткое время сосредоточивать в ударные кулаки свои танковые и моторизованные дивизии? Не объясняется ли, наконец, некоторая пауза здесь, помимо неожиданно встреченного противником стойкого сопротивления наших войск и понесенных потерь, также и тем, что его 2-я танковая и 2-я полевая армии были повернуты на юг для решения большой стратегической задачи, после чего рассчитывает добиться успеха на Московском направлении? Все это для нас были далеко не праздные вопросы. Ответ на них должен был определять круг и объем задач по дальнейшему укреплению обороны столицы.

А положение на фронтах во второй половине сентября становилось все тревожнее. Хорошо, конечно, что враг остановлен на Центральном направлении, на Крайнем Севере, на реках Свирь и Волхов, что захлебнулось его наступление против войск Северо-Западного фронта. Но ведь это были явно не главные и решающие направления в планах врага. На юге пал героический Киев, враг ворвался на левобережную Украину, в Донбасс, блокировал Крым. В осаде — сердце Октябрьской революции — Ленинград. Не радовали вести и с Брянского фронта, созданного Ставкой 14 августа. Попытка командования этого фронта нанести фланговый удар по 2-й танковой и 2-й полевой армиям врага, устремившимся на юг в тыл Юго-Западному фронту, окончилась неудачей, и опасность прорыва врага на Москву через Брянск оставалась вполне реальной.

Появились и другие свидетельства о приближении решающего этапа борьбы за Москву: усилилась воздушная разведка строящихся оборонительных рубежей, железнодорожных узлов, участились массированные удары по важнейшим оборонным предприятиям и объектам ближайшего фронтового тыла. Доклады командующего Московской зоной ПВО генерала М. С. Громадина говорили об этом со всей очевидностью. Если в июле в зоне Московского корпусного района ПВО пролетало 964 вражеских самолета, а в августе — 1250, то в сентябре уже 1998. Крупные группы бомбардировщиков совершили налеты на некоторые объекты оборонного значения уже в глубоком тылу округа. Это были серьезные признаки того, что враг готовится к решающему наступлению на Москву.

В это время Главное управление оборонного строительства обратило особое внимание на строительство Можайского рубежа. 4 сентября нам предписывается усилить маскировку оборонительного рубежа и возводимых сооружений, 13-го — высылаются специальная комиссия этого управления для проверки хода строи-

тельства; по ее докладу Генеральный штаб 20 сентября предлагает нам устранить ряд недостатков и провести дополнительные мероприятия. Мы, естественно, были признательны за конкретные указания на недостатки и приняли все возможные меры к их устранению.

После неожиданного глубокого прорыва противника 5 октября на Юхнов Верховное Главнокомандование возложило всю полноту ответственности за удержание Можайского рубежа на командование Московского военного округа, и оно сосредоточило на этом не только свое внимание, но и силы и средства. Надо было отрешиться от всего, что отвлекло от решения этой важной задачи. А тут появился еще один враг — провокационные слухи, распространяемые среди населения и даже в некоторых воинских частях. Начиная с июля, а особенно в августе и сентябре, с различных мест и разными способами стали поступать сообщения о якобы высаженных противником воздушных десантах. Проверка подтверждала, что вражеская агентура начала широкое психологическое наступление, пытаясь посеять смятение и дезорганизацию в наших рядах.

По этому поводу Главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов в книге воспоминаний «На службе военной» пишет: «Тревожное время переживала Москва. Как-то я застал Сталина, когда он стоял у стола и возбужденно говорил с кем-то по телефону.

— Парашютисты? Сколько? Рота? А кто видел? Вы видели? А где высадились? Вы — сумасшедший, не может быть, я не верю. Я говорю вам, не верю. Вы скоро скажете, что на ваш кабинет высадились...

Верховный с раздражением бросил трубку телефона и сказал:

— Вот уже несколько часов меня терзают воплями о немецких парашютистах, не дают работать, а сами не видели и понятия не имеют. Болтуны и паникеры».

К счастью, получая сообщения о «высадке» воздушных десантов, Верховному или Генштабу Военный совет округа их не докладывал без проверки ни разу.

В начале войны мы получили серьезный урок, когда заброшенные в ближайший к границе тыл фашистские шпионско-диверсионные группы выводили из строя средства связи, базы снабжения, мосты, вносили дезорганизацию разного рода ложными слухами. Были все основания предполагать, что, готовясь к решительному наступлению на Москву, враг вновь использует все эти методы для обеспечения успеха.

Почти с каждой страницы центральных и московских газет раздавались призывы к повышению бдительности, к решительной борьбе с провокационными слухами и их распространителями.

Состоявшееся 29 сентября собрание московского городского партийного актива уделило большое внимание и этому вопросу. В своем докладе А. С. Щербаков с особой остротой подчеркивал:

— Нельзя проходить мимо и терпимо относиться к людям, — говорил он, — распространяющим всякие провокационные слухи. Там, где коммунисты беззаботно относятся к этому делу, враждебные элементы, трусы и паникеры поднимают голову. Враг не ждет специальных собраний или бесед, он действует более гибко, пуская провокационные слухи в очереди в магазине, в трамвае или в поезде, в столовой или курилке, в беседе с глазу на глаз. Мы обязаны поэтому везде и всюду разоблачать паникеров и провокаторов, не давать им спуска, а наиболее злостных из них предавать суду по законам военного времени¹.

Выслушав доклад, я вспомнил донесения политорганов за последние дни и понял, что все, о чем говорил А. С. Щербаков, имеет прямое отношение к воинским коллективам. Вопрос повышения бдительности приобретал для Военного совета, политорганов и парторганизаций актуальное значение. Отдельные случаи проникновения в части провокационных слухов, превратного толкования хода войны требовали более энергичных мер в улучшении политического воспитания воинов.

Обо всем этом состоялся подробный разговор с работниками Политуправления округа, активом коммунистов штаба и управлений, затем — с начальниками политорганов и военкомами частей и управлений гарнизона и округа. Были намечены конкретные мероприятия. Руководящий состав округа провел ряд совещаний и собраний в частях, в военных училищах, а лично — в Горьковском военно-политическом училище среди будущих политработников и в 30-й запасной стрелковой бригаде. На Военном совете мы заслушали доклады военного прокурора и председателя Реввоентрибунала округа и определили их меры в борьбе с распространителями провокационных слухов и прямыми провокаторами.

Не все знают о том, что в военное время Военные советы наделяются особой властью, в местах, объявленных на военном или осадном положении, им дается право по представлению органов Госбезопасности, прокуратуры или военного трибунала решать судьбу провинившегося военнослужащего и гражданского лица. Всякий формализм при рассмотрении представлений этих органов, проявление равнодушия, желание подчеркнуть свою власть могли привести к непоправимым ошибкам. Это налагало на Военный совет особую ответственность, требовало высокой партийно-

¹ Архив ИМЭЛ при ЦК КПСС, ф. 88, оп. 1, д. 850, л. 48.

сти в решении судьбы каждого человека, умения отделить случайный проступок от сознательного преступления, совершенного злонамеренно, с враждебной целью. Злостные распространители ложных провокационных слухов в военное время относятся к категории наиболее опасных преступников, и проявление либерализма к ним было бы преступлением перед Родиной. И когда вина задержанных провокаторов и враждебные мотивы их действий были доказаны — они несли самую суровую и справедливую кару.

С 10 сентября в сводках Совинформбюро и Генштаба неизменно сообщалось: «На Западном фронте без перемен». Стабилизировалось положение и на Брянском фронте. Но в последней декаде сентября в информации Генштаба все чаще стали появляться сведения о сосредоточении в группе армий «Центр» крупных сил противника.

Хотя сообщения Генштаба, штабов Западного и Резервного фронтов не давали серьезных оснований для тревоги, состояние крайней напряженности не покидало командование Московским военным округом. И тогда мы решили провести одно мероприятие, сыгравшее, как показали последующие события, весьма важную роль в защите столицы.

Примерно в середине сентября в кабинете П. А. Артемьева состоялся разговор с командующим ВВС Н. А. Сбытовым и командующим Московской зоной ПВО М. С. Громадним.

— Может ли авиация ПВО организовать непрерывное наблюдение за всеми передвижениями войск в полосе от расположения Резервного фронта до Можайской линии обороны? — спросил Артемьев.

— Нет, не может! — сказал Громаднн. — Это отвлечет ее от выполнения прямых задач: отражения налетов вражеской авиации. — И, немного подумав, добавил: — Пожалуй, только в самых неотложных случаях.

— Возможно ли, Николай Александрович, организовать барражирование в светлое время суток самолетами частей ВВС МВО, находящимися на формировании и доукомплектовании? — спросил тогда Артемьев Сбытова.

— Сделать это трудно, но возможно, — ответил он. — Главная проблема — горючее, слишком строго лимитируемое ВВС. Вторая — мало истребителей с большим радиусом действия, нет самолетов-разведчиков. В округе находятся на формировании 173-й и 321-й авиаполки бомбардировщиков Сб и Пе-2, 502-й штурмовой полк на Ил-2, 606-й бомбардировочный полк на Р-5, отдельная авиаэскадрилья пилотов Егорьевской школы на самолетах Ил-15

и только один 120-й истребительный авиаполк на машинах И-153. Вот, пожалуй, ему и можно поручить эту задачу.

Да, к этому времени авиацией мы были еще бедны и понимали, что одному 120-му полку будет нелегко. И все же распоряжение было отдано: со следующего дня начать систематический облет указанной зоны и о всех сколько-нибудь значительных передвижениях войск, особенно о появлении танков противника, немедленно докладывать Военному совету. Мы отдавали себе отчет и в том, насколько трудным было положение в стране с горючим и смазочными материалами, и все же пошли на дополнительный их расход. Полеты начались. Через штаб ВВС МВО легчики ежедневно докладывали обо всем, что наблюдали, их сведения в отдельных случаях уточнялись через Генштаб. До начала октября все обстояло внешне благополучно, военная жизнь шла своим чередом.

Можайскому рубежу нужны реальные силы

А признаков надвигающихся грозных событий становилось все больше. И Военный совет встал перед необходимостью срочного формирования воинских подразделений и штабов для укрепленных районов Можайского рубежа. Конечно, заняв войсками все 150 батальонных районов переднего края мы не рассчитывали, для этого нужно было иметь 20—25 стрелковых дивизий. Но дать каждому укрепрайону хотя бы по одному артиллерийско-пулеметному батальону, чтобы перекрыть важнейшие направления на Москву,— такую задачу надо было обязательно решать. И опять изыскивали людские резервы, сколачивали батальоны, снабжали их оружием даже иностранных образцов. Но как только о завершении их формирования узнавало Главное управление формирования (Главупформ) РККА, возглавляемое армейским комиссаром 2-го ранга Е. А. Щаденко, батальоны у нас тут же забирали и отправляли на фронт.

Е. А. Щаденко был человеком крайне своеобразным. Прежде чем получить от него ответ на какой-либо срочный вопрос, приходилось долго выслушивать всякого рода нравоучения, пересыпанные воспоминаниями из гражданской войны, рассказами о том, как он разрешал любые проблемы в Первой Конной армии. Затем начинались разъяснения о положении на фронте, куда-де необходимо в первую очередь направлять резервы, дорожка каждым человеком, а не растранижировать их на всякие второстепенные объек-

ты, к которым собеседник относил и Можайскую линию обороны. Трудно было работать с Е. А. Щаденко, но и обойти начальника Главупрформа РККА было почти невозможно. Мы, правда, иногда ухищрялись это делать. В Генеральном штабе работало много прекрасных и вдумчивых командиров. Маршал Б. М. Шапошников, его заместитель генерал А. В. Василевский, дивизионный комиссар Ф. Е. Бокор, генералы Н. А. Ломов, С. М. Штеменко и многие другие всегда внимательно слушивали нас, тут же принимали решение или убедительно разъясняли причину отказа. Но они были крайне перегружены неотложными делами, и не всегда удобно было их отвлекать.

А это приводило к тому, что через аппарат Генштаба к середине сентября удалось, да и то неполностью укомплектовать штабы укрепрайонов (исключая Калужский), ввести в их штат хозяйственные ячейки. Только 16 сентября было разрешено сформировать для укрепрайонов по взводу летучей почты, вместо положенных отдельных рот связи, а для оперативной группы штаба МВО — 371-й отдельный батальон связи. 21 сентября Главупрформ внял наконец нашим просьбам и разрешил сформировать один артиллерийско-пулеметный батальон на три укрепрайона. И только когда враг обрушил свой удар по Брянскому фронту, было получено разрешение сформировать к 7 октября 301, 302, 303 и 304-й артпулеметные батальоны и вывести их на Можайскую линию обороны. Наверное, нам тоже нужно было проявить больше настойчивости и, не стесняясь, обращаться к тем, кто мог оказать нам помощь.

И опять по ночам мы с командующим вызывали Громадина, Белова, Сбытова, Кудряшова, начальника Политуправления Миронова. Считали, пересчитывали, составляли варианты использования внутренних сил и средств. А что можно было придумать, когда в нашем распоряжении была выведенная Ставкой с фронта на переформирование 330-я да вновь формируемая Латышская стрелковые дивизии. Оставались еще военные училища, курсы и запасные части, но все они организационно не были приспособлены к действиям в полевых условиях. Две дивизии оперативных войск НКВД подчинялись округу только в гарнизонной службе. Вот и все. Правда, были еще двадцать пять истребительных батальонов в городе и свыше пятидесяти по области, но их надо было перевооружить и довооружить, обучить личный состав военному делу. А. С. Щербаков, Б. Н. Черноусов, В. П. Пронин и П. С. Тарасов заверяли Военный совет, что при необходимости они поднимут еще многие тысячи людей из числа рабочих дружин на предприятиях, если сумеем снабдить их оружием и командными кадрами. Большая надежда у нас была и на ЛВО Москвы, пред-

ставлявшую к тому времени большую силу. Командование и политорганы ПВО провели большую работу по подготовке зенитчиков к наземной обороне, особенно по борьбе с танками, по повышению бдительности и оперативности в работе постов ВНОС.

Правда, работники Наркомата обороны говорили, будто наши тревоги напрасны, что наше дело — хорошо подготовить (на всякий случай) оборонительные рубежи. Дескать, если Западный и Резервный фронты не выдержат удара и будут вынуждены отходить, они осядут на Можайском рубеже, и дальше уже враг не пройдет. В случае необходимости и Ставка отправит на этот рубеж свои резервы.

Не буду кривить душой, в обоснованность таких мнений мы верили, в известной мере они соответствовали и нашим предположениям. Думалось, что после Смоленского сражения и контрудара под Ельней уже не может повториться то, что произошло в первые недели войны.

И если командование МВО проявляло повышенную заботу о насыщении Можайской линии обороны реальной силой, то исходило из желания пметь дополнительную страховку для борьбы с воздушными десантами. Амстердам, захваченный внезапно немецко-фашистскими воздушно-десантными войсками, был тому серьезным предостережением.

Сентябрь подходил к концу. В суровый ритм военной жизни порой вплетались и мирные нотки. Каким забытым покоем дышала небольшая заметка в газете «Московский большевик» за 27 число, озаглавленная «Осенние посадки». За ее строчками вставала радостно оживленная Москва с ее прекрасными площадями, зелеными бульварами, пьянящим ароматом цветов — со всем тем, чего мы порой не замечали в мирной нашей жизни. И вдруг сейчас читаю знакомое: «На центральных бульварах столицы начаты осенние посадки цветов-многолетников. В Александровском саду, на Тверском бульваре впервые в большом количестве высаживаются пионы лучших сортов, дельфиниумы, нарциссы, ирисы. Живописно будет выглядеть Никитский бульвар. Его аллеи украсят американский ясень, пенсильванская вишня, черемуха. В других местах появятся тысячи новых кустов: сирень, спирея, желтая акация, жасмины».

Какую веру в свои силы надо было иметь, чтобы сажать цветы, украшать город редкостными заморскими растениями, когда враг стоит на дальних подступах к городу и готовится к новому прыжку. Как надо любить свой город, чтобы после многочасового напряженного труда выйти на улицы, рыхлить землю и бережно укладывать в лунки нежную цветочную рассаду.

А вот еще: «Моссовет вновь открывает на Сретенке, 6 времен-

но закрытую школу изобразительных искусств для школьников старших классов»...

Читая все это, можно было на какое-то, очень короткое время забыть о заботах, связанных с положением на фронте, особенно на юге. Но только на очень короткое. Вот сообщения этой же газеты — суровая правда войны — стирала иллюзии картинки, напоминали о необходимости готовиться к новым испытаниям. Пока одни москвичи высаживали цветы, кустарник, деревья, другие смотрели в кинотеатре «Москва» учебный фильм «Самозарядная винтовка образца 1940 года», в «Коллизе» — «Помощь газотравленному». Потом они менялись ролями.

И хотя приятно было побыть хоть недолго в мире светлых воспоминаний, больше надо было помнить и думать о сегодняшнем и завтрашнем дне. Об этом еще раз напомнил на собрании московского городского партийного актива 29 сентября А. С. Щербаков. От имени ЦК ВКП(б) он потребовал от каждого коммуниста твердо, с предельной ясностью осознать, что опасность велика, что война будет длительной, упорной и все более ожесточенной, что нас еще ждут впереди суровые испытания, к которым без промедления надо готовиться.

И актив призвал коммунистов и всех трудящихся столицы бдительно стоять на боевом посту, не жалеть ни сил, ни средств для помощи фронту.

Первый сигнал тревоги

День 30 сентября начался с привычных забот. С раннего утра непрерывно шли на прием командиры, политработники, решались самые разнообразные вопросы. С картой оперативной обстановки зашел А. П. Кудряшов. За истекшую ночь на фронтах Западного направления не отмечалось существенных событий. Мои рабочие записи на этот день скупы — ничего значительного и экстраординарного.

Первая тревожная весть поступила в ночь на 1 октября. На участке Брянского фронта противник крупными силами начал наступление. Целый день шел тяжелый бой, местами врагу удалось вклинуться в нашу оборону, но из-за частых перерывов связи с командованием фронта нет точных сведений о положении к исходу дня. Поскольку из отрывочных сообщений трудно было составить четкое представление о масштабах вражеского наступления и его задачах, высказывалось предположение, что эта акция имеет ограниченные цели, связанные, очевидно, с действиями

группы армий «Юг», и какого-либо влияния на положение Москвы не окажет, тем более что «на Западном фронте без перемен». Правда, из полученной нами директивы Ставки от 27 сентября было видно, что командование Западного, Резервного и Брянского фронтов предупреждалось о возможном наступлении противника в ближайшие дни на Московском направлении. Ставка потребовала приведения войск в полную боевую готовность, но из этого еще не было оснований полагать, что начавшееся на участке Брянского фронта и есть «то наступление».

Были вызваны к командующему начальники отделов и управлений и им было приказано принять все меры к ускорению формирования 1-м Краснознаменным артиллерийским училищем артиллерийско-пулеметных батальонов, артиллерийских полков. Кудряшов должен был срочно выслать сотрудников опергруппы вместе с работниками Политуправления для проверки готовности оборонительных сооружений Можайского рубежа и мобилизации строителей на быстрейшее завершение работ. Военный совет одобрил решение начальника Политуправления округа бригадного комиссара Н. М. Миронова направить в укрепленные районы выездные редакции окружной газеты «Красный воин». М. С. Громадин и Д. А. Журавлев сообщили о предпринимаемых мерах боевой готовности по линии ПВО, а Н. А. Сбытов — по линии ВВС.

День 1 октября прошел в напряженном ожидании более определенных сведений о положении на Брянском фронте, так как с Западного по-прежнему никаких тревожных вестей не поступало. Судя по отсутствию ориентировок, сведения с Брянского фронта и в Генштаб поступали скупо. Поэтому командующий принял решение выехать в 14-ю запасную стрелковую бригаду под Тулу, а своего заместителя генерал-майора Н. П. Никольского направил в запасные части на восток с целью ускорить формирование артиллерийско-пулеметных батальонов и проверить подготовку маршевых пополнений. Я оставался на месте для руководства текущими делами.

2, 3 и 4 октября аппарат округа работал по-боевому. Нужно было добыть все необходимое для формируемых артиллерийско-пулеметных батальонов, спешно закончить формирование 6 либерных гвардейских минометных полков, 5 и следующих за ними еще 11 танковых бригад. И самым острым по-прежнему оставался вопрос вооружения. У нас сложились очень хорошие отношения с начальником артиллерии Красной Армии и начальником Главного артиллерийского управления и другими руководящими работниками их аппаратов. Они всегда были внимательны к нашим нуждам, но, к сожалению, не всегда могли их удовлетворить. И в эти дни они могли выделить лишь несколько десятков стаи-

ковых пулеметов, а требовались сотни, нужно было ждать получения 45 и 76 мм пушек — подходили транспорты по железной дороге. Пришлось взять некоторое количество у ПВО зенитных орудий из резерва, пулеметы и артиллерию иностранных образцов, хотя это нас никак не устраивало, ибо мало кто из командиров, призванных из запаса, знал эту технику, на изучение требовалось время, а им-то мы и не располагали. Однако другого выхода не было. С большим трудом, но разыскали командиров, знавших эти системы, и послали их в батальоны в качестве инструкторов. А чем таскать эти зарубежные пушки? На склады они вместе с тягами не сдавались. Пришлось поломать голову, как обеспечить добытую артиллерию механической тягой.

А события нарастали... Ночью 2 октября позвонил из Тулы командующий Артемьев и сообщил, что положение на Брянском фронте, судя по всему, очень сложное, ни обком партии, ни он связаться со штабом фронта не смогли. По поступившим данным; клинья врага от Глухова через Севск продвигаются на Орел, фронт 50-й армии прорван, моторизованные части противника идут на Брянск. Командующий предложил срочно создать оперативную группу по руководству строительством Тульского оборонительного рубежа и передислоцировать 20-е военно-полевое строительство, чтобы ускорить строительство укреплений вокруг города. Первый секретарь Тульского обкома партии В. Г. Жаворошков в свою очередь просил Артемьева задержаться в городе и помочь организовать оборону. Я проинформировал командующего, что, по полученным вечером из Генерального штаба сведениям, на Западном фронте изменений не произошло, работники округа выполняют поставленные перед ними задачи.

Той же ночью в Тулу была отправлена оперативная группа: начальник группы по строительству оборонительных сооружений майор Ермолов, военный инженер второго ранга Ходорович и два инженера из резерва. Начальник 20-го ВПС получил приказ о срочной передислокации в Тулу. 2 октября командующий направил саперное подразделение 300-й стрелковой дивизии на минирование дороги Мценск — Тула.

Ночью 2 октября Ставка сообщила, что в район Плавск — Мценск спешно перебрасываются 1-й гвардейский стрелковый корпус, в составе двух гвардейских стрелковых дивизий, двух танковых бригад, одного полка гвардейских минометов, мотоциклетного полка и особой авиационной группы. Округу приказано принимать самые энергичные меры к продвижению эшелонов этих войск и дообеспечению всем необходимым по их заявкам. Командующему на месте предлагалось принимать безотлагательные

меры впредь до прибытия назначенного Ставкой командующего Мценской оперативной группой генерал-майора Д. Д. Лелюшенко.

3 октября случилось непредвиденное: противник ворвался в Орел. Над Тулой нависла непосредственная угроза.

В тот же день создается штаб Тульского боевого участка.

Обстановка круто менялась, менялся и характер первоочередных задач.

И вот первый боевой приказ командующего МВО:

«Тульскому оружейному военно-техническому училищу выслать передовой отряд в район Мценска и прочно оседлать шоссе на Тулу.

14-й стрелковой запасной бригаде одним полком занять оборону по восточному берегу реки Ока в районе Кураково, прочно прикрывая направление Белев — Тула; вторым полком выдвигнуться в район Ефремова для обороны направления Елец — Тула; остальными частями, с приданной саперной ротой 330-й стрелковой дивизии и Тульским истребительным отрядом занять оборону на рубеже Спасское — Захаровка — Жпрово — Крюковка с задачей — не пропустить противника на Тулу. Штабриг — Щекино.

330-й стрелковой дивизии: одним полком и батареей 76 мм пушек к 23.00 З.Х.41 занять оборону на рубеже Павшино — Слобода — Куракино. Остальными частями дивизии — рубеж Михалково — Ново-Тульское — Криволучье, опираясь обоими флангами на реку Угра.

Тульскому ОВТУ¹ с двумя саперными ротами 330-й стрелковой дивизии к 20.00 З.Х.41 занять оборону на рубеже по северо-восточному берегу реки Зуша в районе Мценска на участке Мценск — Самозвановка.

Начальнику боевого участка — боевой состав секторов обороны города сформировать совместно с городскими парторганизациями за счет рабочих города Тулы. Для строительства рубежа мобилизовать местное население и необходимые средства...»

Так, 3 октября 1941 года, на четвертом месяце войны началась для Московского округа Боевая страда. Но и в эти дни нам еще верилось, что войска Брянского фронта отойдут организованно и положение нормализуется. Шли часы, дни, а изолированные друг от друга армии Брянского фронта продолжали вести тяжелые бои, и каково там реальное положение, сказать было трудно: информация от командования фронтом в Генеральный штаб поступала с перебоями.

Под Мценском враг был встречен 1-м гвардейским стрелковым корпусом достойно: основательно потрепан и остановлен. Особен-

¹ Оружейное военно-техническое училище.

но радовали известия о героических действиях танкистов бригады полковника М. Е. Катукова, напосивших неожиданные удары из засад и предпринимавших смелые рейды в тыл противника. Попытка врага с ходу ворваться в нашу кузницу оружия была сорвана, но опасность не миновала.

«Тайфун» на Западном фронте

Основное внимание Ставки ВГК теперь сосредоточивалось на Орловско-Курском направлении, куда спешно перебрасывалась с Вяземского рубежа 49-я армия под командованием генерал-лейтенанта И. Г. Захаркина. Ей мы оказывали всяческое содействие в продвижении. Связаться по телефону со штабами Западного и Резервного фронтов все еще не удавалось, но возвращались оттуда и наши два офицера связи.

Часов в 8 утра 4 октября неожиданно зашел ко мне бригадний комиссар Н. М. Миронов. Он прибыл к нам 18 августа. До войны работал секретарем Горьковского обкома ВКП(б). Вдумчивый и скромный, со спокойным, но настойчивым характером, он не стеснялся посоветоваться, как лучше провести то или иное мероприятие, на чем сосредоточить внимание Политуправления. С ним мы встречались по несколько раз на день, и обычно он всегда предварительно звонил по телефону, справляясь, когда удобнее зайти. Входил неторопливо, немногословно излагал суть своих вопросов. На этот раз он изменил этим правилам — не позвонил, торопливо подошел к столу, и, подавая несколько листов бумаги, сказал:

— Вот речь Гитлера, произнесенная вчера по радио, перевод которой сделал работник Политуправления Янов. Прочтите, не откладывая, и, может быть, что-то станет более ясным.

Зная, что Николай Михайлович по пустякам не беспокоит, я отложил в сторону докладную о положении в Калужском укрепленном районе и стал читать:

«...Началась новая операция гигантских размеров. Враг уже разбит и никогда больше не восстановит своих сил...»

Что это — очередной бред фюрера? Где это началась операция «гигантских размеров»? Под Брянском? Не похоже. Где же?

Незадолго до этого у меня был майор Н. Г. Павленко из оперативной группы штаба МВО с утренней информацией и ни о какой операции «гигантских размеров», тем паче о «разгроме» наших сил не было речи. На Брянском фронте ситуация действительно оставалась сложной. По поступившим ночью донесениям,

войска фронта, попавшие в окружение, вели ожесточенные бои. Тула под угрозой, но известно, что Ставка принимает энергичные меры по ее защите.

Решил все же позвонить дежурному по Генштабу. Получил успокаивающий ответ о положении на Западном и Резервном фронтах. По Брянскому — подтвердили доклад Павленко. И только. На других участках фронта серьезных изменений за ночь не произошло.

Что же это все могло значить? Для чего Гитлеру понадобилось выступать с такой ложью на весь мир?

К какому-либо выводу мы с Мироновым так и не пришли. Тем более что знали: фашистская пропаганда способна на любые выкрутасы. Ничего не мог сказать и подошедший Громадин, хотя и у него были серьезные основания для тревоги — прервалась связь с главным постом ВНОС Западного фронта. Сбытов сообщил, что его летчики за вчерашний день в зоне барражирования ничего подозрительного не отметили. Словом, проверка по всем линиям не давала оснований верить в начавшееся «гигантских масштабов» наступление, а если это относилось к наступлению на участке Брянского фронта, то тут Гитлер, видимо, потерял представление о масштабах современных операций или выдавал желаемое за действительное.

Однако сопоставляя данные о сосредоточении крупных сил противника на Московском направлении, директиву Ставки от 27 сентября об ожидаемом в ближайшие дни большом наступлении на Москву, частые и продолжительные нарушения связи Генштаба с командованием Западного и Резервного фронтов, нетрудно было заметить во всем этом какую-то закономерность и осторожнее расценивать и события на Брянском фронте. А не является ли начавшееся наступление на Орел — Брянск действительно частью операции «гигантского масштаба», не преследует ли оно цели отвлечь внимание и силы на этот участок с тем, чтобы затем нанести решающий удар на главном направлении?

Прорыв противника на участке 50-й армии, намечавшееся направление его главных усилий на Сухиничи и охват Брянска с севера создавали угрозу обхода левого фланга Калужского укрепленного района. Нужно было сделать все для быстрого сосредоточения повернутой на это направление 49-й армии, проверить, как идет строительство укреплений. Докладная записка наших работников, выезжавших туда для контроля, не внушала успокоения.

Запоздалое решение оргвопросов по этому укрепрайону, неуккомплектованность аппарата управления, недостаток сил и средств сказались на подготовке оборонительных сооружений. Правда,

благодаря самоотверженному труду 13 батальонов за 20 дней сентября было построено 40 километров противотанковых рвов и эскарпов. Однако многие доты и дзоты не были еще готовы, медленно продвигалось строительство проволочных заграждений. Кроме всего, железнодорожную станцию и город Калугу, Полотнянский завод, мосты через Оку, рабочие батальоны строителей систематически бомбили авиация противника. Было решено: не позднее 5—6 октября перебросить в этот район артиллерийско-пулеметный батальон численностью до 1500 человек, укомплектовать управление до штата и усилить средствами связи. Коменданту приказано сосредоточить главное усиление на сооружениях полевого типа по переднему краю.

Положение на рубежах Можайского и Малоярославецкого укрепленных районов на 4—5 октября было значительно лучше. Близилось к завершению строительство противотанковых препятствий, большинства дотов и дзотов, открыты окопы полного профиля по всему переднему краю, на главных направлениях установлены проволочные заграждения.

Общая картина по всей Можайской линии обороны была к этому времени такова: построено долговременных монолитных и из сборного железобетона огневых точек 289, деревоземляных и с железобетонными колпаками — 534, противотанковых рвов — 111 километров, эскарпов — 95 километров. В стадии окончания строительства находилось 110 дотов, 433 дзота. Работа проделана огромная, но до полного завершения было еще далеко, особенно по Калужскому и несколько отстававшему от других Волоколамскому районам.

Военный совет и Московский комитет партии назначили военными укрепрайонов секретарей Волоколамского, Можайского и Малоярославецкого райкомов партии. И если секретари первых двух райкомов с самого начала многое делали для успешного завершения строительства, то секретарь Малоярославецкого не сумел по-настоящему наладить политико-массовую работу среди строителей рубежа. Мы понимали, что для секретарей райкомов это было не единственной заботой, особенно с наступлением сезона полевых работ, и посылали им на помощь работников Политуправления, но в конце концов убедились, что подлинного, правомочного комиссара-организатора все же на рубеже не было, и к концу сентября исправили положение, назначив комиссарами кадровых политработников.

Политическому и трудовому подъему строителей оборонительных сооружений способствовали выездные редакции окружной газеты «Красный воин». Они помогли развернуть предоктябрьское социалистическое соревнование, направленное на подятие произ-

водительности труда, разъясняли важность и срочность выполняемого строителями боевого задания партии и ГКО.

Газеты опубликовали обращение передовиков из батальона Дежкина ко всем строителям, рассказывали о лучших людях — командирах отделений Тимофееве, Спиридонове, Тяпкине, Масквиче, красноармейцах Акимове, Фомине, Родионове, выполнявших нормы на 150—200 процентов. Подлинными героями стройки были коммунист Спиридонов и группа красноармейцев во главе с Каюченко, выполнявшие по пять норм, а боец Ларин — на 700 процентов. Широко пропагандировался передовой опыт роты, возглавляемой старшим лейтенантом Калининым и политруком Барсуковым, освоившей скоростные методы работы и создавшей специализированные бригады для выполнения важнейших заданий.

Газеты успешно выполнили свою роль коллективных организаторов и агитаторов. С их помощью соревнование быстро набирало силу. Соревнуясь с подразделением Чемачихина, рота во главе с парторгом Ковалем добилась первого успеха — 50 человек стали перевыполнять нормы. В подразделении политрука Торгалкина 47 человек выполнили нормы на 130—150 процентов. В другом подразделении красноармейцы Смирнов, Большаков, Зорин, Русков, Зайцев, Ласточкин взяли обязательство выполнять ежедневно две нормы. Командир взвода Шальме писал в газете о бойце Кравченко: «Он не думает о своем времени, не считается с непогодой. Дождь ли сечет, свищет ли ветер, Кравченко не уйдет, пока не выполнит задания. Работает за двоих. На вопрос отвечает: «Я знаю за что борюсь. Я борюсь за укрепление могущества нашей Родины. Пусть мой скромный труд поможет разгромить и уничтожить фашистские полчища».

В другой заметке политрук Богданов рассказывал о коммунисте Николайченко, получившем благодарность командования: «Николайченко подлинный вожак масс, систематически выполняет нормы на 250 процентов. Всегда выдержанный, скромный, энергичный, он не жалеет своих сил для укрепления обороны Родины, проводит читки газет, беседы, выпускает боевой листок. Он пример всем и во всем».

Такие поступки призывали бойцов к самоотверженному труду. Работали по 12—14 часов шесть дней в неделю, а в воскресенье — лишь половину дня оставляли на личные нужды, несмотря на то, что среди строителей были и пожилые люди, не совсем здоровые. Темп строительства возрос, но все это было уже на грани грозных событий. Пришлось признать, что запоздали с высылкой выездных редакций и прав был ответственный редактор газеты полковой комиссар Я. М. Ушеренко, сказав нам с Мироновым, что

в любой обстановке руководители-коммунисты не имеют права забывать то, чему учил Ленин: газета не только коллективный агитатор и пропагандист, но и организатор. Если бы с начала строительных работ выездные редакции были на рубеже, итоги были бы намного выше. Упрек был справедлив, и мы приняли его к сведению.

Большой заботой Военного совета в этот период было изыскание сил для выдвижения на эти оборонительные рубежи. Где взять их? Артиллерийско-пулеметные батальоны из-за ряда трудностей могли быть готовы к 6—10 октября. В ближайшей перспективе особое значение приобретало претворение в жизнь постановления правительства о всеобщем обучении трудящихся военному делу.

Всеобуч и стал могучей кузницей резервов военно подготовленных бойцов для фронта. Московские партийные организации взяли на себя основную тяжесть подготовительной работы, оказав неоценимую помощь военкоматам, перегруженным организационно-мобилизационной работой.

С 1 октября начались регулярные занятия, подготовка к ним прошла организованно.

Доклады областных и городских военкоматов, систематическая информация военных отделов, партийных комитетов позволили Военному совету своевременно исправлять недостатки, ликвидировать заминки, и контрольные цифры охвата подготовкой вскоре были значительно перекрыты. Так, по докладу Московского облвоенкома полковника А. Е. Смирнова и начальника политотдела полкового комиссара З. И. Комарова в области было привлечено к обучению 99 тысяч человек вместо 49 тысяч по заданию. Создано 1846 учебных пунктов, назначены инструкторами 11 832 командира запаса. Явка на занятия в первые четыре дня составила свыше 94 процентов. Местные парторганизации прикрепили к учебным пунктам агитаторов, ответственность за посещаемость занятий возложили на руководителей предприятий и учреждений, колхозов и совхозов.

К защите Родины готовились могучие резервы — весь народ. Страна превращалась в военный лагерь.

Заканчивался день 4 октября — семьдесят пятый день Великой Отечественной войны. С 5 октября начинался новый этап в жизни и деятельности Московского военного округа, открывалась новая страница его боевой истории.

Москва в опасности

Ночь с 4 на 5 октября показалась мне какой-то нескончаемой, утомительной и тревожной. Налеты вражеской авиации не были интенсивнее предыдущих, но в нарастающем гуле вражеских самолетов угадывалось что-то более грозное, чем обычно. Чувство тревоги усиливали непрерывные звонки телефонов. Дважды из Тулы звонил Жаворонков, сообщал о крайне опасном положении города, просил помощи.

Я связался с М. С. Громадиным и передал ему приказание командующего изыскать дополнительно два зенитных полка или отдельных дивизиона и с энергичными командирами срочно направить их в Тулу. Совместно с начальником ВОСО А. Г. Черняковым добивались от Наркомата путей сообщения и комендантов станций ускоренного продвижения эшелонов 1-го гвардейского стрелкового корпуса Лелюшенко, управления 49-й армии и следующих под Калугу 5-й гвардейской и 194-й стрелковой дивизий.

В кабинете было накурено, душно. Потушив свет, поднял светомаскировочную штору и открыл окно. Хотелось хоть несколько минут подышать свежим воздухом. Но в лицо ударил запах гарн с далеких пожарниц, воздух был будто наэлектризован, казалось, что вот-вот на город обрушится небывалой силы гроза. Самолетов противника над Москвой уже не было, и город, погруженный во тьму, трудился и отдыхал, не зная еще, что готовит ему наступающий день.

Закрыв окно и опустив штору, я зажег свет. Решил отдохнуть хотя бы 2—3 часа, но сон не шел. В полудремоте мелькали мысли: сумеют ли наши войска остановить врага под Тулой? Как и какими силами предотвратить возможный обход противником левого фланга Калужского укрепленного района и удержать этот рубеж? Почему такая зловещая тишина на Западном и Резервном фронтах, что там замышляет враг?..

Так и проворочался с боку на бок, заснуть не удалось. В шесть утра порученец старший политрук В. С. Алешин открыл окно, и в прокуренный кабинет ворвался промозглый осенний воздух. Дышать стало легче. Алешин не преминул вставить традиционное: «Что день грядущий нам готовит?» Что он готовил — сказать действительно было трудно, но в общем-то, по совокупности минувших событий, рассчитывать на что-то радостное пока не приходилось.

Еще затемно начался очередной рабочий день — 5 октября 1941 года. Обычно в 8.00 заходил кто-нибудь из работников оперативной группы или начальник штаба И. С. Белов со сводкой о событиях на фронте за ночь. Сегодня это был Белов. Он доло-

жил, что за прошедшую ночь событий особой значимости не произошло, однако проводная связь НКЮ со штабами Западного и Резервного фронтов все еще не восстановлена и переговорить по телефону с кем-либо из оперативного отдела штаба ему не удалось. На Брянском фронте положение не совсем ясное, как выяснилось, связь Генерального штаба со штабом фронта неустойчива, сведения поступают с большим опозданием. Южнее Брянска тяжелые бои ведут части 13-й армии и группы генерала Ермакова, охваченные противником с флангов. Не выясненным остается положение 50-й армии. В районе Мценска изменений не произошло. Соединения и части 1-го гвардейского корпуса, курсанты Тульского оружейно-технического училища после ожесточенного боя с танковыми частями противника прочно удерживают занятый рубеж. По только что полученным сведениям из Оперативного управления Генштаба, на этом направлении противник возобновил наступление. Наши войска успешно отражают танковые атаки.

Доклад окончен. Задав несколько вопросов, я отпустил Белова.

Командующий все еще был в Туле, принимая меры к форсированию строительства оборонительного рубежа и приведению в боевую готовность имеющихся в гарнизоне сил. От штаба округа он потребовал скорейшего формирования дополнительно еще 2—3 артиллерийско-пулеметных батальонов, так как 14-я бригада заняла оборонительный рубеж и в ближайшие дни выполнить задание не сможет.

В штабе и управлениях все было уже за работой. Ранние посетители заполнили бюро пропусков и осаждали отделы. В десятом часу утра послышал первый тревожный сигнал с запада. Начальник оперативного отдела опергруппы полковник Д. А. Чернов, находившийся в Малоярославецком укрепленном районе, по телефону сообщил, что рано утром задержаны автомашины и повозки из тылов 43-й армии, а также отдельные военнопленные, которые сообщили, что противник начал большое наступление. У него много танков, вражеская авиация непрерывно бомбит наши войска, идут сильные бои, некоторые наши дивизии дерутся в окружении.

Под свежим впечатлением доклада Белова поверить этому было невозможно. Не паникеров ли, спровоцированных вражеской агентурой, там задержали? Чернову было дано указание на дорогах выставить заставы, останавливать всех беглецов, если они появятся, а в направлении Спас-Деменск выслать на автомашине разведку.

Все как будто сделано правильно. Очевидно, скоро станет яс-

ной и достоверность полученного сообщения. Но выжидать, оставив это без внимания, нельзя. Поэтому звоню Д. А. Журавлеву, спрашиваю, нет ли каких-нибудь новых данных от передовых постов ВНОС о положении на Западном направлении, и объясняю, почему об этом спрашиваю.

— Пока ничего нового не поступало, — отвечает Журавлев. — Однако сейчас же дам предупреждение с Главного поста о повышении бдительности и по получении каких-либо новых сведений немедленно доложу.

Зная о безупречной исполнительности и оперативности командира зенитно-артиллерийского корпуса, я не сомневался, что сделает он это без промедления.

Позвонил и Сбытову:

— Николай Александрович, вылетали ли с утра самолеты на барражирование зоны и что летчики наблюдали?

— Облет зоны в восемь ноль-ноль ничего существенного не дал, — ответил он. — На дороге от Спас-Деменска через Юхнов на Медынь отмечено движение отдельных групп военных и гражданских автомашин, повозок и колонны артиллерии до полка. К фронту и по фронту движения не отмечено.

Сбытову я также объяснил, чем вызван мой вопрос.

— Прошу вас, Николай Александрович, без промедления поднять повторно в воздух два-три самолета, тщательно просмотреть направления Юхнов — Спас-Деменск — Рославль и Сухиничи — Рославль и немедленно доложить обо всем замеченном.

Сообщения Журавлева и Сбытова и телефонные разговоры по текущим вопросам с рядом центральных военных и гражданских учреждений несколько сгладили тревогу, вызванную сообщением Чернова. Все как будто говорило о том, что пока никакая реальная опасность с этого направления нам не угрожает.

Около полудня вновь раздался телефонный звонок. Сняв трубку, услышал взволнованный голос командующего ВВС округа Н. А. Сбытова:

— Товарищ член Военного совета! Только что из Люберец доложили, что летчики обнаружили движение танков противника со стороны Спас-Деменска на Юхнов!..

— Не может быть! — усомнился я. — Немедленно зайдите ко мне.

Не уверенный еще в точности этого сообщения и не желая преждевременно создавать нервную обстановку в штабе, попросил посетителя покинуть кабинет.

Обычно общительный, всегда находивший теплые шуточные слова для моих порученцев Алешина и Дончепко, на этот раз Николаю Александровичу, видно, было не до шуток. Он буквально

влетел в кабинет. Лицо его выражало глубокое волнение. Полковник подтвердил, что обнаружена колонна танков и мотопехоты противника, протяженностью до 25 километров; летчики прошли над ней на небольшой высоте, ясно видели кресты на танках и были обстреляны из зенитных пулеметов и малокалиберной зенитной артиллерией.

— Кто летал? Надежные ли люди? Действительно ли спускались до малой высоты и не приняли ли за противника наши части, совершающие какой-то маневр?!

Сбытов, как мне показалось, даже несколько обиделся, но взял себя в руки и твердо, подчеркнуто решительно заявил:

— Нет! Разведку выполняли опытные и обстрелянные летчики 120-го истребительного полка Дружков и Серов, люди мужественные. Я им верю.

Признаться, мне нравилась давно уже подмеченная вера командующего в своих людей, его знание способностей и возможностей чуть ли не каждого летчика ВВС округа, командиров звеньев и эскадрилий. Сказалось, видимо, что командовать он начал здесь сначала истребительным отрядом, потом полком, бригадой, дивизией, готовившимися еще до войны прикрывать Москву от ударов с воздуха, хорошо изучил и условия работы и людей. Еще в 1938 году за отличные успехи в боевой подготовке был награжден орденом Красной Звезды. Он любил своих летчиков, умел за них постоять, если требовалось.

Но сообщение, с которым Сбытов пришел сейчас, было слишком неожиданным, почти невероятным и имеющим чрезвычайно важное значение не только для судьбы Москвы, но и для всей нашей Родины. И я высказал Николаю Александровичу свои сомнения.

Но Сбытов столь же твердо стоял на своем. Оставалось еще раз запросить Генеральный штаб. Снимаю трубку, набираю номер телефона маршала Б. М. Шапошникова. Спрашиваю у ответственного дежурного генерала:

— Каково положение на Западном фронте?

— От штабов Западного и Резервного фронтов новых данных не поступало, — слышу спокойный голос.

Очевидно, можно было бы и удовлетвориться этим, но, как ни странно, именно спокойный, слишком спокойный ответ дежурного генерала вызвал какую-то подсознательную тревогу. Впрочем, генерал мог и не располагать подобного рода информацией. Такие важные сведения поступают, конечно же, непосредственно к начальнику Генштаба и известны лишь узкому кругу лиц. Снова снимаю трубку, прошу соединить меня с маршалом Б. М. Шапошниковым. Докладываю о том, что сделано на сегодня по заданию

Генштаба, а затем спрашиваю о положении на Западном фронте. Борис Михайлович немного приглушенным мягким голосом отвечает:

— Ничего, голубчик (это любимое выражение Бориса Михайловича), ничего тревожного пока нет, все спокойно, если под спокойствием понимать войну.

Меня буквально бросило в жар от мысли, что чуть было не подняли ложной тревоги. Это могло внести нервозность, помешать нормальной работе и руководству боевыми действиями войск. Мне хорошо было известно твердое правило, записанное в Полевом уставе, обязывающее каждого командира, прежде чем докладывать о каком-либо событии, новые сведения о противнике, убедиться, что это действительно так, и принять соответствующие меры. Это требуется от командиров всех степеней. Здесь же речь шла о событиях величайшей важности, и преступен был бы тот командир или политработник, который, не убедившись в правдивости первого сообщения, ударил бы в набат.

Николаю Александровичу Сбытову ставлю задачу — немедленно послать в повторную разведку лучших летчиков, приказать снизиться до бреющего полета, «утюжить воздух» сколько попадется, но точно установить, что это за танки и мотопехота, их численность, координаты и направление движения. На этом и расстались.

Ждать возвращения летчиков было просто немоготу. Тревога овладела мной, но верить, что это правда, все еще не хотелось. Однако верь не верь, а надо уже что-то срочно предпринимать, изыскивать силы и средства, чтобы закрыть врагу путь на Москву, если это действительно он. Перелистываю рабочую тетрадь. В нее занесено все, чем можно располагать в критических обстоятельствах. Две дивизии оперативных и одна дивизия внутренних войск НКВД несут ответственную службу в Москве. 6, 14, 30 и 33-я запасные стрелковые бригады только-только разворачиваются. Пожалуй, из их кадрового состава и инструкторов можно сформировать несколько батальонов, однако на это нужно значительно больше времени, чем мы располагаем.

Что же еще? Из формируемых пяти литерных полков реактивных минометов можно полностью подготовить только 12-й и 13-й. За пределами Москвы формируется 14 танковых бригад с разными сроками готовности. С огромными усилиями можно будет в ближайшее время завершить подготовку 18, 19, 20 и 22-й бригад, если Главное автобронетанковое управление даст боевые машины.

Единственной реальной силой на сегодня-завтра-послезавтра остаются части ПВО, воспитные училища и академии. Ближе всего к врагу на этом направлении находятся сейчас Подольские пехотное и артиллерийское училища, в лагерях — Воспитно-политическая академия имени В. И. Ленина и Военно-политическое училище имени В. И. Ленина. Все это — цвет нашей армии, завтрашние командиры, комиссары, политики, фронт в них крайне нуждается, ждет. Однако, если потребуется, они рядовыми бойцами с винтовками в руках грудью своей закроют врагу дорогу на Москву. Это самая крайняя мера, но другого выхода может не оказаться.

Придется мобилизовать штаб, чтобы представить яснее, чем мы располагаем. Очевидно, что-то еще найдем, как находили раньше. Время и ход событий покажут. Жаль, что Артемьев все еще в Туле, как сейчас здесь нужен командующий!

Пока вторая группа самолетов выполняла задание по воздушной разведке, Алешин вызывал по телефону начальников Подольских училищ. Их на месте не оказалось. Дежурным было приказано срочно их разыскать и объявить в гарнизонах боевую тревогу.

Начальник штаба округа И. С. Белов занялся выяснением возможностей 33-й запасной стрелковой бригады.

В Подольск был послан помощник командующего по вузам комбриг Елиссеев. Ему было поручено всемерно форсировать приведение училища в полную боевую готовность и держать постоянную связь со мной и Беловым.

С генералами М. С. Громадиным и Д. А. Журавлевым уточнил возможности участия сил и средств ПВО в перекрытии врагу путей к столице, а с начальником 1-го Московского Краснознаменного артиллерийского училища полковником Ю. П. Бажановым обсудил меры, необходимые для ускорения формирования первоочередных гвардейских минометных и артиллерийско-противотанковых полков.

Идут минуты, они складываются в десятки, а доклада от летчиков все нет. Уже третий раз звоню Сбытову:

— Возвратились ли летчики?

— Пока донесений не поступало, — встревоженным голосом отвечает Николай Александрович.

— А не сбил ли противник самолеты? Может быть, надо послать еще?

— Наши летчики не из таких, чтобы их так просто можно было сбить. Разрешите подождать еще 15—20 минут, — говорит Сбытов.

— Хорошо, но держите аэродром на связи.

Наконец, около 14 часов Сбытов быстро вошел в кабинет и доложил:

— Летало три боевых экипажа. Прошли над колоннами бреющим полетом под сильным зенитным огнем, имеют пробоины. При снижении самолетов пехота выскакивала из машин и укрывалась в кюветах. Голова танковой колонны в пятнадцати-двадцати километрах от Юхнова. Сомнений не может быть, товарищ член Военного совета, это враг, фашисты.

Теперь уже нельзя было поверить. Надо звонить Б. М. Шапошникову. Еще раз набираю номер. Спрашиваю:

— Борис Михайлович (как-то в разговоре он сам просил так к нему обращаться), не поступило ли к вам каких-нибудь новых данных о положении на Западном фронте?

Это было воспринято маршалом уже с неудовольствием... Ответ был таким же, как и предыдущий, но произнесен сухо, без привычного «голубчик», и в трубке тотчас же прозвучали короткие гудки.

Что делать? Ситуация складывалась прямо-таки критическая. Не может же Генштаб, куда сходятся все каналы связи, не знать о танковом прорыве врага, если он на самом деле произошел. А с другой стороны — донесения уже второй группы летчиков, конкретные данные о координатах и составе колонны, пробоины в самолетах... Перезвонить маршалу? А если, несмотря на все, мы ошибаемся, попали под влияние какого-то нелепого стечения обстоятельств?..

Решил не докладывать пока руководству данные авиаразведки, а еще раз проверить их достоверность.

Снова поднимаются в воздух лучшие летчики, командиры. С риском для жизни раз за разом проходят на предельно малой высоте над колонной. Их обстреливают из всех видов оружия; летчики отвечают тем же, сбрасывают бомбы и разворачиваются на аэродром.

А пока они были еще в полете, в Подольск комбригу Елисееву и начальникам училищ уже был отдан приказ выступить и занять рубеж Малоярославецкого укрепленного района, надеждо перекрыть Варшавское шоссе, выслать на автомашинах передовой отряд пехотного училища, усиленный батареями или дивизионом из артиллерийского училища, с задачей двигаться в сторону Юхнова до встречи с противником и решительными действиями отбросить его или задержать до подхода главных сил училищ. В случае же, если противника не окажется, курсанты проведут этот марш как учебно-боевой.

Было что-то около 15 часов, когда Сбытов доложил:

— Товарищ член Военного совета, данные подтвердились —

это фашистские войска. Голова танковой колонны уже вошла в Юхнов. Летчики были обстреляны, среди них есть раненые.

Теперь промедление было недопустимо, надо докладывать. Прошу дежурного срочно соединить с маршалом Шапошниковым. Телефон свободен, маршал у себя в кабинете. В твердом убеждении, что Генштаб уже получил данные о случившемся, обращаюсь к маршалу все с тем же вопросом:

— Товарищ маршал, каково положение на Западном фронте?

В трубке послышался недовольный голос:

— Послушайте, товарищ Телегин, что значат ваши звонки и один и тот же вопрос? Не понимаю, чем это вызвано?

Я твердо, насколько позволяло волнение, доложил обо всем, что мне стало известно. В трубке на несколько секунд воцарилось молчание.

— Верите ли вы этим данным, не ошиблись ли ваши летчики?

— Нет, не ошиблись, — убежденно ответил я. — За достоверность сведений отвечаю, за летчиков ручаюсь...

— Мы таких данных не имеем, это невероятно... — И опять, как тогда, гудки, воспринятые мной сейчас как завывание sireны воздушной тревоги.

Через 3—4 минуты зазвонил телефон. Поднимаю трубку, слышу:

— Говорит Поскребышев. Соединяю вас с товарищем Сталиным.

Проходит несколько секунд, и хорошо знакомый, низкий, немного сплотоватый голос:

— Телегин?

— Так точно, товарищ Сталин.

— Вы только что докладывали Шапошникову о прорыве немцев в Юхнов?

— Да, я, товарищ Сталин.

— Откуда у вас эти сведения и можно ли им доверять?

— Сведения доставлены лучшими боевыми летчиками, дважды перепроверены и достоверны...

— Что предприняли?

Подробно доложил о подъеме по боевой тревоге Подольских училищ, приведении в боевую готовность Военно-политического училища, академии имени В. И. Ленина и о других принятых мерах.

Сталин внимательно выслушал, одобрил и спросил, где Артемьев.

— Артемьев в Туле, организует оборону города, — ответил я.

— Разыщите его и пусть он немедленно возвращается

в Москву. Действуйте решительно, собирайте все, что есть годного для боя. На ответственность командования округа возлагаю задачу во что бы то ни стало задержать противника на пять-семь дней на рубеже Можайской линии обороны. За это время мы подведем резервы Ставки. Об обстановке своевременно докладывайте мне через Шапошникова.

Положив трубку, я тяжело опустился в кресло. Сознание, что сигнал тревоги воспринят Верховным Главнокомандующим, сняло первое напряжение, но физически я на минуту почувствовал себя совершенно разбитым. Требование И. В. Сталина «действуйте решительно... во что бы то ни стало задержать противника на пять-семь дней...» заставило побороть мнущую слабость. Надо было действовать.

В Тулу за командующим был послан самолет У-2, а Жаворонкову адресована просьба передать Артемьеву приказание И. В. Сталина о немедленном возвращении в Москву. Жаворонков обещал это сделать, сообщив, что Артемьев как будто выехал под Мценск, а оттуда собирался проехать в Белев.

Тяжелый день 5 октября

Для Московского военного округа наступило время, не предусмотренное ни положениями, ни структурой, ни мобилизационными планами. Округ принимал на себя всю ответственность перед партией, правительством, перед всем народом за предотвращение столь неожиданно нависшей над Москвой грозной опасности.

После разговора с Верховным Главнокомандующим были собраны начальники управлений и отделов. О прорыве немцев и возникших в связи с этим новых задачах большинство из них еще ничего не знало. Мое сообщение прозвучало как гром с ясного неба. «Как же это случилось? — спрашивали они. — Ведь после сражения под Смоленском положение было обнадеживающим?!»

Что можно было ответить на это? Только то, что нам преподан еще один горький урок современной войны. Когда на стороне врага инициатива, превосходство в ударных силах, он способен прорывать фронт на большую глубину, неожиданно создавать опасные ситуации, и, если намерения его вовремя не разгаданы, контрмеры не предприняты — опасность возрастает вдвойне. Да, мы переживаем тяжелое время, но партия, советский народ найдут силы, чтобы эту опасность преодолеть.

Для работников бывшего «тылового» округа необычно

и сурово звучали слова боевого приказа: задержать врага, закрыть ему дорогу на Москву, стоять насмерть!

Я призвал присутствующих, знающих реальные возможности округа, к немедленному строгому учету всего, что может быть мобилизовано для отправки на рубеж, не считаясь с интересами тех или иных ведомств. Силы и средства должны быть найдены, задача выполнена безоговорочно и без промедления.

Совещание заняло 15—20 минут, все присутствовавшие на нем немедленно приступили к выполнению приказа.

Впервые обстоятельства сложились так, что с утра я не сделал ни одной записи в рабочей тетради. Как я уже говорил ранее, из командования округом в этот период в Москве остались лишь я, начальник штаба Белов и начальник опергруппы Кудряшов. Телефонные и устные указания, распоряжения, приказы исполнителям стали на какое-то время основным и единственно возможным методом руководства. Записывать все самому было немыслимо. Посадить записывать Алешина или Донченко также было нельзя — они дежурили в приемной и у телефонов в моем кабинете, а я вынужден был перебраться в кабинет командующего, куда обычно адресовались звонки из центральных учреждений.

И все же, улучив минутку, делаю короткую запись:

«5 октября. С 12 до 16 часов запись не производилась. В эти часы было получено сообщение от команданта Малоярославецкого укрепрайона и летчиков, что танки противника и мотопехота заняли Юхнов... Доложено Генштабу и Верховному Главнокомандующему. Дано распоряжение поднять по боевой тревоге Подольские пехотные и артиллерийские училища, 33-й запасной стрелковой бригаде сформировать стрелковые батальоны, привести в боевую готовность части и училища гарнизона, авиации продолжать разведку и подготовиться к бомбежке».

И это все, что я успел занести в рабочую тетрадь после совещания. Начались бесперывные телефонные звонки. Все задавали один и тот же вопрос: что случилось, откуда получены сведения?

И вдруг впервые по телефону я услышал голос Берия. Он тоже был членом Военного совета округа, но ни разу еще здесь не появился и никакого видимого интереса к делам округа до сей поры не проявлял.

Он резко и сухо задал вопрос:

— Откуда вы получили эти сведения, кто вам их сообщил?

Рассказываю все по порядку. С того конца провода слышится: «Ну... так... да...» Затем последовало такое же резкое, заставившее задрезжать мембрану:

— Слушайте, что вы там принимаете на веру всякую чепуху? Вы, видимо, пользуетесь информацией паникеров и провокаторов...

Пришлось убеждать Бсрия, что сведения точные и доставили их летчики, заслуживающие полного доверия.

— Кто вам непосредственно докладывал эти сведения?

— Командующий ВВС округа полковник Сбытов.

— Хорошо...

Ни резкому тону разговора, ни тому, как было сказано это «хорошо», я не придавал особого значения — время суровое, не до обмена любезностями. «В такой обстановке всякое бывает», — решил я и занялся делами, которых все прибавлялось и каждое было первоочередным. В обилии нахлынувших событий и фактов легко можно было упустить из-под контроля главные. А сейчас, как никогда ранее, важно последовательно и полно фиксировать все происходящее для последующего анализа и контроля. Одному это не под силу. Нужен специальный человек. Связываюсь с начальником Полиуправления и прошу дать мне одного из его работников. Через несколько минут прибыл секретарь окружной парткомиссии батальонный комиссар М. Н. Попов.

— Вот и прекрасно, — приветствовал я Попова. — Давайте на время отложим рассмотрение персональных дел, история нас за это не осудит. Вот вам моя рабочая тетрадь, место за столом. Будете вести записи всех моих телефонных разговоров и устных распоряжений. Условимся, что во время телефонных разговоров записывать вы будете то, что говорю я, а по окончании разговоров — то, что мне говорилось. Об этом я вам скажу.

Так было положено начало раздела в рабочей тетради, названной «Запись боевых приказов и распоряжений члена Военного совета МВО дивизионного комиссара Телегина К. Ф.», ныне хранящейся в Центральном архиве Министерства обороны СССР.

Как развивались события в эти критические дни октября, какие меры предпринимались, рассказывают эти лаконичные, зачастую отрывочные и не всегда литературно прилаженные, но абсолютно достоверные рабочие записи. И сегодня они дают возможность вновь почувствовать всю остроту опасности и полнее раскрыть трудности, которые надо было преодолевать, чтобы решить важнейшую задачу — задержать врага на дальних подступах к столице.

Итак, 5 октября 1941 года.

«16 часов 00 минут. По телефону, из 37 УРа (Малоярославец).

Чернов. Танки и мотопехота противника заняли Юхнов. Отходит 54-й ГАП (гаубичный артиллерийский полк. — К. Т.), без снарядов и горючего, прожекторный батальон.

Телегин. Всех отходящих военнослужащих задерживать формировать роты, батальоны и ставить на рубеж. Командиров и политработников пришем из резерва. Допосить чаще. По боевой тревоге подняты Подольские училища. Им приказано в спешном порядке выходить на ваш рубеж и занять оборону по вашему приказу.

После разговора с Черновым были отданы распоряжения: начальнику артснабжения генерал-майору М. М. Новикову — немедленно на автомашинах отправить в Малоярославец один миллион патронов, ручные и противотанковые гранаты.

Начальнику Политуправления Н. М. Мironову и начальнику отдела кадров полковнику Б. К. Мосягину — выслать на автомашинах в распоряжение коменданта Малоярославецкого укрепленного района по сто командиров и политработников из резерва, обмундировав и снабдив снаряжением по-полевому.

16 часов 10 минут. Звонок из Генштаба. Генерал Шарохин передал распоряжение начальника Генштаба о проведении воздушной разведки в районе Юхнов — Вязьма с немедленным докладом по возвращении разведчиков.

Телегин. Даю распоряжение командующему ВВС.

16 часов 15 минут. По «кремлевке», секретарь обкома Б. Н. Черноусов сообщает, что из района Юхнова и Медыни на Малоярославец движется большое количество населения, советских и партийных работников, подтверждающих выход танков противника на Юхнов и движение их на Медынь.

Телегин. Обстановка еще полностью не прояснилась. Выбрасываем войсковой заслон. Коменданту укрепленного района даны указания о приведении района в боевую готовность и закрытии шоссейных дорог для движения населения. Предложите секретарям райкомов и предрайисполкомов выводить население за линию обороны в сторону от шоссе и там собирать его, не допуская прохода в Подольск и на Москву. С этой целью выставляем заставы.

Генерал-лейтенант Михаил Николаевич Шарохин занимал должность заместителя начальника Оперативного управления Генштаба. Переданное им приказание начальника Генштаба о воздушной разведке свидетельствовало, что там обеспокоены возникшим осложнением на этом направлении. Это тревожило и нас, поэтому воздушная разведка на более широком фронте, чем только Малоярославец — Юхнов, была необходима, чтобы не оказаться перед какой-нибудь неожиданностью и со стороны Вязьма — Гжатск. Кроме того, надо было принимать экстренные меры по выводу людей, учреждений, запасов продовольствия,

сельскохозяйственной техники, промышленного оборудования, готовить партийные организации к уходу в подполье и к партизанской борьбе. Этим и были уже заняты секретари обкомов Б. Н. Черноусов, С. Я. Яковлев, председатель облисполкома П. С. Тарасов и другие.

Во второй половине дня увеличился поток беженцев с запада, особенно по Варшавскому шоссе, что могло повлечь за собой жертвы от налетов вражеской авиации, мешало сосредоточению войск и организации обороны рубежа. Чрезвычайно важно было задержать беженцев вдали от Москвы. Команданту Москвы генерал-майору В. А. Ревякину было приказано в удалении 40—50 километров на всех дорогах, ведущих на Москву с запада и юго-запада, поставить специальные отряды, перекрыть входы в столицу заставами и всех беженцев организованно отводить на восток обходными путями. Московские областные организации приняли на себя заботу об эвакуированных, выслали своих работников, которые обеспечивали их размещение, питание, снабжение транспортом.

«16 часов 20 минут. Звонит генерал Шарохин, просит проинформировать об обстановке.

Телегин. Возвратившееся звено самолетов 120-го иап (истребительного авиаполка.— К. Т.) доложило, что на шоссе к Малоярослаvcу продолжается отход большого количества населения, групп военных. Медынь горит, по в ней танков противника нет. На дороге Спас-Деменск—Юхнов, Юхнов—Гжатск — танки, в обратную сторону — автомашины.

Шарохин. Нарком приказал выделить пять самолетов и разведать районы Малоярославец—Юхнов—Спас-Деменск, Сухиничи—Калуга, Медынь — ст. Угрюмово. Особое внимание обратить на леса, идущие на северо-запад от Юхнова и Медыни.

Телегин. Сейчас даю распоряжение.

16 часов 27 минут. Сбытов. Возвратившиеся летчики Серов и Дружков доложили о движении с запада на Спас-Деменск автотранспорта с пехотой.

16 часов 30 минут. Военком В. Д. Лякишев (ВВС). В лесу южнее и юго-западнее Юхнова — скопление танков противника. Улицы Юхнова забиты танками и автомашинами, прикрываются сильным зенитным огнем.

Телегин. Распоряжение по телефону Сбытову: своими силами и силами 6-го авиакорпуса И. Д. Климова разведать районы Юхнов—Бол. Ярмаки, далее — Коробец, по дороге через Спас-Деменск на Киров—Сухиничи—Калуга—Юхнов. Выделить пять Пе-2... По обнаружении противника, особенно танков на шоссе Юхнов—Медынь — бомбить.

16 часов 40 минут. Сбытов. (Точной записи его доклада в тетради нет, но суть была такова): непрерывная авиаразведка установила, что противник продолжает парализовать силы танковых и моторизованных войск, небольшие группы их выдвинулись на Юхнова к реке Угра, а крупные силы поворачивают от Юхнова на север, в направлении Вязьмы. Перед противником наших войск не отмечено. На шоссе Можайск—Гжатск и Волоколамск—Ржев движения войск ни наших, ни противника не наблюдается.

Телегин. Сбытову. Организуйте непрерывные бомбовые удары по противнику в районе Юхнов всеми имеющимися у нас силами.

16 часов 43 минуты. Генерал Шарохин. Нарком приказал принять все меры к быстрейшему выдвижению Подольских училищ, и пусть они оседлают шоссе Малоярославец—Юхнов.

Телегин. Меры принимаем. Послан в Подольск помощник командующего по вузам комбриг Елисеев, но главная трудность — разбросанность пехотного училища, часть его в лагерях под Серпуховом.

16 часов 45 минут. Телегин — порученцу Донченко. Молния в Подольск Елисееву: «С передовым отрядом выступить в Малоярославец без промедления, двигаться до встречи с противником. Упорным боем во что бы то ни стало задержать противника до подхода основных сил училища. По прохождении Малоярославца — доложить».

16 часов 50 минут. Из Подольска по телефону Елисеев. Передовой отряд готовится к выступлению. Об обстановке: получено подтверждение о скоплении танков и мотопехоты противника в Юхнове. Движение дальше на восток пока не отмечено.

16 часов 55 минут. Из Подольска — комбриг Шевченко. Передовой отряд выступил¹. Курсанты грузятся на поезд. Под артучилище пять платформ готово. Надо доложить Шарохину, чтобы дал распоряжение о переброске...»

Надо заметить, что задержка с выходом училищ беспокоила и Генштаб, и он послал туда своего представителя — комбрига Шевченко. Однако, по-видимому, еще сказывалась сила инерции мирного времени, железнодорожное начальство требовало распоряжений свыше, а комбриги Елисеев и Шевченко не воспользовались правом, данным им суровой военной необходимостью, и на этом мы теряли драгоценное время.

¹ Видимо, комбриг Шевченко имел ошибочную информацию: передовой отряд выступил в 19.00.

«16 часов 58 минут. Представитель ЦК ВКП(б) Бутов из Подольска. Училища готовятся к выступлению. Не хватает автотранспорта, средств связи, походных кухонь, котелков, кружек, ложек. Нет шанцевого инструмента. Транспортom помогу через горком. Остальное необходимо срочно дослать.

Телегин. Даю распоряжение интенданту, начальникам связи и инженерного управления. Лично проконтролирую доставку.

Романов (работник Политуправления округа) из Серпухова. Находившиеся в лагерях курсанты пехотного училища грузятся в вагоны на станции Серпухов.

Телегин. Как прибудете в Подольск — немедленно звоните и приводите подразделения в боевую готовность, ускорьте выход на Малоярославец, следуйте с ними. Всех беспорядочно отходящих военнoслужашщих задерживать, гражданских пропускать.

17 часов 05 минут. По «кремлевке», Ф. Е. Бокoв (военный комиссар Генерального штаба). Когда и какие войска будут дапы на Можайский оборонительный рубеж? Надо побольше.

Телегин. Из Подольска готовятся к выступлению курсанты. В Кузьминки под запасной батальон подается автотранспорт. Из резерва политрабoтников при ВПУ имени В. И. Ленина отправляется в Малоярославец сто пятнадцать политрабoтников. Подольские задерживаются из-за неуробытия курсантов из лагерей.

Комендант УРа Смирнов¹ еще не прибыл. Временно за него полковник Чернов... Приводим в боевую готовность истребительные отряды. Округ полевых войск не имеет, приходится использовать курсантов, академии, запасные части и ПВО...»

Итак, с 16.00 до 17.05 прошло 65 минут — и мало, и очень много. За это время уточнилась расстановка сил. Данные воздушной разведки и сообщения секретаря обкома Б. Н. Черноусова, коменданта укрепленного района говорили о том, что передовые танковые отряды врага начали выдвижение от Юхнова к реке Угра. У коменданта Малоярославецкого УРа не оказалось сил, чтобы не только воспрепятствовать продвижению врага, но и вести наземную боевую разведку, установить, какими силами располагает противник, направление его движения. Отсюда и требование Генерального штаба — расширить полосу воздушной разведки, бомбить танки и ускорить выход Подольских училищ на рубеж.

Наиболее легким было отдать приказ Подольским училищам,

¹ Полковник А. М. Смирнов, старший преподаватель кафедры общей тактики академии имени М. В. Фрунзе, 13 августа был назначен комендантом Малоярославецкого укрепленного района, но к месту назначения не являлся, задерживаемый руководством академии.

в спешном порядке выступить, назначить даже точное время занятия рубежа. Но гораздо сложнее было это выполнить. Три четверти состава Подольского пехотного училища находилось в лагере под Серпуховом, и только 2-й батальон с курсантами, прошедшими пятимесячное обучение, был в Подольске.

Военком Генерального штаба дивизионный комиссар Ф. Е. Бокков сообщил, что Ставка отдала распоряжение о срочной переброске на Можайский рубеж трех дивизий, прибытие которых по железной дороге надо ожидать в период с 8 по 12 октября, и приняла ряд других мер для усиления Западного направления. Для Можайского рубежа, конечно, этих сил недостаточно, ибо он рассчитан на 20—25 дивизий, но это уже реальная сила, на которую можно опереться. А пока главным оставался вопрос — хватит ли внутренних ресурсов округа для того, чтобы выиграть время до подхода резервов Ставки? И нам нужно было с нарастающей энергией, не теряя ни минуты, собирать все наличные силы и средства, выводить их на Можайский рубеж.

«17 часов 05 минут. Журавлеву. Нужно срочно дать генералу Новикову¹ тридцать автомашин для доставки патронов на Можайский рубеж.

Журавлеву. Придется собирать машины из частей, сейчас могу дать часть... остальные подойдут позже.

Телегин. Хорошо. Проследите за быстрым исполнением.

17 часов 08 минут. По телефону с Романовым. Подольск. Когда прибывают курсанты? Что сейчас можете выделить для прикрытия артиллерии артучилища в пути? Можете выделить три роты? Хорошо. Готовьте их сейчас же и о готовности доложите по телефону. Делайте быстро.

Генералу Новикову. От Журавлева подойдет автотранспорт. Дайте полмиллиона патронов.

ВПУ — Шалину. Выехал ли работник Политуправления Егоров с политработниками?

Шалин². Ожидают получения личного оружия. Его еще не подвезли.

17 часов 15 минут. Военком укрепрайона из Малоярославца. От Юхнова и Медыни наши отходят мелкими, население — большими группами. Подошел 64-й гап и 18-й прожекторный батальон. У гап нет снарядов. Говорят, 43-я армия отходит, где находится ее штаб и штаб 53-й дивизии, никто не знает. Требуется 25 тонн

¹ Начальник артснабжения МВО.

² Секретарь Военного совета.

лигроина, продовольствие для отступивших и прибывающих в укрепленный район подразделений. Что делать с укрепрайоном? Оружия мы не имеем. Есть слухи, будто противник высадил авиадесант. К вечеру нужно ожидать усиления противника. Авиация бомбит Малоярославец, Медынь. Самолеты летают низко...

17 часов 20 минут. Б у т о в (представитель ЦК ВКП(б) из Подольска). Училищам нужно срочно дать автомашины, их не на чем перебрасывать.

Т е л е г и н. Прошу сделать все возможное на месте... Авто-транспорта у нас пока нет.

17 часов 25 минут. Н о в и к о в у. Найти и срочно вооружить револьверами направляющихся в Малоярославец сто политработников. Исполнение доложите.

17 часов 27 минут. Из Подольска (работник Особого отдела). Прибыл из Малоярославца. Встретил на дороге зенитные пулеметы (посланы Журавлевым из ПВО Москвы. — К. Т.) на автомашинах. Никаких частей не встречал. От Медыни движется много гражданского населения, загружают дороги.

Т е л е г и н. Выставляются заградотряды, беженцы будут отводиться в сторону от шоссе.

17 часов 30 минут. Из Подольска, комбриг Е л и с с е в. По непроверенным данным, танки противника прорвались через Малоярославец и идут на Подольск. Сообщил комендант военно-автомобильной дороги (ВАД) участка Малоярославец — Подольск.

Т е л е г и н — Елисееву. Немедленно выдвигаться с передовым отрядом и, если действительно встретите прорвавшегося противника — любой ценой, по остановите его и пошлите допесенки с командиром в Подольск для передачи мне по телефону.

17 часов 35 минут. Т е л е г и н — Шарохину по «кремлевке». Только что комбриг Елисеев из Подольска доложил, что по непроверенным данным танки противника прорвались через Малоярославец и движутся на Подольск. Елисеев выдвигается с передовым отрядом и двумя батареями на реки Мочь и Нару. Сведения получены от коменданта 2-го дорожного участка ВАД. Принимаю меры к проверке. До получения данных — прошу выше не докладывать.

Б е л о в у. Выставить сильные заградительные отряды, чтобы отводили беженцев обходными путями, минуя Москву. Отряды в 30—40 человек поставить в Кубинке, Наро-Фоминске, у Подольска.

С б ы т о в у. Обследуйте истребителями и У-2 дорогу Малоярославец — Подольск и немедленно доложите.

17 часов 45 минут. Г р о м а д и н у. Через посты ВНОС прове-

рять и доложить о положении в Малоярославце, в Медыни, на дороге Малоярославец — Подольск.

Чеснокову¹. Свяжитесь с Ревякиным, проверьте, как выполняется распоряжение о выставлении застав на западной и юго-западной окраинах Москвы.

17 часов 50 минут—18 часов 15 минут. Полковник Н. В. Смирнов (33-я запасная бригада). Пушек все нет.

Телегин. Сделайте расчеты и держите наготове. Полк направить с пулеметами, артдивизион отправить дополнительно. Прибыть в распоряжение Малоярославцкого коменданта УРа.

Из Подольска. Нач. артучилища Стрельбицкий.

Телегин. Все готово у вас?

Стрельбицкий. Человек триста подготовили, но не всех экипировали. В пехотном училище подготовлено пять рот.

Телегин. Начальник пехотного училища должен выделить три единицы для прикрытия ваших артиллеристов. Вы с комсаром возглавляете эту группу. Выдвижение на Малоярославец. Задача — оседлать шоссе и занять укрепленные точки. Боеприпасы есть?.. 64-му гаубичному надо передать часть боеприпасов. Трогайтесь немедленно».

Итак, обстановка усложнялась. Отступавшие с запада отдельные военнослужащие и граждане начали сеять панические слухи. Одной из жертв их стал комендант 2-го участка военно-автомобильной дороги Малоярославец—Подольск капитан Сорочкин, который, потеряв самообладание, примчался на автомашине в артучилище и принес весть о «прорыве» танков противника через Малоярославец и их движении на Подольск.

В сложившейся обстановке было уже поздно требовать от комбрига Елисеева проверки полученных данных. Поэтому ему было приказано немедленно выступить во главе передового отряда и завязать бой с врагом там, где он будет встречен. Проверку же этих сведений я поручил начальнику штаба по линиям связи с Малоярославцем, по линии постов ВНОС и ВВС. Однако счел необходимым доложить обо всем Генеральному штабу, предупредив, что принял меры к перепроверке и просил пока не докладывать Ставке.

Докладывая в Генеральный штаб о «прорыве» танков противника, я исходил из того, что танковые и моторизованные части врага заняли Юхнов между 15 и 16 часами. Расстояние от Юхнова до Малоярославца 80 километров, шоссе прекрасное. Не встретив здесь сопротивления регулярных частей Красной Армии и обладая

¹ Полковник С. Г. Чесноков, начальник отделения штаба МВО.

в избытке наглостью и авантюризмом, фашистское командование могло пойти на риск, чтобы попытаться ошеломить нас внезапностью. Пройти 80 километров за два — два с половиной часа танкам и мотопехоте было нетрудно. Значит, возможность подобного прорыва вражеских танков допустима. Верить в это не хотелось, но доложить надо было, ибо к этому времени мы не успели поставить на шоссе даже минные заграждения и подорвать мосты на Угре и Медынке.

Можно ли предъявить претензии к генералу Шарохину, который не принял во внимание мою просьбу — не докладывать Ставке, пока не будут получены точные данные? Думаю, что нет. Ведь и он, как работник Оперативного управления, мог оценить возможности противника и так же, как и я, допустить вероятность подобного броска и представить последствия этого, что, несомненно, лишало его служебного и морального права умолчать перед Верховным Главнокомандующим.

И в 18 часов 15 минут последовал звонок И. В. Сталина. Что он говорил, не записано в рабочей тетради, но на всю жизнь запечатлелось в моей памяти. Вот этот разговор:

— Телегин? Вы сообщили Шапошникову, что танки противника прорвались через Малоярославец?

— Да, я, товарищ Сталин.

— Откуда у вас эти сведения?

— Мне доложил из Подольска помощник командующего по вузам комбриг Елисеев со слов коменданта автодорожного участка. Связи с Малоярославцем нет, и я приказал ВВС немедленно послать самолеты У-2 и истребители для перепроверки, а также произвести проверку по постам ВНОС...

— Это провокация. Прикажете немедленно разыскать этого коменданта, арестовать и передать в ЧК, а вам на этом ответственном посту надо быть более серьезным и не доверять всяким сведениям, которые приносит сорока на хвосте.

— Я, товарищ Сталин, полностью этому сообщению не доверял, немедленно принял меры для проверки и просил генерала Шарохина до получения новых данных Ставке не докладывать. Комбригу Елисееву приказано немедленно выступить из Подольска с передовым отрядом на Малоярославец.

— Хорошо. Но впредь такие сведения надо проверять, а потом докладывать.

Разговор был короткий, но самочувствие такое, как будто ошпарили кипятком. Несомненно, такого рода сведения проверять надо дважды, трижды и только тогда докладывать. Урок крепко запомнил.

Все это мне вспомнилось два десятилетия спустя, в 1961 году на военно-научной конференции в ЦДСА, когда в прениях по моему докладу о роли и месте МВО и МЗО в защите столицы, в котором были приведены данные о событиях 5 октября 1941 года, один из ветеранов, в прошлом преподаватель академии, чуть ли не обвинил меня в малодушии за то, что я не доложил Генштабу о прорыве вражеских танков к Юхнову сразу же, как только были получены первые сведения.

Хорошо, конечно, принимать решения по минувшим событиям, сидя в кресле уютного зрительного зала, когда все уже известно, взвешено, оценено. Но спрашивается, в каком уставе или наставлении сказано, что командир или политработник, получив первые сведения и сомневаясь в их достоверности, обязан немедленно бить тревогу, не приняв мер к проверке? Укажите такого уважающего себя командира, который не придерживался бы непреложного воинского закона — если сомневаешься, проверь и перепроверь, и, лишь убедившись в объективности данных, — предпринимай решительные действия и докладывай руководству, в том числе и о принятых мерах. После же урока, полученного от Верховного Главнокомандующего, я понял, к чему могут привести поспешность и неосмотрительность, и, хотя внушение было весьма строгим, испытывал большое моральное удовлетворение: сделано все было правильно, первые меры приняты, и если даже они не решают исхода сражения, то влияние на его ход, несомненно, окажут.

Именно в эти же часы произошло еще одно событие, совсем необъяснимое: поступил сигнал, что на аэродромы кто-то передал приказание — самолеты для бомбежки противника по распоряжениям Военного совета и командующего ВВС МВО не поднимать. Звоню Сбытову. Но к аппарату подошел комиссар В. Д. Лякишев, докладывает, что больше часа тому назад Сбытов вызвал машину и спешно выехал. Куда? Никто не знает. Это меня вывело из равновесия. Потребовал, чтобы связались по телефону с ВВС КА, командными пунктами ПВО, аэродромами, разыскали Сбытова и передали распоряжение немедленно прибыть в Военный совет. Лякишев и начальник штаба ВВС округа полковник Н. В. Воронов звонили по всем телефонам, но командующего нигде не нашли. Я не мог понять, как мог так поступить опытный дисциплинированный командир, получивший важнейшую боевую задачу — в кратчайшие сроки подготовить к вылету бомбардировочную и штурмовую авиацию, обеспечить нанесение ударов по прорвавшимся танкам и мотопехоте противника? Оставить в такой момент боевой пост, не доложив старшим начальникам и не поставив в известность своих ближайших помощников о месте своего

нахождения, недопустимо в военной жизни вообще и особенно в такой критической ситуации. Выводы напрашивались самые неприятные.

Наконец, около 18 часов поспешно вошел в кабинет Николай Александрович Сбытов. Не говоря ни слова, подает написанную неровным почерком бумагу. Читаю: «Военному Совету МВО. Прошу сегодня же освободить меня от должности командующего ВВС МВО и отправить на фронт рядовым летчиком. Командовать ВВС округа больше не могу. Полковник Н. Сбытов».

Смотрю на него, ничего не понимаю. Грешным делом подумал: неужели испугался трудностей и ответственности? Где-то я читал, что от негодования и злобы глаза человека белеют. Такими они и были у Сбытова в тот момент.

— В чем дело, Николай Александрович, не понимаю. Расскажи толком, что произошло?

— После того как в шестнадцать часов тридцать минут доложил вам данные авиаразведки, я пришел к себе в кабинет. Едва успел отдать полковнику Воронову распоряжение о подготовке бомбардировочной и штурмовой авиации к вылету для бомбежки противника, как раздался телефонный звонок начальника Особого отдела Красной Армии Абакумова, требовавшего немедленно явиться к нему. Я тут же вызвал машину и в спешке не сказал об этом ни вам, ни своим помощникам.

Когда я вошел в кабинет к Абакумову, он резко бросил мне:

— Откуда вы взяли, что к Юхнову идут немецкие танки?

— Это установлено авиационной разведкой и дважды проверено.

— Предъявите фотоснимки.

— Летали истребители, на которых нет фотоаппаратов, но на самолетах есть пробоины, полученные от вражеских зениток. Разведка велась с малой высоты, летчики отчетливо видели кресты на танках.

— Ваши летчики трусы и паникеры, такие же, видимо, как и их командующий. Мы такими сведениями не располагаем, хотя получаем их, как и Генштаб. Предлагаю вам признать, что вы введены в заблуждение, что никаких танков противника в Юхнове нет, что летчики допустили преступную безответственность и вы немедленно с этим разберетесь и сурово их накажете.

— Этого сделать я не могу. Ошибки никакой нет, летчики боевые, проверенные и за доставленные ими сведения я ручаюсь.

— А чем вы можете подтвердить такую уверенность, какие у вас есть документы?

— Прошу вызвать командира 6-го истребительного авиакорпуса ПВО полковника Климова, он, вероятно, подтвердит.

Абакумов тут же приказал вызвать Климова и до его прибытия меня отослал в приемную, — рассказывал далее Сбытов. — Прибыл Климов, вместе с ним вновь вхожу в кабинет.

— Чем можете подтвердить, что летчики не ошиблись, сообщив о занятии Юхнова танками противника? — обратился Абакумов к Климову.

— Я такими данными не располагаю, летали летчики округа.

Тогда я попросил вызвать начальника штаба корпуса полковника Комарова с журналом боевых действий, рассчитывая, что в журнале есть соответствующие записи, так как происходило все это уже в зоне Московской ПВО. Комаров прибыл и так же, как Климов, заявил, что работу летчиков ВВС МВО корпус не учитывает и в журнал боевых действий не заносит. Наступило молчание, потом Абакумов, повернувшись ко мне, раздраженно сказал:

— Идите и доложите Военному совету округа, что вас следует освободить от должности, как не соответствующего ей и судить по законам военного времени. Это наше мпение.

Сбытов замолчал. Я почувствовал, что он пришел с твердым намерением добиться того, о чем написал в рапорте.

Рассказ Сбытова взволновал меня, и я тут же соединился с секретарем ЦК, доложил ему о только что услышанном от Николая Александровича. Секретарь ЦК попросил передать Сбытову, чтобы он оставался на своем посту и делал все возможное для нанесения имеющимися силами авиации чувствительных ударов по врагу, а с Абакумовым обещал поговорить сам.

Я постарался успокоить Сбытова, рапорт предложил порвать и выбросить из головы этот печальный эпизод, связанный, очевидно, с каким-то недоразумением, а думать лишь о том, как лучше использовать авиацию и задержать врага, в частности побыстрее уничтожить мост через Угру и тем самым выиграть необходимое время до развертывания Подольских училищ. И в эти трудные минуты Николай Александрович поступил как стойкий коммунист, волевой командир, для которого долг перед партией и Родиной был превыше всего. Он забрал рапорт и отправился организовывать боевые действия авиаторов.

А после ухода Сбытова я по-ипому оценил свой разговор с Берия и его «хорошо», брошенное в трубку. Понял, кто приостановил исполнение авиачастями боевых приказов командующего ВВС и Военного совета округа. Сложность обстановки, обилие и срочность дел вскоре отодвинули на задний план этот инцидент, а еще немного спустя он стал казаться досадной ошибкой.

За бурными событиями дня и не заметил, как подкрался вечер. А с наступлением темноты тревога и беспокойство почти всегда усиливались. Если в дневное время нашими «глазами», наблюдавшими за противником, была авиация, то она вот-вот должна была прекратить свою разведывательную работу, и мы могли неожиданно оказаться в крайне опасном положении, не зная, с какой стороны, в какой момент и какими силами враг нанесет удар по оборонительному рубежу. Сейчас все внимание мы сосредоточили на Юхновском направлении и не знали подробностей о положении на Калужском, Можайском и Волоколамском направлениях. Попытки связаться по телефону с местными организациями Сычевки, Гжатска, Сухиничей успехом не увенчались. Неустойчиво в этих районах работала связь с постами ВНОС, но то, что удавалось узнать от них, пока особой тревоги не внушало. С Вязмой связи не было, и что там происходит, округ не знал.

В этих условиях особое значение приобретала наземная разведка. Ее следовало немедленно организовать по всей трехсоткилометровой полосе перед Можайской линией обороны. Но откуда было взять силы и средства, чтобы с наступлением темноты бдительно наблюдать за всеми возможными путями продвижения танков и мотопехоты противника, вовремя предупредить Ставку и Генштаб, а самим принять возможные меры к преграждению противнику пути к Можайскому рубежу и на Москву?

Совместно с генералами Беловым, Кудряшовым и начальниками отделов еще раз тщательно пересмотрели дислокацию всех военных тыловых организаций, запасных и местных стрелковых частей, учебных заведений, но, как и следовало ожидать, ничего утешительного это не дало. Надо было искать резервы на самом Можайском рубеже. Там имелось до четырех с половиной тысяч вооруженных бойцов в рабочих батальонах, неподалеку располагались несколько истребительных батальонов ополчения, есть обеспеченные оружием милиция, органы НКВД. Вот та реальная сила, которую можно было быстро организовать в разведгруппы, способные приступить к действиям еще до подхода военных училищ и других частей. И такой приказ комендантам укрепрайонов был отдан.

Разведгруппы, составленные из коммунистов и комсомольцев, во главе с опытными командирами и политработниками, посаженные на автомашины, получили задачу выдвигаться на запад до 40—50 километров от переднего края. Одновременно командующему зоной ПВО было поручено организовать силами 1-го зенитно-артиллерийского корпуса командирскую разведку в направлениях Юхнов и Гжатск. Коменданту Калужского УРа

поручено использовать для разведки расположенный в Калуге 8-й запасной полк бронетанковых и механизированных войск.

Томпгательно тянулись минуты и часы, пока начальник штаба и начальник оперативной группы проверяли ход исполнения этого решения. Только к 22 часам нам доложили, когда и по каким направлениям выдвинулись разведгруппы, уточнили их состав и командиров. Но это было не самое главное. Необходимо было принять энергичные меры к выдвигению навстречу врагу сил, способных задержать его. Пока угрожающим направлением оставалось Юхнов — Малоярославец, и сюда требовалось как можно быстрее доставить личный состав и технику Подольских училищ, запасной полк, усилить их артиллерией, обеспечить боеприпасами и другим боевым имуществом.

В 18 часов 35 минут и в 18 часов 55 минут Сбытов сообщил последние данные авиаразведки, проведенной командиром эскадрильи 120-го истребительного авиационного полка Капустиным и пятеркой Пе-2 с ведущим С. Л. Пестовым, вылетавшей по заданию наркома обороны. Их наблюдения свидетельствовали о том, что противник продолжал наращивать силы пз глубины на Малоярославецком направлении. Спас-Деменск и Старинки (12 км севернее Спас-Деменска) забиты танками. Со стороны Мосальска на Юхнов и по дороге от Юхнова на Вязьму двигались плотные колонны танков и мотопехоты. 15 вражеских танков остановились перед мостом через реку Угра, который по наблюдениям летчиков группы Пестова взорван. От деревни Долгая (8 км южнее Юхнова) на юго-восток выдвигалась колонна до 70 автомашин с пехотой и артиллерией. Отмечалось также движение небольших групп автомашин и отдельных танков на дороге от Юхнова на Гжатск.

В 19 часов поступило первое донесение от наземной командирской разведки. Начальник штаба зоны ПВО полковник Герасимов доложил, что разведка во главе с помощником командира 767-го зепитно-артиллерийского полка майором Добрцким достигла Медыни. Город в пожарах от воздушных налетов. Противника и наших войск в городе нет. На Малоярославец продолжался отход большого количества гражданского населения, дорога забита повозками, встречаются автомашины из тылов Резервного фронта. Данные авиаразведки несколько приоткрыли завесу над планами немецко-фашистского командования. Становилось очевидным, что главные силы противника, прорвавшиеся на Юхнов, теперь повернули на Вязьму — в тыл армиям Резервного и Западного фронтов, отрезая им путь отхода к Можайскому оборонительному рубежу. Для развития наступления в сторону Москвы подтягиваются резервы. Отмеченное разведкой движение головных частей противника на юго-восток и на север от Юхнова

говорило о расширении противником фронта активных действий. Создавалась реальная угроза выхода врага к Можайскому оборонительному рубежу еще до занятия его нашими частями и училищами. Особо настораживало движение противника от деревни Долгая на юго-восток, на участок Калужского укрепленного района, который был наименее подготовлен в инженерном отношении.

Не менее тревожным было и появление передовых или разведывательных групп противника на дороге Юхнов — Гжатск. Можно было предполагать, что за этими группами под покровом темноты могут быть двинуты более крупные силы, способные создать угрозу прорыва через центральный участок Можайского рубежа. В этой обстановке важен был каждый час, каждая минута, следовало ускорить продвижение Подольских училищ и других частей. В штабе округа не умолкали телефонные звонки из Ставки, Генштаба; порученцы вызывали Подольск, Малоярославец, Можайск, Волоколамск, летели гонцы в центры формирования артиллерийских, гвардейских минометных и танковых частей, в запасные бригады и полки, на базы и склады, чтобы ускорить первоочередные формирования, разыскать, получить для них все необходимое. А сообщения из Тулы о том, что П. А. Артемьев получил известие о распоряжении И. В. Сталина и срочно прибудет в Москву, все не было. Оставалось ждать, действуя так, как требовали обстановка и долг.

Быстрота доставки на рубеж поднятых войск, боеприпасов, противотанковых мин, взрывчатки, бутылок с горючей смесью зависела от транспорта. Авторота округа не могла выполнить и десятой доли нужных перевозок. Пришлось просить Московский комитет партии мобилизовать 200 автомашин, 50 автомашин взять у Военторга, использовать автотранспорт артиллерийского корпуса ПВО.

Главная наша надежда и опора в эти часы — Подольские училища заставили пас понервничать. Приведение их в боевую готовность проходило более медленно и менее организованно, чем диктовали обстоятельства. И тут выяснилось, что ни Главное управление вузов, ни руководство округа с началом войны не изменили мобилизационную и боевую готовность училищ. Значительное удаление лагерей от расквартирования усугубляло трудности и явилось одной из причин задержки с выходом училищ навстречу врагу.

Только в 19.00 передовой отряд в составе 6-й роты пехотного училища, взвода станковых пулеметов при двух орудиях под командой старшего лейтенанта Л. А. Мамчица и комиссара, уполномоченного Особого отдела политрука Я. П. Киселева выступил

на двадцати четырех автомашинах, мобилизованных с помощью Подольского горкома партии.

Путь этого отряда был неблизким — 90 километров до Малоярославца и столько же до Юхнова. Телеграфная и телефонная связь с Малоярославцем работала с перебоями, разведанные поступили только от группы Добрицкого, и что происходит западнее Медыни, мы не знали. Передовой отряд уходил в ночь, приняв меры боевого обеспечения.

Но вот выступили, наконец, и главные силы Подольских училищ. Им было приказано двигаться форсированным маршем, используя имеющийся автотранспорт, реквизируя попадающийся в пути, с тем, чтобы не позднее 6—8 часов утра быть в Малоярославце.

И даже выход училищ не успокаивал. Слишком быстро развивались события, крайне осложнялась обстановка. Коменданту укрепленного района А. М. Смирнову было предложено вместе с командирами и политработниками резерва срочно выехать на передний край, там формировать из отходящих военнослужащих боевые подразделения и ставить на оборону рубежа. Артиллерийскому управлению приказано к 22.00 доставить снаряды и горючее для задержанного в Малоярославце 64-го гаубичного полка, с тем чтобы его шестнадцать орудий поставить у шоссе в районе Ильинского.

В связи с выходом в район Мценска 1-го гвардейского стрелкового корпуса генерала Д. Д. Лелюшенко можно было снять с рубежа 330-ю стрелковую дивизию и в спешном порядке перебросить ее в Калужский укрепленный район. Получив согласие Генштаба, я в 19 часов 40 минут позвонил в Тулу Жаворонкову и попросил срочно передать командиру и комиссару дивизии о подготовке соединения к маршу. Жаворонков убедительно просил оставить дивизию. Однако удовлетворить эту просьбу, вызванную законной тревогой за судьбу города, было невозможно, так как Тулу уже прикрывал корпус Лелюшенко.

Был подготовлен подвижной состав для переброски дивизии по железной дороге, но этому плану не суждено было осуществиться. В 19 часов 52 минуты — очередной звонок из Генштаба. Генерал Шарохин передал распоряжение наркома обороны — 330-ю стрелковую дивизию немедленно подготовить к срочной переброске по особому указанию... Попытка в личном разговоре с маршалом Б. М. Шапошниковым убедить его оставить дивизию для Можайской линии обороны успехом не увенчалась. Оставалось одно — снова искать внутренние ресурсы.

И опять на столе появились изрядно потерянные дислокационные ведомости всех военных учреждений, расположенных в го-

роде и ближайших к нему районах. В основном это все те же тыловые учреждения, научные институты окружного и центрального подчинения, дивизии НКВД, академии, истребительные батальоны, местные стрелковые части, охраняющие важные государственные объекты и несущие гарнизонную службу. По существующим положениям округ не мог распоряжаться ни академиями, ни войсками НКВД, ни Военно-политическим училищем имени Ленина, подчиненным непосредственно центральным управлениям, а также и истребительными батальонами, имеющими свой штаб в системе НКВД. Мои товарищи Белов, Громадин, Прудников, хотя и были согласны с необходимостью использовать и эти силы, но настаивали на получении согласия соответствующих главных управлений. Я знал, что согласование займет много времени. Поэтому, пользуясь правом «мобилизовать все, что есть», данным мне Верховным Главнокомандующим, начал действовать.

Так был отдан приказ поднять по боевой тревоге находящиеся в лагерях Военно-политическую академию имени Ленина и Военно-политическое училище имени Ленина, сформировать полнокровные сводные батальоны и выводить на участок Можайского укрепленного района для занятия обороны по указанию коменданта. Предварительным распоряжением начальнику училища имени Верховного Совета РСФСР, находящемуся в лагерях в Солнечногорске, полковнику И. С. Младенцеву и военкому полковому комиссару Л. Е. Славкину было приказано привести в боевую готовность училище и ждать дополнительных распоряжений. Командиру 33-й запасной стрелковой бригады полковнику Н. В. Смирнову и военкому старшему батальонному комиссару А. И. Муравьеву предложено сформировать стрелковый полк и артиллерийский дивизион, а начальникам управлений и отделов округа — обеспечить их вооружением, снаряжением и другим необходимым боевым имуществом. Комендант Москвы генерал В. А. Ревякин и начальник штаба истребительных отрядов получили приказание перевести двадцать пять истребительных отрядов на казарменное положение, привести их в полную боевую готовность и усилить патрулирование в городе и западных пригородах Москвы. В штаб округа были вызваны командиры дивизий оперативных войск НКВД — генерал М. П. Марченков, полковник В. В. Лукашев и командир дивизии внутренних войск НКВД генерал-майор П. П. Суцевский, с которыми детально рассмотрели их возможности на случай чрезвычайных осложнений. Перед ними была поставлена задача выставить у ближних подступов к Москве на основных дорогах, идущих с запада и юго-запада, сильные заслоны с танками, бронемашинами и артиллерией.

Начальник Военной академии механизации и моторизации Красной Армии генерал Г. Н. Ковалев получил указание привести в боеготовное состояние учебный танковый батальон и ждать дальнейших распоряжений.

В тылу формировалась 332-я стрелковая имени М. В. Фрунзе дивизия. Через начальника Главного управления по формированию, армейского комиссара 2-го ранга Е. А. Щаденко получили согласие о передаче этой дивизии в распоряжение командования Московского военного округа. Начальники управлений и отделов округа обещали сделать все возможное и невозможное, чтобы в короткий срок подготовить эту дивизию к боям, при условии, если Главное артиллерийское управление быстро даст ей положенное вооружение. Но в любом случае для этого требовалось 10—15 дней. С первым секретарем Ивановского обкома партии Г. Н. Пальцевым по телефону договорились, что он возьмет под личный контроль ход формирования дивизии, поможет ей всем, в чем она будет нуждаться и что можно достать и произвести на месте.

В 20 часов 40 минут был вызван генерал М. С. Громадин. С ним произошел обстоятельный разговор о том, что может выделить противовоздушная оборона Московской зоны на Можайский рубеж. Михаил Степанович прекрасно понимал сложившуюся обстановку и честно раскрыл свои возможности. Договорились, что в ближайшие 2—3 дня он сформирует 6 полков 37, 76 и 85 мм орудий для противотанковой обороны, один из которых, 222-й, может быть выведен на рубеж уже завтра. Я мог не беспокоиться: внял, что, если Громадиным обещано, будет сделано.

Начальник штаба И. С. Белов напомнил, что есть еще Отдельный особый кавалерийский полк НКЮ, находящийся в непосредственном распоряжении инспектора кавалерии. По телефону договорились с генерал-полковником О. И. Городовиковым о передаче этой части нам и переброске ее в Дорохово, в распоряжение команданта Можайского укрепленного района для ведения боевой разведки перед передним краем. Начальнику отдела боевой подготовки было поручено выехать в этот полк для постановки боевой задачи.

Вот и все наши силы и возможности.

Тем временем военком Генштаба Ф. Е. Боков информировал меня о том, что получено тревожное донесение из штаба Резервного фронта о положении на его левом фланге. Закрывать образовавшуюся брешь и задержать прорвавшегося вдоль Варшавского шоссе противника нечем, войска 24, 33 и 43-й армий обойдены с флангов, ведут тяжелые бои, но где, на каком рубеже в донесении ничего не говорится. Ставка отдала приказ в ночь на 6 октяб-

ря отвести войска на рубеж Ведерники — Масальск — Жиздра.

Кудряшов нанес этот рубеж на карту, и от сердца немного отлегло. Ведь это в 65—80 км от переднего края Можайского рубежа. Значит, армии Резервного фронта ждут и действуют, они далеко впереди, они еще сдержат противника, свяжут его силы и мы успеем вывести на рубеж то, что собрали и соберем в ближайше дни. Это будет вторым эшелонно героически сражающихся войск Резервного фронта. Белов даже высказал мысль, не отменить ли некоторые наши распоряжения, в частности, дивизиям НКВД и академиям.

Однако радужное настроение сразу же улетучилось, как только начали сопоставлять приказ Ставки с накопившимися разведывательными данными. Оказалось, что рубеж, определенный Ставкой, уже пройден противником, заняты Юхнов, Мосальск. Из первого к 18.00 двигалась на восток значительная колонна танков и мотопехоты, ими буквально забита дорога Юхнов — Вязьма, передовые отряды врага действуют на дороге Юхнов — Гжатск, распространяются от Юхнова на юго-восток. По сведениям ротного поста ВНОС из Калуги, город Жиздра также занят противником, быстро продвигающимся в направлении на Сухиничи.

Где же войска Резервного фронта? Какова действительная обстановка на этом и Западном фронтах?

Ну, что ж! Будем уточнять обстановку проверенными методами. Сбытову ставится задача с рассветом поднять самолеты и искать наши войска на этом рубеже, а комендантам укрепрайонов — попытаться связаться с ними своими командирскими разведками.

Так заканчивались сутки 5 октября, до предела насыщенные тревожными событиями. Что принесет с собой следующий день, сказать было трудно. Но уже нельзя было закрывать глаза на то, что, если противник продолжит развивать наступление непосредственно на Москву, наших сил, которые удасться сосредоточить на Можайском рубеже, будет крайне мало, чтобы надежно перекрыть все пути продвижения его передовых частей.

Ситуация складывалась весьма и весьма серьезная. Ближайшие 2—3 дня могли стать решающими в битве за Москву. И очень многое зависело от мужества и стойкости тех, кто сейчас в ожесточенных боях сковывал вражеские силы, принимая на себя часть удара, направленного в сердце нашей Родины, и тех, кому суждено будет завтра схватиться не на жизнь, а на смерть с сильными еще и наглым врагом.

Мы знали о неблагоприятных пока для нас соотношении сил. Но измеряли возможности сторон не только числом солдат, тан-

ков, орудий, самолетов. Там, где для армии другой страны положение казалось безнадежным, на чашу весов мы клали неведомый врагу «русский характер» — пламенный советский патриотизм бойцов, их беззаветную преданность партии, Родине, народу, беспримерное мужество и массовый героизм. Не скрою, что именно эта глубокая вера в наших бойцов и особенно в то, что ответственность за судьбу Родины и ее столицы удесятерят их силы, давали нам веские основания рассчитывать, что с задачей — задержать врага до подхода резервов Ставки — удастся справиться, несмотря ни на что.

А Белову и Кудряшову было предложено еще и еще раз тщательнейшим образом определить наши возможные резервы и составить схему их боевого использования по дням вплоть до предполагаемого подхода подкреплений.

Генеральный штаб сообщил, что с 8 по 12—14 октября, помимо трех дивизий, о которых говорил Ф. Е. Боков, на Можайский рубеж будет переброшено еще несколько дивизий с северо-запада. К этому же сроку на территории округа завершится формирование 4—5 танковых бригад сокращенного состава 10—12 дивизионов гвардейских минометов, 8—9 противотанковых артиллерийских полков.

Но тогда эти сроки казались такими далекими, когда свежие силы нужны сейчас, сию минуту. И, кажется, тогда мы все же больше рассчитывали на то, что раньше на Можайский рубеж выйдут соединения Западного и Резервного фронтов и помогут выиграть драгоценное время.

Для всего окружного аппарата минувший день и наступившая ночь слились в одно целое. Командиры и политработники контролировали ход выполнения отданных распоряжений, доставляли в поднятые части боевое имущество, снаряжение, обустройство, продовольствие, помогали, требовали, приказывали... И так, конечно, не только в округе. Мы знали, что всю эту ночь напряженно работали Ставка, Генштаб, центральные управления. Все жили одной мыслью, одной заботой — закрыть образовавшуюся на фронте брешь, не дать противнику прорваться через Можайскую линию обороны удержать ее, чего бы это ни стоило.

Около полуночи вернулся, наконец, Павел Артемьевич Артемьев. Я облегченно вздохнул: теперь командующий возьмет бразды правления в свои руки и вдвоем будет намного легче. Я смогу больше внимания уделить партийно-политической работе, побывать в войсках, чтобы глубже вникнуть в их жизнь.

Едва войдя в свой кабинет, который я не без удовольствия

собирался освободить, Артемьев позвонил в приемную И. В. Сталина и, доложив Поскребышеву, что возвратился из поездки в Тулу, спросил, нужен ли он Верховному Главнокомандующему. Поскребышев ответил, что Сталин ранее справлялся о его возвращении, но больше об этом разговора не было.

Мы с Беловым и Кудряшовым рассказали Павлу Артемьевичу обо всем, что произошло за время его отсутствия, какие меры приняты и предпринимаются, а он в свою очередь проинформировал нас о положении под Тулой. Под Мценском командующий проверял занявшее оборону Тульское военно-техническое училище. Возвращаясь в Тулу, он встретил направляющиеся под Мценск два наших танка, в одном из которых был генерал-майор Д. Д. Лелюшенко. Артемьев ознакомил командира корпуса с обстановкой, сообщил подробности о начавшемся сосредоточении частей гвардейского стрелкового корпуса, поступающих в его распоряжение. Затем, минуя Тулу, командующий поехал под Белев — откуда поступили сведения о приближении к городу войск противника. Под Белевом он встретил артиллеристов тяжелого пушечного или гаубичного полка, передавших кому-то по радио, что они «окружены». Последние были чрезвычайно удивлены, когда к ним подъехал генерал. Здесь Артемьева и догнал связной. Лихой, но весьма искусный шофер старшина В. А. Коваленко ухитрился за два часа доставить командующего в Москву.

Около четырех утра позвонил Поскребышев и передал Артемьеву распоряжение немедленно явиться к И. В. Сталину. По возвращении Павел Артемьевич рассказал, что он подробно доложил обо всех мероприятиях по организации обороны Тулы и Можайской линии и получил приказ привести в боевую готовность все части на рубеже, перекрыть основные пути к нему заграждениями, подготовить к взрыву мосты и перемычки противотанковых рвов. Верховный Главнокомандующий подтвердил прежние указания — выиграть имеющимися силами и средствами пять-семь дней, необходимых для подвода резервов и переброски дивизий с других направлений.

Затем командующий выслушал по телефону доклад начальника училища имени Верховного Совета РСФСР Героя Советского Союза полковника И. С. Младенцева о готовности сводного полка в составе 1500 человек к выступлению, отдал распоряжение двигаться без задержки на Волоколамск и не позднее утра 7 октября занять рубеж обороны по указанию коменданта укрепленного района.

Надеждам на то, что возвращение командующего внесет какое-то облегчение в работу, не суждено было сбыться. Он еще несколько часов занимался самыми срочными делами, а затем

вызвал машину и выехал, чтобы разобраться на месте с положением сначала в Калужский укрепленный район, а затем в Малоярославецкий и Можайский. Своего заместителя генерала Никольского он направил в Малоярославец для помощи коменданту в организации обороны. И снова я остался с Беловым и Кудряшовым, получив от Артемьева весьма внушительный по объему и содержанию перечень важнейших мероприятий.

Дни тревог и надежд

6 октября. С 6 до 6 часов 25 минут состоялся мой разговор по аппарату Морзе с комбригом Елисеевым, находившимся в Малоярославце.

«Телегин. Доложите обстановку на рубеже.

Елисеев. Точных данных о противнике не имею. Передовой отряд курсантов около часу ночи проследовал через Малоярославец, в 2.00 был в Мятлево, где соединился с небольшим авиадесантным отрядом Западного фронта под командованием капитана И. Г. Старчака. Объединенный отряд с 6.00 находится в пути на Юхнов. По еще не проверенным данным, в районе деревни Стрекалово отряд имел столкновение с батальоном противника на автомашинах, с минометами и танкетками. Ожидаю донесения командира отряда.

Телегин. Подтвердились ли сообщения местных жителей об авиадесанте противника, высаженном северо-западнее Малоярославца?

Елисеев. Выслан разведывательный взвод, но донесений от него еще не поступало. Только что подошли две роты курсантов с двумя батареями. Одну роту с двумя орудиями высылаю в этом направлении для разведки, и если будет обнаружен десант — приказано его уничтожить.

Телегин. Прибыли ли сто политработников с бригадным комиссаром Прудниковым, а также части, посланные из Москвы?

Елисеев. Политработники и Прудников прибыли и принимают участие в организации обороны. Несколько человек из них посылаем с курсантской ротой для проверки сведения об авиадесанте. Частей из Москвы еще нет.

Телегин. Как получите донесения от передового отряда и разведки, немедленно доложите. Товарищ Елисеев, вы знаете фамилию и звание того, кто сообщил вам в Подольске о прорыве танков противника через Малоярославец?

Елисеев. Докладывал комендант 2-го дорожного участка

военно-автомобильной дороги начальнику артучилища Стрельбицкому.

Телегин. Мне нужны фамилия и звание. Присутствовали вы при докладе?

Елисеев. Докладываю со слов Стрельбицкого. По выяснении фамилии и звания доложу...»

Сколь бы ни был неприятным случай с тем ложным сообщением, я, конечно, не в претензии к Елисееву и Стрельбицкому за то, что получил выговор от Верховного Главнокомандующего за сообщение Генштабу непроверенных сведений. Однако не скрою, досадно было, что два ответственных командира не приняли на месте надлежащих мер к проверке достоверности этого слуха прежде, чем докладывать Военному совету округа. Положительным в случившемся было одно — оно подхлестнуло аппарат округа к быстрейшему выводу Подольских училищ на рубеж.

Сведения о том, что в 21.00 5 октября между Медынью и Юхновом произошел бой с батальоном противника, Елисеев, а затем и прибывший в Малоярославец генерал-майор Никольский подтвердить не могли, как и от кого эти сведения были получены, узнать не удалось. Ложным оказалось сообщение и о высадке десанта противника северо-западнее Малоярославца.

Дополнительные донесения говорили о том, что передовой отряд и авиадесантники к 8.00, отбросив разведывательные группы противника, заняли рубеж Кувшиново — Красные Столбы, но попытка форсировать реку Угру успеха не имела. Противник обрушил на храбрецов сильный артиллерийско-минометный огонь, подверг непрерывным бомбежкам с воздуха. Упорный бой продолжался до 16 часов. Противник дважды пытался переправиться через Угру, но безуспешно и понес серьезные потери. В передовом отряде прямым попаданием авиабомбы взорвана автомашина артучилища, груженная шестьюстами 45 мм снарядами, повреждено одно орудие, разбита приданная отряду танкетка. Есть убитые и раненые.

К наступлению сумерек передовой отряд отошел за реку Изверь, оставив для наблюдения за противником разведывательные группы. Оставаться ночью на позициях с открытыми флангами командир отряда не рискнул.

На наиболее угрожаемом направлении восточнее реки Угры к вечеру 6 октября фашистов не оставалось. Выигран еще один драгоценный день, в течение которого было сделано очень многое для накопления сил. Между 6 и 8 часами утра 7 октября на рубеже полностью сосредоточились Подольские училища, 108-й запасной полк с артиллерийским дивизионом. Затем подошли 222-й противотанковый артиллерийский полк (восемь 37 мм ору-

дий), 31-й противотанковый артиллерийский дивизион (шестнадцать 76 мм орудий), четыре орудия 517-го артиллерийского полка РКК, там же находилась батарея 34-го артиллерийского полка без тяги (четыре 76 мм и одно 152 мм орудие). В районе села Ильинское были сформированы за счет отходивших с фронта одиночных бойцов и групп стрелковые роты при 3 станковых пулеметах в каждой; в районе Полотняного завода занял оборону 475-й стрелковый полк в составе 5 рот и до батальона из разных частей 33-й и 43-й армий.

Первый, второй и третий батальоны курсантов Подольского пехотного училища совместно с артиллеристами Подольского училища получили задачу оборонять центральный сектор укрепленного района на участке Константиновка — Ильинское — Митрофановка. Начальником этого сектора был назначен начальник пехотного училища В. А. Смирнов с подчинением ему 64-го гаубичного артиллерийского полка.

Утром 6 октября в Калугу прибыл командующий П. А. Артемьев. Обстановка на участке Калужского укрепленного района была особенно неблагоприятной. Связь со штабом округа разрушена вражеской авиацией. 5 октября в распоряжение коменданта прибыл личный состав артиллерийского дивизиона, а шестнадцать орудий для него смогли доставить только 6-го, конную тягу — 7 октября. Авиация противника продолжала усиленно бомбить город и станцию Калуга, Полотняный завод и мосты через Оку, что несомненно служило предвестием готовящегося наступления. Рабочим батальонам, строившим рубеж, пришлось трудиться под почти непрерывными бомбежками, но вели они себя мужественно, понимая, что от их труда во многом зависит и стойкость войск, которые займут здесь оборону. Однако попытки коменданта связаться с какими-либо штабами и частями Резервного фронта успехом не увенчались. Разведгруппы, действующие на удалении 20—30 километров перед рубежом, ни наших войск, ни войск противника пока не обнаружили.

На месте командующий отдал приказ: 8-й запасной полк бронетанковых и механизированных войск, дислоцированный в Калуге, и истребительный батальон (100 человек) подчинить коменданту укрепленного района. Командиру 8-го запасного полка сформировать из военно обученных полнокровный стрелковый батальон и танковую роту.

Коменданту укрепленного района предлагалось имеющимися силами прочно удерживать рубеж: батальону 8-го полка — Кореково — Гремячево; истребительным батальоном с отдельным артиллерийским дивизионом — район с. Плетеневка по восточному берегу реки Угры. Танковую роту иметь в качестве подвиж-

ного резерва. Личным составом бронепоезда НКЮ, находящегося на станции Калуга, вести разведку в направлении Юхнов — Козельск — Мосальск — Сухиничи. Артиллерийско-пулеметный батальон расположить по огневым точкам и подготовить к обороне рубежа.

В течение 6—8 октября нам удалось изменить положение на участках Можайского и Волоколамского укрепленных районов. На Можайский участок вышли сводные батальоны слушателей Военно-политической академии имени В. И. Ленина и курсантов Военно-политического училища имени В. И. Ленина, 230-й запасной учебный полк Западного фронта, 59-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион для прикрытия станции Можайск, один артиллерийский противотанковый полк и Особый кавалерийский полк НКЮ.

К вечеру 7 октября на Волоколамский участок рубежа вышел полк училища имени Верховного Совета РСФСР. В полку три стрелковых батальона (командиры — майор П. Ф. Тряпкин, капитаны — В. Я. Лободин и В. П. Бычковский), батарея, авторота, взвод связи и подразделения обслуживания. Общая численность — 1579 человек, из них курсантов — 1330, командиров и политработников — 112, красноармейцев — 130 и вольнонаемных — 7. На вооружении курсантов — винтовки, по 120 патронов, по две ручных гранаты и бутылки с зажигательной смесью.

85-километровый марш полк совершил организованно, чувствовался боевой опыт командира. Военком Л. Е. Славкин с гордостью докладывал, что моральный дух курсантов превосходный, рвутся в бой, горят желанием возвеличить славу кремлевских курсантов и проучить наглого врага. Зная славные традиции училища, высокую подготовку его командного и политического состава, выучку курсантов, можно было смело рассчитывать, что все они с честью выполнят свой долг и в этом трудном боевом испытании.

Полк вынужден был пока занять оборону на широком фронте от деревни Мусино до Курьяново, имея в своем подчинении дивизион 122 и 152 мм орудий Московского артиллерийского училища и дополнительно прибывающие сводный тапковый отряд Академии механизации и моторизации Красной Армии и роту курсантов Московского военно-инженерного училища. Этими силами комендант укрепленного района перекрыл наиболее опасные направления и организовал непрерывную разведку на значительном удалении от переднего края.

Мы понимали, что пока на рубеже только передовые отряды, причем не в полной мере обеспеченные всеми необходимыми

боевыми средствами, но здесь были собраны воедино будущие командиры и политработники и, если им придется вступить в схватку с врагом, каждый из них будет сражаться за десятых.

Весь окружной аппарат продолжал без усталки работать над формированием, обеспечением и отправкой на рубеж новых частей и подразделений, над изысканием внутренних людских и материальных ресурсов. Силы, выведенные на рубеж, по существу, только обозначили оборону.

В течение дня наши летчики несколько раз барражировали над полосой, определенной Ставкой для отхода войск Резервного фронта, но эти рубежи были уже заняты противником.

Вечером стали поступать новые сообщения.

«В 19.00 М. С. Громадин доложил, что по докладу поста ВНОС из Вязьмы на окраине города идет бой.

Пост ВНОС из Гжатска в 20.00 донес, что в двадцати километрах северо-западнее города высажен воздушный десант противника до двух рот с бронемашинами и танкетками.

В 20.55 донесение с поста ВНОС Сычевки: в городе спокойно, но на западе видно зарево пожаров...»

К концу дня Генштаб сообщил, что основные силы Западного и Резервного фронтов отрезаны противником, но из-за неустойчивой связи со штабами фронтов положение войск не выяснено.

Теперь многое ставилось на свое место. Загадкой оставалось поведение противника. Чем вызвано, например, что к 16 часам 5 октября, заняв Юхнов, он приостановил наступление на Малоярославец, действуя здесь лишь разведывательными группами и передовыми отрядами? Еще раз внимательно проанализировав все действия противника, мы пришли к выводу, что главной его задачей был глубокий охват с флангов и тыла войск Западного и Резервного фронтов, окружение и уничтожение их, после чего должен был начаться второй этап — непосредственное наступление на Москву. Очевидно, только этим и объяснялось, что крупные силы танков и мотопехоты повернули от Юхнова на Вязьму и обошли ее с востока. Но как долго главные силы врага будут связаны под Вязьмой, зависело от стойкости, организованности, мужества и героизма воинов этих фронтов. Отмеченное летчиками к концу дня 5 октября крупное сосредоточение вражеских танковых и моторизованных войск в Спас-Деменске, Старинке и Юхнове, движение колонн от Мосальска на Юхнов говорило о том, что, независимо от исхода сражения под Вязьмой, следует если не сегодня, то завтра ожидать наступления противника на всем фронте перед Можайским рубежом, особенно на Мало-

ярославецком и Калужском направлениях. Много позже подтверждение этому мы нашли в дневнике начальника штаба сухопутных войск Германии генерала Гальдера в записях за 4 октября: «Сражение, развернувшееся на фронте группы армий «Центр», принимает все более классический характер... Перед правым флангом танковой группы Гепнера¹, за которым следует подвижный корпус из резерва, до сих пор не участвовавший в боях, противника больше нет...»

Ко всем трудностям еще добавился неорганизованный отход тылов Западного и Резервного фронтов, забывавших дороги и населенные пункты, затруднявших движение на рубеж войск и их снабжение. Создавалась опасность, что, воспользовавшись этим, противник может неожиданно ворваться на передний край рубежа. Многие отступающие тыловые части и учреждения не знали, куда им двигаться, что делать, в населенных пунктах создавали излишнюю нервозность. Помимо наведения должного порядка, округу пришлось взять на себя и задачу обеспечения отступавших продуктами питания.

По опыту гражданской войны я хорошо знал, к чему может привести неорганизованность и паника в тылах действующих частей и какой ценой приходилось за нее рассчитываться. Невольно вспоминалось 8 сентября 1919 года на Восточном фронте. 457-й полк 51-й дивизии получил задачу выбить противника из села Медведовское (Тюменская область), в котором при внезапном налете конницы Колчака был изрублен штаб 2-й бригады 29-й дивизии, а командир бригады А. Захаров, комиссар Н. Н. Юдин захвачены в плен и после жестоких пыток повешены. Полк начал успешно наступать, к ночи занял село Ражево и остановился на ночлег. По неразумному распоряжению командира полка Никонова в это же село были введены и обозы полка. А слухи о гибели штаба бригады 29-й дивизии делали свое дело среди обозников — мобилизованных крестьян с подводами. Ночью кто-то пустил среди них слух, что казаки обходят село. Этого было достаточно, чтобы поднялась паника, расстроившая боевые порядки. Полк понес тяжелые потери, был отброшен противником в болота, в тайгу.

Командование округа должно было принять самые энергичные меры для отвода тылов в сторону от основных дорог, связывавших Москву с рубежом, тем более что противник систематически атаковывал всякое скопление людей и транспорта своей авиацией.

¹ Имеется в виду Малоярославецкое направление.

Неустойчивость связи привела к тому, что такие важные данные разведки Калужского укрепленного района, как движение противника по направлениям Мосальск — Zubово — Плетегевка, и Zubово — Камельгино — Каравай, и Козельск — Перемышль, нам удалось получить только к исходу дня 6 октября. В связи с этим Генеральный штаб поручил округу принять все возможные меры к ускорению продвижения по железной дороге управления 49-й армии, 5-й гвардейской и 194-й стрелковой дивизий, направлявшихся под Калугу, чтобы предотвратить намеренно противника нанести удар в этом направлении.

С утра 7 октября командующий Артемьев и его заместитель Пикольский, находившиеся по-прежнему на рубеже, мобилизуют строительные батальоны на быстрое завершение строительства противотанковых и противопехотных заграждений на важнейших направлениях. Для этого прозвели некоторую перегруппировку сил и средств, организовали минирование участков с незавершенным строительством оборонительных сооружений, подрыв перемычек противотанковых рвов, снятие временных и минирование капитальных мостов на основных дорогах перед рубежом, расстановку противотанковых «ежей».

С прибытием на рубежи артиллерийских частей выяснилось, что артиллерийские доты и дзоты строились в расчете на 45 и 76 мм орудия полевого типа, а пришлось выдвинуть значительное количество 37 и 85 мм зенитных орудий ни по конструкции, ни по габаритам не «высывавшихся» в эти сооружения. Пришлось спешно переоборудовать или готовить заново укрытые и открытые огневые позиции.

Итак, враг приближался к Можайской линии обороны. Сил здесь у нас не много: резервы Ставки пока еще на подходе. Все, что можно было послать на рубеж, уже послано, но ведь нужны еще и вторые эшелоны, и какие-то резервы, которые при неблагоприятном развитии событий встретят врага у самого порога Москвы.

Вечером в штаб округа приехали А. С. Щербаков и В. П. Пронин. Были обстоятельно рассмотрены все возможности военных и гражданских учреждений. Вывод был таков: на случай чрезвычайных обстоятельств Москва располагала тремя дивизиями оперативных и внутренних войск НКВД, в двух из них имелись бронегазовые полки, артиллерия. Довольно плотно могли прикрыть столицу не только с воздуха, но и на земле два корпуса ПВО, резервы Московской зоны ПВО. Имелись уже хорошо вооруженные и достаточно военно обученные истребительные батальоны, численностью более десяти тысяч бойцов, местные стрелковые части, общей численностью до трех тысяч человек.

Еще не были тронуты нами учебные батальоны и артиллерийские дивизионы трех академий, ряд полигонных команд, насчитывавшие до двух тысяч бойцов. Два военно-политических и 1-е Московское Краснознаменное артиллерийское училища могли дать еще до пяти тысяч хорошо вооруженных бойцов, а 33-я запасная стрелковая бригада — дополнительно сформировать еще стрелковый полк и артиллерийский дивизион при условии дообеспечения оружием. За счет всеобщего и рабочих дружин на предприятиях можно было создать роты, батальоны, полки. Учебные пункты располагали пригодными для боя винтовками, ручными и станковыми пулеметами, минометами.

Таким образом, Москва не оставалась бы беззащитной даже при самых крутых поворотах судьбы. Ее второй эшелон обороны представлял собой внушительную силу, способную выдержать первый натиск врага, конечно, при правильной организации и четком руководстве. Детальную разработку вопросов приведения в боевую готовность всех этих резервов и плана их боевого использования поручили Белову и оперативной группе Кудряшова. Щербаков и Пронин сказали, что приняты меры к расширению производства бутылок с горючей смесью «КС», ручных гранат, минометов и мин, ускорению ремонта боевой техники, поступающей с фронта. Решили также завтра созвать совещание начальников политорганов, комиссаров частей и учреждений Московского гарнизона и Подмоскovie, чтобы вывить дополнительные резервы и поставить задачи на случай особых обстоятельств. Окружному аппарату, московским партийным и советским органам предстояло в минимально короткий срок, организованно и без шума провести эту колоссальную по объему и ответственности работу. Было признано совершенно необходимым соблюдение строжайших мер по ограждению города от проникновения в него паникеров и распространителей ложных слухов. Москва должна работать спокойно и давать фронту максимум необходимого — таково было указание ЦК партии и Верховного Главнокомандования.

Учитывая опасность прорыва противника на стыке Калужского и Малоярославецкого укрепленных районов, находившейся в Малоярославце заместитель командующего генерал Никольский отдал распоряжение резервному 4-му батальону курсантов (командир батальона майор П. С. Медведев, военком — старший батальонный комиссар Д. В. Панков) с приданной батареей 76 мм орудий артиллерийского училища к утру 7 октября выдвинуться в район Детчино и прочно удерживать рубеж Редькино — Песочня — Зажорово — Фролово — Детчино. На месте в подчинение командиру батальона передавались подразделения, сформирован-

ные из вышедших на рубеж бойцов разных частей Резервного фронта и Детчинский истребительный отряд.

Таким образом, части и подразделения, расположившиеся в центре и на левом фланге Малоарсланецкого укрепленного района, уже были способны принять на себя и выдержать первые удары врага. Теперь требовалось укрепить Волоколамский и Можайский участки, правильно расставить силы на наиболее угрожаемых направлениях. Было решено в Волоколамский укрепленный район дополнительно к училищу Верховного Совета РСФСР послать стрелковый батальон из 33-й запасной бригады, две противотанковые батареи.

В 21 час. 10 минут 6 октября начальник Бронетанковой академии генерал-майор Г. Н. Ковалев доложил, что в 19 часов 15 минут из Москвы и в 18 часов 30 минут из Солнечногорска под командой полковника Троицкого и старшего лейтенанта Новикова вышло в Волоколамск 19 танков: 3 — KB, 5 — Т-34, 7 — Т-26, 4 — БТ-7 и одна бронемашина. Им предстояло вместе с курсантами училища имени Верховного Совета РСФСР перекрыть дороги, ведущие из Вязьмы и Гжатска.

Можайский укрепрайон дополнительно получил отдельную танковую роту, два противотанковых полка. Заканчивалось формирование 305-го артиллерийско-пулеметного батальона, который с утра 7 октября должен был начать погрузку в эшелон. Своим ходом предстояло выдвигаться 367-му и 121-му артиллерийским противотанковым полкам, а уже к исходу дня могли подойти 7 стрелковых рот 127-го запасного стрелкового полка.

В связи с вступлением немецко-фашистских войск в пределы Московской области были освобождены первые секретари Волоколамского, Можайского и Малоарсланецкого райкомов от обязанностей военкомов укрепленных районов, некоторые из них стали руководителями большевистского подполья и партизанских отрядов в тылу врага.

В районах, находившихся под угрозой оккупации, секретари Московского областного комитета партии Б. Н. Черноусов, С. Я. Яковлев, А. Н. Максимов энергично проводили работу по формированию сети партийного подполья, партизанских отрядов, их баз и обеспечения всем необходимым для беспощадной борьбы с захватчиками в их тылу. И все это — одновременно с эвакуацией из этих районов населения, государственного и общественного имущества. Можно лишь преклоняться перед подлинным подвигом организаторов и непосредственных исполнителей воли партии и народа, внесших достойный вклад в защиту родной столицы и в разгром врага на полях Подмосковья. В те дни был создан областной партийный центр (Черноусов, Яковлев,

Максимов), 12 подпольных партийных комитетов, сформированы 25 партизанских отрядов, 377 диверсионно-истребительных групп, Московский партизанский полк. Более 15 тысяч партизан за зимний период 1941/42 года парализовали железнодорожное движение на территории области, занятой врагом, наносили удары по штабам, отдельным гарнизонам, узлам и линиям связи.

Война крепчайшими узами связала Военный совет округа с Московскими комитетами партии. П. А. Артемьев был избран членом Московского городского комитета, я — членом Бюро МК. Почти ежедневно встречаясь с руководителями этих организаций, я поражался их внутренней силе, казалась неисчерпаемой энергия этих бойцов ленинской партии. Их рабочий день длился нередко чуть ли не круглые сутки. Но в те тяжелые для страны дни никто не сетовал на усталость, не откладывал дела «на завтра». «Все для фронта, все для победы!» — это был не просто лозунг, а внутреннее состояние и практические дела воинов и труженников тыла нашей великой социалистической Родины. И везде и повсюду в первых рядах были коммунисты.

Аппараты Московских областного и городского комитетов партии являлись боевыми штабами, организующими и мобилизующими москвичей на защиту столицы. И в октябрьские дни это было особенно важно, так как наступал наиболее трудный и ответственный этап борьбы, требовавший от каждого наивысших усилий и собранности.

Борис Николаевич Черноусов, секретарь Московского областного комитета партии, с первого же знакомства располагал к себе. Его темно-карие глаза излучали тепло, заставляя бодрее смотреть на все происходящее. Но еще большее уважение вызывали его деловые, партийные качества. Уравновешенность, спокойный негромкий голос, короткие и четкие указания работникам аппарата или секретарям райкомов действовали лучше всяких грозных приказов, все вопросы решались с его участием быстро и рационально. Случалось мне присутствовать при беседах Бориса Николаевича с отдельными областными и районными работниками, не выполнившими в срок или по объему важных поручений. Казалось, ну сейчас-то обязательно будет вполне заслуженный виновником разнос. Нет, Черноусов неизменно вел разговор в обычном спокойном тоне, но находил такие слова, такие аргументы, от которых собеседнику становилось не по себе. И, насколько мне известно, повторно вызывать в качестве ответчика Черноусову почти никого не приходилось. Таков был характер и стиль работы этого видного организатора и партийного деятеля. Несмотря на прошедшие годы, я сохранил его в памяти таким, каким знал в суровый 1941 год.

В неисчислимых волнениях и заботах заканчивался второй, выигранный нами, день нового этапа в жизни Московского военного округа. ГКО, Ставка и Генеральный штаб требовали от нас более полной информации о противнике, о мерах по усилению Можайской линии обороны, помогая в свою очередь тем, в чем мы остро нуждались. А мы с возрастающим нетерпением ждали сообщений о появлении на Можайской линии обороны штабов и войск Западного и Резервного фронтов. Очень важно было передать руководство боевыми действиями на Можайском рубеже в руки командований, имеющих боевой опыт и необходимые силы.

Ночь. Первые минуты и часы 7 октября.

«В 00.40 минут пост ВНОС Калуги доложил, что в Сухиничах наши части.

В 2 часа 45 минут командир 6-го авиакорпуса полковник И. Д. Климов сообщает, что по его линии связи получена из штаба Калужского укрепленного района телефонограмма о том, что разведка в 13.00 6 октября зафиксировала подход к Мосальску танков противника, а в Козельске появились отходящие части Брянского фронта, на западных подступах к Сухиничам шел бой, город в пожарах».

Сведения нуждались в экстренной проверке. Для связи с командантом можно было послать самолет, но сейчас ночь... Поступали важные донесения, их после уточнения надо было докладывать Генштабу и Ставке, а сделать это быстро зачастую не было возможности. Вот и тревожные вести от команданта Калужского укрепленного района о движении противника от Мосальска на Zubovo — Плетеневку, и от Zubovo на Камельгино, и Козельск — Перемышль были получены с запозданием на одиннадцать часов. Хорошо, что там был командующий и на месте принял меры.

Разведка от 1-го артиллерийского корпуса ПВО в 17.00 6 октября установила связь с передовым отрядом на реке Угре. В донесении указывалось, что курсанты и авиадесантники ведут тяжелейший бой у переправы с двенадцатью закопанными в землю вражескими танками, под сильным обстрелом из орудий и минометов, непрерывной бомбежкой, несут потери, но не дают противнику переправиться через Угру. Но к ночи передовой отряд вновь отошел за Извирь, и это донесение поступило к нам только в 00.45 7 октября, то есть через восемь часов. Понадобилось еще четыре часа, чтобы установить связь с Малоярославцем и узнать об усилении передового отряда 2-й курсантской ротой, стрелковым батальоном 8-го запасного полка и батареями 222-го противотанкового полка. Перед этими силами генерал Смирнов поставил задачу с утра 7-го возобновить наступление, дойти до реки Угры и воспрепятствовать переправе противника.

Как было условлено с А. С. Щербаковым, к 12 часам дня 7 октября были вызваны все начальники политотделов, военкомы частей и учреждений Московского гарнизона и пригородов. Только немногие из присутствующих имели представление о сложившейся обстановке. Собравшиеся приготовили блокноты, карандаши, ожидая каких-то очередных указаний Военного совета.

Сообщение последних данных об обстановке на фронте, о том, что ответственность за удержание Можайской линии обороны Верховным Главнокомандованием возложена на командование Московского военного округа, беспокоило присутствующих.

Суть указаний Военного совета сводилась к тому, что сейчас, как никогда, все силы и средства должны быть мобилизованы на отпор врагу, все должно быть перестроено с учетом обстановки. А потому присутствующие здесь должны выполнить следующие неотложные мероприятия:

все лица командного состава, рядовые, служащие Красной Армии, способные сражаться, должны быть организованы во взводы, роты, батальоны. Назначить в них командиров и комиссаров. Впредь до особого распоряжения весь начальствующий состав перевести на казарменное положение;

все оружие, как личное, так и коллективное, все боеприпасы взять на строжайший учет. Излишки оружия передать Артиллерийскому управлению или предназначить для вооружения личного состава учреждений, частей, не имеющих оружия;

приступить к ускоренному обучению всего личного состава тактике боев в большом городе, к изучению оружия, особенно гранат, способов борьбы с танками;

складам, базам, производственным предприятиям и мастерским срочно, не считаясь со временем, привести в боевую готовность имеющуюся и присланную для ремонта боевую технику, в том числе и трофейную, составить боевые расчеты и обучать их в укороченные сроки;

из небооруженных людей готовить истребителей танков, тренировать в метании гранат, бутылок с горючей смесью, в оборудовании минных ловушек и заграждений на дорогах и улицах;

начальники, командиры, военкомы частей, баз, учреждений лично обязаны проверить, что из имеющегося имущества может быть использовано для устройства заграждений на внешней линии города (включая проволока, противопехотные препятствия, взрывные средства, стальные «ежи», стальные и бетонные колпаки и тому подобное), и сообщить об этом Инженерному управлению;

учреждениям, частям, учебным заведениям, расположенным западнее и юго-западнее Москвы, приступить к устройству

оборонительных сооружений (окопов, блиндажей, убежищ) вокруг своих объектов, в первую очередь — с западной стороны, превращая их в опорные пункты, и готовить весь личный состав к их обороне;

из кадрового состава запасных частей (командиры, сержанты, инструкторы) составить расчеты боевых подразделений, тренировать их в сборах по тревоге, проводить занятия по борьбе с танками;

об организованных боевых подразделениях, количестве людей в них, их вооружении командиры и военкомы должны немедленно доложить штабу округа и от него получить указания о боевом предназначении каждого подразделения, месте и объекте, которые они должны будут занять по боевой тревоге.

Таковы задачи, которые Военный совет счел необходимым поставить перед всеми военными организациями Москвы и Подмосковья, включая и центральный военный аппарат. Осуществление задач, относящихся к центральному военному аппарату, взял на себя бригадный комиссар Н. В. Пупышев. Представители Главного политического управления бригадные комиссары М. М. Пронин и Н. В. Пупышев в своих выступлениях на совещании обратили внимание присутствующих на важность и неотложность изложенных мер и на ответственность командиров и начальников, военкомов и политорганов за их быстрое проведение в жизнь, потребовали усиления политико-воспитательной работы, борьбы с паникерством и малодушием.

В ходе совещания выяснилось, что при чрезвычайных обстоятельствах Московский гарнизон может дополнительно дать 15—20 тысяч защитников, что вместе с ПВО, дивизиями НКВД, истребительными отрядами, боевыми дружинами, боевыми подразделениями Всевобуча составит армию численностью до 200 тысяч бойцов.

Так, всемерно укрепляя Можайскую линию обороны, мы одновременно готовили и второй эшелон на случай непредвиденных осложнений. Теперь, когда все, как говорят, было «разложено по полочкам», мы знали, что если потребуется, то по тревожным гудкам фабрик и заводов на защиту города поднимется вся трудовая Москва и будет сражаться всеми средствами, способными уничтожать врага.

Расходились участники совещания с ясным пониманием опасности обстановки и с твердой решимостью сделать все от них зависящее, но поставленные задачи выполнить.

Начальник штаба И. С. Белов и начальник оперативной группы А. И. Кудряшов со своими помощниками плодотворно потрудились над внесением в план использования боевых ре-

зервов этого очень важного дополнения, держали под неослабным контролем практическое осуществление всех намеченных мероприятий.

К исходу 7 октября произошло немало новых и тревожных, и обнадеживающих событий.

«...В 16 часов 20 минут пехота противника... с четырьмя артиллерийскими батареями, семью минометами и десятью танками, при поддержке авиации, сломив упорное сопротивление нашего передового отряда, форсировала Угру восточнее Юхнова и вышла на рубеж Кувшиново — Красные Столбы. Оставив наблюдение за дальнейшими действиями врага, главные силы отряда, перекрыв Варшавское шоссе, заняли оборону по восточному берегу реки Изверь.

В 23 часа 30 минут генерал Громадин доложил, что полчаса назад авиация противника с малой высоты подвергла сильной бомбардировке Калугу. Промышленные объекты не пострадали, но на железнодорожном узле есть разрушения. Три самолета сбиты малокалиберной зенитной артиллерией, а всего за день сбито десять вражеских самолетов и еще пятнадцать уничтожено на аэродромах».

Выход значительных сил противника на рубеж Кувшиново — Красные Столбы, усиленная авиационная обработка города Калуги и его железнодорожного узла свидетельствовали о намеренных врага ночью или с утра 8 октября начать активные действия на Малоярославцеком и Калужском направлениях. Стремление противника вывести из строя Калужский железнодорожный узел, видимо, было связано с тем, что его авиаразведка обнаружила движение к нему головных эшелонов управления 49-й армии, 5-й гвардейской и 194-й стрелковых дивизий. Командарм-49 генерал-лейтенант И. Г. Захаркин с группой командиров штаба уже прибыл на место и начал знакомиться с обстановкой.

И. Г. Захаркина я знал как опытного военачальника, прошедшего суровую школу гражданской войны. В предвоенные годы он был заместителем командующего МВО и 30 июня 1941 года убыл на фронт. Служивцы отзывались о нем как о волевом и мужественном командире, прекрасном коммунисте и душевном человеке. Теперь он, подчиняясь непосредственно Ставке, становился хозяином на Калужском направлении.

А вот направление Малоярославец — Юхнов не давало ни малейшего повода к успокоенности. Задача здесь сводилась к тому, чтобы не дать противнику развить прорыв дальше на восток от рубежа Кувшиново — Красные Столбы. Поэтому, получив подкрепление, передовой отряд приступил на рассвете 8 октября к очищению восточного берега Угры от противника.

До наступления темноты удалось усилить участок Малоарсланецкого укрепленного района, придав ему 301-й и 302-й артиллерийско-пулеметные батальоны, которые вышли на участках Константиновка — Ильинское — Подсоснино — Машково, значительно укрепив оборону подолевских курсантов. В распоряжение коменданта района прибыли два дивизиона гвардейских минометов 13-го полка, 467-й саперный батальон. Из Московского артиллерийского училища подошел противотанковый артиллерийский полк.

На рубеже Волоколамского укрепленного района, против которого враг пока еще не вел активных действий, разведка, проведенная в направлениях Бухлово — Шаховская — Погорелое Городище и Бухлово — Андреевское — Дятлово — Новые Ремешки — Аржаники, противника не обнаружили. На боевые позиции встал противотанковый артиллерийский полк, прибывший из Москвы.

Полковник С. И. Богданов, сменивший коменданта Можайского укрепленного района подполковника М. И. Гольцева, сообщил, что его разведывательные группы установили связь с оперативной группой Западного фронта, действующей под командованием генерал-лейтенанта С. А. Калининна южнее и юго-западнео Гжатска, а чуть позже, что высланная им разведка от отдельной танковой роты днем имела столкновение с просочившимися в район Крутицы (20 км восточнее реки Гжать на шоссе Гжатск — Можайск) автоматчиками противника, что группа генерала Калининна несколько уклонилась на юг от шоссе и не имеет достаточных сил, чтобы прикрыть это очень важное направление.

Поздно вечером 7 октября в Малоарсланец прибыл командующий Резервным фронтом Маршал Советского Союза С. М. Буденный со своими порученцами. По сообщению коменданта укрепленного района В. А. Смирнова, маршал Буденный сказал ему, что 5 октября он выехал в 43-ю армию, чтобы на месте разобраться в сложившейся обстановке, но попал в очень сложную ситуацию. Комендант доложил маршалу, что ночью через Ильинское прошли с запада до двух десятков автомашин, в двух из них находились армейский комиссар 1-го ранга Л. З. Мехлис и член Военного совета Резервного фронта комиссар Госбезопасности 3-го ранга С. Н. Круглов, но остановились ли они где-нибудь или проехали прямо в Москву, комендант не знал.

В ночь на 8 октября в Малоарсланец прибыл генерал армии Г. К. Жуков. Его появление было неожиданным, так как нам было известно, что Георгий Константинович командовал Ленинградским фронтом.

Как и почему генерал армии появился в Малоарсланце, —

позднее он сам мне рассказывал. Но здесь я сошлюсь на главу 12-ю книги Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления», вернее, на тот абзац, где подтверждается сказанное мной о событиях под Москвой, развернувшихся 5—7 октября. Здесь Г. К. Жуков рассказывает, как 7 октября он прибыл на квартиру И. В. Сталина. Верховный Главнокомандующий, подведя его к карте, сказал:

«Вот смотрите. Здесь сложилась очень тяжелая обстановка. Я не могу добиться от Западного фронта исчерпывающего доклада об истинном положении дел. Мы не можем принять решений, не зная, где и в какой группировке наступает противник, в каком состоянии находятся наши войска. Поезжайте сейчас же в штаб Западного фронта, тщательно разберитесь в положении дел и позвоните мне оттуда в любое время. Я буду ждать».

Это происходило поздно вечером 7 октября. К исходу же 7 октября на Можайском рубеже обозначились: под Калугой — подчиненное непосредственно Ставке командование 49-й армии; между Можайском и Гжатском — незначительные силы опергруппы генерала С. А. Калинина; командующий Резервным фронтом и те силы, которые удалось округу вывести на рубеж.

Приезд Г. К. Жукова породил у нас достаточно обоснованные надежды на изменение положения под Москвой к лучшему. Он прибыл на рубеж с личным указанием Верховного Главнокомандующего: «...все его решения с использованием войск... и по вопросам управления обязательны для выполнения».

Выслушав доклад коменданта укрепленного района, его решения по обороне и действиям передового отряда, генерал армии приказал ему с утра 8 октября организовать имеющимися силами и средствами непрерывную разведку по всему фронту укрепленного района и на удалении от него до 30—40 километров.

Завершил день 7 октября телефонный звонок из-под Малоярославца члена Военного совета Резервного фронта С. Н. Круглова. Он сказал, что важная рокадная дорога Наро-Фоминск — Малоярославец стала совершенно непригодна для движения автотранспорта, что необходимо срочно выделить саперные батальоны, мобилизовать население и сделать деревянный настил.

Я ответил, что у нас нет ни одного резервного саперного батальона и что было бы более целесообразным привлечь к этому Главное управление шоссежных дорог, имеющее слаженный и мощный строительный аппарат.

Дорога действительно была важной, ее надо было приводить в порядок, но и ремонтировать ее при таком интенсивном движении было бесполезно, закрыть же эту транспортную артерию — просто невозможно. Дожди и мощный поток автомобилей, тягачей, орудий, танков, повозок сделали дорогу почти непроходимой.

Словом, Инженерному управлению округа предстояла нелегкая работа, но Черноусов и Тарасов обещали активную помощь области.

С рассветом 8 октября усиленный передовой отряд вновь начал выдвигаться на Юхнов, оставив батальон 108-го полка оборонять мост через реку Изверь на случай, если противник, обойдя отряд с флангов, попытается захватить переправу. К 10.00 отряд достиг деревни Чернышевки, развернулся в боевой порядок: вдоль шоссе — 6-я курсантская рота под командой Мамчича, левее — 2-я курсантская рота Максумова, на правом фланге — авиадесантники Старчака. Не встретив серьезного сопротивления противника, они заняли деревню Пушкино, но дальнейшее продвижение было остановлено сильным артиллерийско-минометным огнем и бомбежкой авиации. Несмотря на все возрастающие потери, к 13.00 отряд вышел на рубеж 1-й километр восточнее Кувшиново — Красные Столбы и дальше продвинуться уже не смог. Попытки противника обойти с флангов были отражены яростной атакой.

Неравный бой продолжался до 17 часов. Ценой больших потерь отряду удалось и в этот (четвертый) день схватки с прорвавшимся врагом задержать его на восточном берегу Угры. Выиграли еще один день, имевший особо важное значение для защиты столицы. К ночи отряд вновь отошел за реку Изверь, опасаясь за свои открытые фланги.

8 октября враг широким фронтом начал приближаться к Можайскому рубежу. О положении войск Западного и Резервного фронта сколько-нибудь определенных и подробных данных все еще не поступало. Было лишь известно, что в районе Вязмы армии этих фронтов ведут героическую борьбу в окружении, связали крупные силы немецко-фашистских войск и тем облегчили нам задачи по укреплению Можайской линии обороны. Но сколько еще продлится эта неравная борьба, удастся ли нашим армиям вырваться из тисков врага, сказать было трудно. Особое беспокойство за исход этого сражения вызывали данные воздушной разведки, свидетельствующие о появлении значительных сил противника в районе Юхнова и южнее его, западнее и севернее Гжатска. О том же сообщали и передовые посты ВНОС.

«...13 часов 40 минут. Майор Жук (Московская зона ПВО). В трех километрах от Гжатска идут бои. Пост отходит...

Майор Павлов (командир батальона ВНОС) из Тулы. В 11.00 Козельск занят моточастями противника, вступившими в город по шоссе и полотну железной дороги...

15 часов 30 минут. Майор Жук. Из Калинина сообщили,

что ротные посты ВНОС в Оковцах (22 км южнее Селижарова) и в Селижарово приказано свернуть. Сычевка обстреливается артиллерией противника.

18 часов. Комендант 35-го Волоколамского укрепленного района: в Троицком (восточнее Ржева) появились танки противника...»

Поздно вечером поступило сообщение ротного поста ВНОС из Боровска, что в районе Федорино и Ищенко (30 км северо-западнее Малоярославца и 27 км ст Боровска) перед передним краем оборонительного рубежа появились две группы противника с легкими танками и танкетками, предположительно, авиадесант. Командир роты ВНОС сообщил об этом командиру отдельной танковой роты, расположенной в Дылдино в 12 километрах от поста ВНОС.

Это сообщение было неприятным. Из доклада коменданта 37-го Малоярославецкого укрепленного района нам было известно, что закрыть участок от Павлицева до Юрьевского имевшимися силами он не мог и вынужден был ограничиться только наблюдением. Пережили несколько трудных часов, пытаясь добиться телефонной или телеграфной связи с Малоярославцем и Можайском, на стыке которых обозначились эти группы противника, но безуспешно. Тогда на место для проверки этого чрезвычайно важного сообщения были отправлены на автомашинах командиры штаба. А это 110—120 километров по разбитой дороге! Пока командиры доберутся туда да вернуться обратно, обстановка на оборонительном рубеже может полностью измениться. Но другого выхода не было.

Пока на подмосковных рубежах шли кровопролитные бои, начали, наконец, выгрузку первые эшелоны долгожданных резервов Ставки — 32-я Краснознаменная стрелковая дивизия под командованием полковника В. И. Полосухина с Дальнего Востока и 316-я стрелковая дивизия генерал-майора И. В. Панфилова из Средней Азии. Прибыли головные эшелоны 312-й стрелковой дивизии. Начальнику ВОСО полковнику А. Г. Чернякову с приданной группой политработников была поставлена задача принять самые энергичные меры к наибо́льшему продвижению эшелонов к станциям выгрузки. В ближайшие 2—3 дня Можайский рубеж обороны должен был принять 5—6 стрелковых дивизий, силами которых и имеющимися уже на рубеже войсками отразить все нарастающие удары врага до выхода войск Западного и Резервного фронтов и подхода новых резервов Ставки. На участок Малоярославецкого укрепленного района уже вышла, изрядно поредевшая в боях, 53-я стрелковая дивизия 33-й армии.

Как и следовало ожидать, скрытый маневр такими массами войск, да еще в сжатые сроки осуществить не удалось. Враг вполне резонно расценил появление резервов Ставки как угрозу своим планам. Поэтому 8 октября он обрушивает яростные удары авиации на железнодорожные узлы, станции и воинские эшелоны. Один из таких ударов пришелся по эшелону 32-й дивизии на станции Ворсино (южнее Наро-Фоминска). Было разбито 26 вагонов. Seriously пострадало железнодорожное полотно. Часть выгрузилась из эшелона и направилась походным порядком в Можайск, где уже разгрузился первый головной эшелон.

Наши силы на рубеже нарастали.

За этот день с активной помощью Главного артиллерийского и Главного автобронетанкового управлений на рубеж выходили вновь сформированные 17-я и 18-я танковые бригады; в 14.00 находились на подходе к Москве 4 эшелона 19-й и 20-й танковых бригад. В Волоколамский укрепленный район прибыли два противотанковых артиллерийских полка, дивизион М-8 («катюш»). В Можайск были выдвинуты полностью 13-й полк гвардейских минометов, 7 рот 127-го запасного стрелкового полка (вооруженного, правда, только виптовками с неполным боекомплектом патронов). Малоюрославецкому району были высланы две отдельные огнеметные роты (ООР), два дивизиона гвардейских минометов, отдельная танковая рота, два противотанковых артиллерийских полка, саперный батальон.

К ночи Военному совету сообщили, что в кольце, замкнутом 3-й и 4-й танковыми группами врага, оказались 19, 20, 24 и 32-я армии Западного и Резервного фронтов, а остальные армии, охваченные с флангов, теснимые с фронта, отходят к Волге, в район юго-западнее Калининна и частично — к Можайскому рубежу. Горькой была эта весть. Вероятность того, что окруженные войска, уже сыгравшие огромную роль в срыве планов врага по молниеносному овладению Москвы, разорвут огненное кольцо и выйдут на Можайскую линию обороны, еще была.

Трудно даже представить, какого напряжения, какого размаха организаторской работы потребовала обстановка от Центрального Комитета партии, от правительства, от Наркомата обороны, партийных и советских организаций на местах, чтобы в эти опасные для Родины дни поднять в тылу страны новые людские и материально-технические резервы и быстро продвинуть их под Москву для укрепления фронтов.

Начальник ВОСО округа полковник Черняков по возвращении из Главного управления военных сообщений докладывал, что

в ближайшие 5—7 дней Московский железнодорожный узел должен будет принять большое количество эшелонов с войсками и техникой, идущих с Дальнего Востока, Сибири, Урала, Поволжья и Средней Азии. На округ возлагалась задача не только устранять всякие задержки на пути их следования по территории округа, но и надежно прикрывать от ударов с воздуха.

Это сообщение принесло настоящую радость, придало новые силы. С Черняковым договорились, что для выполнения предстоящей чрезвычайной важности задачи дадим ему столько командиров и политработников, сколько потребуется, и он два раза в день будет докладывать о продвижении эшелонов. Алешин получил задание завести специальный график движения воинских поездов и немедленно докладывать о каждой их задержке в пути.

Вскоре мой кабинет стал напоминать какой-то диспетчерский пункт: на стенах появились непривычные схемы и графики. Дважды в день, в 8 и 18 часов, уточнялось положение с продвижением эшелонов, выяснялись причины задержек.

Как-то легче и, если уместно здесь это выражение, веселее пошла работа. По согласованию с начальником Военно-химического управления Красной Армии генерал-майором технических войск П. Г. Мельниковым прибывшие на станцию Малаховка 39, 40, 41 и 42-я отдельные фугасно-огнеметные роты были направлены на рубеж. Настоячиво продолжались поиски и своих резервов. М. С. Громадин порадовал сообщением, что шесть полков для противотанковой обороны сформированы и сосредоточены в районе Фили. И. С. Белов доложил об окончании формирования еще двух артиллерийско-пулеметных батальонов, и в запасной бригаде — трех батальонов лыжников, численностью по тысяче человек каждый. Взяли на учет и причислили ко второму эшелону находившиеся в Москве батальоны особых отделов, 65-й караульный батальон, отдельные караульные роты, имеющие штатное стрелковое вооружение и две бронемашины БА-27. А немного позже из Главупрформа сообщили, что в округ прибывают роты маршевого пополнения. Это уже был труд командования округов глубокого тыла. Так, Уральский военный округ слал семьдесят пять стрелковых и десять специальных рот; Приволжский — 72 стрелковые и 15 специальных, дополнительно выделил 1270 красноармейцев, 40 младших командиров-связистов и артиллеристов; Сибирский — 40 стрелковых и 8 специальных рот. Все это предназначалось для пополнения соединений Западного и Резервного фронтов.

На помощь Москве, на ее защиту поднималась вся наша великая могучая страна.

Анализ изменений в обстановке, конкретные расчеты наращивания наших сил по времени и масштабу свидетельствовали, что надо выдержать еще 3—4 дня для полного сосредоточения 316, 32 и 312-й дивизий и занятия ими обороны, 4—6 дней для развертывания других резервов Ставки.

На исходе 8 октября я беседовал с командиром прославленной еще в Хасанских боях 32-й Краснознаменной стрелковой дивизии полковником Виктором Ивановичем Полосухиным. Выше среднего роста, подтянутый, уравновешенный, он с первых же слов подкупал прекрасным знанием всех сторон жизни дивизии, любовным отношением к подчиненным и неисчерпаемой верой в их стойкость и мужество. И это были не просто красивые слова, не пустые заверения, а глубокое убеждение опытного, знающего и любящего свое дело командира, прошедшего сквозь многие испытания и напряженные будни боевой учебы. За шесть месяцев командования Полосухин сумел перестроить всю жизнь и боевую подготовку дивизии в соответствии с требованиями современной войны. Сам он тщательно изучал фронтový опыт, осмысливал причины неудач и слагаемые успехов, настойчиво учил личный состав соединения науке побеждать.

Виктор Иванович не приписывал себе лично заслуг в том, что дивизия имеет высокую боевую подготовку и боеготовность, крепкий моральный дух, а считал это итогом большой творческой и дружной работы всех командиров, политработников, коммунистов. Очень тепло говорил он о военкоме дивизии полковом комиссаре Г. М. Мартынове, начальнике политотдела Г. Г. Трифонове, его заместителе В. И. Ярцеве и секретаре дивизионной парткомиссии Я. И. Ефимове, о комиссарах частей.

Учитывая грозную опасность, нависшую над Москвой, Ставка изменила боевое предназначение дивизии. 26 сентября соединение начало выгрузку своих более чем 20 эшелонов на станциях Волховстрой и Маслино, с тем, чтобы принять участие в боях под Волховом, но 5 октября дивизии было приказано срочно грузиться для переброски под Москву. И вот первые эшелоны этой замечательной дивизии уже у нас.

Когда В. И. Полосухин узнал, что его дивизии предстоит занять оборону на историческом Бородинском поле, он поднялся с кресла и торжественно, как клятву, произнес:

— Эту высокую честь и доверие личный состав оправдает. Будем сражаться не на жизнь, а на смерть, но задачу свою выполним.

Я с благодарностью пожал ему руку и пожелал самых больших успехов в выполнении этой святой, почетной и ответственной задачи. Попросил передать всему личному составу приветствие

Военного совета и его уверенность, что хасанская слава дивизии будет преумножена в боях с фашистскими полчищами.

Уже поздней ночью позвонила тов. Славина, представитель ЦК ВЛКСМ, много и активно нам помогавшая. Она сообщила, что в Можайске, Малоярославце и Калуге скопились раненные с Западного и Резервного фронтов, а их санитарные управления не справляются с эвакуацией. Пришлось принять энергичные меры, и за день удалось вывезти два санитарных поезда из Можайска, передать областному здравотделу два госпиталя в Малоярославце и подать один состав в Калугу. В этих пунктах оставалось еще до тысячи раненых. Начальник санитарного отдела округа Славин и начальник ВОСО Черняков обязались к утру подать санитарные поезда и полностью закончить эвакуацию.

Затем состоялся еще один разговор по прямому проводу с Ф. К. Прудниковым, находившимся в Малоярославце. Задание он выполнил, разыскал штаб Резервного фронта, разместившийся в Обнинском, был на приеме у Мехлиса и Круглова, пытался выяснить положение армий фронта, но они связи с армиями не имели. По словам Федора Кондратьевича, Мехлис и Круглов доосуждали и формировали в подразделения вышедших из окружения одиночек и группы военнослужащих. Далее Прудников сообщал, что в районе Медыни он встретил начальника политотдела 33-й армии полкового комиссара Смирнова, разыскивавшего свой штаб и командование, что отход одиночек и мелких групп из 33-й армии продолжается.

После подведения итогов за прошедшие сутки я набросал в рабочей тетради вопросы, которые Военному совету и штабу надо было решить на следующий, уже пятый, день боевых действий на рубеже:

1. Переговорить с командованием артиллерией Красной Армии Н. Н. Вороновым или Н. Д. Яковлевым о времени, порядке и месте передислокации артиллерийской базы. Вражеские налеты мешают ее нормальной работе по ремонту оружия.

2. Подготовка архивов к эвакуации.

3. О запасе походных кухонь.

4. Расчет на подвоз боепитания, продуктов для временных формирований на рубеже обороны.

5. О боеприпасах иностранных образцов для истребительных батальонов и академий.

6. Институт инженерной техники. Имеются 50, 82 и 120 мм минометы, на полигоне три танка БТ, замурованные в бетонированных блиндажах пушки. Решить вопрос об их использовании.

На этом хотелось поставить точку под всеми событиями, тревогами, заботами и волнениями дня, немного отдохнуть, чтобы

к утру набраться новых сил. Но немолчно трещали телефоны. Генеральный штаб, его управления запрашивали новые данные об обстановке, давали распоряжения ускорить формирования, куда-то кого-то послать, проверить, подтолкнуть, проследить, обеспечить...

Так шел час за часом уже начавшегося нового дня — 9 октября, а прилечь отдохнуть все не удавалось. Наконец, подошел А. И. Кудряшов с двумя документами. Первым оказался приказ командующего 49-й армией И. Г. Захаркина о том, что он принял оборону Калужского укрепленного района и командирам 194-й и 5-й гвардейской дивизий поставил боевую задачу.

Молодцы, ничего не скажешь! Быстро прибыли на место, развернулись, подготовились к бою. Как тут не порадоваться?

Но вот еще звонок телефона.

«Телегин. Слушаю».

Докладывает комендант Калужского укрепленного района майор Гавилевский. Командующий округом просил передать, что он направился в Малоярославец, где его и искать в случае крайней необходимости.

Телегин. Произведена ли сдача участка укрепленного района и имевшихся на нем войск командарму-49 и прибыли ли полностью 194-я и 5-я гвардейская дивизии?

Гавилевский. Участок и войска сдал, рабочие батальоны продолжают строительство рубежа. Командарм-49 прибыл пока с четырьмя командирами, а из дивизий — командование и по одному главному эшелону. Остальные на подходе к станциям разгрузки. На рубеже от этих дивизий пока никого нет, но задачу командиры дивизий получили. Командующий округом объехал весь участок укрепленного района, переключил строительные батальоны на более важные направления».

Оказывается, рано начал радоваться. Полковник Черняков доложил о перемещении эшелонов 49-й армии, принимаемых мерах для их беспрепятственного движения и о том, что для полного сосредоточения управления и дивизий понадобится целых 2—3 дня. Вот тебе и «принял оборону»!

Второй документ — донесение коменданта из Малоярославца о том, что после жестокого боя, длившегося целый день у реки Угры, передовой отряд к ночи отошел за реку Изверь, оставив наблюдение за противником. Прибывший в Малоярославец вечером 8 октября командующий П. А. Артемьев поблагодарил личный состав передового отряда за выдающееся мужество и приказал особо отличившихся представить к правительственных наградам, а передовой отряд подчинить командиру 17-й танковой бригады, сосредоточившейся в Мятлево, полковнику П. И. Тропцкому и что

Троицкому приказано с утра 9 октября возобновить наступление на Юхпов, выбить противника из Кувшиново и Красные Столбы, отбросив на западный берег Угры. Одновременно сообщалось, что на участке укрепленного района командующим округом выделен центральный сектор, во главе его поставлен начальник пехотного училища генерал В. А. Смирнов, с подчинением ему 1-го и 3-го батальонов пехотного училища, курсантов артиллерийского училища, 64-го гаубичного, 517-го артиллерийского полка РКГ (четыре орудия), 222-го противотанкового артиллерийского полка и 31-го противотанкового дивизиона — всего до 50 артиллерийских стволов на участок в 20 километров. Командовать артиллерией поручено полковнику И. С. Стрельбицкому. В заключение сообщалось, что настроение у всех приподнятое, боевое.

С каждым часом оборона на рубеже организационно крепла. И по-прежнему оставались невыясненными до конца причины столь непонятного поведения противника, действовавшего, по существу, только сильными разведывательными партиями и передовыми отрядами, но не предпринимавшего решительных акций в несомненно благоприятной для него обстановке. Было крайне досадно, что, несмотря на настойчивые требования, нашим разведчикам и передовому отряду до сих пор не удалось захватить ни одного пленного, добыть какие-либо документы, хоть немного проливающие свет на это обстоятельство. В пяти километрах северо-западнее Малоярославца был сбит нашим истребителем немецкий бомбардировщик, два летчика выбросились на парашютах, но в схватке с рабочим батальоном они были убиты. И только сведения, добытые воздушными разведчиками, давали основания предполагать, что наступление врага задерживал недостаток горючего, усилению подвозимого сейчас со стороны Спас-Деменска к заправочным пунктам, около которых наблюдалось большое скопление танков и автомашин.

Теперь мы можем подтвердить правильность нашего предположения записью Гальдера в дневнике за 22 сентября: «Положение со снабжением горючим войск группы армий «Центр» тяжелое из-за того, что сосредоточение большого количества моторизованных соединений предъявляет к снабженцам неслыханные требования»¹. По всему чувствовалось, что противник вот-вот перейдет в наступление крупными силами. Нужно было во что бы то ни стало добыть «языка», и эту задачу командующий поставил перед командантами укрепленных районов. Командующему ВВС Н. А. Сбытову приказано было обеспечить бесперывное наблюдение за противником с воздуха.

¹ Ф. Гальдер. Военный дневник. М., Воениздат, 1971, т. 3, кн. 1, стр. 369.

Фронт Можайской линии обороны

Тревожными, томительными и нескончаемыми казались ночные часы. Не давало покоя сообщение о высадке десанта противника в районе Федорино — Ищеино. Начальник штаба оперативной группы Кудряшов и его офицеры по всем возможным каналам искали связи с Малоярославцем и Можайском. Уже наступило утро, когда удалось получить подтверждение, что это действительно так, что об этом доложено командующему Артемьеву и он на месте принимает меры. Стали известны и некоторые подробности. Десант был высажен с девяти самолетов в районе, где не было наших войск, а только рабочие батальоны. Заняв Ищеино, противник поджег постройки и стал продвигаться в сторону Боровска, но неожиданно наткнулся на серьезное сопротивление. Командир 3-го рабочего батальона, собрав вооруженных бойцов комендантского взвода и инженеров, преградил дорогу врагу. Завязалась рукопашная схватка, бойцы рабочих батальонов, у кого не было оружия, дрались лопатами и кирками, но силы были неравные. Многие из этих безымянных героев, участвовавших в схватке, погибли, а комбат был тяжело ранен кинжалом в грудь и под огнем врага вынесен адъютантом. Парашютисты рассеяли 2-й и 3-й рабочие батальоны, а 46-й батальон оказался отрезанным, и судьба его неизвестна. Однако героическое сопротивление рабочих батальонов нанесло серьезные потери противнику, расстроило его планы, и он вынужден был задержаться в районах Федорино и Шубино.

Положение все более осложнялось. Враг прорвался на стыке Можайского и Малоярославецкого укрепленных районов, возникла угроза выхода противника на фланги и в их тыл. Зная, что сил там недостаточно и командующему трудно будет ими маневрировать, необходимо было помочь из Москвы. Генеральный штаб был также крайне обеспокоен и обещал помочь через 2—3 дня выводом сюда 110-й и 113-й (бывших 4-й Куйбышевского и 5-й Фрунзенского районов) дивизий народного ополчения, а пока потребовал принять все меры к ликвидации прорыва силами, имеющимися в распоряжении командования МВО.

Прорыв противника на Боровском направлении был очень опасен, он создавал серьезную угрозу для сосредоточения на Можайской линии обороны подходивших дивизий. Перед командиром дивизии особого назначения имени Ф. Э. Дзержинского генерал-майором Марченковым, генералами Громадиным и Журавлевым была поставлена задача — срочно выделить отряды с сильными

артиллерийскими средствами и не позднее псхода 10 октября выдвинуть их в район Боровска для совместных действий с частями Можайского укрепленного района. Боровск и Верею удерживать до подхода 110-й и 113-й дивизий.

Из Калуги доносили: противник, отбросив наши разведывательные отряды, к вечеру широким фронтом вышел к рекам Угре и Оке на участке Калужского укрепленного района. Из 194-й и 5-й гвардейской стрелковых дивизий на рубеж вышли пока только головные полки и некоторые подразделения других частей, а остальные на станциях выгрузки, на подходе к ним или на марше к рубежу.

Полковник С. И. Богданов, комендант Можайского укрепленного района, докладывал, что группа генерала С. А. Калинина оставила Гжатск и ведет бои на рубеже Кузнечики — Петрецово. Калинин сообщил коменданту, что 8 октября он был в Гжатске в штабе Западного фронта, который готовился к переезду в район Можайска. Командующий фронтом приказал ему принять под начало войска на линии Гжатск — Юхнов и предложил ему выяснить на месте, какие там есть войска. С. А. Калинин установил связь с генерал-майором Щербаковым, имевшим под командованием до трех тысяч бойцов из разных частей, и с полковником Томашевским, возглавлявшим отряд в тысячу человек, преимущественно из пограничников. Все они располагались в районе восточнее и южнее Гжатска, южнее в районе Юхнова слышалась артиллерийская стрельба.

Авиация противника веда усиленную разведку переднего края, бомбила и обстреливала из пулеметов работающие на строительстве рубежа войска и рабочие батальоны, сильной бомбардировке подвергались и населенные пункты Ельня и Карженъ и расположенные там позиции наших подразделений.

9 октября Ставка принимает решение о создании фронта Можайской линии обороны во главе с командующим Московским военным округом П. А. Артемьевым, заместителем командующего генерал-майором артиллерии Л. А. Говоровым и начальником штаба генерал-майором А. И. Кудряшовым. Членом Военного совета назначил меня. Все по совместительству, за исключением Говорова, находившегося в резерве после упразднения фронта резервных армий.

При огромном объеме проводимых округом организационно-мобилизационных мероприятий руководство еще и фронтом — дело нелегкое. Но приказ есть приказ. Необходимо было действовать и в этом, новом для командования округа качестве. Командующему П. А. Артемьеву, все еще находившемуся в Можайском укрепленном районе, нужно было срочно возвращаться в Москву,

тем более что в этот же день была получена директива Генерального штаба, в которой от имени наркома обороны командованию округа предписывалось немедленно приступить к строительству в глубоком тылу округа трех оборонительных рубежей общей протяженностью в тысячи километров.

Отложив принятие практических мер по этим двум директивам до возвращения командующего, штаб и Управление округа все внимание сосредоточили на ускорении продвижения к местам выгрузки эшелонов 312, 316 и 32-й дивизий, 19-й и 20-й танковых бригад, на помощи командирам, получившим задание сформировать и выслать отряды под Боровск.

Нужно ли говорить, как обрадовало нас появление первого эшелона 312-й дивизии под командованием А. Ф. Наумова? Ей предстояло не позднее 10—12 октября полностью сосредоточиться на рубеже Малоярославецкого укрепрайона. Таким образом, в ближайшие 2—4 дня каждый укрепрайон, в дополнение к силам, выведенным и выводимым нами, будет иметь по одному полевому соединению и сможет, обязан будет задержать противника столько времени, сколько потребуется Ставке для воссоздания Западного фронта и подвода новых резервов.

Во второй половине дня возвратился командующий. Он осунулся, лицо обветрилось. Бессонные ночи под Тулой и на рубеже сказались и на его могучем организме. Чувствовалось, что он смертельно устал, что ему просто необходимо хоть немного отдохнуть, но обстановка этого не позволяла. Да и сам Павел Артемьевич был не из тех, кто может хоть на минуту забыть, когда не все сделано, что можно и нужно сделать сегодня. Впрочем, быть может, впервые за время нашей совместной работы я увидел командующего раздраженным, расстроенным оттого, что не все и не везде делалось так, как хотелось бы, как требовалось.

Внимательно выслушал Павел Артемьевич мой рассказ обо всем, что произошло в его отсутствие, что сделано и что делается. Без восторга воспринял он последние две директивы и поздравление с новым назначением — командующим фронтом Можайской линии обороны. Потом поделился своими впечатлениями, мыслями. Беседа наша была продолжительной, обстоятельной. И как бы подводя ей итог, Артемьев сказал:

— Тихое сидение в окопах, Константин Федорович, кончается, начинается настоящая боевая страда, смертельная борьба за удержание переднего края Можайской линии обороны. И успех во многом зависит от выхода на рубеж в полном составе 316, 32 и 312-й дивизий, танковых бригад и от того, насколько нам в ближайшие 2—3 дня удастся укрепить оборону артиллерией.

— Да, все это так, Павел Артемьевич, — сказал я ему. — Кудряшов подсчитал, что на Волоколамском участке укрепленного района в среднем на километр фронта у нас всего 0,6 орудия, на Можайском — 1—1,5; на Малоярославецком — до 2. 5—6 орудий на километр — сосредоточено на главных направлениях. Положение несколько изменится с выходом дивизий и тех сил, которые мы еще сможем подбросить из Москвы сегодня-завтра. Но всего этого чертовски мало, чтобы отразить патис врага. Основная надежда на Ставку, спешно продвигающую эшелоны новых дивизий и артиллерийских частей.

Поразмыслив, мы пришли к убеждению, что строительство рубежей в тылу в сложившейся обстановке — задача для округа непосильная. Решили обратиться в Генеральный штаб, а если понадобится, то и к Верховному Главнокомандующему с просьбой снять эту задачу с командования округом, оставив на его ответственности строительство оборонительных сооружений под Москвой.

В связи с тем, что противник начал проявлять большую активность со стороны Ржева, а на Волоколамском рубеже были только курсанты училища имени Верховного Совета РСФСР, учебный танковый батальон академии и некоторых других частей, нужно было ускорить сосредоточение там 316-й дивизии. Из командования соединения прибыл пока штаб во главе с начальником, поэтому кому-то из нас предстояло выехать в Волоколамск, разобраться с положением дел в дивизии, уточнить ее задачи. Судя по всему, комендант подполковник А. И. Ромашенко с руководством обороной рубежа не справится. Договорились: ночью в эту дивизию выеду я, сделаю все, что необходимо, и завтра возвращусь в Москву.

Незадолго до моего выезда в Волоколамск поступило донесение о положении под Малоярославцем.

«...В 7.00 сводный передовой отряд с рубежа реки Изверь вновь перешел в наступление вдоль шоссе на Юхнов. 2-я и 6-я роты курсантов с артиллеристами артиллерийского училища и батареей 222-го артиллерийского полка оседлали шоссе, а авиадесантники капитана Старчака наступают слева от шоссе. Батальон 108-го запасного полка оставлен для обороны моста через реку Изверь. Ночью разведка имела столкновение с противником, занявшим деревню Чернышевку. Командир 17-й танковой бригады поставил курсантским ротам задачу выбить противника из этой деревни, а достаточному отряду овладеть деревней Дерново. К 12.00 отряды достигли восточных окраин этих населенных

пунктов, но дальнейшее продвижение было остановлено плотным артиллерийско-минометным и пулеметным огнем.

Отсутствие должного взаимодействия с танкистами, слабое артиллерийское сопровождение, выход автоматчиков противника через лес северо-восточнее Чернышевки во фланг и тыл курсантам, прорыв группы автоматчиков через реку Изверь и удар во фланг батальону 108-го полка вынудили отряды отойти в направлении на Мятлево.

Находившийся при передовом отряде секретарь парткомиссии пехотного училища старший политрук Е. Е. Варламов, сгруппировав вокруг себя до ста пятидесяти бойцов батальона и курсантов, организовал оборону рубежа западнее деревни Гришино (три километра западнее Мятлева). Здесь с 17.00 до 21.00 шел упорный бой, и неоднократные попытки противника прорваться на Мятлево были отражены, после чего Варламов отвел своих бойцов в Мятлево, где и присоединился к 17-й танковой бригаде и курсантам».

Авиадесантников с капитаном Старчаком в Мятлево не оказалось. Не поставив никого в известность, капитан Старчак с отрядом убыл в Москву. Сообщение об оставлении Мятлева и уходе десантников начальник Центрального сектора обороны укрепленного района генерал В. А. Смирнов получил только после 21.00. Им было принято решение усилить передовой отряд 1-й курсантской ротой под командованием капитана Лаврентьева, перебросив ее на автомашинах на рубеж реки Шаня. Командир 17-й танковой бригады получил приказ: с утра 10 октября силами бригады, передового отряда курсантов, батальона 108-го запасного стрелкового полка, Медынского истребительного батальона с приданными им артиллеристами возобновить наступление, выбить противника из Мятлева и закрепиться на рубеже реки Изверь.

П. А. Артемьев вызвал к аппарату Морзе своего заместителя Н. П. Никольского, находящегося в Малоярославце, и поручил ему совместно с Ф. К. Прудниковым организацию завтрашних боевых действий. В конце разговора командующего подошел Кудряшов подписать первый приказ по фронту Можайской линии обороны, который гласил:

«На основании решения Ставки Верховного Главнокомандования от 9.X.1941 года — сего числа вступил в командование фронтом Можайской линии обороны.

Моим заместителем по фронту Можайской линии обороны назначен генерал-майор артиллерии тов. Говоров, начальником штаба — начальник Опергруппы генерал-майор Кудряшов.

Все прибывающие войска и предназначенные в укреп-

ленные районы Можайской линии обороны подчиняются непосредственно мне.

Командующий фронтом Можайской линии обороны — генерал-лейтенант Артемьев. Член Военного совета — дивизионный комиссар Телегин.

Начальник штаба — генерал-майор Кудряшов.

Москва, 9 октября 1941 года».

Ставя подпись под приказом, я полушутя-полусерьезно сказал:

— Нелегкой будет для нас эта ноша, по думаю, Павел Артемьевич, что она ненадолго. Ведь не зря уже третий день на рубеже находится Георгий Константинович Жуков, да и в районе Можайска появился штаб Западного фронта. Им и карты в руки.

— Хорошо, если будет так, — ответил Артемьев. — А пока наше дело солдатское — приказ дан, и мы будем его выполнять, насколько хватит наших сил и разума.

Возвратившись в свой кабинет, прежде всего побеседовал с начальником Политуправления Н. М. Мироновым о наших новых задачах.

— Ну вот, Николай Михайлович, — начал я без предисловий, — поздравляю вас с назначением начальником Политуправления фронта Можайской линии обороны... Сегодня получена об этом директива Ставки.

Миронов посмотрел на меня удивленно.

— Да как же так? Ведь я только 18 августа вступил в должность начальника Политуправления округа, только-только по-настоящему включился в работу, а тут новое назначение. Как же бросать на ходу дело в столь сложной обстановке, да и весь аппарат Политуправления в разгоне?

— Не волнуйтесь, Николай Михайлович, эти новые функции вы уже выполняете, и в вашем положении никаких изменений не произойдет. Эту работу вы будете выполнять по совместительству, так же как и Военный совет и штаб округа. Такова воля Ставки. Просто трудиться придется вдвое, втрое больше, чем до сих пор.

Николай Михайлович Миронов был спокойным, уравновешенным, умел проявить настойчивость в нужный момент, сосредоточить внимание на решающих участках работы.

Сегодня у нас разговор был особый. Боевые события вплотную придвинулись к Можайскому рубежу. Сил для его надежного прикрытия все еще мало, и мы обязаны добиться, чтобы каждый боец, командир, политработник понял свою личную ответствен-

ность за удержание рубежа во что бы то ни стало, сражался бы за пятерых, за десятерых, стоял насмерть, но задачу выполнил. Достичь этого можно было только высокой активностью каждого коммуниста, организационной работой командиров и политработников, их личным примером во всем и в первую очередь в схватке с врагом. У нас на рубеже большое число коммунистов и комсомольцев в училищах, в артиллерийских и особенно в гвардейских минометных частях, но явно недостаточно в запасных частях и артиллерийско-пулеметных батальонах. Создавались они в спешном порядке, даже не все успели оформить партийные и комсомольские организации. Предстояло в кратчайшие сроки подготовить резерв парторгов, политруков, комиссаров частей, чтобы немедленно заменять выбывших из строя. В связи с положением на фронте сейчас особенно важно повысить боевитость всех политорганов и коммунистов, усилить политическую работу.

— Вот, Николай Михайлович, первоочередные задачи, которые должно решать Политуправление нового фронта, не ослабляя внимания к организационно-мобилизационным и связанными с ними вопросам идейно-политической работы,— закончил я свой разговор с Мироновым.

Вопросов не было, а раз Миронов молчит — значит, сделает. С таким настроением я и выехал в Волоколамск.

На Волоколамском рубеже

В сопровождающие я взял старшего политрука В. С. Алешина, в двадцатых числах сентября назначенного на должность для особых поручений члена Военного совета, когда А. Донченко уже не мог справиться с возросшим объемом работ. Алешин, бывший фабзаучник «Калибра», доброволец-курсант Рязанского артиллерийского училища, по окончанию которого в 1939 году стал вожакком комсомольцев-курсантов одного из дивизионов этого училища, затем заместителем по политчасти начальника 2-й Московской артиллерийской спецшколы. Досрочно получив звание «старший политрук» и право на выбор места службы, вновь возвратился в Рязанское училище на должность помощника начальника отдела политпропаганды по комсомолу. Я был благодарен кадровикам Политуправления за то, что они подобрали такого дельного работника на весьма хлопотливую и сложную должность. Особенно я ценил Алешина за отличное знание материальной части и боевых свойств артиллерии и автоматического стрелкового оружия. Тут он был незаменим и при

надобности восполнял пробелы в моей артиллерийской подготовке.

С Алешиным договорились, что он сядет рядом с шофером, который поведет машину на предельной скорости, а я на заднем сиденье, попробую хоть немного подремать. Водителем автомашины у меня был абсолютный чемпион СССР по боксу, а теперь старшина Виктор Павлович Михайлов. На любую дорогу, любой продолжительности у него хватало сил, внимания, хладнокровия, выдержки. Изрядно уже потрепанный, не слишком разворотливый и не обладающий нужной проходимостью ЗИС-101 как бы чувствовал силу, опыт, мужество водителя и подчинялся ему беспрекословно. Словом, «экипаж» был достаточно надежным, тем более что Алешин прекрасно ориентировался по карте и на местности, подмечал все, что представляло хоть какой-то интерес, будь то любое отступление от порядка на дорогах или в поведении военнослужащих. Я знал, что он будет начеку, вовремя предупредит о воздушной опасности, о какой-либо неожиданности, прорвется через любую пробку на дороге, но к рассвету мы будем на месте.

Спокоен я был и за оставленного дежурным младшего полнтура Алексея Донченко. Ему придется все это время неотлучно дежурить у телефонов, отвечать на все звонки, записывать телефонограммы, разговаривать с посетителями, и все, что ему приказано сделать — он выполнит точно. За время работы порученцем не стало застенчивого и немного наивного паренька, терявшегося при появлении в приемной старших начальников. Он возмужал, обрел уверенность, сохранив скромность, дисциплинированность, исполнительность.

Все это, казалось бы, могло настроить на спокойный лад, дать возможность вздремнуть или даже заснуть. Тем более что и командующий находился на месте.

Но сон не шел. Еще не «отстоялись» события прошедшего дня: неожиданное обострение обстановки под Боровском, выход крупных сил противника к Угре и на Оку, по-прежнему неясное положение окруженных войск под Вязьмой. Как же задержать врага на рубеже еще несколько дней, пока Ставка подтянет резервы или хотя бы пока полностью развернутся уже подошедшие дивизии? Да и огромная ответственность, которую возложила на нас Ставка, создавая фронт Можайской линии обороны,— все эти вопросы и не давали задремать на мягком сиденье.

За окнами автомашины смутно угадывались знакомые улицы и кварталы родной столицы. Вот уже почти четыре месяца она укрывается на почь темным покрывалом. Ни одного яркого огонька, только изредка подмигнут синие фары встречной машины — и снова темно. Обстановка последних дней на все наложила свой отпечаток. Чаще стали попадаться пешие и конные патрули;

посты заграждений, появились и первые контрольно-пропускные пункты.

За Нахабином встречное движение автомобилей и повозок значительно усилилось, на улицах населенных пунктов скопилось много различных транспортных средств тылов Западного фронта.

Проезжаем Истру, как бы придавленную осенней темнотой. На улицах табором расположились автомашины, повозки, лошади. На выезде из города Алешин говорит:

— Ни одного патруля на улицах не встретили... А ведь благодатная цель для авиации противника.

Решили вернуться, разыскать коменданта или начальника гарнизона. Стучали в окна домов, поднимали сонных людей и, наконец, узнали, что рядом с райкомом партии разместился какой-то начальник, который, очевидно, и является начальником гарнизона. Разбудили его. Это был человек средних лет, довольно полный, звания его сейчас уже не помню.

Разговор был коротким и крутым, и он тут же стал поднимать комендантский взвод, наводить порядок на улицах, рассылать патрули.

Преодолевая заторы на путп, часам к семп утра мы добрались до Волоколамска. Комендант Ромашенко проинформировал об обстановке перед участком укрепленного района: наибольшую активность противник проявлял в районе Ржева и Сычевки. Разведывательные группы ночью выдвигались на запад до 50 километров, но противника не обнаружили. Силы, которые округ предоставил укрепленному району, уже расположены на рубеже, но их недостаточно, правый фланг на участке в 30—40 километров оголен, нет локтевой связи с соседом слева. Приход 316-й дивизии улучшил положение, штаб дивизии обосновался в поселке фабрики имени В. И. Ленина. Ночью через передний край проследовало много легковых и грузовых автомашин штаба Западного фронта, но где он остановился, коменданту не известно.

Решив с комендантом основные вопросы обороны и боевого обеспечения, я отправился в штаб 316-й дивизии.

Начальник штаба полковник И. И. Серебряков и военком штаба старший батальонный комиссар Потгорелов подробно ознакомили с положением дел в дивизии, все основные части которой уже вышли в районы сосредоточения и приводили себя в порядок. Соединение прошло хорошую боевую подготовку, полностью всем обеспечено, имеет крепкие партийные и комсомольские организации, высокий боевой дух. Хорошо было принято сообщение о создании фронта Можайской линии обороны и о принятом Военным советом решении преобразовать укрепленные районы в боевые

участки, начальниками (командующими) которых назначались командиры дивизий. В частности, начальником Волоколамского боевого участка назначался генерал-майор И. В. Панфилов, функции которого до его прибытия должен был выполнять Серебряков.

Серебряков не мог скрыть своей радости и взволнованно пропел:

— Вот за это благодарим Военный совет! Досадно было отдавать такую дивизию в руки коменданта. Наш комдив Иван Васильевич — человек большого мужества, неиссякаемой энергии и высокой военной культуры. На него Военный совет может положиться целиком, а личный состав дивизии долг свой выполняет.

Штаб дивизии уже работал над первым боевым приказом. Мы рассмотрели проект, уточнили задачи в соответствии с изменившимся положением о командовании и до приезда И. В. Панфилова придали ему форму «Предварительного распоряжения штаба Волоколамского боевого участка».

Этим документом был положен конец неопределенности в организации обороны рубежа, четко формулировались задачи, создавалось надежное управление. Штабу фронта необходимо было найти еще какие-то силы, чтобы закрыть правый фланг боевого участка, ибо дальнейшее растягивание фронта дивизии привело бы к резкому ослаблению обороны важнейших направлений. Договорились, что училище Верховного Совета РСФСР возьмет на себя наблюдение за незанятым участком и разведку местности перед ним до Тургинова включительно.

Кроме того, мы пришли к выводу, что в создавшихся условиях особо важное значение приобретает непрерывная подвижная разведка в удалении на 40—50 километров от переднего края, чтобы вовремя предупредить о появлении и намерениях противника и суметь сманеврировать имеющимися силами и средствами для предотвращения прорыва через незанятый участок рубежа. Я пообщал Серебрякову и Погорелову, что Военный совет примет все меры к тому, чтобы срочно найти силы и закрыть образовавшуюся брешь в обороне рубежа.

Затем я выехал в Суворово, где размещался штаб курсантского полка. Встретил меня человек выше среднего роста, с правильными чертами лица, умными и пронзительными глазами. Форма и полевое снаряжение, подтянутость и корректность говорили о том, что и полевая боевая жизнь не изменила в нем твердо выработавшейся привычки командира-воспитателя быть всегда примером для будущих командиров. Он прежде всего спросил, с кем имеет честь разговаривать, и, узнав, представился:

начальник штаба сводного курсантского полка училища имени Верховного Совета РСФСР подполковник Иглатович.

Вот так впервые я познакомился с Андреем Михайловичем. Четкий, отточенный военный язык доклада об организации обороны, о разведке, наблюдении, о высоком боевом настроении курсантов оставил у меня хорошее впечатление об этом культурном, хорошо подготовленном и, как выяснилось в дальнейшем, волевым командире.

Положение на этом участке обороны тоже было сложным. Правый фланг протяженностью до 40 километров оставался открытым. Распоряжением Младенцева туда выслали роту с задачей вести разведку и наблюдение, минировать узлы дорог. Уточнив, что на участке училища недостаточно артиллерии, особенно противотанковой, я выехал в Ярополец в надежде встретиться с начальником училища Младенцевым и военкомом Славкиным, чтобы обдумать вместе, как улучшить положение, но там их уже не было. На розыски времени не оставалось — пора было возвращаться в Москву.

Обстановка накаляется

Обратный путь проделали быстрее. Авиация противника все более нагнела, чаще отмечались групповые дневные налеты, пиратство на дорогах. Придорожные населенные пункты до самой Истры уже опустели — население покидало родные места и уходило на восток, забрав с собой домашний скот, угоня скот, увозя сельскохозяйственные машины. Зрелище грустное и незабываемое. Оно порождало жгучую ненависть к врагу и желание сделать все возможное и невозможное, чтобы эти советские люди скорее вновь вернулись на святую землю своих отцов.

Москва встретила нас грохотом сотен зенитных орудий, отражавших дневной налет вражеской авиации. В воздухе шли воздушные бои, и два черных дымных шлейфа от сбитых вражеских бомбардировщиков свидетельствовали о возросшем мастерстве воздушных защитников города. Враг уже использовал аэродромы и посадочные площадки, расположенные вблизи от столицы, поэтому бомбардировщики шли под прикрытием истребителей. Правда, еще не возобновлялись массированные налеты, но они станут неизбежными, если враг освободит свои силы под Вязьмой и перейдет к прямому наступлению на Москву.

В приемной командующего по-прежнему многолюдно. Когда я вошел в кабинет, генерал Кудряшов только начал доклад о положении на Можайском рубеже. Затем полковник Черняков доложил о продвижении эшелонов 32-й и 312-й дивизий и танковых бригад, комбриг Хрипунов — о маршевых формированиях, об укомплектовании артиллерийско-пулеметных батальонов, об отправке маршевых рот фронтам; бригадный интендант Ф. П. Погудо — о затруднениях с получением необходимого количества обмундирования, обуви, походных кухонь, сбруи, о нехватке транспортных средств.

Оставшись вдвоем, я рассказал Павлу Артемьевичу о своей поездке, впечатлениях, отданных распоряжениях и о том, какие вопросы надо решить по этому участку обороны. После короткого обмена мнениями, подписав приказ о преобразовании укрепленных районов в боевые участки, я ушел к себе, чтобы разобраться во всем, что недавно увидел и выяснил, и в том, что произошло за время моего отсутствия в Москве.

Поступили сведения с Можайского рубежа.

«1-я рота курсантов под командованием капитана Лаврентьева на рассвете 10 октября прибыла в Медынь и соединилась с остатками 2-й и 6-й рот. Командир из штаба пехотного училища старший преподаватель топографии майор Хиневич принял командование над курсантами и Медыньским истребительным батальоном, организует оборону на восточном берегу реки Шаля, особенно плотно прикрывая мост. Часть танков 17-й бригады комбриг выдвинул в боевые порядки, остальные рассредоточил вдоль шоссе от реки Шаля до Медыни.

В 13.00 противник перешел в наступление, проявляя особую активность на флангах. В 14.00 ударом по истребительному батальону и сильным артиллерийским огнем по тылу 1-й роты, оборонявшей мост, ему удалось нарушить наш боевой порядок. Непрерывные удары групп в семь-десять самолетов по рассредоточенным танкам вынудили их отойти на Медынь. Противник пытался отрезать передовой отряд от Медыни, завязался неравной бой, но с наступлением темноты курсантам удалось вырваться из кольца и начать отход на Ильинское. Начальник училища, усилив передовой отряд 3-й курсантской ротой под командованием старшего лейтенанта Кубарева, поставил майору Хиневичу задачу — с утра 11 октября выбить противника из Медыни, восстановить положение на реке Шаля.

Передовой отряд понес значительные потери, особенно в курсантах с пятимесячным обучением и командирах».

Еще более тревожные сигналы поступили с участка Калужского направления.

«С утра противник силами до пехотной дивизии с танками и артиллерией обрушил удар по не полностью сосредоточившейся 194-й дивизии на участке Товарково — Камельгино — Каравай, форсировал Угру и начал продвигаться на Детчино и Калугу. Группы автоматчиков, прорвавшиеся в леса восточнее Камельгино, встретили сопротивление комендантских взводов двух строительных батальонов, которые вместе с рабочими и инженерами, вооруженными лишь шанцевым инструментом, проявили исключительное мужество, в рукопашной схватке отбросили противника и не дали ему проникнуть в глубь леса.

Рота противника, усиленная орудиями и минометами, заняла на реке Суходрев населенный пункт Устье, вынудив отступить боевое охранение 4-го батальона подольских курсантов. Командир батальона майор П. С. Медведев решил с утра 11 октября восстановить положение силами 14-й роты курсантов и резерва. Попытки врага прорваться на левом фланге Малоярославецкого боевого участка успеха не имели».

Командующий фронтом распорядился усилить левый фланг Малоярославецкого боевого участка подвижным отрядом заграждений для минирования дорог, взрыва мостов, устройства заграждений на путях движения противника. Составленный из рабочих, инженеров и бойцов саперного батальона, отряд под командованием старшего производителя работ майора Кононова приступил к выполнению задачи.

Возросла активность врага и на Можайском направлении.

«Группа генерала Калининна вела упорные бои восточнее Гжатска на рубеже Воробьево — Ветцы, под постоянной угрозой обхода с открытых флангов. Передовой отряд 18-й танковой бригады имел столкновение с танками и мотопехотой врага в районе Барышево — Петрецово — Новая Слобода (юго-восточнее Гжатска). На этом направлении 365-й стрелковый полк, батальон пограничников и учебный батальон 16-й армии, большей частью сил яростно отбиваясь отседавшего неприятеля, отошли на рубеж Кострово — Дурыкино — станция Батюшково. 18-я танковая бригада вместе с передовым отрядом курсантов Военно-политического училища им. В. И. Ленина под давлением крупных сил противника также вынуждены были отходить.

Командир 18-й танковой бригады доложил коменданту укрепленного района, что при встрече с генералом Калининным тот ему сообщил о получении приказа командующего Западным фронтом готовиться к наступлению на Гжатск при поддержке 18-й танковой бригады и придаваемого дивизиона «катюш». Ожидался подход 126-й и 50-й стрелковых дивизий».

Авиация противника все усиливала «обработку» переднего

края Можайского боевого участка, особенно района поселка и станции Бородино. Видимо, готовилось наступление и здесь.

А вот и другие сообщения.

«...15 часов 55 минут. Майор Жук. По донесению командира Можайской роты ВНОС капитана Павленко, наблюдательным постом ВНОС в 14 часов 35 минут в районе Бабы и Цветки (35 км юго-восточнее станции Бородино) обнаружено движение танков противника.

16 часов 30 минут. Сбытов. У деревни Савинки (15 км западнее Юхнова) — бензозаправка и скопление автотранспорта. Вылетавший инспектор ВВС округа по технике пилотирования подполковник Г. П. Карпенко метким бомбовым ударом уничтожил бензозаправку, а также обнаружил движение от станции Угрюмово на Гжатск до трехсот вражеских автомашин и танков. Карпенко сбросил бомбы и обстрелял колонну...

С 17 часов 30 минут. Посты ВНОС сообщали, что в районе Калуги под Жилибино и Плетневкой идет сильный бой, а юго-западнее Сычевки в 16 часов 50 минут высажен авиадесант противника численностью до ста пятидесяти человек. Командир Малоярославецкого укрепленного района получил донесение командира 36-го рабочего батальона, что его разведкой обнаружены в районе Ступино и Кременское (севернее Медыни) передовые части противника, а в районе Павлищево идет бой. По распоряжению командующего на стыки между Можайской и Малоярославецким районами выдвинут Особый кавалерийский полк НКЮ, из Можайска в район Боровска выдвигаются танковая рота и мотострелковый батальон 20-й бригады с задачей — задержать распространение противника из района Федорино — Ищелно — Кременское на восток и северо-восток».

Создание нового фронта обороны

10 октября. Уже пятый день живем в напряжении, почти без сна и отдыха. Все мысли — о Можайской линии обороны, о враге, рвущемся к ней. Понимаем, что враг силен, опасность огромна. По пдуцим одна за другой директивам Ставки и Генштаба, по частым телефонным разговорам с руководящими товарищами, по многочисленным срочным, спешным и немедленным к исполнению распоряжениям чувствуем глубокую озабоченность Политбюро ЦК ВКП(б), ГКО, Ставки и Генштаба.

Не успел я еще как следует осмыслить все донесения с рубе-

жа и вновь пересмотреть свои заметки в блокноте по поездке в Волоколамский укрепрайон, переговорить с работниками округа о возможных мерах для удовлетворения неотложных нужд рубежа, как П. А. Артемьев попросил срочно зайти к нему.

— Вот, читайте, только что получена директива Ставки,— сказал командующий.

«Военным советам МВО, Западного фронта и командир 1-го гвардейского стрелкового корпуса об образовании Московского резервного фронта и 5-й армии. 9 октября 1941 года.

Для лучшего управления войсками Ставка Верховного Главного командования приказывает:

1) командующего войсками Можайской оборонительной линии генерал-лейтенанта Артемьева с его аппаратом управления переименовать в управление Московского резервного фронта...

2) образовать к 11 октября в Московском резервном фронте 5-ю армию в составе 32-й, 312-й, 316-й и 110-й стрелковых дивизий, 11-й¹, 19-й, 20-й танковых бригад, 36-го мотоциклетного полка и других частей усиления, находящихся на бывшей Можайской оборонительной линии.

Командующим войсками 5-й армии назначить командира 1-го гвардейского корпуса генерал-майора Лелюшенко...»

Далее шли указания о разграничительных линиях, об образовании 26-й армии на Орловском направлении. Все это — в непосредственном подчинении Ставке, и подписано — И. Сталин, Б. Шапошников.

Пока мы с Артемьевым обсуждали, как организовать управление, расставить кадры, вошли И. С. Белов и А. И. Кудряшов. По лицам видно, что с доброй вестью. И действительно — новая директива Ставки:

«Для организации обороны Можайской линии Ставка приказывает:

10 октября вывести из состава Западного фронта 243-ю, 110-ю, 133-ю, 5-ю, 119-ю стрелковые дивизии..., сосредоточив их 11—13 октября вблизи Волоколамска, Можайска, Боровска, Звенигорода... Прикрытие с воздуха их передвижения по железной дороге и автотранспортом распоряжением командующего МВО».

Это было действительно радостным событием. Командующий тут же поставил задачи штабу округа и фронта, командующему ВВС Сбытову и заместителю по ПВО генералу Громозину по встрече, приему и прикрытию с воздуха, о высылке в эти дивизии командиров штаба фронта и Политуправления для приема, ознакомления с состоянием, выявления нужд.

¹ Видимо, допущена ошибка — не 11-я, а 17-я танковая бригада.

Пока несколько часов мы с Н. М. Мироновым и Ф. К. Прудниковым занимались решением вопросов, возникших в связи с директивами Ставки и вытекающими отсюда задачами Политуправления, снова раздался звонок телефона. Командующий просит зайти к нему.

Захожу в кабинет. Павел Артемьевич как будто в хорошем расположении духа:

— Вот, Константин Федорович, уже третья за сегодняшний день директива... Руководство боевыми действиями на Можайском рубеже берет в свои руки штаб Западного фронта во главе с новым командующим генералом армии Г. К. Жуковым. Управление Резервного фронта расформируется, войска его объединяются с Западным фронтом.

Мы были обрадованы не потому, что боялись ответственности, а потому, что к руководству боевой деятельностью войск в столь сложной обстановке были недостаточно подготовлены и мы, и весь аппарат округа. А с появлением в районе Можайска штаба Западного фронта положение менялось, закрытие дороги на Москву брало в свои руки опытное командование с налаженным полевым управлением, службами боевого и материального обеспечения. Округу теперь можно сконцентрировать все внимание на решении срочных задач по подготовке резервов, организации защиты Москвы от воздушного врага и непосредственной подготовки к обороне столицы.

В директиве, правда, еще не было указаний о передаче войск, просуществовавшего фактически на бумаге сперва фронта Можайской линии обороны, а затем — Московского резервного фронта. Видимо, Ставка учла, что еще не вышли на рубеж запроектированные полевые управления армий и полевое управление Западного фронта, и поэтому мы фактически продолжали нести полную ответственность за удержание Можайской линии обороны и за все, что с этим связано.

На следующий день 11 октября 1941 г. нами был подписан приказ за номером один войскам Московского резервного фронта:

«На основании директивы Ставки ВГК от 9 октября 1941 г. № 002815 Управление оперативной группы Можайской линии обороны переименовать в Управление Московского резервного фронта. Командующим назначен я. Заместителем — генерал-майор артиллерии Говоров, начальником штаба — генерал-майор Кудряшов.

Командующий фронтом генерал-лейтенант Артемьев, член Военного совета дивизионный комиссар Телегин, начальник штаба генерал-майор Кудряшов»¹.

¹ Архив МО СССР, ф. 6314, оп. 211087, д. 6, л. 2.

И вот первое задание Генштаба новому Московскому резервному фронту — принять прибывающую в резерв Ставки 268-ю стрелковую дивизию, вывести ее на рубеж Стар. Павшино — река Упа — Каледино — Ясенки — Ломенцево, поставив боевую задачу: не допустить прорыва противника на Тулу; потребовать от командования дивизии создать систему противотанковых заграждений и обороны на направлениях Плавск — Тула и Тула — Дубна; вести непрерывную разведку в направлениях Дубна — Одоево, Плавск — Чернь и Черепет; установить связь с 1-м гвардейским стрелковым корпусом, действующим в районе Мценск — Чернь, и с 49-й армией — в районе Черепет — Лихвин. Готовность обороны к 18.00 12 октября.

Это было очень важное решение, так как эта дивизия должна была прикрывать большой участок, не занятый нашими войсками. Здесь враг мог угрожать не только Туле, но и Москве. Группа командиров штаба и работников Политуправления немедленно выехала в эту дивизию, чтобы довести до ее командования задачу и помочь организовать оборону на указанном ей рубеже.

А на центральном Московском направлении враг уже вплотную подошел к Можайскому рубежу. На Детчинском, Калужском и Боровском направлениях ему удалось через него прорваться. Но если совсем недавно нам было многое известно о том, что предпринимают Ставка и Генеральный штаб по подтягиванию резервов, то теперь информация резко сократилась, ее, естественно, переклочкили на штаб Западного фронта, связь с которым у нас пока не наладилась. Было лишь известно, что из-под Можайска он переместился в район Алабино, а затем — в Перхушково.

В нашем новом положении о событиях под Боровском надлежало лишь доложить Генштабу. Так мы и поступили, но нам сказали: сделайте все от вас зависящее, чтобы удержать Боровск и Верею до подхода туда 110-й и 113-й дивизий, это важнейшие оперативные узлы в тылу Можайской линии обороны, утеря их может поставить в критическое положение обороняющиеся войска, сорвет сосредоточение подходящих резервов, увеличит опасность для Москвы.

Даниил Арсентьевич Журавлев, Михаил Степанович Громадин и Михаил Петрович Марченков оперативно, с присущей им добросовестностью и энергией выполнили задание по формированию и отправке отрядов под Боровск. Из корпуса ПВО ушел сводный отряд в составе 4 батарей зенитных пулеметов от 176-го полка, 2 батарей 37 мм орудий от 767-го полка, 3 взводов (18 пулеметов ДШК) от зенитно-пулеметного полка под общей командой майора М. В. Добрицкого; от Громадина — артиллерийско-пулеметный отряд и из дивизии имени Ф. Э. Дзержинского — стрелковый ба-

таблон от 2-го полка с орудиями, минометами и 2 бронемашинами под командованием капитана И. П. Ключко. Все они к рассвету 11-го должны были прибыть на место и прикрыть Боровск до подхода других сил.

Тревога Генштаба была нам понятна, и на помощь выдвинутым под Боровск и Верею частям командование округа послало свою авиацию.

Поездка в Волоколамск, тревожения и заботы прошедших пяти суток основательно измотали. Огромным усилием перебарываю сон, принимаю посетителей, подписываю документы, выслушиваю просьбы и претензии. В минутные перерывы подставляю голову под струю холодной воды и пью крепкий чай. На какое-то время становится немного легче.

Хорошую порцию злости, а с ней и бодрости принес Алешип, положив на стол перевод сообщения берлинского радио о пресс-конференции Дитриха — начальника отдела печати ведомства Геббельса, состоявшейся 9 октября в Берлине. Дитрих заявил иностранным корреспондентам, что Советская Россия в военном отношении побеждена, Москва накануне падения...

Да, борьба за Москву вступала в решающую фазу. Гитлер, судя по всему, был уверен, что после неудач войск Западного, Резервного и Брянского фронтов силы Красной Армии на исходе, и солдаты рейхсвера триумфальным маршем войдут в Москву. 7 октября он отдал приказ во что бы то ни стало взять Москву...

Но не знали, не понимали и не могли понять фашистские главари силы духа советского человека, не учли огромных потенциальных возможностей нашего народа и социалистического государства. Напрасно сбрасывали они со счетов чувство национальной гордости, любовь к свободе, ненависть к тиранам и поработителям, организующую силу ленинской Коммунистической партии. Красная Армия жила, действовала, набирала силы и готова была стоять насмерть, но Москвы не отдать.

А что Москва не будет отдана — в это верили все советские люди, для этого они работали до кровавых мозолей, и их титанические усилия уже начали сказываться. Велика Россия, неисчерпаемы ее резервы духовных сил и материальных средств, велика и решимость отстоять свою Родину, свою столицу.

11 октября. Наступил седьмой день тяжелого положения под Москвой. Укрепление Можайской линии обороны, энергичные меры, принятые Центральным Комитетом партии, Государствен-

вым Комитетом Оборона и Верховным Главнокомандованием,— все это давало более определенную надежду на прочность обороны столицы. В Москве по-прежнему царило спокойствие, сосредоточенность во всех звеньях государственного и местного управления, на производстве, среди населения. Ни нервозности, ни суетности. Даже участвовавшие налеты вражеской авиации, а с ними воздушные тревоги, канонада зениток не нарушали ритма в работе. Москва и москвичи стойко продолжали жить и бороться под лозунгом: все для фронта, все для победы!

Был уже пятый час утра, когда Алешин сказал, наконец, что в приемной больше никого нет и можно отдохнуть. И я, вняв доброму совету, расстегнул воротник гимнастерки, прилег на диван и словно провалился куда-то. В половине восьмого проснулся и вновь окунулся в водоворот дел, среди которых были всякие, кроме второстепенных.

События нарастали по всему фронту Можайской линии обороны. Вышедший первым в Боровск батальон 2-го полка дивизии имени Ф. Э. Дзержинского под командованием капитана И. П. Ключко на рассвете под деревней Дылдино вступил в бой с пехотой и танками противника. Мужественно сражались дзержинцы. Артиллеристы с ходу развернули на опушке леса орудия и открыли огонь по танкам. Первым же снарядом был подожжен головной танк, за ним — второй. Не успели еще вражеские танкисты разобраться, откуда на них обрушился смертоносный огонь, как запылали еще два танка. Ободренными успехом артиллеристов и замешательством в стане врага, чекисты с присоединившимся к ним 32-м истребительным отрядом из Боровска перешли в контратаку. Но на развернутые цепи неожиданно обрушился пушечно-пулеметный огонь замаскированного в кустарнике танка, который тут же, набирая скорость, устремился на не окопавшихся бойцов. За ним бежали вражеские автоматчики. Казалось, что вот-вот стальное чудовище ворвется в боевой порядок и начнет давить бойцов гусеницами. В это время из залегшей цепи поднялся комсорг сержант Илья Николенко. Под гусеницы танка полетела связка гранат, потом бутылка с горючей смесью. Объятая пламенем и дымом машина замерла на месте, следовавшие за ней автоматчики были тут же уничтожены. Комсорг Илья Николенко промедлил несколько секунд, наблюдая за делом своих рук, и эти секунды оказались для него роковыми. Из танка раздалась короткая пулеметная очередь, сразившая героя. Мужество и героическая смерть комсомольского вожака вызвали ярость его боевых друзей, и, ломая упорное сопротивление, дзержинцы выбили противника из Дылдина и преследовали до деревни Ищенино, но овладеть деревней им не удалось. Сильный артиллерийско-мино-

метный и пулеметный огонь пехоты и танков противника вынудил бойцов остановиться и отойти на более выгодную позицию, чтобы выиграть время до подхода отрядов ПВО Москвы.

Боевая стойкость и активность дзержинцев и ополченцев истребительного отряда явно не устраивали противника. Быстрое овладение ими Боровском срывалось. Этим и можно объяснить, что во второй половине дня в район Ищеино — Коростелево враг дополнительно выбросил с самолетов свыше роты пехоты с минометами и десятью танкетками. Одновременно наша авиаразведка отметила движение до 30 танков и до 200 автомашин с пехотой со стороны Мансурова (5 км севернее Медыни) на северо-восток, в направлении Ищеино — Федорино.

За действиями дзержинцев я следил с особым вниманием. Когда-то в конце 20-х годов я был комиссаром именно этого, 2-го полка и немало отдал сил воспитанию воинов в героических революционных и боевых традициях по заветам Феликса Дзержинского. В их боевых делах под Боровском хотелось видеть достойных воспреемников боевой славы дивизии и полка, завоеванной в схватках на фронтах гражданской войны, в борьбе с бандитизмом, кулацкими мятежами, диверсантами-террористами, при выполнении особых заданий партии и правительства.

И бойцы отряда с честью оправдали возлагаемые на них надежды. Трое суток они сдерживали противника, вписав славленную страницу в летопись истории дивизии и своего полка. Бойцы-чекисты во главе с командиром И. П. Ключко и комиссаром А. М. Озерякиным вместе с другими отрядами удерживали врага на подступах к Боровску до подхода 110-й и 113-й стрелковых дивизий. Среди 18 самых мужественных бойцов и командиров, удостоенных боевых орденов и медалей, есть имена комиссара А. М. Озерякина, старшего лейтенанта П. П. Семенюка, лейтенанта И. М. Ломова, старшины К. З. Савина, младшего сержанта А. М. Сологуба, санитарструктора Лидии Долгалевой. Героически погибший группкомсорг Илья Николенко навечно зачислен в списки части.

О положении под Боровском в течение дня поступали сведения из разных источников. Из Особого отдела НКВД сообщили, что со стороны Абрамовское (15 км юго-западнее Боровска) на северо-восток движется 20 танков и мотопехота, а из Боровска навстречу им — наши части. Секретарь обкома С. Я. Яковлев передал, что, по сообщению секретаря Подольского райкома партии, в 15 километрах западнее Боровска появились танки противника. По другим сообщениям, в районе Синявино и Бобыли (25—30 км юго-восточнее Боровска) отмечено скопление вражеских танков и автомашин.

Все это говорило о том, что противник здесь спешно наращивает силы, готовя серьезный удар на Боровск. Командующий дал указание находящемуся в Малоярославце своему заместителю генералу Н. П. Никольскому объединить под своим командованием отряды, прибывшие под Боровск, и организовать его стойкую оборону до подхода резервов Ставки. Начальнику Можайского боевого участка было приказано обеспечить прикрытые своего левого фланга выдвижением Особого кавалерийского полка НКЮ в район Архангельское (15 км западнее Верея) с задачей перекрестить дорогу противнику на Верею и отразить возможный удар с юга на Можайск и Дорохово. В случае же возникновения осложнений на этом направлении выдвинуть сюда подразделения 18-й танковой бригады, усилив их артиллерией и гвардейскими минометами, и не позволить противнику сорвать сосредоточение 32-й дивизии. Н. А. Сбытову была поставлена задача помочь нашим частям под Боровском и Вереей ударами авиации. Обо всем этом было доложено в Генштаб, так как связи со штабами Западного фронта мы еще не имели.

Нарастала напряженность и на других направлениях.

Получив в подкрепление 3-ю роту курсантов, капитан Лаврентьев к 7.00 11 октября выдвинулся с ней в район Дворики, развертывая боевой порядок для наступления на Медынь. Встреченные им мотоциклисты из взвода танковой разведки сообщили, что до роты вражеской пехоты с орудиями и минометами вошли в Медынь, мост через Медынку взорван. В это время ворвавшиеся в Пушкино конный эскадрон противника и три танка открыли огонь по передовому отряду с фланга. На помощь курсантам подходил разведывательный отряд от вышедшей ночью в район Малоярославца 53-й дивизии Резервного фронта. Командир 17-й танковой бригады поручил подполковнику Пельнису (Подольское пехотное училище) объединить курсантов и разведывательный отряд под своим командованием и с приданными танками выбить врага из Пушкино и Медыни.

Но противник упредил этот удар. В 9 часов 30 минут разведывательный отряд 53-й дивизии, не успевший еще развернуться в боевой порядок, был внезапно атакован с воздуха и вынужден был отойти за Ильинское. 30 немецких танков с мотопехотой повели наступление со стороны Медынь — Адуево, до 20 танков и мотопехота — вдоль Варшавского шоссе, тесня курсантов к Дворикам. Авиация противника устроила настоящую охоту за нашими танками, и им пришлось отойти через лес в район Гусево. До 16.00 курсанты героически сдерживали натиски прервосходящих сил противника на опушке леса в одном километре восточнее Дворики, по обходным с флангов, под непрерывной

бомбежкой с наступлением темноты и они вынуждены были отойти к высоте 193,2 на линию боевого охранения 2-го курсантского батальона.

Курсанты понесли тяжелые потери. Погиб командир роты старший лейтенант Кубарев, ранены капитан Лаврентьев, старший лейтенант Максумов, контужен старший лейтенант Мамчич. Героически отдали свои молодые жизни пять командиров взводов, не стало в боевом строю многих из тех, кто завтра должен был получить аттестат командирской зрелости и водить в бой взводы и роты. Очень тяжело переживали бойцы 6-й роты потерю своих любимых командиров — лейтенанта Баратова и младшего лейтенанта Петра Коржа.

Л. А. Мамчич с первого же боя проявил себя как бесстрашный, умелый командир. Он смело вел своих питомцев в атаки, но получил тяжелую контузию и был эвакуирован. Лейтенант Баратов был командиром высокого личного мужества, умевший увлечь за собой бойцов. Когда западнее Мятлево взвод его был окружен, он повел курсантов в контратаку, дело дошло до рукопашной, Баратов лично уничтожил несколько гитлеровцев, вражеское кольцо было прорвано, но сам лейтенант в последнюю минуту пал смертью героя.

Младшего лейтенанта Коржа курсанты глубоко уважали за справедливую строгость, высокое методическое мастерство обучения и незаурядную стрелковую подготовку. Взвод его был одним из лучших в училище по многим показателям. В канун войны Корж заболел язвой желудка, должен был быть отчислен из училища, но упрямое командование не отлучать его от любимого дела. И вот этот прекрасный командир и человек погиб в жесточайшем бою под Мятлево, отражая очередную атаку врага.

Тяжелые потери понесло и артиллерийское училище. Смертью храбрых пали комиссар дивизиона старший политрук М. М. Постнов, капитан Федор Лепехин, артиллеристы Василий Сапожников и Анатолий Логинов, Белоусов — один из самых примерных, дисциплинированных и способных курсантов училища.

Это были первые скупые сведения о выдающемся подвиге подольских курсантов, которые в течение семи дней, не щадя своих молодых жизней, грудью прикрывали подступы к столице. Задачу свою они выполнили с честью и славой.

На Калужском направлении противник силами свыше пехотной дивизии с танками и при активной поддержке авиации развивал наступление на Дetchино и Калугу. С рассветом подразделения 4-го батальона подольских курсантов решительной

контратакой выбили врага из населенного пункта Устье, захватив при этом 2 штабные автомашины с радиостанцией, флагом, офицерским парадным обмундированием, оружием и документами. Продвижение противника на Детчино было задержано. Наступавшая на 13-ю роту курсантов рота противника с тремя танками была отброшена.

К исходу дня воздушная и наземная разведки зафиксировали переброску в этот район значительных вражеских сил. В частности, у деревни Мошкино (12 км северо-западнее Детчино) отмечалось до батальона пехоты с автомашинами, артиллерией и танками. С утра 12 октября следовало ожидать нового и более сильного натиска. Распоряжением командарма-49 И. Г. Захаркина рабочие батальоны, мужественно продолжавшие работать под огнем врага, были отведены на рубеж Гурьево — Кареево — Петрищево — Исаково. Командный пункт командарма готовился к поезду в Ферзиково (30 км восточнее Калуги). Последние эшелоны 5-й гвардейской и 194-й дивизий подверглись ударам с воздуха на станциях выгрузки и на марше к передовой. Им пришлось с ходу вступить в бой. Все это значительно усложнило положение на этом участке. Калуга оказалась под угрозой захвата противником.

Несколько спокойнее было на Волоколамском и Можайском направлениях, но грозные тучи собирались и здесь. В 8 часов 25 минут утра воздушная и наземная разведки зафиксировали движение по дороге со стороны Сычевки на Зубцов колонны вражеских танков и мотопехоты протяженностью до 6 километров. Часть танков двигалась по полотну железной дороги. Командир 316-й дивизии Панфилов усилил меры заграждения. Авиация ВВС округа и ПВО бомбила колонны противника.

Можайский рубеж со стороны Гжатска на линии Кострово — Дурькино — станция Батюшково обороняла группа генерала Калинина. По указанию Ставки к ней должна была присоединиться 126-я стрелковая дивизия. Нам приказали передать группе разгрузившуюся в районе Можайска 19-ю танковую бригаду. Этими объединенными силами Калинин должен был нанести удар на Гжатск. Но 126-я дивизия запаздывала, а 19-я танковая бригада еще не успела получить горючее. Группа Калинина, перенесшая в тяжелом дневном бою удар во фланг со стороны Вырубова, к ночи начала отход в северо-восточном направлении. Находящиеся в этом районе отряды заграждения, по роте от Воспитательного училища имени В. И. Ленина, 230-го запасного учебного полка и саперного батальона, под давлением противника отошли на рубеж станция Уварово — Соловьево (10 км западнее переднего края боевого участка). Целый день вражеские само-

леты наносят удары по станции Бородино, Ельне, Можайску. К исходу суток крупные силы противника сосредоточились в районе Уварово — Кундасово. Назавтра возникла реальная перспектива схватки с врагом и на этом рубеже. Нужно было как можно скорее сосредоточить 32-ю и 312-ю стрелковые дивизии и вывести их на рубеж. Если основные боевые части 312-й дивизии были уже на месте, то несколько хуже обстояло с развертыванием 32-й дивизии. На колесах или на станциях выгрузки находились 332-й стрелковый полк, дивизионы легкого артиллерийского и гаубичного полков, отдельный зенитный дивизион, батальоны — разведывательный, саперный, связи. Командиру 32-й дивизии был отдан приказ: не позднее исхода дня 12 октября выйти на участок Малое Гаретово — Троица — Бородино — Неделки и совместно с курсантами Военно-политического училища имени В. И. Ленина, 230-м запасным учебным полком, двумя противотанковыми полками, артиллерией, двумя огнеметными ротами организовать стойкую оборону, не допустить прорыва противника через оборонительный рубеж на Можайск. Прикрыть с воздуха выход на рубеж 32-й дивизии было поручено Сбытову и Климову.

В 11 часов 15 минут Артемьев сообщил мне, что командование 5-й армии во главе с генерал-майором Д. Д. Лелюшенко выехало в Можайск. Это было очень своевременно.

Военный совет округа продолжал поиск резервов для обороны столицы. В кабинете командующего снова собрались руководящие работники штаба и управлений. Опять просматриваем таблицы, справки, сводки, опять прикидываем, соображаем, пересчитываем роты, километры, минуты... Это был не бесплодный труд! Завтра на Можайский боевой участок будут выведены 408-й артиллерийский противотанковый полк, 305-й артиллерийско-пулеметный батальон, 37-й и 38-й отдельные огнеметные роты, полностью закончится выгрузка 19-й и большинства боевых подразделений 20-й танковых бригад, еще двух-трех эшелонов 32-й дивизии. Это уже значительно улучшало положение.

В то же время мы понимали, что и наличные силы сделают значительно больше, если удастся наладить маневр ими. В этих целях из полученных 6-м авиакорпусом радиосредств одну радиостанцию наведения установили в Малоярославце, с тем чтобы передавать в Москву срочные донесения с боевого участка и принимать распоряжения.

Было уже за полночь, когда зашел Кудряшов с первыми трофейными документами, захваченными курсантами 4-го ба-

тальяна под Детчино. Они принадлежали штабу 151-го тяжелого артиллерийского дивизиона. Это был сборник приказов командования германской армии с января до 10 октября 1941 года.

Среди документов находился приказ Гитлера от 11 января 1941 года о сохранении строжайшей тайны относительно сосредоточения немецких войск у наших западных границ.

Серия приказов по 162-й пехотной дивизии рейхсвера, с которой, видимо, взаимодействовал с начала войны этот артиллерийский дивизион, представляла чрезвычайный интерес. Документы раскрывали меры германского командования по сохранению тайны подготовки к нападению на СССР. Так, приказ № 5 от 13 июня 1941 года запрещал разведение костров, «дабы не обнаружить передвижения частей» к советским границам. Приказ от 16 июня намечал артиллерийские позиции и порядок подвоза боеприпасов вплоть до 22 июня, причем оговаривалась возможность специального приказа о подвозе боеприпасов 18 июня. Приказ от 19 июня определял места командных пунктов батарей и категорически предупреждал, чтобы все передвижения поблизости от огневых позиций производились скрыто и «не были заметны с русской стороны». Эти приказы по 162-й пехотной дивизии дополнялись приказом командира 151-го тяжелого артиллерийского дивизиона от 17 июня 1941 года, которым в целях сохранения в тайне подготовки нападения на СССР устанавливалась охрана почтовых ящиков до тех пор, «пока часть еще находится на германской территории». В приказе осуждался один солдат, который в письме к родным указывал: «Мы все время едем и прибыли в Иоганесбург, а остальное скоро вы узнаете из газет».

Итак, солдаты, ехавшие откуда-то, видимо, с запада на восток уже за несколько недель знали, что готовится нападение на СССР. За неделю до вероломного нападения были установлены на огневых позициях орудия, подвезены боеприпасы, подготовлены командные пункты. За пять дней взяты под охрану почтовые ящики, а солдаты предупреждены, что охрану снимут только с переходом на территорию СССР.

Была и листовка «Знаете ли вы врага?», которая советовала солдатам «не доверять раненому или убитому русскому». Началась она: «Будьте тверды и безжалостны!»

Приказ командира 9-го армейского корпуса от 15 сентября 1941 года перед решающей битвой за Москву свидетельствовал о силе партизанской войны, бушевавшей в тылу врага, о которой мы тогда знали еще очень мало, но оккупанты уже ощутили ее на своей шкуре. Недаром в этом людоедском приказе говорилось: «Партизан не расстреливать, а вешать».

Но ни казни, ни пытки, ни «устрашающие плакаты» не могли потушить пламени всенародной борьбы с фашистским зверьем. Я это хорошо знал, оказывая практическую помощь московским, белорусским и латышским товарищам, организующим и развертывающим партизанское движение.

И еще один документ, о котором должны знать советские люди, чтобы лучше понять звериный облик фашизма и то, что ожидало наш народ под пятой фашистских завоевателей.

В планах захвата Белоруссии и Украины предусматривалось превращение их в основных поставщиков продовольствия и сырья для промышленности фашистской Германии, а оставшейся части населения — в рабов новоявленных господ арийской расы.

В циркуляре начальника штаба 9-го армейского корпуса генерала Векмана от 18 августа 1941 года в разделе «Экономическое положение» говорилось о тотальной реквизиции оккупантами на захваченных территориях продовольствия, скота, имущества, принадлежащих мирным гражданам. «Имеются предприятия, — говорилось в циркуляре, — в которых реквизирован целиком не только весь крупный скот, свиньи и овцы, но также все до последней имевшейся курицы... Отдельные немецкие солдатские отряды часто обыскивают каждый двор и, угрожая револьвером, забирают все, что их интересует. Кроме продуктов, забираются граммофоны, швейные машины, а также все ведра и молочные кринки, так что останавливается даже индивидуальное хозяйство... запасов зерна или муки почти совершенно не имеется, и... в этих областях и городах наступит форменный голод»¹.

Не прошло еще и двух месяцев с начала вторжения врага в Белоруссию, а она уже подверглась опустошительному разграблению, над жителями городов и областей нависла реальная угроза голодной смерти.

Да, в наших руках оказались документы большой изобличающей силы. С Николаем Михайловичем Мироновым договорились размножить этот документ для всех политорганов, комиссаров частей, широко использовать их в работе среди личного состава частей округа на политинформациях, в беседах, на митингах, чтобы еще сильнее разжечь в сердцах ненависть к фашистским грабителям.

12 октября — восьмой день тяжелых боев перед Можайской линией обороны. Схватки с передовыми частями врага в предполье Можайской линии обороны завершались, и почти не оставалось сомнений, что наступающий день должен положить начало

¹ Архив МО СССР, ф. 135, оп. 41878, д. 1, л. 86—96.

тяжелым боям за удержание этого рубежа, за ликвидацию противника, прорвавшегося под Боровск и Калугу. Решался вопрос: сумеют ли наши части отразить этот натиск врага, продержаться еще несколько дней до прибытия новых дивизий из резерва Ставки, до выхода из-под Вязьмы и Ржева соединений Западного и Резервного фронтов?

Вот и радостные весточки: на Волоколамском боевом участке появились кавалерийский корпус генерала Л. М. Доватора, управление 16-й армии генерала К. К. Рокоссовского, которому предстояло принять под командование наши части на этом рубеже. Корпус Доватора расположился в ближайшем тылу рубежа, приводит себя в порядок, но при необходимости может сразу вступить в бой.

Однако, словно предостерегая от лишнего оптимизма, начальник Особого отдела И. Т. Русак принес сообщение агентурной разведки о том, что в районе Валуева, в лесу западнее Ельни, северо-западнее и юго-западнее деревни Бородино непосредственно перед нашим передним краем сосредоточилось до двух дивизий противника с артиллерией. Трудно было поверить в достоверность этих данных, ибо всего несколько часов назад Богданов докладывал, что в 18.00 11 октября передовые отряды отводились на рубеж станции Уварово — Соловьево (10 км западнее Ельни), где им приказано занять оборону. И вдруг — до двух дивизий и непосредственно перед передним краем! С трудом Кудряпину удалось связаться с Можайском и получить подтверждение Богданова, что передовые отряды располагаются на указанном им рубеже, но доносят о сильном шуме моторов и лязге гусениц на стороне противника.

Командир дивизии имени Ф. Э. Дзержинского генерал Марченков доложил, что две роты из полка Шевцова в районе Гордеева атакованы двумя батальонами пехоты и до батальона танков. Бойцы мужественно приняли удар. Упорный бой продолжался несколько часов. Враг потерял 7 танков. Подошедшие были головные подразделения 1083-го полка 312-й дивизии отходят. Дзержинцы понесли в бою большие потери. Вскоре генерал Д. А. Журавлев сообщил, что, по донесению майора Добрницкого, от двух до двух с половиной тысяч солдат противника в 13.00 заняли Лидовище. Бойцы дивизии имени Ф. Э. Дзержинского и истребительного батальона, поддерживаемые частью отряда от М. С. Громадина, задержали врага под деревней Тинесво (12 км юго-западнее Боровска). Там идет сильный бой. Отряд Добрницкого занял оборону на западной и юго-западной окраинах Боровска.

Используя прорыв через рубеж на участке Павлищево —

Осень 1941 года. Баррикады на улицах Москвы.

**Младший сержант П. Т. Фомичев,
вославший на бронепоезде № 73.**

Январь 1942 года. Вручение боевых наград героям бронепоезда № 73.

Заместитель начальника Политуправления Московского военного округа и Московской зоны обороны генерал-майор (в то время бригадный комиссар) Ф. К. Прудников.

Командующий противовоздушной обороной Московской зоны генерал-лейтенант М. С. Громдин.

Они первыми приняли на себя удар прорвавшегося на Юхнов противника. Командиры Подольского пехотного училища. Сидят: майор С. А. Романов, батальонный комиссар П. Д. Кулаков, старшие лейтенанты Я. А. Мамчиц и П. Г. Яровой. Стоят: лейтенант Гончар, старший лейтенант Шкурдин и лейтенант Ежов.

**Летчик-истребитель Герой Советского
Союза Алексей Катрич.**

**Военком батальона Подольского пехотного
училища старший батальонный комиссар
Д. В. Панков, 1941 год.**

Парад войск на Красной площади 7 ноября 1941 года.

Командир 316-й стрелковой дивизии Герой Советского Союза генерал-майор В. П. Пауфилов.

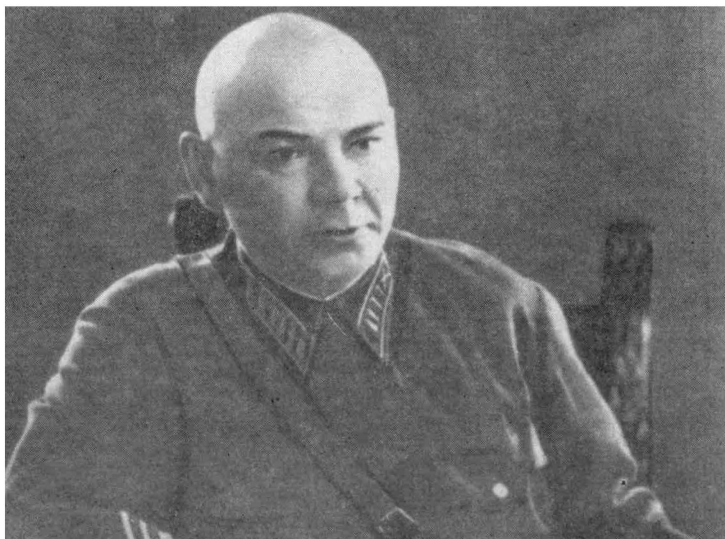
Особая морская бригада направляется на фронт.

Новые боевые резервы для фронта.

Лыжные батальоны Красной Армии уходят на защиту столицы.

Начальник 1-го Московского Краснознаменного артиллерийского училища полковник Ю. П. Важапов.

СОЮЗ
СОВЕТСКИЕ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ
РЕСПУБЛИКИ

М А Н Д А Т

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ
ОБОРОНЫ**

20 октября 1941 г.
№ 819
МОСКВА, КРЕМЛЬ

Дан настоящий мандат члену Военного Совета Московского Военного Округа т. ТЕЛЕГИНУ К. Ф. в том, что он является Уполномоченным Государственного Комитета Оборона по минометным частям М-8 и М-13 в войсках подмосковной линии обороны.

Тов. Телегину вменяется в обязанность обеспечение каждой дивизии и каждой отдельной группы войск подмосковной линии обороны минометными частями, снарядами к ним и контроль за правильным использованием минометных частей М-8 и М-13.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО
КОМИТЕТА ОБОРОНЫ *М. Сталин*

Мандат члена Военного совета К. Ф. Телегина.

Удостоверение В. И. Полосухина, пробитое вражеской пулей.

Авиадесант в тылу врага. Декабрь 1941 года.

«По фашистским танкам — огонь!» Декабрь 1941 года.

Михаил Иванович Калинин среди бойцов и командиров Московской зоны обороны после вручения правительственных наград за оборону Москвы.

Летчики истребительного авиаполка противовоздушной обороны Москвы полковника А. С. Писанко после вручения им 12 ноября 1941 года боевых орденов за подвиги по защите столицы.

Мотопехота на марше к линии фронта. Зима 1941 года.

Дот с бронеколпаком фашистской обороны разрушен огнем нашей артиллерии

«Фашисты удрали вон туда!»

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН. СОЕДИНЯЙТЕСЬ

МОСКОВСКИЕ ИЗВЕСТИЯ

№ 1

Воскресенье, 14 декабря 1941 года.

№ 1

ПРЕВРАТИМ ПОЛЯ ПОДМОСКОВЬЯ В МОГИЛУ ДЛЯ ФАШИСТОВ

БЕСПОЩАДНО ИСТРЕБЛЯТЬ ОКУПАНТОВ

Народ Советского Союза героически отстаивает честь и свободу своей Родины. На подступах к Москве, где развернулись гигантские сражения, воины Красной Армии беспощадно уничтожают немецко-фашистских захватчиков, очищают города и села Московской области от гитлеровских разбойников.

Истребить всех до последнего гитлеровского оккупанта, превращая в советскую землю, — такова воля народов СССР.

И вы, граждане городов и сел, временно захваченных гитлеровскими разбойниками, поднимайтесь от мала до велика на борьбу против фашистских захватчиков!

Создавайте в своих городах и селах самые невыносимые условия для вражеских орд!

Не давайте им хлеба, мяса, овощей!
Уничтожайте гавели, ляду, штыком, гранатами, телерай, вылазками!

Поджигайте их склады и боеприпасы, продовольствие, военный имущество!

Велики преступления фашистской Германии. Мстят, беспощадно мстят вы!

Советские граждане!
Прочтав эту листовку, передайте ее своим соседям, родным, друзьям. Все должны знать правду о Москве, городах и селах Московской области, героической борьбе за честь и свободу Родины, за любимую столицу.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК
ГАЗЕТЫ «МОСКОВСКИЕ
ИЗВЕСТИЯ» ДЛЯ ЖЕН-
ЩИКОВ РАЙОНОВ МО-
СКОВСКОЙ ОБЛАСТИ.
ВРЕМЕННО ОКУПИРОВАННЫХ
НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ВОЙСКАМИ

НАД РОСТОВОМ РЕЕТ СОВЕТСКОЕ ЗНАМЯ

В 20-й часовой доблестно выжидавшими наступлением немцев войска (был занят Ростов-на-Дону). Немецкие оккупанты не могли позволить себе задерживать в этом городе. Ночью с 28 на 29 ноября доблестные части советских войск выжили фашистов из Ростова.

В боях за освобождение Ростова полностью разгромлена группа немецкого генерала Клейста в составе 14-й и 16-й танковых

дивизий, 60-й моторизованной дивизии СС «Викинг» и 6-й юнкерской воздушно-парашютной — за две недели боев — войска Южного фронта освобождены от фашистов территория в 10 тысяч кв. километров и свыше 300 населенных пунктов.

Свободная часть Красной Армии находится на подступах к Таганрогу, за который ведут упорные бои.

ТИХВИН И ЕЛЕЦ ОТБИТЫ!

Группа немецких войск генерала Шмидта, действующая на юго-востоке от Ленинграда, захватив г. Тихвин и близлежащие районы, стремилась поставить Ленинградские войска в критическое положение. В течение 10 дней шла борьба за Тихвин с переменным успехом. 9 декабря наши войска, во главе с генералом армии тов. Иерещиным, в голову разбили фашистское войска генерала Шмидта и заняли г. Тихвин. Немцы оставили на поле боя более 7.000 трупов.

В начале декабря немецкие войска, сосредоточив значительные силы, захватили город Елец. Части Красной Армии Юго-Западного фронта, перейдя в контратаку, в течение 4 дней вновь ожесточенную борьбу за г. Елец. 9 декабря наши войска, во главе с генерал-лейтенантом Костенко, разгромили немецко-фашистское войска и заняли г. Елец. Противник потерял на поле боя 12 тысяч убитыми и ранеными.

Отныне наша задача, задача народов СССР, задача бойцов, командиров и политработников нашей армии и нашего флота будет состоять в том, чтобы истребить всех немцев до единого, пробовавших на территорию нашей родины в качестве ее оккупантов.

(Из доклада тов. Сталина на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1941 г.)

Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы поражение немецких войск на подступах МОСКВЫ

С 16 ноября 1941 года германские войска, развернувшись против Западного фронта 13 танковых, 33 пехотных и 5 мотопехотных дивизий, начали второе генеральное наступление на Москву.

Противник имел целью, путем охвата и одностороннего глубокого обхода флангов фронта, войти на тыл, окружить и занять Москву.

До 6 декабря южная обстановка ожесточенными оборонительными боями, сдерживая наступление ударных фланговых группировок противника и отрянув его вспомогательные удары на Истринском, Зеленоградском и Ново-Фоминском направлениях.

6 декабря 1941 г. войска нашего Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в контратаку против его ударных фланговых группировок. В результате начавшего наступления обстановка группировки разбиты и частично отходят, бросая технику, вооружение и неся огромные потери.

После перехода в наступление с 6 по 10 декабря частями наших войск заняты и освобождены от немцев свыше 400 населенных пунктов.

За время с 16 ноября по 10 декабря сего года захвачено и уничтожено, без учета действий авиации: танков — 1.434, автомашин — 5.416, орудий — 575, минометов — 339, пулеметов — 870. Потери немцев только по уничтоженным войска армии за это время составляют свыше 85.000 убитыми.

Юрьевское, противник начал развивать наступление на Версю. Над флангами и тылом Можайского и Малоярославецкого боевых участков нависла серьезная угроза. К 13.00 пехота и танки врага подошли к Плеханову и Вышгороду (15—10 км южнее Вереи). Говоров и Богданов направили для прикрытия Вереи мотострелковый батальон 20-й танковой бригады, танковую роту, 584-й артиллерийский полк и дивизион «катюш» с задачей занять и удерживать рубеж по линии населенных пунктов Попово — Алферово, не допуская захвата противником Вереи и продвижения в сторону Можайска и Дорохова. Особому кавалерийскому полку была поставлена задача: прикрываясь сильной разведгруппой с юга, ударами с флангов и в тыл уничтожить противника, ворвавшегося в село Никольское (12 км юго-западнее Вереи).

Снимать какие-либо части с рубежа было невозможно. За его удержание начались решающие бои. В 6 часов 10 минут утра отряд заграждения от Военно-политического училища имени В. И. Ленина был атакован танками и пехотой противника в районе Родионовка — Соловьево (10 км западнее Ельни) и вынужден отойти на рубеж. Передовые части противника, тесня нашу разведгруппу, подошли к деревне Высокая (6 км юго-западнее Ельни).

С 4.00 утра сильные разведгруппы противника с танками в ряде мест вели разведку обороны переднего края рубежа, засекали огневые точки. По автострате танки неприятеля дважды пытались прорваться через рубеж в районе Ельни, но, потеряв 4 машины, отошли.

Авиация противника нацелила свои удары на выходящие на рубеж части 32-й дивизии, по хорошей выучке и дисциплинированности бойцов, а также прикрытые их с воздуха нашими истребителями избавили от лишних жертв и не позволили сорвать продвижение.

К 18.00 32-я дивизия заняла оборону, и Полосухин принял всю полноту ответственности за удержание Бородинского поля. На подкрепление ему подошли 37-я и 38-я отдельные огнемётные роты, 408-й противотанковый артиллерийский полк, к сожалению, без бронебойных снарядов и 305-й артиллерийско-пулеметный батальон. С немалыми трудностями мы продвинули остатки 19-й и все боевые подразделения 20-й танковых бригад. К концу дня разведка более точно установила сосредоточение крупных сил противника в районах Валуево, Головино, Уварово, Бруковец, Высокое, Соловьево. Действительно, здесь было до двух дивизий врага.

Аналогичное положение складывалось и на Малоарославецком направлении. Противник настойчиво прощупывал передний край. На центральном участке вдоль Варшавского шоссе его атаки были безуспешны. Врагу не удалось сбить боевое охранение курсантов Подольских училищ, активно поддержанных артиллерией с рубежа, и только ночью боевое охранение и остатки передового отряда отошли на рубеж.

Несколько хуже обстояло на левом фланге. В течение дня в районе Полотняного завода и Детчино шел упорный бой. 34-я пехотная дивизия противника с танками только к концу дня сломала упорное сопротивление 4-го батальона курсантов с приданными ему подразделениями и овладела Полотняным заводом, но к Детчино так и не пробилась. Для обороны Детчино комдив Наумов направил 1081-й стрелковый полк, а 4-й батальон с батальоном 616-го полка и другими приданными подразделениями занял участок Зажово — Фролово — Баланино — высота 202,9.

На всем участке бывшего Калужского укрепленного района противник усиливал нажим. Командующий П. А. Артемьев получил согласие Генштаба на отвод управления Калужского укрепленного района и рабочих батальонов на строительство рубежа в районе Серпухова. По полученным сведениям от начальника штаба ВВС МВО полковника Н. В. Воронова, под Плетеневкой целый день шел жаркий бой. Гул артиллерийской канонады сотрясал Калугу, долетал до Малоарославца. Хотя и героически сражались части 5-й гвардейской и 194-й стрелковых дивизий, но противник, имея численное превосходство на земле и в воздухе, расчленил боевые порядки этих соединений и настойчиво пробивался к Калуге. Сил для удержания города было недостаточно и враг овладел Калугой. Штаб 49-й армии переместился в Ферзиково.

Из Можайской линии обороны враг вырвал 80-километровый кусок, и в том числе около 30 километров на стыке Можайского и Малоарославецкого укрепленных районов. После отправки из Московской зоны ПВО крупных отрядов под Боровск и Верею мы не имели права дальше ослаблять прикрытие Москвы от воздушных налетов. Можайский и Малоарославецкий укрепленные районы должны были обходиться своими силами до подхода ожидаемых завтра 110-й и 113-й дивизий.

Относительно спокойнее было на Волоколамском направлении. Там отмечалось появление отдельных групп танков и пехоты на автомашинах в населенных пунктах Плоское, Носов, сообщалось

о боевом столкновении разведки курсантов училища Верховного Совета РСФСР в районе Фроловка с разведкой противника, о движении небольших танковых групп с пехотой от Князьки Горы на Шаховскую.

На 12 октября курсантский полк, дополнительно усиленный артиллерийскими средствами и школой младшего состава 316-й дивизии, занимал участок обороны от деревни Бородино до Спас-Помазкино. Это позволило ему значительно активизировать разведывательную работу и по созданию заграждений на путях подхода к рубежу. В 12.00 пост ВНОС из Лотошино через командира волоколамской роты ВНОС капитана Гоненко передал, что неподалеку от него со стороны Старицы идет бой.

В тот же день произошел уже серьезный бой на северо-западной окраине Лотошино с танками и мотопехотой 2-й танковой дивизии противника. Первое боевое крещение приняла 10-я курсантская рота под командой старшего лейтенанта В. М. Пищенко и батарея панфиловцев, возглавляемая лейтенантом Б. П. Владимировым. Рассчитывавший с хода ворваться в Лотошино, противник неожиданно встретил упорное сопротивление. Бой продолжался несколько часов и только после выполнения своей задачи, по приказу Младенцева, рота и батарея отошли на рубеж, а враг дальше продвигаться в этот день не отважился.

В бою отличились многие герои, и один из них курсант Малышев, который метким огнем из пулемета отсек от танка пехоту, прижал ее к земле, пропустил танк через свой окоп, гранатой подорвал его гусеницу, а бутылкой горючей смеси еще и поджег. Выскочивший из танка вражеский экипаж уничтожил из пулемета.

Все это происходило пока в 20—30 километрах от переднего края рубежа обороны.

Донесение наших авнабразведчиков о том, что от Старицы на Калинин наблюдается интенсивное движение танков и мотопехоты, было неожиданным и крайне неприятным. Калинин находился на территории округа и мы знали, что, кроме тыловых учреждений и госпитальной базы, никаких частей в нем нет.

Нависла угроза над Калинином и важнейшими коммуникациями, связывающими Москву с Ленинградом, с Ленинградским и Северо-Западным фронтами.

Данные нашей авнабразведки мы немедленно передали в Генштаб и в 15 часов 15 минут получили по телефону распоряжение маршала Шапошникова: командованию МВО организовать оборону города Калинина, использовав выведенную для доукомплектования 5-ю стрелковую дивизию и все, что еще может дать сам округ.

И вот весь штаб опять поднят на ноги. Из Москвы, Люберец, Кунцева по железной дороге и автомашинами направляются в 5-ю дивизию маршевые роты, оружие, снаряжение. Командиру 33-й запасной бригады приказано к исходу суток сформировать стрелковый полк и под командованием командира запасного полка полковника Волкова направить его в Калинин в распоряжение генерала Хоменко, а начальнику автодорожного отдела Бондаренко обеспечить полк автотранспортом.

По распоряжению Главного артиллерийского управления незамедлительно было отпущено оружие и боеприпасы, а приказом начальника тыла Красной Армии генерал-полковника А. В. Хрулева все потребное для 5-й дивизии и полка Волкова: снаряжение, обмундирование, обувь.

По первому и физическому напряжению день 12 октября был особенным.

Из Белева передали, что от Козельска к Белеву приближается свыше полка мотопехоты противника, а мы еще не получили донесения своих командиров и политработников о занятии рубежа 238-й дивизией, о чем должны были поставить в известность Генштаб, командарма-49 и Тулу. Время и нервы, нервы и время...

Московская зона обороны

Важной вехой в деятельности Военного совета, штаба и Управления МВО и Московского резервного фронта стала директива Ставки Верховного Главнокомандования, по которой нам предлагалось с 23 часов 50 минут 12 октября слить Московский резервный фронт с Западным фронтом, передать войска на Можайской линии обороны Западному фронту, командованию МВО приказывалось приступить к строительству рубежей Московской зоны обороны (МЗО). Предстояло на ближних подступах к Москве создать пояс обороны из полос обеспечения и двух оборонительных рубежей — главного и городского. Полоса обеспечения намечалась параллельно Можайской линии обороны от канала Москва — Волга на севере до реки Оки у Серпухова. Главный оборонительный рубеж — в форме полукруга радиусом 15—20 километров от Москвы с тремя секторами: северо-западным, западным и юго-западным. Городской оборонительный рубеж должен был включать три полосы: по Окружной железной дороге, по Садовому кольцу и по бульварному кольцу (трамвая «А»).

Этим же решением Ставки московские партийные и советские

организации обязывались оказывать максимальную помощь Военному совету МВО, вместе с ним обеспечить поддержание в городе порядка и нормальной работы промышленности, транспорта, связи и торговли.

Сроки завершения работ устанавливались очень жесткие. Пока штаб округа готовил для Генерального штаба боевое расписание соединений и частей Можайской линии обороны, подлежащих передаче Западному фронту, и уточнял рубежи Московского пояса обороны, в кабинете командующего шло заседание Военного совета по строительству пояса обороны.

Было решено, что не позднее 14 октября штаб МВО и МЗО определит точно рубежи, разработает план строительства и организует их рекогносцировку, для обеспечения оперативного руководства укрепит инженерный отдел необходимыми силами. А. С. Щербаков и В. П. Пронин создадут при Моссовете специальное управление по строительству рубежа во главе с заместителем председателя Моссовета М. А. Ясным, обеспечат его инженерно-техническими кадрами и необходимой техникой. Каждому городскому району должен быть выделен конкретный участок, точно определено количество и характер оборонительных сооружений, срок готовности. Райкомы и райсоветы обязывались мобилизовать необходимую рабочую силу, инструменты, принять на себя заботу об одежде, питании, размещении и партийно-политической работе среди строителей. Что касается строительства оборонительных сооружений внутри города, то в принципе оно сводилось к следующему: перекрываются разнообразными оборонительными сооружениями (дотами, дзотами, баррикадами, надолбами, «ежамп», проволочными заграждениями и др.) все въезды в Москву по полукольцу. Дома на перекрестках улиц, на площадях, на восточном берегу реки Москвы, у мостов должны быть превращены в сильные опорные пункты. Определение характера сооружений, мест и зданий, подлежащих укреплению, возлагалось на создаваемый штаб обороны города Москвы во главе с командующим обороной генерал-майором Фроловым совместно с райкомами партии и райисполкомами.

Военный совет внимательно рассмотрел все возможности по мобилизации новых сил, которые могли бы занять эти укрепления, если потребует обстановка.

Того, что мог дать округ, было признано недостаточным. И, быть может, именно поэтому глубоким оптимизмом и верой, даже как-то торжественно в обстановке глубокой сосредоточенности, царившей в кабинете командующего, прозвучали слова А. С. Щербакова.

— Как это нет сил? А наш московский рабочий класс, комму-

писты и комсомольцы? Силы будут! Завтра мы поставим этот вопрос на партактиве. Будем формировать в каждом районе роты и батальоны, еще шире развернем обучение пулеметчиков, гранатометчиков, истребителей танков, снайперов. Москва еще может дать десятки тысяч первоклассных бойцов, а если потребуется, то защищать свою родную столицу будут все от малого до старого...

Начальники штабов Белов и Кудряшов, начальник отдела кадров Мосягин и начальник Политуправления Миронов занялись подготовкой к 15 октября необходимых приказов, распоряжений, подбором и расстановкой кадров.

Щербаков и Пронин уехали к себе, а нам с Павлом Артемьевичем нужно было еще подписать документ, подводящий итоги прошедшим восьми дням и бессонным ночам, и оторвать, что называется, кусок от сердца — подписать ведомость боевых частей Можайского рубежа для передачи их в распоряжение командования Западного фронта.

Военный совет с чистой совестью докладывал Главному командованию, что его приказ: задержать во что бы то ни стало противника на 5—7 дней перед Можайским рубежом, выполнен. На рубеже, не имевшем к 5 октября войск, Западному фронту теперь передавались (без учета Калужского укрепленного района, вошедшего в состав 49-й армии) войска, занявшие оборону и сражавшиеся на фронте протяженностью в 165 километров.

Одновременно были подписаны приказы бывшим комендантам укрепрайонов о передаче войск в подчинение командующих 16, 5 и 43-й армий, уже развертывавшихся на рубеже.

Чтобы окончательно подвести итоги, в каком состоянии передаем Западному фронту Можайскую линию обороны, Военный совет заслушал бригадного инженера А. И. Пангсена, который доложил, что, несмотря на все трудности, работа проделана огромная, заложена прочная основа оборонительного рубежа. Требовалось еще 15—20 дней напряженного труда, чтобы полностью завершить работы первой очереди, но этому мешали развернувшиеся боевые действия. Особого восхищения заслуживали рабочие строительных батальонов, которые нередко, проявляя высокое мужество, трудились под огнем врага, не покидали рабочих мест даже при налетах авиации противника, а подчас сражались с фашистами в рукопашную.

А. И. Пангсену и подошедшим руководителям строительства рубежей генералам Е. И. Сысоеву и Е. В. Леошениа было сказано, что более конкретно итоги будут подведены позднее, а сейчас надо извлечь уроки, чтобы при строительстве обороны на ближних подступах не повторять ошибок. Обстановка же

могла заставить вести одновременно оборонительные работы на Калининском и Каширском направлениях, потребовать от нас еще многого, чего пока мы и не предполагаем. Значит, надо было готовиться к любому развитию событий.

Николай Михайлович Миронов сообщил, что настроенные у защитников рубежа боевое. Все понимали, что предстоят тяжелые бои, потребуются огромное мужество и стойкость, но защитники столицы заверяли, что свой долг перед Родиной они с честью выполнят. В 32-й Краснознаменной дивизии в связи с получением приказа о занятии обороны на поле русской славы Бородино на митингах бойцы клялись не щадить себя, умножить ратную славу наших предков — чудо-богатырей Кутузова, сражавшихся здесь более 129 лет назад. В этот же день была получена директива за подписью маршала Шапошникова, обязывающая Главное инженерное управление Красной Армии немедленно приступить к строительству улучшенных дорог вдоль всей Можайской линии обороны с готовностью к 17, 23 и 28 октября 1941 года.

За очередную бессонную ночь на 13 октября были получены важные боевые донесения.

К исходу 12 октября противник, нарацывая силы, вышел на рубеж Дурово — Вышгород — Никольское, форсировал Протву, занял Ревякино и Новую Слободку. Это юго-восточнее Верей и северо-западнее Боровска. Становилось очевидным намерение врага — обойти эти важные пункты нашей обороны с юга и севера и открыть себе путь к Дорохову и Наро-Фоминску;

пехота и танки противника заняли Буркино, Верхние Горки, Таурово и вышли во фланг 4-му курсантскому батальону, занимавшему рубеж в районе деревни Редькино. Фашисты пытались овладеть Детчино и с тыла нанести удар по Малоярославцу. От командира батальона Медведева и комиссара Панкова поступило донесение: курсанты будут держаться до последней возможности, но на помощь им командир 312-й дивизии послать пока ничего не мог, его резервы крайне ограничены;

под давлением противника боевое охранение центрального сектора Малоярославецкого боевого участка отошло на главный рубеж обороны.

Каждый час Алешин наводил справки о положении под Калининском, но добиться чего-либо определенного не смог...

Полк Волкова заканчивал подготовку к выступлению. Успест ли он перекрыть дорогу врагу на Калинин? Пока оценивал все «за» и «против», поступило новое сообщение: под Москву прибывает 201-я стрелковая дивизия, появились на восточной границе округа головные эшелоны 78-й стрелковой дивизии из Сибири, прибывают маршевые пополнения...

Просматривая справку о том, чем мы уже располагаем и что получим в ближайшие дни, нельзя было не ощутить глубокой благодарности к нашим товарищам из далеких тыловых округов, подготовившим и пославшим под Москву в ее трудную минуту такие подкрепления.

Из Генштаба получено указание все эти силы приять, до-вооружить и привести в готовность к отправке. Комбриг Хрипунов и генерал Устинов подсчитали, что для прибывающих войск и наших формирований в ближайшие дни потребуется до 100 000 винтовок, а у нас на складах пусто.

Звоню в Главное артиллерийское управление Н. Д. Яковлеву. Прошу выручить. И слышу бодрое:

— Дадим! Присылайте за нарядами, но не сразу на все, а только на то, что требуется неотложно сегодня, завтра. Так и в дальнейшем...

На сердце отлегло: вот ведь как идут дела! Еще недавно с большим трудом удавалось добывать в ГАУ по две-три тысячи винтовок. Хрипунов и Устинов, несмотря на глубокую ночь, немедленно оформили наряды и вызвали приемщиков для получения оружия.

Пасмурное, сырое утро 13 октября. Отправлены ведомости боевого расписания, отданы распоряжения о передаче войск на рубеже, но нити, связывавшие нас с ними, еще не оборвались — командования армий пока полностью не приняли руководства. И эта двойственность, какая-то неопределенность давали о себе знать.

В 5 часов 45 минут в районе Пахры появились на автомашинах подразделения соединения Благоврова. Стало известно о прибытии под Боровск и Верею передовых частей 110-й и 113-й дивизий.

Артемьев тут же отдал распоряжение всем командирам, посланным из Москвы, Можайска и Малоярославца, выполнять боевые распоряжения и указания только командующего 43-й армии. Генералу Никольскому было предложено связаться с командиром, узнать о его боевых планах под Боровском и Вереей и возвратиться в Москву.

Москвичи, к оружию!

Убедившись, что все предназначенное для 5-й дивизии отправлено, а полк Волкова получает оружие и гру-зится на автомашины, я поехал в клуб НКВД на партактив. Зал

переполнен, но не слышно шумного разговора, как обычно. Это было раньше перед началом любого собрания, только шелест газет в руках товарищей, не успевших ознакомиться с событиями. Срочный сбор настораживал, все в таких случаях ждали важного сообщения. Вот появились за столом президиума члены и кандидаты Бюро МК. Ровно в 12 часов открылось собрание. На трибуну поднялся А. С. Щербаков.

— Мы вступаем в полосу наиболее тяжелых испытаний. Москва находится в непосредственной опасности. Идет жестокий бой под Можайском, Малоярославцем. Враг занял Калугу, подходит к Боровску и Верее...

Слова суровой правды летели в зал. Немногословным было сообщение, немногословно и обсуждение. Все понимали, что дорога каждая минута, когда речь идет о самом главном, самом важном не только для москвичей, но и для всего советского народа.

Коротко формулируются и записываются в блокноты задачи: поднять Москву на строительство оборонительных сооружений на ближних подступах, превратить город в неприступную крепость;

считать всех коммунистов и комсомольцев мобилизованными, призвать трудящихся к оружию, приступить к формированию в каждом районе коммунистических и рабочих рот и батальонов; организовать на предприятиях, в учреждениях, в жилых домах отряды и дружины истребителей танков, пулеметчиков, гранатометчиков, снайперов, минеров;

каждое предприятие, мастерская должны наладить производство продукции для оборонительного строительства и защиты города, для помощи фронту;

установить трудовую повинность для всего трудоспособного населения;

каждый коммунист должен проявлять железную дисциплину, вести решительную борьбу с малейшими проявлениями паники, малодушия, трусостью, с дезертирами и шептунами;

всем трудящимся проявлять высокую бдительность, максимум твердости духа и организованности.

Как торжественная клятва, звучали заключительные слова принятого активом решения: «...московская партийная организация на протяжении всей своей истории всегда была боевым отрядом нашей партии, верной опорой ЦК, умела с беспредельной стойкостью и самоотверженностью работать и бороться за революцию, за Советскую власть, в любых, самых трудных и опасных условиях.

Актив выражает уверенность, что и в этом новом испытании московская организация покажет себя как подлинно большевист-

ский отряд нашей партии, сплотит трудящихся Москвы на упорную и беспощадную борьбу против немецко-фашистских захватчиков, на организацию победы».

И как-то особенно мужественно, клятвенно звучали под сводами зала слова «Интернационала»: «Это есть наш последний и решительный бой».

Участники актива без промедления приступили к работе. Были созданы городской и районные штабы формирования коммунистических и рабочих батальонов, перестраивалось военное обучение трудящихся. На митингах и собраниях принимались решения, мобилизующие москвичей на организацию обороны столицы, на отпор врагу. Лозунги: «Отстоим Москву!», «Все для фронта, все для победы!» — вопли в плоть и в кровь каждого москвича.

Вечером 13 октября начал действовать городской штаб формирования в составе заведующего военным отделом МК партии А. И. Чугунова, секретаря МК ВЛКСМ А. Н. Шелепина, Г. С. Сергеева от городского комитета Осоавиахима, полковника С. Г. Чеснокова и горвоенкома Г. К. Черных от Военного совета МВО — МЗО. В районные штабы были введены райвоенкомы. Их первые сообщения о ходе записи добровольцев внесли в наши расчеты основательные коррективы. Уже в этот день было принято решение формировать по возможности в каждом из двадцати пяти районов города не роты, а батальоны, а если поток добровольцев будет возрастать, то создавать (без отрыва от производства) отряды и дружины истребителей танков, снайперов, гранатометчиков, пулеметчиков, минеров, назначить опытных инструкторов-командиров, выделить учебное оружие и начать усиленную (по 3—4 часа в день) подготовку по программе, разработанной штабом МВО — МЗО совместно с военным отделом МК.

Забот все прибавлялось. Штаб МЗО принял на свои еще не окрепшие плечи ответственное дело — быстро определить конкретные задачи строительства рубежей, рассчитать необходимые для этого силы, снабдить инструментом, механизмами, материалами. От этого во многом зависело, насколько полно и разумно будет использовано то, что могут дать московские коммунисты.

Пока командующий со штабными командирами отработывал план обороны, рассматривал варианты ее рубежей, первые документы реконструировочных партий, расчеты, мне пришлось заняться вопросами, связанными с положением на фронте и организационными мероприятиями. А их за этот короткий промежу-

ток времени накопилось великое множество как особо срочных, просто срочных, так и текущих.

О личном думать было некогда. Домой в эти дни ни разу не наведаясь, да и делать там было нечего. Квартира давно опустела. Жена с дочкой Августиной уехала к моей сестре в Сибирь, а сын Константин, закончив 10-й класс 1-й московской спецшколы ВВС, в первый день войны подал рапорт о досрочном зачислении в Красную Армию и уехал в Сталиногорскую военно-авиационную школу пилотов первоначального обучения, бесповоротно решив стать летчиком-истребителем. Мужественная профессия летчика ему нравилась с детства, кажется, что он никогда не переставал мечтать о полетах, использовал все редкие в те времена возможности, чтобы полетать хотя бы пассажиром, и своего добился. При случае начальник летной школы полковой комиссар Г. П. Политыкин сообщил мне, что дела у курсанта Телегина идут хорошо, учится он прилежно. Другого я не ожидал. Рос он парнем разумным, организованным, жизнерадостным, в школе был чуть ли не бессменным редактором стенгазеты, руководил самодеятельным ансамблем. Много занимался спортом: играл в теннис, футбол, отлично плавал, с детства ходил со мной на охоту. В последние годы увлекся боксом, занимался в «Динамо» под руководством прославленных мастеров перчатки Андрея Васильевича Тимошина и Виктора Павловича Михайлова. Как они мне говорили, «работал» сын на ринге прилично. Так и во всем. Вот почему за него я был спокоен, верил, что и летчик, и патриот Родины из него будет настоящий.

Таким образом, в Москве я остался один. В письмах жены — тревога за столицу, за меня, за сына. Сегодня коротко написал, чтобы не беспокоилась, все будет хорошо. В Москву врага не пустим. Весь народ в эти дни жил в большой тревоге, и взоры советских людей были обращены к Москве. Всего если и не знали, то понимали сердцем, что от того, как повернутся события под Москвой, будет во многом зависеть дальнейший ход войны.

Все эти мысли о семье пролетели в короткие минуты запоздалого обеда и растаяли, как только вернулся в свой кабинет и выслушал по телефону сообщение полковника С. И. Богданова из Можайска о том, что в 13.00 противнику удалось ворваться на южную окраину Боровска, но с помощью подошедших частей 110-й дивизии враг был отброшен и потерял при этом 8 танков. Бой был жестоким, противник атаковал, не считаясь с потерями, но наши бойцы выдержали натиск и нанесли врагу большой урон.

Бородино... Без малого 130 лет назад на этом поле разыгралось невиданное по тем временам сражение русских войск с наполеоновской «непобедимой» армией, предопределившее кру-

шение планов Наполеона о завоевании мирового господства. То было 5—6 сентября 1812 года.

А 13 октября 1941 года озверевшие, кичащиеся своей «непобедимостью» полчища нового претендента на мировое господство двинулись на дороге сердцу каждого патриота нашей Родины места, где располагались когда-то Шевардинский редут, Семеновские флеши, батарея Раевского... Поле славы русского оружия вновь становилось ареной ожесточенных боев. И уже не только «залпы тысячи орудий слились в протяжный вой». На потомков русских чудо-богатырей, лязгая гусеницами и пзрыгая огонь, ринулась бездушная бронированная армада, а с пеба под пронзительный вой пикпировщиков сыпался град бомб. Все это должно было, по расчету гитлеровского командования, до основания потрясти нашу оборону, уничтожить здесь все живое и открыть, накопец, беспрепятственную дорогу на Москву.

Но на пути врага встали достойные наследники ратной славы кутузовских солдат, сломавших хребет наполеоновской армии. И сколь бы ни было велико уважение к подвигу наших славных предшественников, сколь бы высокой ни была их заслуга перед Родиной и народом государства Российского, несомненно, что подвиг советского солдата, защищавшего первое в истории человечества социалистическое отечество, Советскую власть — надежду народов Земли — от корычневой чумы, от ужасов фашистского порабощения, этот подвиг не знает себе равных по значимости и по влиянию его на судьбу народов, стран и континентов. И словно бы понимая свою личную ответственность перед человечеством, здесь, под Москвой, каждый советский воин бился не на жизнь, а на смерть, являя миру невиданные образцы стойкости и мужества, слившиеся в одном потрясающей силы явлении, именуемом массовым героизмом.

Вся тяжесть вражеского удара обрушилась на славную 32-ю Краснознаменную дивизию, курсантов Военно-политического училища имени В. И. Ленина, доблестных бойцов 230-го запасного учебного полка, танкистов 18-й и 20-й бригад, артиллеристов, пулеметчиков. Не многим из них суждено было вернуться с поля боя. Они это знали, шли на это с полным сознанием и верой в победу, в светлое будущее своей Родины.

Начав мощную атаку на Бородинском поле, враг за день так и не добился сколько-нибудь существенных успехов. В два часа ночи он обрушил сильный артиллерийско-минометный огонь на 3-ю роту 1-го батальона 17-го полка, занимавшую оборону в районе дер. Рогачево. Одновременно такой же силы удар пришелся по 9-й роте 3-го батальона 113-го полка под командой.

лейтенанта Кузнецова, выдвинутой командиром дивизии на западную опушку Беззубовского леса для прикрытия выхода частей на оборонительный рубеж. Кузнецов и его бойцы раз за разом с беззаветным мужеством отбивали яростные атаки противника. Потеряв 8 танков, 4 бронемашины и до 150 солдат и офицеров, враг только к исходу дня смог оттеснить горстку наших героев к переднему краю обороны.

Несколько хуже сложилось положение на участке 3-й роты 17-го полка. К 6.00 противнику удалось выбить наших бойцов из траншей, занять Рогачево и силами свыше батальона с танками начать продвижение вдоль железной дороги к станции Бородино. Наступление фашистов шло на широком фронте. Враг был настолько уверен в успехе, что по Минской автострате танки двигались в два ряда с открытыми люками, а за ними пехота на автомашинах. Густые цепи вражеской пехоты, прикрытые танками, одновременно атаквали передний край у Семеновского, Шевардино, Ельни, Каржень; в воздухе непрерывно висели группы фашистских самолетов, наносивших удары по резервам, траншеям и артиллерийским позициям. Враг рассчитывал, что в этой дикой пляске смерти, в чудовищном сплетении огня, железа и грохота человеческие сердца и нервы не выдержат. Но просчитался. Защитники Бородино выстояли. Было невыносимо трудно, гибли боевые товарищи, редели цепи... Но ярость благородная только крепла в огне. Наши артиллеристы обрушили огонь прямой наводкой по танкам. Еще 8 машин с гевтонскими крестами на башнях застыли на месте, окутанные клубами черного дыма, полетели в кюветы подбитые бронетранспортеры. На поддержку 3-й роты подоспели подразделения 3-го батальона этого же 17-го полка и с криком: «За Родину — вперед!» — устремились на врага, схватились с ним врукопашную. Но силы были неравными, и контратака захлебнулась. Пришлось отойти на исходные позиции. Однако и враг не смог развить успеха, вынужден был задержаться в районе Рогачева.

Через несколько часов, получив подкрепление, противник возобновил атаку, сосредоточив главные усилия в направлении Семеновское и Артемки. Цель ясна — вынудить обороняющихся отойти из района Бородино, Шевардино, Ельня. К 11.00 врагу удалось ворваться в Семеновское и Артемки. И опять поднялись в контратаку бойцы 32-й Краснознаменной, с фланга обрушился огонь 230-го запасного полка, прочертил небо шлейфы гвардейских реактивных снарядов, загремели беглым огнем орудия, цветастые трассы полоснули из пушек, укрывшихся в засаде танков. Враг был ошеломлен и, поспешно оставив Семеновское и Артемки, откатился к Рогачеву.

В 14 часов 30 минут авиация противника повторно нанесла массированные удары по Фомкино, Бородино, Татарино, Нижней и Верхней Ельне, Юдинкам, городу Можайску. Вновь разгорелась жестокая схватка на земле, особенно в районе деревни Фомкино. В районах Юдинки и Каржень удар приняли на себя курсанты Военно-политического училища имени В. И. Ленина. Бой не стихал до темноты, враг понес большие потери, но и здесь успеха не добился. Политотдел 32-й дивизии сообщал, что бойцы и командиры дрались с изумительной стойкостью, много совершено героических подвигов, много и погибших, о которых будет сообщено в специальном дозесении.

А под Вереей к 12.00 противник прорвался в Волченки (10 км юго-восточнее Верей), но неожиданно был контратакован мотострелковым батальоном 20-й танковой бригады с ротой танков и отброшен.

В том, как развивались события на Бородинском поле, чувствовались твердая воля, опыт, мужество и мастерство командира дивизии Полосухина. И это вселяло уверенность, что тут неожиданного ничего не случится, пока в их рядах есть кому держать оружие, разить врага, превосходящего численностью, но бессильного сломить волю советского солдата.

На остальных участках Можайской линии обороны, теперь уже Западного фронта, по поступившим к исходу суток сведениям, обстановка складывалась так. В 20 часов 15 минут посты ВНОС сообщили, что противник ворвался в юго-западные предместья Калининна и в районе Казарм до 19.00 шел сильный бой. Примыкающий к Казармам район усиленно освещается ракетами. Для связи с командиром 5-й стрелковой дивизии и полком Волкова посланы работники штаба на автомашинах. Начальник штаба 316-й дивизии полковник Серебряков по телефону доложил, что на ближайших подходах к переднему краю Волоколамского боевого участка отмечается активное передвижение противника. С селом Лотошино связь прервана, пост ВНОС снялся. Начальник училища имени Верховного Совета РСФСР выслал разведку в сторону Тургинова. Командарм-16 К. К. Рокоссовский принимает на себя командование всеми частями боевого участка.

На Малоярославецком направлении за день значительных событий не произошло. Противник вел разведывательные бои, артиллерийский обстрел переднего края, бомбардировки с воздуха. В ночь на 13 октября прибыл 305-й артиллерийско-пулеметный батальон. Под Детчино противник сосредоточивал свежие силы. Разведка установила скопление войск в Торбеево, движении колонны южнее Дурнево (юго-западнее Полотняного завода) в направлении Детчино. Попытки противника в течение дня овладеть

Боровском и Вереей отбиты, но враг подтягивал подкрепления и завтра мог начать более решительный штурм. С подходом 113-й дивизии наше положение там несколько укрепились.

С согласия Генерального штаба управления укрепленных районов и строительные батальоны возвращались нам. Комендант Малооярославецкого укрепленного района полковник А. М. Смирнов доложил, что к исходу дня он передал войска и обязанности начальника боевого участка командиру 312-й дивизии полковнику Наумову и командарму-43. Ему приказано отвести управление и рабочие батальоны на реку Протву для строительства полевой обороны.

В связи с осложнением под Калинином было принято решение о переброске управлений и строительных батальонов бывшего Калужского укрепленного района в район Дмитрова, для строительства оборонительных сооружений по каналу Москва — Волга.

Таким образом, оставался в двойственном подчинении только один Можайский укрепленный район, принять который командарм-5, связанный острой боевой обстановкой, не мог. Артемьев пытался связаться с Лелюшенко, но не удалось. Днем говорили, что он впереди на НП, вечером — что где-то в частях, а затем прервалась связь.

Связь! Сколько нервов она попортила за эти дни. Сколько неожиданностей и «сюрпризов» от ее неудовлетворительного состояния. Не умели тогда еще, видимо, и мы, военные, по-настоящему налаживать и оберегать связь, надежно укрывать ее от противника. Очевидно, будь, помимо всего прочего, надежнее связь по всем линиям, не сложилось бы так неблагоприятно для нас положение под Вязьмой, не произошло бы неожиданности под Калинином, лучше можно было бы силами, уже выведенными на рубеж, справиться с противником, прорвавшимся к Боровску и Верее. Военный совет и начальник связи округа генерал-майор В. И. Усов постоянно и все более настойчиво изыскивали возможности улучшения связи.

Тем временем накапливались силы и средства под Москвой. Удалось разгрузить последние эшелоны 20-й танковой бригады, закончить подготовку прибывшей 201-й стрелковой дивизии и доложить Генеральному штабу о возможности ее отправки. В Подольске появились части дивизии под командованием генерал-майора А. С. Гундорова. По линии ВОСО пришло предупреждение быть готовым к приему на Московском узле и к быстрейшему продвижению под выгрузку в районе Наро-Фоминска 1-й гвардейской мотострелковой дивизии (бывшей Москов-

ской Пролетарской), перебрасываемой с Южного направления.

А обстановка на Московском направлении все еще была тяжелой. Враг давил превосходством в силах и средствах. Со всей очевидностью раскрывался план противника — глубокими охватами с севера и юга овладеть Москвой. Нужно было спешно строить оборонительные рубежи на большую глубину. И Государственный Комитет Обороны принял очень важное решение о формировании в сжатые сроки десяти саперных армий, три из которых — на территории округа. Наша надежда получить одну из армий для строительства рубежей Московской зоны обороны не оправдалась. Генеральный штаб ответил: «Пока постарайтесь обойтись силами москвичей и имеющимися рабочими батальонами».

Заканчивая руководство боевой деятельностью на Можайской линии обороны, Военному совету округа надо было подвести итог и действиям авиации МВО. Короткие записи в рабочей тетради не раскрывают, конечно, всего многообразия задач, которые решала боевая авиация округа. И если особенно скрупулезно фиксировались результаты воздушной разведки, то лишь потому, что при острой нехватке средств связи и ее неустойчивости летчики доставляли наиболее оперативную и достоверную информацию о силах, передвижениях и направлениях удара врага. Это было очень важной, но далеко не единственной задачей ВВС округа.

Вот как по докладу Н. А. Сбытова выглядела боевая деятельность авиации МВО за 8 дней на Юхновском направлении: произведено 508 боевых вылетов общей продолжительностью 612 часов; сброшено 1243 авиабомбы разного калибра; выпущено до 2000 снарядов, в том числе и реактивных; израсходовано 208 боекомплектов патронов; уничтожено до 2500 солдат и офицеров, 120 танков, 600 автомашин, 3 склада с горючим и боеприпасами, до 2 рот мотоциклистов, 20 бронемашин, 30 зенитных орудий. Налетом на аэродромы в районе Юхнова уничтожено до 42 самолетов противника, а в районе Глагольня — Жуковка — крупная бензозаправочная база юхновской группировки. Нами потеряно 8 экипажей И-153.

Откровенно говоря, меня несколько смущали цифры нанесенных противнику потерь. Я спросил у Николая Александровича:

— Не многовато ли? На самолетах нет фотоаппаратов, как летчики фиксировали нанесенные врагу потери?

Сбытов сказал, что некоторое расхождение этих цифр с реальными возможно, ибо летчики определяют результаты своей работы «на глазок». Но о сознательном преувеличении не может быть и речи. К тому же принимались все возможные меры для провер-

ки сообщений авиаторов, в частности, опрашивались другие экипажи, участвовавшие в том же вылете или вылетавшие в тот же район позже. И, как правило, первоначальные сведения подтверждались.

Мне и самому уже не раз доводилось убеждаться в высоких морально-боевых качествах летчиков ВВС округа, в том, что на них можно смело положиться. Экипажи ВВС МВО вели напряженную боевую деятельность, вылетали в день по два-три и более раза, с малых высот чуть ли не в упор разили врага, прорываясь к целям сквозь огненный шквал. И только за несколько суток восемь летчиков пали геройской смертью.

Сбытов сообщил о том, что в составе ВВС МВО в ближайшие дни появится 46-й скоростной бомбардировочный полк на самолетах Пе-2 и 243-й штурмовой — на Ил-2. Это позволит усилить удары по врагу.

В минувшие дни и 6-й авиационный корпус ПВО весьма успешно отражал настойчивые попытки вражеской авиации прорваться к Москве, помогал вести воздушную разведку войск противника, прикрывал сосредоточение резервов Ставки и выход их на боевые рубежи. Его боевая деятельность проходила в особенно сложных условиях: часть авиации с аэродромов на западе пришлось перебазировать восточнее Москвы, значительно сократилась сеть постов ВНОС раннего предупреждения, что вынуждало держать в готовности № 1 большинство экипажей. А враг тем временем перешел к тактике «пзнурения». Его самолеты входили в зоны действия наших истребителей и зенитного огня на разных высотах, небольшими группами и даже одиночно с интервалами в 30—60 минут. Это вызывало огромное напряжение у всего личного состава корпуса, ставшего на круглосуточную вахту. Летчики постоянно находились рядом с самолетами или в их кабинах, зенитчики и проектористы — у орудий и установок. Возникло опасение, что новая тактика врага может привести к снижению боевой активности нашей ПВО. Но руководители ПВО столицы Д. А. Журавлев, Н. Ф. Гритчин, И. Д. Климов и А. И. Орлов и их подчиненные все испытания выдержали с честью.

На дальних подступах

15 октября. Десятый день как прорвался враг к Юхнову. Как хотелось увидеть с утра яркое солнце, безоблачное небо, услышать обнадеживающие вести с фронта. Но уже на рассвете с запада стали наползать черные тучи, как бы

подчеркивая сложность обстановки, о которой стало известно из последних донесений. А последним в два часа ночи докладывал по телефону инженер Главного поста ВНОС Жук: по сведениям постов ВНОС, деревня Митяево (3 км севернее Вереи) занята противником, его тяжелая артиллерия обстреливает западную окраину Малоярославца, связь прервана.

Позже прибывшие с Можайского рубежа работники Политуправления рассказали, что с первыми проблесками рассвета возобновились ожесточенные бои на Бородинском поле, на подступах к Боровску и Верее. Получив значительные подкрепления, немецко-фашистские войска после упорного боя ворвались в Ельню, Утицу и Артемки. Полосухин бросил на помощь 17-му полку подошедший со станции выгрузки разведывательный батальон, который с остатками 3-го батальона 17-го полка и ротой курсантов Военно-политического училища имени В. И. Ленина с ходу ринулся в атаку. Дерзким и решительным ударом они выбили противника из Артемок и закрепились там. Придя в себя, враг вновь яростно атаковал наших бойцов, пытался раздавить их танками, разметать бомбами, но безуспешно. При поддержке артиллеристов, минометчиков и «катюш» герои удерживали свои позиции.

Для восстановления положения в районе Утица командир дивизии направил выгрузившийся утром 3-й батальон 322-го стрелкового полка. Батальон с марша развернулся в боевой порядок и, миновав ослабленные подразделения 17-го полка, бросками пошел на сближение с противником. Враг обрушил на наступающие цепи шквал пулеметно-автоматного огня, из-за домов вылезли танки, но и они не смогли остановить охваченных единым порывом бойцов, впервые участвовавших в бою и не успевших даже «понюхать пороха».

Ошеломленные стремительным ударом, фашисты заметались по деревне. Большинство из них было уничтожено, часть танков подбита и горела. Лишь немногим удалось скрыться за песчаным карьером, и до темноты они не пытались возобновить активные действия.

А вот на участке 17-го полка, оседлавшего Минскую автостраду, положение сложилось критическое: район обороны 3-го батальона был прорван, связь и управление в полку нарушены, командный пункт попал в окружение. В эти трудные минуты на КП полка прорвались с группой в 13 командиров и бойцов, комиссар дивизии полковой комиссар Г. М. Мартынов и заместитель начальника политотдела батальонный комиссар В. И. Ярцев. А здесь еще яростно отражал атаки гитлеровцев единственный оставшийся в живых раненый сержант Жданов, под шинелью

у которого было спрятано боевое знамя 17-го Краснознаменного имени М. В. Фрунзе стрелкового полка. Передавая эту святыню части комиссару, Жданов сказал:

— Я знал, что помощь придет, что бойцы дивизии не отдадут знамя полка в руки врагу. Мы отбивались от фашистов, пока были силы, гранаты и патроны. Теперь передаю знамя вам. Я ранен, но буду сражаться вместе с вами до последнего вдоха...

Комиссар повел группу на прорыв. Перед этим все поклялись, что боевую святыню полка не отдадут врагу, не запятнают позором честь своей дивизии, и если понадобится, то не пощадят и жизни.

Этот прорыв горстки воинов сквозь плотное вражеское кольцо был поистине героическим. Из 14 человек пробились к своим только 3 — комиссар Мартынов, Ярцев и сержант Жданов. Остальные отдали жизнь, прикрывая своего комиссара, несшего знамя полка на груди. Алое знамя с портретом великого Ленина.

Тяжелый, неравный бой на Бородинском поле не затихал ни на минуту целый день. Силами двух полков дивизии «СС» и частей 10-й танковой дивизии гитлеровцам к концу дня удалось занять Семеновское, станцию Бородино, вновь захватить Артемки и удержать за собой Рогачево, Ельню и лесной массив между ними. Прибывшие к месту прорыва противника командующий 5-й армией Лелюшенко и командир дивизии Полосухин приняли энергичные меры к ликвидации прорвавшегося противника. В бой были брошены резервный отряд под командованием полковника С. Н. Переверткина, 20-я и 18-я танковые бригады; усилен огонь артиллерии и гвардейских минометов. Но контратака успеха не принесла, и положение продолжало оставаться крайне напряженным.

В разгар боя под Артемками осколком мины был ранен генерал Д. Д. Лелюшенко. Находившийся в политотделе 32-й дивизии работник Политуправления округа сообщил о героическом подвиге и гибели лейтенанта Сорокина. Посланный Полосухиным в ночь на 12 октября с группой бойцов для разведки сил противника, Сорокин благополучно вышел к станции Колочъ, собрал ценные сведения, но при возвращении неожиданно столкнулся с вражеским дозорным. Прежде чем Сорокин успел сбить фашиста с ног, тот выстрелил из ракетницы. Открылась стрельба. Сорокин, указав подчиненным путь отхода, сам с ручным пулеметом остался для прикрытия, был окружен и схвачен. Когда 13 октября батальон капитана В. А. Щербакова выбил противника из Рогачева, в одном из сараев было обнаружено изуродованное тело героя.

Рассказ бойцам дивизии о мученической гибели их боевого товарища от рук фашистских палачей вызвал у них необычайную ярость. И когда под Фомкино был окружен фашистами дзот сержанта Куликова, сержант вышел со своим пулеметом на откры-

тую позицию и в шквальный огонь вложил всю ненависть к захватчикам, всю ярость за муки и смерть своего боевого командира. Патриот сражался один против десятков фашистов, пока не подоспела рота во главе с младшим политруком Соколовым и командиром взвода Кисляковым.

Словно эстафету поколений русских воинов приняли бойцы, сражавшиеся на исторических позициях Бородинского поля: на Шевардинском редуте воины 6-й роты 17-го полка под командой Глухова и политрука Уткина; на Багратионовых флешах — бойцы 5-й роты; рядом с курганом Раевского — батарея старшего лейтенанта Н. П. Нечаева и 1-й дивизион 133-го легкого артполка. Минское шоссе, по которому враг стремился прорваться, прикрыл отряд под командой штабного командира майора Воробьева и комиссара — секретаря партийной комиссии дивизии Я. И. Ефимова. Командиры, политработники, красноармейцы понимали свою ответственность перед историей и не только прошлой, но и будущей, и сражались с удесятеренным мужеством, пока руки способны были держать оружие.

Врагу удалось все же прорваться в Татарино, но на пути его стал только что прибывший со станции выгрузки 65-й отдельный противотанковый дивизион. Развернувшись, артиллеристы обрушили беглый огонь по вражеским танкам, первые машины задымили и завертелись на месте. Враг шел напролом, но пехотинцы, поддерживаемые артиллеристами, сдержали этот бешеный натиск, затем, поднявшись, стремительной атакой выбили противника из деревни и закрепились в ней. Находившийся в 1-й батарее 65-го дивизиона военком старший политрук И. В. Лаптев, переходя от одного орудия к другому, подбадривал, воодушевлял бойцов, организовывал эвакуацию раненых, обеспечение больными, сам становился к орудиям, когда редели расчеты. Здесь, на боевом посту, и настигла вражеская пуля мужественного комиссара.

На участок обороны батальона 17-го полка в разгар тяжелого боя прибыл комиссар полка П. Н. Михайлов с инструктором политотдела А. С. Иоффе. Их пламенное партийное слово, личное мужество укрепили боевую стойкость бойцов, одна за другой атаки врага были успешно отражены, позиции удержаны.

В этот день фашисты получили предметный урок на Бородинском поле. И сейчас, думая об этом подвиге наших бойцов, я припомнил донесение генерала Дохтурова фельдмаршалу Кутузову от 26 сентября 1812 года о сражении на этом же Бородинском поле. Дохтуров докладывал:

«...Полки гвардейские Литовский, Измайловский и Финляндский во все время сражения оказали достойную русских храбрость

и были первыми, которые необыкновенным своим мужеством, удерживая стремление неприятеля, поражали его повсюду штыками. Прочие полки гвардейские, Преображенский и Семеновский, также способствовали к отражению неприятеля неустрашимостью.

Вообще все войска в сей день дрались с необычайною и отчаянною храбростью... до наступления ночи, которая прекратила сражение, все пункты почти удержаны, кроме некоторых мест, которые уступлены по необходимости отвести войска от ужасного картечного огня, большой вред причинявшего. Но отступление сие было на весьма малое расстояние, с должным порядком и с учинением при сем случае урона неприятелю. Господа генералы, командовавшие частями, им вверенными... благоразумным распоряжением и собственным примером отличной неустрашимости отражали повсюду нападавшего неприятеля».

Под этим документом и сегодня, почти 130 лет спустя, могли поставить свои подписи и командир 32-й Краснознаменной стрелковой дивизии Виктор Иванович Полосухин, и вступивший в командование 5-й армией генерал-майор артиллерии Леонид Александрович Говоров, изменив только наименования частей и примененных боевых средств. В летописи славы русского оружия на Бородинском поле огнем и волей советских воинов заполнялись новые страницы.

Тяжелый удар враг нанес нам на северном фланге под Калинином. Не успели еще полностью развернуться и занять оборону части 5-й дивизии и полк Волкова, как танки противника, поддержанные с воздуха шестьюдесятью самолетами, ворвались на юго-западную окраину города и к исходу дня закрепились там вместе с подошедшими моточастями. Действовавшая с северо-запада группа войск генерала Н. Ф. Ватутина не смогла парировать удар врага. 5-я дивизия и полк Волкова вынуждены были вести неравный бой в крайне невыгодных условиях. Прибывший в Калинин заместитель командующего Западным фронтом генерал-полковник И. С. Конев принимал все возможные меры к организации контрударов и обороны города, но в его распоряжении еще не было для этого достаточных сил, и Калинин оставался под угрозой.

Началось сражение и на Волоколамском рубеже. Передовые части 5-го армейского корпуса врага яростно атаковали позиции 316-й стрелковой дивизии и сводного полка курсантов, но под шквальным огнем оборонявшихся вынуждены были отойти, потеряв до 2 батальонов убитыми и ранеными и 8 танков. Для при-

крытия правого фланга командующий 16-й армией К. К. Рокоссовский выдвинул части корпуса генерала Доватора. Это было весьма важно и своевременно, так как над еще неокрепшей 16-й армией нависла опасность удара не только с фронта, но и во фланг со стороны Тургинова. Для усиления обороны на Волоколамском направлении подошла бывшая 18-я дивизия Московского народного ополчения, а теперь — 18-я стрелковая, и на легкую победу здесь гитлеровцам рассчитывать уже не приходилось.

15 октября на Малоярославецком боевом участке положение обострилось. В 9 часов 45 минут начальник центрального сектора генерал В. А. Смирнов шлет командарму-43 донесение: «... в 9 часов 15 минут, после интенсивной артиллерийско-минометной подготовки, противник силами более пехотного батальона при поддержке танков и авиации перешел в наступление на участке севернее Ильинское, вклинился между дотами. В район Шубинка (юго-восточнее Ильинское) до батальона противника ворвалось в оборонительный рубеж... просочились в лес северо-восточнее Б. Шубинка. В образовавшемся прорыве противник продолжает накапливать силы, угрожая обходом всего центрального сектора с севера и перехватом Малоярославецкого шоссе. Между удерживаемыми нами дотами на правом фланге просочившийся противник блокирует доты... Сектор ощущает нужду в осколочных снарядах для 152, 85 и 37 мм орудий. Связь прервана. Нужны срочно подкрепления, помощь авиацией»¹.

А пока не было подкреплений, курсанты вместе с поддерживавшими их артиллеристами и бойцами артпулеметного батальона целый день вели неравную борьбу, отбиваясь от бешено наседавшего врага, не давая ему возможности расширить и углубить прорыв.

Особенно сильный удар пришелся по участку 3-го курсантского батальона. В 16.00 до полка вражеской пехоты с танками атаковали позиции 10-й и 12-й рот. Система огня обороняющихся была нарушена, противнику удалось ворваться на первую линию, местами завязались рукопашные схватки. Перевес сил был на стороне врага, и курсантам пришлось оставить Шубинку. Контратака взвода 10-й роты и трех взводов резерва командира 3-го батальона успеха не имела — выбить противника из деревни не удалось. Однако неприятель понес тяжелые потери и вынужден был приостановить наступление. Начальник училища выдвинул из своего небольшого резерва на помощь 3-му батальону два взвода курсантов и поставил перед командиром батальона задачу: с утра при поддержке артиллерии атаковать и выбить противника

¹ Архив МО СССР, ф. 398, оп. 9308, д. 15, л. 447.

из Шубинки, восстановить положение на участке 10-й и 12-й рот.

Но этих сил оказалось недостаточно, и утренней контратакой добиться поставленной цели не удалось. Тогда в этот район были брошены две роты первого батальона курсантов во главе с командиром батальона капитаном Чернышом и военкомом старшим политруком Д. А. Курочкиным. Курсанты с громким «ура» стремительно бросились на укрепившегося противника, ворвались в его ряды, штыками, гранатами и прикладами уничтожили свыше ста пятидесяти гитлеровцев, отбили пять дотов, заняли их и в течение пяти часов отражали настойчивые атаки врага. Невзирая на большие потери, противник бросал на героев все новые и новые силы, обрушил на них массированный артиллерийско-минометный огонь. Когда курсанты оказались в окружении, они продолжали отбиваться гранатами, штыками и только к вечеру бой в районе Шубинки затих. Все курсанты во главе с их командиром и комиссаром с доблестью и честью выполнили священный долг перед Родиной, отдали свои жизни, защищая родную Москву. О героизме курсантов батальона капитана Черныша так писал мне потом бывший курсант 1-й батареи Подольского артиллерийского училища В. М. Монахин: «Я был очевидцем двух грозных штыковых атак пехотного училища. Всю войну потом провел на фронте, но таких атак не видел».

На левом фланге Малоярославецкого укрепленного района (43-й армии) в районе Детчино противник с утра усиленно подтягивал свежие силы и в середине дня при поддержке авиации перешел к активным действиям. Завязались упорные бои. Пользуясь превосходством в силах и средствах, враг занял Карамышево, Букрино, Таурово и вплотную подошел к Детчино. Здесь он встретил упорное сопротивление бойцов 312-й дивизии и детчинского истребительного батальона. Бой длился до темноты, но овладеть Детчино противник так и не смог. Бойцы 1-го батальона 616-го полка и 16-й роты подольских курсантов смелой и решительной атакой к исходу дня выбили гитлеровцев из Карамышева и отбросили на Тавлинку — Заполье. Однако 4-й батальон курсантов, занимавший оборону в районе Песочня — Зажово — Фролово — Баланино, к ночи оказался обойденным с флангов. В таких условиях удержать этот опорный пункт паличными силами было уже невозможно, и командир 312-й дивизии отдал приказ батальону отойти на рубеж Касилово — Савиново (8 км северо-западнее Детчино), где поступить в распоряжение командира 1079-го полка подполковника Буркова. Врагу удалось ворваться в Малахово, овладеть высотой 209,2, но решительными действиями 15-й курсантской и 2-й стрелковой рот 175-го полка, после многочасового боя он оттуда был выбит.

Военком 4-го батальона курсантов Д. В. Панков сообщал, что 15-я рота во главе с командиром С. В. Баявым, командирами взводов И. Н. Михасиком и А. Г. Мирошниченко решительно атаковали высоту 202,9 в районе Малаховки и Березовки, но вынуждены были залечь под сильным огнем противника. В это время в цепи поднялся отважный коммунист Константин Китаев, награжденный орденом Красной Звезды еще за подвиги на финском фронте, и с возгласом: «Красные курсанты, за Родину — вперед!» — увлек за собой в последнюю атаку всех курсантов. Высота была взята, но пуля врага сразила героя.

В селе Карамышево курсанты во главе с Михасиком совместно с бойцами батальона 616-го полка под командой коммуниста Жук внезапно атаковали с фронта и тыла, вынудив противника, несмотря на численное превосходство, поспешно оставить позиции, бросив 32 труп. В бою отличились курсанты Горячев, Свищунов, Мурашев, Ковальков, Кочанов, Хорькин, командиры отделений Ивлев, Шевченко, Васильев и комсорг батальона Г. П. Иванов, возглавлявший атаку своей группы.

Попытка противника обойти левый фланг Малоярославецкого укрепленного района (43-й армии) и в этот день потерпела неудачу. Хваленая гитлеровским командованием дивизия «СС» встретила неожиданно для себя такое стойкое сопротивление, что вынуждена была три дня топтаться на месте.

15 октября. С утра гремели жестокие бои по всему Западному фронту — от Калининна на севере до Тарусы, Алексина и Тулы — на юге. Подтягивая войска, освобождавшиеся после завершения боев в районе Вязьмы, противник бросал в атаки крупные силы танков, моторизованные и пехотные части. После ожесточенных боев вчера нами был оставлен Калинин, к исходу дня гитлеровцы ворвались в Боровск и Верею. Здесь бои носили особенно упорный и кровопролитный характер, исключительно мужественно бились советские бойцы.

Под Боровском только подразделения Московской ПВО и дивизии имени Ф. Э. Дзержинского за день сбили 2 «мессершмитта», уничтожили восемь вражеских танков и до батальона пехоты. Личный героизм находящихся в передовых цепях комиссара 1292-го полка старшего политрука Г. Ф. Мусланова, начальника политотдела 113-й стрелковой дивизии батальонного комиссара И. М. Молчкова и других коммунистов придавал бойцам силу, чтобы выстоять под нарастающим напором врага. И только под угрозой окружения они вынуждены были оставить Верею и по приказу командарма-43 отойти за реку Протву. От Боровска части отходили к Наро-Фоминску и Балабаново. Возникла реальная угроза обхода с тыла на Можайском и Малоярославецком на-

правлениях. Однако бои под Вереей задержали противника еще на четыре драгоценных для нас дня и, несомненно, оказали на него серьезное психологическое воздействие. Что это было именно так, подтвердил впоследствии начальник штаба 4-й гитлеровской армии генерал Блюментрит. В своих воспоминаниях он пишет: «В районе Верей танки Т-34 как ни в чем не бывало прошли боевые порядки 7-й пд., достигли артиллерийских позиций и буквально раздавили находящиеся там орудия. Понятно, какое влияние оказал этот факт на моральное состояние пехотинцев. Началась так называемая «танкобоязнь»¹.

Гитлеровцы только ворвались в Боровск и уже строили планы закрепиться в нем навсегда. На это проливает свет письмо к жене, обнаруженное у убитого офицера-эсэсовца. Вот что он писал: «Чудный живописный уголок! Буду просить себе участок в награду только около этого города». Награду этот оккупант получил по заслугам — кусок уральского советского металла и участок — три аршина земли.

Положение под Боровском требовало принятия более энергичных мер до передачи наших войск на рубеже генералу армии Г. К. Жукову. С подходом 110-й стрелковой дивизии, начальнику боевого участка генералу Наумову было телеграфировано распоряжение: «Первое: 110-й дивизии с отрядом Журавлева с рубежа Бенцы — Акулово в направлении Тишнево, Деревенька, Ищенко, во взаимодействии с подразделениями 312-й дивизии уничтожить прорвавшегося противника в районе Ищенко. Организация и руководство операцией возлагается на генерал-майора Арефьева; второе: 19-й танковой бригаде нанести удар в направлении Бураково, Константиново, Анохино, Бобыли; третье: 17-й танковой бригаде во взаимодействии с 19-й танковой бригадой наступать вдоль шоссе в направлении на Медынь с задачей обеспечить фланги 19-й танковой бригады и не допустить выдвижения противника в направлении Адуево, Ищенко. Руководство операциями обеих бригад возлагаю на командира 312 дивизии»².

Однако этот план удара по врагу под Боровском осуществить не удалось. 110-я дивизия запаздывала с выгрузкой, 312-я дивизия была связана боями южнее Малоярославца, а действовавшие отдельные отряды вели тяжелые сдерживающие бои с 258-й пехотной и частями 20-й танковой дивизий противника.

А с запада, по данным авиаразведки, по всем основным дорогам к Можайскому рубежу, на Тарусу и Алексин враг подтягивал все новые и новые силы. Захват противником Калинина, Боровска,

¹ Роковые решения. М., Воспиздат, 1958, стр. 93—94.

² Архив МО СССР, ф. М30. оп. 11158, ч. 88, л. 116.

Вереи, вклинение на 5—6 километров на Бородинском поле значительно усложняли обстановку под Москвой.

День завершила информация о положении на участке 49-й армии: овладев Калугой, противник продолжал движение на Тарусу — Серпухов и Алексин. Нарастала двойная угроза: с юга — Москва и с севера — Туле. Все явственнее вырисовывалась и третья угроза — на Наро-Фоминск — Подольск. Ставка приняла решение объединить действующие войска на Наро-Фоминском направлении в 33-ю армию и определила задачи 43-й армии — прикрыть Подольское направление, и 49-й — Серпуховское.

С согласия Генерального штаба Военный совет округа и МЗО приказал Белову и Кудряшову срочно сформировать восемь специальных отрядов во главе с опытными инженерами-минерами, обеспечить их автотранспортом, взрывчаткой и не позднее утра 16 октября выслать для минирования и подготовки к взрыву мостов на Можайском, Волоколамском и Ленинградском шоссе и на других шоссеиных путях к Москве с севера, запада и юго-запада. Выставленные посты подрывников во главе с командирами из инженерной академии и резерва должны были взорвать объекты по приказанию старшего войскового начальника на данном направлении или самостоятельно — в случае непосредственного приближения танков врага.

Ночью Военный совет вызвал бывшего коменданта 37-го Малоярославского укрепленного района полковника А. М. Смирнова и возложил на него обязанности начальника Подольского боевого участка, руководство строительством Подольского оборонительного рубежа и подготовку города к обороне. Находившееся в распоряжении этого укрепленного района 21-е военно-полевое строительство решено было перебросить в район Одинцово—Жаворонки, чтобы перекрыть оборонительными сооружениями направления Можайск — Москва и Наро-Фоминск — Москва.

Генеральный штаб передал в наше распоряжение прибывшее из тыла Управление военно-полевого строительства № 1 с 3, 4, 5 и 6-м армейскими военно-полевыми строительствами. Эта мощная строительная организация с налаженным аппаратом позволила покончить с кустарщиной и импровизацией, к которым мы вынужденно прибегали до сих пор при строительстве оборонительных сооружений.

Командование 1-го зенитно-артиллерийского корпуса ПВО послало командиров и политработников в зенитные части, расположенные западнее и юго-западнее Москвы, проверить их готовность к отражению наземного врага.

Москва готовится к бою

Москвичи и весь советский народ с тревогой в сердце прослушали по радио и прочитали в газетах сводку Совинформбюро за 15 октября: «В течение ночи положение на Западном фронте ухудшилось».

16 октября передовая «Правды», озаглавленная крупным шрифтом: «Враг продолжает наступать! Все силы на отпор врагу!» — призывала: «Пусть же в эти грозные дни вся мощь и сила нашей организованности, все мужество советских людей, бесстрашие и самоотверженность коммунистов и комсомольцев, и всех трудящихся великой нашей столицы и всей нашей страны будут брошены на отпор гитлеровским бандитам».

Все, в ком билось сердце патриота, для кого были дороги судьба Родины и столицы, восприняли это как призыв к немедленному действию, к удесятерению усилий на организацию отпора.

В это же время волею нашей Коммунистической партии, всего советского народа через Сибирь, Урал и Поволжье с курьерской скоростью по «зеленой дорожке», проложенной славными железнодорожниками, спешили 82-я мотострелковая дивизия генерала Н. И. Орлова, 78-я стрелковая дивизия генерала А. П. Белобородова (о которой в ноябре 41-го года гитлеровский генерал Битрих напишет, что ее солдаты умирают, но не оставляют своих позиций); 50-я стрелковая дивизия генерала Н. Ф. Лебедева, 108-я дивизия генерала И. И. Биричева и 144-я — генерала М. А. Прохорова.

Обстановка требовала быстрейшего завершения всех организационных мероприятий по созданию оборонительных рубежей Московской зоны. Кудряшов, его оперативные работники — подполковник Д. А. Федоров, майор А. А. Мурашев, капитан Н. Г. Павленко, инженеры Е. В. Сысоев, Е. В. Леошня, артиллеристы без сна и отдыха готовили документы по основной оборонительной полосе полукольца внешнего пояса. Начинаясь на небольших возвышенностях в районе Социалистического Городка, она шла к каналу Москва — Волга, далее по восточному берегу Москвы-реки, западнее и юго-западнее Кунцева, к поселку Сабурово, затем по северному берегу Москвы-реки до населенного пункта Чагино. Строительство этого рубежа возлагалось на инженеров штаба МЗО. Приказом по Московскому гарнизону Управление оборонительного строительства при Моссовете во главе с М. А. Ясным несло ответственность за сооружение к 20 ноября оборонительного рубежа по линии Ростокино — Лихоборы — Коптево — Химки — Ивановское — Щукино — Петтих — высота

180,4 — Куницево — Матвеевское — Никольское — Зюзино — Волхонка — Батраково.

Этим же приказом назначался командующий обороной города Москвы начальник МПВО генерал-майор С. Ф. Фролов, которому предлагалось объединить усилия всех московских организаций, подготовить планы и необходимые расчеты по обороне непосредственно города, в двухдневный срок сформировать штаб, разбить оборонительный рубеж на пять секторов, подобрать для них командиров и комиссаров и сформировать ячейки управления. Московский Совет обязан был выделить Фролову из числа формируемых партийно-комсомольских рот и батальонов необходимые силы. Артиллерийско-противотанковую оборону на важнейших въездах в Москву было признано необходимым организовать к 17 октября под руководством начальника Артиллерийского управления МВО генерала Н. Ф. Устинова, согласовав с командиром корпуса ПВО Д. А. Журавлевым вопросы использования зенитной артиллерии, расположенной в черте города.

Неблагоприятно развивающаяся обстановка на фронте вынуждала принимать экстраординарные меры по укреплению подступов к городу и самого города. Нас все еще не покидала надежда, что войска Западного фронта под командованием опытного военачальника Г. К. Жукова смогут создать перелом, задержать врага на дальних подступах. Но минувшие события научили многому. Малейшее проявление благодушия и беспечности, когда враг всего в 80—100 километрах от Москвы, было недопустимо.

Это хорошо понимали все, на чьей ответственности лежала безопасность столицы. Московские партийные и советские организации трудились с огромным напряжением. В течение дня были проведены организационные мероприятия, обеспечивающие формирование во всех районах города в ближайшие 2—3 дня 25 рот и батальонов и многочисленных боевых отрядов и дружин, заканчивались подбор и утверждение командных кадров, определены источники получения обмундирования, обуви, снаряжения, боевого и учебного оружия. Как и при формировании дивизий народного ополчения первыми в батальоны записывались коммунисты и комсомольцы, бралась за оружие рабочая гвардия, опытные баррикадные бойцы революции, молодежь. Уже первые роты батальонов приступили к боевой подготовке: немного времени на строевые занятия, больше — тактике уличного боя, стрелковой подготовке, способам борьбы с танками.

Учитывая, что этим батальонам сразу же придется занимать оборонительный рубеж и неизвестно, даст ли обстановка достаточно времени на полный курс боевой подготовки, с Московским комитетом партии договорились — ошибок, допущенных при фор-

мировании первых ополченческих дивизий, не повторять, зачислять в строй преимущественно имеющих военную подготовку, знающих оружие, умеющих стрелять и бросать гранаты. МК и МГК предупредили райкомы партии, руководителей и партийные комитеты предприятий, что производственные задания в связи с записью добровольцев не только не должны снизиться, но необходимо сделать все, чтобы увеличить выпуск продукции и принять новые оборонные заказы. Поэтому следует сохранить нужные производственные кадры, привлечь на производство домохозяек, подростков, пенсионеров. Перед всеми партийными организациями и администрацией предприятий была поставлена задача превратить каждое предприятие в опорный пункт обороны.

На окраины города потянулись колонны москвичей с рюкзаками на плечах, с лопатами, ломами и киркомотыгами. По призыву партии к защите столицы готовились все — от мала до велика.

Один из соратников В. И. Ленина — Емельян Ярославский, обращаясь к членам московской партийной организации, говорил:

«Пусть большевики, члены партии и комсомольцы покажут в эти дни, какую великую силу воспитал Ленин и его партия, на какие подвиги они способны. У нас огромный запас сил в Москве и вокруг Москвы. Вся страна знает, что борьба за Москву — это борьба за наше великое дело. Страна шлет и будет слать новые пополнения, полные отваги, бесстрашия и презрения к смерти...»

Война вошла на московскую землю. Каждый москвич знал, что в этой гигантской схватке с лютым врагом можно только победить или умереть. Другого не дано. И он делал все для того, чтобы победить.

Запись добровольцев шла с большим патриотическим подъемом. К исходу дня 16 октября из МГК сообщили, что первый эшелон второго набора Московского ополчения численностью 12 тысяч человек полностью укомплектован, обмундирован, вооружен и готов к действию. Недостающее теплое зимнее обмундирование и обувь восполняются москвичами.

И вновь Москва отдавала своих лучших сынов. В ряды бойцов становились люди самых разных профессий, опыта и подготовки. Никто не хотел остаться в стороне в грозные часы опасности, нависшей над Отчизной и родным городом. Взяли в руки оружие ветераны революционных боев, кадровые рабочие, молодежь, студенты, деятели науки и искусства. Рабочий — стахановец Степанин и профессор Кошкин, возчик Чесноков и кинорежиссер Павлов, машинист поезда Дьячков и комсомолка Алла Агеева... Шли целыми семьями: отец, мать и сын Болдапо, участница гражданской войны, ворошиловский стрелок и сандружинница Гладкова-Богданова с 18-летней дочерью Октябрьной, вставшие на смену

погибшему на фронте мужу и отцу, машинист Галкин с сыном, участник гражданской войны Красотин с сыном — военным инструктором Осоавнахима на заводе, студентка педагогического института депутат Верховного Совета РСФСР Ена, дружинник 1905 года и красный партизан, коммунист И. М. Резниченко, участник гражданской войны старый рабочий 1-го ГПЗ И. Ф. Гриченко... Формировались целые подразделения из студентов и профессорско-преподавательского состава вузов. Пошли защищать Москву рядовыми бойцами доктор экономических наук профессор Войтинский, профессор Московского института нархозучета Петров, кандидат юридических наук Ровинский, профессор Корзникин, доцент кафедры философии Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б) Жидкова, директор школы, участник баррикадных боев 1905 года Монцель с женой и сыном, старый большевик Палкин с 16-летним сыном и проработавший 35 лет на 1-й ситце-набивной фабрике И. И. Болотин с двумя сыновьями и дочерью. Во главе подразделений становились уже испытанные в боях с врагами Герой Советского Союза Берендеев, награжденный орденом Ленина за отвагу в боях Посряков, военкомом батальона стал участник октябрьских боев 1917 года Богомолкин, записавшийся в батальон с женой и сыном. Получая оружие и становясь в боевой строй, все они клялись стоять насмерть, но врага к родной столице не допустить!

Среди ставших в ряды защитников столицы были и те, кто работал еще под непосредственным руководством великого Ленина, вместе с ним создавал партию, выполнял его особые поручения, такие, как член партии большевиков с 1905 года Н. М. Анцелович и член партии с 1914 года С. Г. Уралов, долгое время работавший в Коллегии ВЧК с Феликсом Эдмундовичем Дзержинским.

С первых же дней войны старых революционеров-ленинцев неудержимо потянуло в огонь борьбы, на фронт. Им отказывали по возрасту и здоровью. Но они не хотели с этим мириться. Сергей Герасимович Уралов все же добился своего и вступил в истребительный батальон, влившийся в 4-ю Московскую стрелковую дивизию. Здесь в должности секретаря дивизионной партийной комиссии он доблестно сражался под Москвой, на Северо-Западном и других фронтах.

Н. М. Анцеловичу после его настоятельных просьб, отправить на фронт рядовым бойцом было предложено остаться в резерве политсостава при Военном совете. Здесь он с исключительной энергией, инициативой и настойчивостью выполнял особые поручения Военного совета, проделал большую работу по изысканию и мобилизации ресурсов материально-технического обеспечения

дивизий народного ополчения. Но когда началось контрнаступление, все же с политотделом одной из таких дивизий он отбыл на фронт.

Вот такими были эти и многие другие большевики ленинской школы. Они шли туда, где была наибольшая опасность для Родины.

Об этих людях из старой ленинской гвардии нельзя говорить без волнения и преклонения перед их революционной страстностью, неисчерпаемой энергией, оптимизмом и несгибаемостью в борьбе. Не могу не сказать еще об одном из этой славной ленинской когорты — о Николае Ильиче Подвойском.

В своей анкете он сам точно определил свое призвание: «солдат революции». В этом весь Подвойский. Член большевистской партии с 1901 года, председатель военной организации большевиков и первый председатель Военно-революционного комитета Петрограда в 1917 году, один из руководителей Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде и организаторов Красной Армии, первый народный комиссар по военным и морским делам, непосредственный проводник указаний В. И. Ленина и линии партии на многих фронтах гражданской войны — таков краткий перечень дел Н. И. Подвойского в революционном движении и защите молодой Советской республики.

В мирные годы Подвойский возглавлял Всевобуч и Высший совет физкультуры, «Красный спортинтерн», вкладывая весь свой организаторский талант и энергию в подготовку молодого поколения к защите Отечества, к борьбе за укрепление интернациональных уз дружбы народов. Но подкралась болезнь, дали о себе знать многочисленные раны, полученные на баррикадах 1905 года, напряженный ответственный труд. В 1935 году Николай Ильич вынужден был оставить работу и уйти на пенсию. Но не уходило сердце в отставку у этого солдата революции — он продолжал отдавать остатки сил патриотическому воспитанию молодежи.

Но вот надвинулись грозные военные события. Родина в опасности! Возраст и болезнь лишили Подвойского возможности уйти на фронт, но его каждый день можно было видеть в гуще мобилизованных добровольцев, на фабриках и заводах. Горячим большевистским словом он зажигал сердца людей жгучей ненавистью к фашистским оккупантам, вдохновлял на борьбу, вселял веру в нашу неизбежную победу.

Наступил октябрь. Враг у ворот Москвы. Партия призывает всех на ее защиту. Встревожено и большое сердце Подвойского. Он идет в Краснопресненский райком партии, просит зачислить в коммунистический батальон, но ему поручают возглавить участок № 7 на строительстве оборонительного рубежа, отведенного

району. В качестве уполномоченного района Николай Ильич отдает все силы, энергию, опыт, и район успешно выполняет эту задачу.

Многие события тех далеких дней уже стерлись в памяти, их приходится восстанавливать по записям, по архивным документам, воспоминаниям свидетелей и участников. Но никогда не забудется чувство благодарности, которое испытывали мы с командующим к руководителям московских коммунистов за их действительную всестороннюю помощь в работе, понимание наших нужд и забот. А. С. Щербаков, Б. Н. Черноусов, заведующий военным отделом А. И. Чугунов каждодневно держали нас в курсе деятельности московских организаций, вместе с нами решали все вопросы по организации защиты столицы и Родины.

Дни совместной работы в Военном совете и МК особенно сблизили меня с А. С. Щербаковым и вызвали к нему особое уважение.

Если в первый месяц моей работы в округе наши встречи по были частыми, то с 5 октября они стали ежедневными и даже по несколько раз на день. Сначала при общении с ним я ощущал некоторую скованность, несмотря на то, что Александр Сергеевич не давал для этого никакого повода, а, наоборот, всячески стремился снять малейшее напряжение.

Постепенно, однако, теплое, дружелюбное отношение А. С. Щербакова ко мне и другим работникам округа растопило ледок сдержанности, и я стал видеть в нем умудренного жизнью старшего товарища по партии, с которым всегда можно свободно побеседовать, обсудить любой вопрос, не чувствуя с его стороны какого-либо давления своим положением и авторитетом.

Мне нравился стиль его работы. Приезжая, как правило, без специального предупреждения в штаб округа, он заходил в кабинет командующего или ко мне, приветливо здоровался, садился в кресло и после короткой беседы по интересующему его вопросу или информации о том, что делает московская организация и какие меры предпринимает ЦК в данное время, Щербаков предлагал мне продолжать работу, принимать людей, отдавать нужные распоряжения, а сам, не отвлекая внимания, прислушивался и присматривался ко всему происходящему в кабинете, пока ему позволяло время. Перед отъездом он обычно предлагал на минуту прервать прием и говорил мне о том, что вот по такому вопросу я принял такое-то решение, а не лучше ли было сделать так-то и так-то. Порой я отстаивал свои решения и, если делал это достаточно убедительно, Александр Сергеевич соглашался со мной. Но очень часто его замечания оказывались очень верными, логичными, и я немедленно их учитывал.

Так Щербаков повседневно вникал в деятельность Военного совета столичного округа и учил нас работать, предупреждал от возможных ошибок. Сложившаяся обстановка, органическое переплетение деятельности московских организаций и военных органов, направленной на решение единой задачи, еще больше сблизили нас и укрепили личную дружбу. Прибытия Щербакова в штаб МВО и МЗО я всегда ждал с большим нетерпением и старался извлечь из общения с этим замечательным человеком как можно больше пользы для себя как коммуниста, политработника, перенять лучшее, чем щедро был наделен этот сильный, красивый духовно политический деятель.

С московскими руководителями мы жили одними думами, тревогами и заботами. В тяжелые октябрьские дни председатель Московского совета В. П. Пронин работал с нами в повседневном тесном контакте. Меня поражало, как в этом небольшого роста человеке могла вместиться такая энергия, что ее хватало на то, чтобы в труднейших условиях поддерживать нормальную жизнь многомиллионного города, глубоко вникать во все оборонные мероприятия, изыскивать новые и новые возможности для расширения производства военной продукции.

Под стать ему был заместитель — Михаил Алексеевич Яснов. На него была возложена трудная задача — возглавить специальное Управление Моссовета по строительству оборонительных сооружений, непосредственно прикрывавших Москву. Своей организаторской хваткой, большим опытом хозяйствования, знанием инженерных кадров города и источников материальных средств он как-то сразу стал настоящим хозяином на строительстве, настойчиво добивался от работников штаба округа, особенно инженеров, чтобы они не теряли ни одного драгоценного часа при подготовке рекогносцировочных материалов, технической документации. Он знал как и умел опереться на организующую и мобилизующую силу коммунистов и комсомольцев, заряжал своей энергией всех, причастных к его делу, и задания нередко выполнялись в сроки, опережающие все мыслимые ранее.

Особенно тесным и повседневным был у меня контакт с заведующим военным отделом МГК А. С. Чугуновым, на котором лежала практическая сторона работы по осуществлению решений бюро МГК. Но он был не только исполнителем, но и большим организатором, глубоко вникавшим во все организационно-мобилизационные мероприятия округа, Московского горвоенкомата, держал под контролем оказание помощи раненым в госпиталях, существовавшие помогали округу устранять возникавшие заминки и быстро откликался на наши заявки о помощи.

Огромная заслуга в организации обороны столицы и в оргмоб-

мероприятиях округа по Московской области принадлежит также и председателю облисполкома П. С. Тарасову. Несколькo иного склада характера, чем Черноусов, Павел Сергеевич был могуч сложением, как и надлежит богатырям, нетороплив, рассудителен, вдумчив. С кем он не мог разговаривать спокойно, так только с людьми недобросовестно выполнявшими свой долг, не желавшими понимать всю сложность и опасность обстановки. Он не терпел инертности, промедлений при выполнении какого-либо задания или поручения, перекадывания «на завтра», когда можно и нужно было сделать сегодня, немедленно. Когда ему сообщали, что тот или иной район почему-то не справляется с выполненным заданием, он обычно отвечал:

— Сейчас разберусь и подправим.

И действительно, положение вскоре исправлялось. Облвоенком А. Е. Смирнов и начальник полготдела З. И. Комаров говорили мне, что только благодаря настойчивости и помощи обкома и облисполкома все задания Военного совета они выполняли в срок.

Вечером 15 октября было получено донесение коменданта Можайского укрепленного района, что передача участка и войск, его оборонявших, повому командиру 5-й армии Л. А. Говорову закончена и управление укрепленного района с рабочими батальонами отошло на реку Протву для возведения полевых укреплений. Мы получили возможность полностью сосредоточить свои силы на задачах Московской зоны обороны. За нами оставалось право при первой благоприятной возможности вывести из боя части Московской ПВО. С этими частями мы продолжали поддерживать связь, получать донесения, снабжать их боевыми средствами.

Новые осложнения на Можайском и Наро-Фоминском направлениях усилили угрозу столице. Александр Сергеевич Щербаков по телефону сообщил, что Центральный Комитет партии и Государственный Комитет Обороны приняли решение об эвакуации из Москвы некоторых учреждений и предприятий.

— Как это надо понимать? — спросил я.

— Только так, как решено. Из Москвы в Куйбышев надо эвакуировать часть партийных и правительственных учреждений, дипломатический корпус, а также вывезти на восток оставшиеся еще в городе и области крупные оборонные заводы, научные и культурные учреждения, — ответил Щербаков.

— Какие же руководящие органы остаются в Москве?

— Остаются почти в полном составе Политбюро ЦК, ГКО с необходимым аппаратом, Ставка Верховного Главнокомандования, основной оперативный состав Генерального штаба. В каждом наркомате остаются на месте оперативные группы во главе с пар-

номами. Московским организациям разрешено эвакуировать часть актива и документы с необходимыми техническими работниками.

— Когда начнется эвакуация?

— Без промедления, сегодня же. Сейчас я вызываю в МК секретарей райкомов, руководителей и секретарей парткомов предприятий и научных учреждений. Сможете ли вы с Артемьевым присутствовать?

— К сожалению, нет. Есть ряд весьма неотложных дел.

— Имейте в виду, что на нас с вами, то есть на московские организации и Военный совет, возложена огромная ответственность за организованность эвакуации и поддержание революционного порядка в городе. Продумайте ваши меры.

На этом разговор с Щербаковым закончился. Началась очень сложная по причинам не только и не столько техническим, но и психологическим, работа по проведению эвакуации.

День 16 октября оказался, как и следовало ожидать, очень трудным. Нарушился сложившийся режим жизни огромного города, находившегося к тому же на угрожаемом положении, возникли перебои в мобилизации населения на оборонительное строительство. Эвакуация несколько расстроила систему уже созданных, подготовленных и готовящихся отрядов и дружин второго эшелона защитников Москвы. Предстояло восстановить все это.

Несмотря на сложность и опасность ситуации, продолжали напряженную работу Политбюро ЦК, Государственный Комитет Оборона, Ставка Верховного Главнокомандования и Генеральный штаб. Решались вопросы колоссальной важности и значения для дальнейшего хода войны, судьба не только столицы, но и Родины: как остановить бешеный натиск врага и не допустить его к Москве, как в короткий срок демонтировать оборудование важнейших оборонных и народнохозяйственных предприятий, эвакуировать на восток и там ввести в действие; как организованно провести эвакуацию из угрожаемых районов населения, государственного и общественного имущества, разместить, накормить, включить в трудовую жизнь; как быстрыми темпами подготовить и подвести к фронту резервы и боевую материальную часть...

Большинство ответственных работников аппарата ЦК, парткоматов, Генерального штаба и Главного политуправления Красной Армии в эти дни выехали на места нового размещения промышленных предприятий, на важнейшие оборонные заводы, шахты, в тыловые округа. Сейчас там шла такая же упорная, настойчивая и героическая битва за то, чтобы давать для фронта максимум всего необходимого, и не по плану, не по ранее выданным заданиям, а по трудовой чести, по предельному напряжению сил и воли.

В гражданскую войну не раз над молодой Советской республикой нависала смертельная опасность. Враг стоял у стен Петрограда, занимал Урал и почти все Поволжье, подходил к Туле. Огненное кольцо, казалось, готово было удушить освободившийся народ, но народный гнев аккумулировался в заряд невиданной силы, и разряд его опрокидывал врага, рвал кольцо в клочья. Так будет и теперь.

Об этом шел разговор с начальниками отделов и управлений штабов МВО и МЗО. Однако положение оставалось настолько сложным и опасным, что Военный совет вынужден был выставить сильные заслоны на въездах в Москву, с севера, запада и юго-запада. Штабные работники под руководством генерала Кудряшова срочно разработали схему боевого расположения сформированных москвичами коммунистических и рабочих батальонов.

В 3 часа утра 16 октября в Красном зале Моссовета начальник Московского городского оборонительного рубежа генерал-майор С. Ф. Фролов отдал приказ командирам и комиссарам батальонов — не позднее исхода суток 17 октября занять оборону на ближних подступах к Москве.

С 6.00 командиры и комиссары рабочих и коммунистических батальонов выехали на рекогносцировку своих рубежей, а в батальонах проходило спешное довооружение, дообмундирование. По согласованию с соответствующими управлениями Наркомата обороны в эти батальоны была передана 81 танкетка и бронемашинна, в ряде батальонов были созданы артиллерийские противотанковые взводы и батареи, в достаточном количестве выданы противотанковые и ручные гранаты, бутылки с горючей смесью. Конечно, таких средств для успешной борьбы с танками было недостаточно, но они находились в руках людей мужественных и смелых, поклявшихся стоять насмерть, и эффективность этих средств удесят�ерялась.

Рядом с батальонами и ротами героического Московского ополчения развернули значительную часть истребительных батальонов города и области. В места еще недавнего отдыха москвичей, их увеселительных прогулок, спортивных игр и развлечения входила суровая военная жизнь. Завтра с утра там начнутся солдатские будни, требующие большой выносливости и мужества. Эти прекрасные уголки Подмосковья, словно морщины, избородят линии траншей, буграми поднимутся блиндажи, землянки, огневые позиции. Здесь раздадутся выстрелы, взрывы гранат, здесь будут готовить себя к беспощадному бою вчерашние студенты, ученые, рабочие, инженеры. Этим будут заниматься в районе Щукино — Покровско-Стрешнево батальон Куйбышевского района, в районе Кунцева — Киевского, Химок — Пролетарского, Ту-

шина — Коминтерновского, Ростокина — истребительный батальон капитана Марголина. И так по всему полукольцу ближайших подступов к Москве.

На рубеж выходило до 40 батальонов, и перед командованием во всей остроте встала задача: как обеспечить четкое и надежное руководство и управление ими при ненадежности проводной связи. Генерал Фролов, возглавлявший МПВО города, не мог одновременно управлять и батальонами. Нужно было переходить на стройную систему полевых войск и укрепить руководство. Обсудив различные кандидатуры, принимаем решение: командующим войсками оборонительного рубежа города Москвы назначить генерал-майора Д. В. Крамарчука¹, генерала Фролова оставить его заместителем. Тем же приказом оборонительный рубеж разделяется на три боевых участка. Крамарчуку предложено к 10.00 17 октября свести коммунистические и рабочие батальоны в два полка, истребительные — в четыре полка, малочисленные батальоны слить в полнокровные. Назначаемым начальникам и комиссарам боевых участков создать ячейки управления, установить с полками надежную связь.

И опять закипела работа в штабе, Политуправлении, управлении кадров. Подбирались командиры и комиссары полков, штабные командиры, собиралось необходимое имущество, изыскивались средства связи и управления, определялись и уточнялись границы боевых участков и полков, их боевые задачи.

А жизнь шла своим чередом. И дел, которыми занимались округ и штаб МЗО, все прибавлялось. Порой и самих нас удивляло, как же велик запас человеческих сил, и уже мы понимали по опыту, что израсходованное не предел, еще есть, должны быть запасы энергии, и их хватит, пока существует опасность. Чтобы как-то снять нервную напряженность работников штаба округа, начальнику штабного клуба М. Романовой было дано указание: при малейшей возможности демонстрировать кинокартины и устраивать концерты, благо мастера сцены, оставшиеся в Москве, с большой охотой дали на это свое согласие.

17, 18 и 19 октября положение на фронте продолжало осложняться, а эвакуация создавала ряд дополнительных трудностей.

¹ Генерал-майор Крамарчук Дмитрий Васильевич родился в 1898 году на Черниговщине, украинец, рабочий из крестьян. Член КПСС с 1926 года. Участник гражданской войны в войсках ВОХР, в боях против Деникина и бандитизма. Окончил Киевскую пехотную школу, Высшую пограничную школу и Военную академию им. М. В. Фрунзе. После гражданской войны служил в пограничных войсках и начальником Саратовского училища погранвойск. С началом Великой Отечественной войны командовал истребительными отрядами Москвы и Подмосковья и с этой должности был назначен командующим войсками обороны Москвы. Умер в 1945 году.

Хотя усилившиеся налеты на Москву вражеской авиации эффективно отражались нашими славными летчиками и зенитчиками ПВО, но частые воздушные тревоги не могли не сказаться на своевременном проведении ряда запланированных мероприятий. Это счастье, что у нас были такие люди — вошны и рабочие, способные, если надо, горы свернуть, не оглядываясь по сторонам, не пасуя перед трудностями и опасностями. Трудящиеся столицы деловито наращивали темпы демонтажа оборудования, его упаковки и погрузки. Удивительно четко, спокойно работали железнодорожники. На их долю выпала нелегкая задача, и, несмотря на усилившиеся налеты с воздуха на железнодорожные узлы, станции и перегоны, они успешно делали свое дело. Все эти советские люди понимали, что эвакуируемые на восток предприятия развернутся и будут ковать оружие победы.

19 октября. Вечернее сообщение Совинформбюро: «В течение 19 октября на всех направлениях фронта продолжались бои. Особенно упорные бои шли на Можайском и Малоярославском направлениях. Отбито несколько ожесточенных атак немецко-фашистских войск...»

Овладев Можайском, враг упорно пытался развить наступление, преодолеть героическое сопротивление 5-й армии. После оставления Малоярославца войска 43-й армии с боями отходили за реку Нару. Продолжались сильные атаки пехоты и танков противника на Волоколамском направлении. Попытка мотопехоты со 150 танками прорваться вдоль шоссе на Федосьино — Осташево успешно отражена. На участке 1075-го полка полковника И. Карпова подбито и сожжено более 20 танков. Несмотря на большие потери, с вводом в бой новых сил к исходу дня противнику все же удалось прорваться в район Осташево. Здесь дальнейшее продвижение его было приостановлено с помощью подошедших учебного батальона 316-й стрелковой дивизии под командой капитана Лысенко и артиллерийского противотанкового резерва командарма-16. Подбито 30 танков.

Принятые меры по поддержанию порядка и спокойствия в городе, видимо, принесли бы большие результаты, но усилившийся поток раненых с фронта, беженцев из западных районов Московской области, непривычные для глаза горожанина, а потому и пугающие табуны скота, перегоняемого по улицам города, вереницы тракторов, тянущих на прицепе комбайны и другие сельскохозяйственные орудия, — делали все наши усилия недостаточно эффективными. Обстановка требовала принятия к паникерам и распространителям ложных слухов уже других, более суровых мер военного времени. Однако права и возможности Военного совета были ограничены, и у нас назрела острая

необходимость поставить этот вопрос перед Государственным Комитетом Обороны.

Напряжение нарастало на всем фронте, но радостно было ощущать возрастающую силу сопротивления наших войск, перечеркивавших планы гитлеровцев на быстрое овладение нашей столицей. Темпы наступления врага с каждым днем неумолимо замедлялись.

И вот в это время, когда зримыми становились меняющиеся в нашу пользу соотношение сил, крепнущая оборона Москвы и растущая стойкость ее защитников, эвакуация части предприятий и учреждений, обывательские домыслы, а то и просто трусость отдельных людей породили провокационные слухи о якобы готовящейся сдаче Москвы. Их надо было немедленно и решительно пресечь. 17 октября по радиотрансляционной сети выступил А. С. Щербаков. Он не скрывал от москвичей нависшей угрозы, но твердо и решительно заявил от имени Центрального Комитета, Советского правительства, от имени Московского комитета партии — Москвы не сдадим! За Москву будем сражаться упорно, ожесточенно, до последней капли крови, всем советским народом, всей мощью нашего государства. Щербаков призвал москвичей, каждого, на каком бы посту он ни стоял, какую бы работу ни выполнял, стать бойцом армии, отстаивающей родной город от фашистских захватчиков.

Председатель Моссовета В. П. Пронин призвал жителей столицы к спокойствию и выдержке, к упорной работе по строительству укреплений вокруг Москвы и готовности защищать ее всеми доступными средствами.

Эти обращения внесли определенное успокоение в умы встревоженных было людей, а энергичные организационные и агитационно-пропагандистские мероприятия, проводимые в районах, а также меры, предпринятые начальником гарнизона, помогли навести порядок.

Но, как известно, всколыхнувшееся море не сразу успокаивается.

На осадном положении

Ночью 18 октября три члена Военного совета — П. А. Артёмьев, А. С. Щербаков и я — обстоятельно обсудили обстановку: враг занял Можайск и Малоярославец, подошел к Наро-Фоминску, тяжелые бои идут на реках Протве и Наре, оставлены Дотчино, Таруса, противник настойчиво рвется к Сер-

пухову и Алексину; выбить противника из Калпнина по удалось, на правом фланге 16-й армии противник вклинился в оборонительный рубеж; враг усилил воздушные палеты на столицу не только ночью, но и днем; в Москве все еще беспокойно.

Было принято два важных решения. Первое — обратиться к Государственному Комитету Оборона с просьбой о введении осадного положения в городе для укрепления тыла. И второе — все запасные стрелковые бригады, центры формирования спецчастей и запасные полки сосредоточены в районах Владимир — Горький — Чебоксары, поэтому целесообразно штаб Московского военного округа переместить в Горький, оставив в Москве при Военном совете лишь оперативную группу для связи с Центральными управлениями НКЮ и выполнения особых заданий Военного совета по организации обороны Москвы. Наделить отбывающих в Горький заместителя командующего генерала Н. П. Никольского и бригадного комиссара Ф. К. Прудникова правами членов Военного совета и просить Государственный Комитет Оборона ввести в состав Военного совета первого секретаря Горьковского обкома КПСС.

А. С. Щербаков должен был эти решения Военного совета доложить Центральному Комитету партии. Не знаю, успел ли Александр Сергеевич доложить, но поздно вечером примерно в 23 часа 19 октября Артемьев и меня срочно вызвали в Кремль на заседание Государственного Комитета Оборона. Еще в пути мы договорились: по какому бы делу нас ни вызывали, но вопрос о введении осадного положения надо обязательно поставить.

Поскребышев попросил нас немного подождать, быстро ушел в кабинет И. В. Сталина, тут же вернулся и пригласил нас пройти. Не скажу, что я без волнения переступил порог кабинета, где впервые в жизни лицом к лицу должен был встретиться с И. В. Сталиным и членами Государственного Комитета Оборона. Длинный стол, покрытый зеленым сукном. В конце его — маленький столик и кресло. В кабинете царил полная тишина, лишь слышались мягкие шаги Сталина, ходившего по ковровой дорожке с дымящейся трубкой. За столом сидели члены Государственного Комитета Оборона. Лица у всех были усталые. Видимо, до нашего прихода здесь шел долгий и серьезный разговор. Остановившись у дверей, мы, как положено, доложили о прибытии по вызову. И. В. Сталин, кивнув головой, сразу же задал вопрос:

— Каково положение в Москве?

— Положение тревожное. Необходим более строгий порядок эвакуации. Паникеры будоражат население, это может дезорганизовать жизнь города, — доложил Артемьев.

— Что предлагаете?

— Военный совет считает необходимым ввести в Москве и пригородах осадное положение,— ответил Артемьев.

— Правильно,— секунду подумав, сказал Сталин, как о деле давно решенном, и, обращаясь к Маленкову, предложил: — Пишите постановление Государственного Комитета Обороны,— а сам продолжал размеренно прохаживаться по кабинету.

Томительно тянулись минуты, пока Маленков писал постановление. Останавливался, задумывался и снова писал. Сталин стал нервничать, нетерпеливо поглядывая в сторону Маленкова, наконец подошел к нему и предложил зачитать написанное. И чем дальше читал Маленков, тем заметнее раздражался Сталин. Наконец, сказав довольно резкие слова Маленкову, взял из его рук исписанные листы, передал их А. С. Щербакову и предложил готовиться записывать.

Действительно, проект Маленкова страдал расплывчатостью, неопределенностью и мало напоминал документ, корепным образом меняющий положение и военных, и гражданских органов, ставящий население столицы в более суровые рамки военной необходимости.

Подойдя к сидевшему Щербакову, Сталин, отчеканивая каждое слово, стал диктовать. Потом обратился к нам:

— Кто комендант города? Справится ли он с новыми обязанностями?

— Генерал-майор Ревякин,— ответил Артемьев.— Опытный и добросовестный по работе, но характером недостаточно тверд.

— Не подойдет. Кого предлагаете?

Вопрос оказался для нас неожиданным. О замене коменданта гарнизона разговора в Военном совете не было.

— Сейчас предложить кандидатуру не можем,— доложил командующий,— разрешите подумать и сообщить дополнительно.

— Есть кандидатура,— сказал один из членов ГКО,— генерал-майор Сипплов. Он сейчас находится в Москве в резерве пограничных войск.

— Знаете ли вы Сипилова и ваше мнение? — обратился к нам Сталин.

— Сипплов нам известен как старый пограничник, командовал перед войной Мурманским пограничным округом, считался одним из опытных начальников, ничего более конкретного сказать не могу,— ответил Артемьев. В этом духе высказался и я.

Больше вопросов не последовало. Сталин продиктовал и этот пункт, где комендантом города Москвы назначался генерал-майор К. Р. Сипплов. Затем предложил Щербакову зачитать написанное.

В глубокой тишине сурово и торжественно звучали слова: «Сим объявляется, что оборона столицы на рубежах, отстоящих

на 100—120 километров западнее Москвы, поручена командующему Западным фронтом, генералу армии т. Жукову... Оборона города на его подступах возлагается на начальника гарнизона города Москвы... В целях тылового обеспечения обороны Москвы и укрепления тыла войск, защищающих Москву, а также в целях пресечения подрывной деятельности шпионов, диверсантов и других агентов немецкого фашизма Государственный Комитет Обороны постановил:

1. Ввести с 20 октября 1941 г. в городе Москве и прилегающих к городу районах осадное положение... Нарушителей порядка немедленно привлекать к ответственности с передачей суду Военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте...»

Слушая эти слова, я испытывал какое-то необычное напряжение. Не потому, что на Военный совет ложилась основная тяжесть осуществления всех мер, вытекающих из этого решения, а сама обстановка, в которой все это происходило, и сам факт, что такое решение принято Государственным Комитетом Обороны, действовали с особой силой. Ответственности мы не боялись и сами шли к ней, внося предложение на заседании ГКО.

Вывел меня из этого состояния вопрос, заданный Сталиным членам Государственного Комитета Обороны:

— Есть ли возражения и замечания? Согласны ли с таким текстом?

— Согласны, товарищ Сталин,— единодушно ответили присутствующие, и Сталин поставил под документом подпись.

— Не позднее пяти часов утра поместить во всех газетах, объявить по радиотрансляционной сети, расклеить по городу и в пригородах,— отдал И. В. Сталин распоряжение вызванному Покребышеву.

Нам было разрешено возвратиться в штаб. Ехали мы с Артемьевым и молчали. Слишком сильным было впечатление от всего услышанного. Лишь при въезде на Устьинский мост я спросил у него:

— А как ты думаешь, Павел Артемьевич, с чего начнем превращение в жизнь этого постановления?

— С наведения порядка в Москве,— ответил он.— Сил у нас прибавилось, теперь мы можем распорядиться и оперативными войсками НКВД, флотским экипажем НКВМФ и семи другими частями, которые до сих пор удерживались разными ведомствами. Подумаем, как по-новому организовать комендантскую службу. Ну, а главная задача — укрепить оборону города. Этими вопросами мы и займемся с тобой сейчас же.

С этого мы и начали, возвратившись в штаб. На разработку

организационных мер по осуществлению постановления ГКО ушла вся почва. Был вызван вновь назначенный комендант генерал-майор К. Р. Синилов. Выше среднего роста, крепкого телосложения, с крупными чертами лица, он произвел впечатление человека волевого. Долгая пограничная служба выработала в нем умение быстро схватывать обстановку, смело и решительно действовать. Ознакомив его с сутью постановления Государственного Комитета Обороны об осадном положении, спросили, как он мыслит действовать? Получили вполне удовлетворяющие ответы. Все это давало основание полагать, что Синилов с задачей по поддержанию порядка и спокойствия в городе справится.

Было решено организационно перестроить комендантскую службу, создать 20 районных комендатур в Москве, 9 — в пригородах и комендатуры в Подольске, Коломне, Серпухове, Ногинске, Раменском, Орехово-Зуеве, Загорске. На должности комендантов, военных комиссаров и в аппарат комендатур были назначены командиры и полкотрабтники с большим стажем и опытом. Отбирался они со всей тщательностью и даже придирчивостью. Ведь на плечи этих людей ложилась очень нелегкая задача поддержания строжайшего, можно сказать, железного порядка, спокойствия в столице и пригородах, а если потребуется — решение человеческих судеб. Ошибки и произвол в таком деле недопустимы. Поэтому каждый комендант и военком персонально утверждался Военным советом и предупреждался о его ответственности за каждое решение и действие.

Разрешив все вопросы с генералом Синиловым и пожелав ему успехов на новом посту, мы занялись с вызванными в Военный совет командирами дивизии особого назначения имени Ф. Э. Дзержинского генерал-майором М. П. Марченковым, 2-й дивизии оперативных войск НКВД полковником В. В. Лукашевым и дивизии внутренних войск генерал-майором П. П. Суцеским. С ними разговор шел о новом, что внесло постановление ГКО в наши взаимоотношения, о выполнении ими требований коменданта гарнизона. Марченков, Лукашев и Суцеский заверили: все, что потребуется, бойцы, командиры и полкотрабтники этих соединений выполнят с честью.

В последние дни на Можайском рубеже

17 и 18 октября были особенно тяжелыми и критическими для защитников Бородинского поля. Враг, озлобленный неудачами предыдущих дней и неожиданно стойким сопротивле-

нием оборонявшихся, буквально неистовствовал. В бой вводились крупные силы танков и пехоты; огненный смерч спарядов, мпн, авиабомб вздыбливал землю, рушил укрепления. А люди, наши советские бойцы, держались, яростно разили врага. Артемки, Утица, Крушино, Новая Деревня, Татарино, Семеновское, Бородино стали ареной ожесточенных схваток.

В этой неравной борьбе пали герои-артиллеристы противотанкового дивизиона, большинство зенитчиков. А перед их умолкшими позициями смято дымили 60 искалеченных вражеских танков, поле боя усеяли сотни трупов гитлеровцев. Целый день с невиданным упорством сражался в окружении батальон 17-го стрелкового полка, курсанты Военно-политического училища и отряд майора Воробьева. Ночью они совершили, казалось бы, невероятное — разорвали кольцо блокады и пробились к своим.

Противник прорывается к командному пункту командира 32-й стрелковой дивизии полковника Полосухица. В бой вступают командиры штаба, контратакуют, отбиваются всеми средствами. Но силы обороняющихся слабеют, в обороне образовались опасные бреши. Со стороны Вереи создается угроза удара с тыла и окружения тех, кто многократно умножил ратную славу Бородино. В этих условиях 18 октября командарм Л. А. Говоров отдал приказ — оставить Можайск.

Дорого достался врагу этот успех, а по существу, — поражение. Ибо победили наши беззаветно храбрые воины, те, что выстояли, уцелели в огне боев, и те, что пали на подмосковных рубежах, отвоевав столь жизненно важные для столицы дни. Пока они связывали противника боем, с востока прибывали сюда регулярные войска Красной Армии, чтобы сорвать планы врага.

В те дни предельно лаконичные донесения и сводки еще не отмечали имен героев шестидневного сражения на Бородинском поле. Но пройдет время, и все их имена, все до последнего, будут известны, а их слава не померкнет в веках.

Закончилась и боевая деятельность будущих политруков и комиссаров — курсантов Московского Краснознаменного Военно-политического училища им. В. И. Ленина. К сожалению, слишком скупы архивные документы о славных боевых делах курсантов, а в исторической и мемуарной литературе сообщается лишь о том, что они под Москвой сражались, но почти не раскрывается их роль и место в этом сражении. А курсанты достойны того, чтобы наряду с героической 32-й Краснознаменной стрелковой дивизией полковника В. И. Полосухина, танкистами, артиллеристами, мнометчиками они также были подняты на пьедестал славы и всенародного почета.

Автору посчастливилось разыскать и дополнительно получить ряд новых документов, встретиться с живыми участниками сражения на Бородинском поле, записать и критически осмыслить их рассказы, воспоминания, чтобы, насколько это возможно, полнее раскрыть совершенный ими подвиг, их боевой вклад в защиту нашей столицы па дальних подступах к ней.

Так, из доклада военкома сводного курсантского батальона старшего батальонного комиссара С. Черных 25 октября 1941 года на имя начальника политотдела 43-й армии мы узнаем, что сводный отряд Московского Краснознаменного Военно-политического училища им. В. И. Ленина, поднятый по тревоге в ночь с 5 на 6 октября, выступил в Можайский укрепленный район, имея в своем составе 7, 8 и часть 2-й роты курсантов общей численностью свыше 400 человек. На вооружении — винтовки, пять станковых пулеметов и более десятка ручных пулеметов Дегтярева. Командовал батальоном майор М. Т. Малыгин. Для характеристики обстановки на рубеже в первые два дня пребывания там батальона и задачах его не могу не привести приказ коменданта укрепрайона полковника С. И. Богданова от 7.X.41 г. за № 01. В нем говорилось:

«1. Появления мотомехчастей противника на рубеже 36-го УР (Можайском.— *К. Т.*) можно ожидать в любое время.

2. Справа и слева непосредственно действующих наших частей нет (имеется в виду лютневая связь с соседями.— *К. Т.*)...

3. 36-й УР приводится в боевую готовность с задачей не допустить прорыва танков и мотопехоты противника в Можайском направлении, подготавливая позиции предполья в полосе справа Бородино, Уварово, Дурыкино; слева — Знаменское, Некрасово. Передний край передовой позиции предполья Бобры, Некрасово.

...Готовность обороны к 17.00 7.X.41.

...Сводный курсантский батальон ВПУ им. Ленина с 2/27¹ запас. сп., двумя батареями 367-го полка ПТО, одной батареей 59-го ОЗАД² — оборонять район Фомкино, Рогачево, Ельня, искл. Знаменское, Артемки...»

Надеюсь, что читатель не будет в претензии к автору за столь пространное изложение приказа. Приводя его почти полностью, мне хотелось только подчеркнуть, сколь сложной и опасной была обстановка на центральном Можайском направлении под угрозой быстрого выдвижения танковых и моторизованных частей прорвавшегося противника и сколь неизмеримо сложной была задача

¹ 2/27 — это 2-й батальон 27-го запасного стрелкового полка.

² Отдельный зенитно-артиллерийский дивизион.

небольших сил укрепрайона — не допустить прорыва его через Можайский оборонительный рубеж, признанный решением Ставки ВГК стать главным в прикрытии Москвы. Других сил у команданта еще не было, на стыках с 35-м Волоколамским и 37-м Малоярославецким укрепрайонами существовали огромные разрывы, не занятые нашими частями. Перед главным оборонительным рубежом еще не успели оборудовать рубежи прикрытия (предполя), чтобы на них сдерживать врага, не позволить с ходу ворваться на главную линию обороны.

Отсюда и множественность задач, которые стояли перед курсантами: освоить и усовершенствовать боевые позиции; вести непрерывную разведку на удалении до 20—30 км перед передним краем оборонительного рубежа и службу боевого охранения; выставлять контрольные посты для задержания всех неорганизованных отходящих с запада военнослужащих; отводить отходящие тылы Западного и Резервного фронтов и населенные с шоссе и из города Можайска в сторону и на проселочные дороги. И, наконец, вместе с курсантами роты Московского военно-инженерного училища действовать в составе отрядов заграждения на путях возможного движения танков и мотопехоты противника к оборонительному рубежу. Все эти боевые задачи курсанты выполняли под ежедневными многократными бомбежками и обстрелом с самолетов неприятеля.

Первыми боевое крещение приняли курсанты, действовавшие 10 октября в отряде прикрытия вместе с подразделением подошедшей 18-й танковой бригады. Юго-восточнее Гжатска они столкнулись с танками и мотопехотой головных частей врага. Бой был напряженным и упорным, но подавляющее превосходство противника, открытые фланги вынудили отряд отойти, задержав продвижение врага на несколько часов. И это было большим успехом, когда на счету был каждый час.

Тревожным набатом звучали слова приказа № 02 от 12.X.41 г. начальника Можайского боевого участка (б. Можайский УР): «В течение 10—11.X.41 г. части пехоты, танков, артиллерии вели бой с нашими частями в Гжатске. Появление передовых частей противника перед главной оборонительной полосой надо ожидать во второй половине дня 12.X и наступления главных сил с рассветом 13.X»¹.

Наступали дни и часы самых грозных и тяжелых испытаний для курсантов. Все они были молоды, подавляющее большинство — коммунисты и комсомольцы, москвичи, бывшие работники райкомов партии и комсомола, профсоюзных органов, руководящие работники предприятий, культурно-просветительных учреж-

¹ Архив МО СССР, ф. М30, оп. 14158, д. 35, л. 4--6.

дений, художники. В сердцах молодых патриотов Родины кипела жгучая ненависть к фашистским захватчикам. Они жили одной готовностью — в сражении не посрамить чести и славы комиссаров, быть достойными их наследниками.

12 октября курсантский батальон был передан в подчинение командира 17-го стрелкового полка 32-й дивизии и занимал оборону на ее левом фланге южнее Минской автострады в районе населенных пунктов Юдишки — Каржень. За день курсанты отразили несколько попыток разведывательных отрядов противника проникнуть в глубину нашей обороны. 13 октября с утра до вечера немецко-фашистская авиация группами самолетов наносила бомбовые удары по переднему краю рубежа обороны и по дорогам, ведущим к нему. По активности авиации и наземной разведки было совершенно очевидным, что это преддверие решительного наступления.

Один из таких крупных разведотрядов с танками после усиленной обработки авиацией нашей обороны в районе деревни Ельня попытался прорваться через оборонительные позиции, но плотным огнем артиллерии, пулеметов и винтовок курсантского боевого охранения был рассеян и отброшен. Попытки врага ударами авиации деморализовать, подавить курсантов провалились. Курсанты стойко выдержали это, по существу, первое, наиболее сильное испытание.

Поздно вечером в батальоне состоялось партийное собрание. Обсуждался один вопрос: «Не пропустим врага к Москве!» Выступавшие: парторг А. В. Шнегун, коммунисты А. С. Санфилов, И. А. Морозов, И. Д. Гавриков, Г. С. Лобашев, А. А. Кулагин, Н. Г. Мароков, Е. Е. Хомутов, В. И. Бочков, А. С. Гаврин и другие поклялись драться с врагом до последней капли крови, но через рубеж не пропустить. Все единодушно поддержали их призыв, ставший теперь партийным решением, клятвой верности.

С рассветом 14 октября настал час выполнения клятвы. Противник перешел в решительное наступление на всем участке обороны Бородинского поля. На позиции курсантов сперва обрушились мощный артиллерийско-минометный огонь, удары с воздуха, а затем перешли в атаку танки и пехота. Их встретили дружным огнем из всех видов оружия. Неся потери, враг упорно наседавал. Пошли в ход ручные гранаты, бутылки с горючей смесью, местами — штыки и приклады. Пытаясь перекрыть грохот пушек и бомб, фашисты иступленно кричали в рупор: «Комиссары, сдавайтесь! Москва — капут!» Но в ответ еще яростнее гремели залпы.

Ряды курсантов редели. Превосходство врага в силах и средствах вынудило их отойти к Артемкам и Кромину, где упорной

обороной они должны были задержать дальнейшее продвижение противника. Полковник Полосухин и генерал Лелюшенко организовали прикрытые отхода курсантов огнем артиллерии и реактивных минометов, помогли им удержаться на новом рубеже.

Враг пытался на плечах отходивших преодолеть противотанковый ров и овладеть Артемками, но в едином порыве поднялись навстречу ему курсанты 8-й роты под командой старшего лейтенанта И. П. Шевцова. Фашисты были ошеломлены такой решительностью и, не приняв штыкового боя, начали отходить к лесу, преследуемые героями-курсантами и бойцами батальона 17-го полка, поддержанными артиллеристами 154-го полка.

Дневной штурм Артемок и попытка овладеть противотанковым рвом также кончились для гитлеровцев неудачей. Задержка на этом направлении нарушала планы командования 40-го моторизованного корпуса. Командир 10-й танковой дивизии не выполнил приказа и, боясь гнева фюрера, решил возобновить атаки с наступлением темноты, обрушив на позиции сводного отряда майора Воробьева и комиссара — секретаря парткомиссии 32-й дивизии — батальонного комиссара Я. И. Ефимова (в который вошли подразделения курсантов) сильный артиллерийско-минометный и гранатометный огонь, ливень трассирующих пуль, освещающая поле боя сотнями ракет. И вновь истошный крик в руины: «Комиссары, сдавайтесь! Москва — капут!»

Но ничто не могло сломить волю и устрашить курсантов, все это лишь еще больше разжигало благородную ярость, укрепляло мужество и стойкость. Вместе с бойцами-хасановцами, артиллеристами, танкистами и минометчиками они героически отразили эту и еще две попытки врага овладеть противотанковым рвом, сорвав тем самым его намерение с юга прорваться к центру Бородинского поля.

В этом бою курсанты В. В. Шагов, Г. П. Рошня, Г. С. Лобашев, парторг А. В. Шиегин из ручных пулеметов уничтожили свыше тридцати гитлеровцев; А. И. Никифоров, Е. Н. Кряжевских, Н. Г. Мароков подползли к позиции станкового пулемета и забросали его гранатами.

14 октября батальон передал обороняемые доты артиллеристам и получил от командира дивизии Полосухина ответственную боевую задачу — ночной атакой выбить противника из деревни Алексенки и нанести удар по сосредоточившемуся врагу в деревне Фомино. После тщательной и успешной разведки, произведенной курсантами В. И. Бочковым, А. С. Гавриным, А. С. Дещенко, Г. С. Лобашевым, В. А. Филатовым, К. С. Смиртюковым и другими во главе с командиром взвода лейтенантом А. Ф. Козиным, 7-я рота капитана А. П. Бородина и 8-я рота старшего лейтенанта

И. П. Шевцова к 24.00 бесшумно вплотную подошли к деревне и по сигналу с командного пункта батальона с двух сторон ворвались в деревню. Схватка была жаркой и победной: уничтожены десятки гитлеровцев, 5 станковых пулеметов, 2 трактора, 3 походных кухни, несколько автомашин, выведено из строя 4 противотанковых орудия.

В этом ночном бою отличились курсанты В. П. Лобанков, уничтоживший до десятка гитлеровцев; А. С. Дещенко, взорвавший гранатами бензовоз и трактор; А. В. Шпечик, А. С. Сапфиров, П. С. Литвиненко — уничтожившие два пулеметных расчета, И. Морозов и многие другие: капитан А. П. Бородин, лично уничтоживший более десяти фашистов, двух офицеров и фельдфебеля. Однако многочисленный враг все же пришел в себя и организовал сопротивление, перешедшее в яростные атаки. Курсантам было приказано отходить в район деревни Юдкинки, отбиваясь от наседавшего врага. В этом ночном бою смертью храбрых пали командир взвода лейтенант А. Ф. Козин, младший командир С. М. Зенин, командир 8-й роты старший лейтенант И. П. Шевцов, курсант Захаров и многие другие. Более 20 человек было ранено.

Особенно тяжело переживали курсанты гибель командира 7-й роты капитана А. П. Бородина. Прекрасную и очень верную характеристику Бородину дал бывший курсант А. С. Гаврин. В присланных мне своих воспоминаниях он пишет: «Капитана Бородина мы впервые увидели в Московском военно-политическом училище им. В. И. Ленина. Он был командиром нашей роты. Красивый, статный, безукоризненной выправки, он личным примером учил, каким должен быть советский командир, политработник, воин. Мы, курсанты, были просто влюблены в него. Не думайте, что он был такой уж добрый и что при нем нам жилось вольготню. Ничего подобного! Труднее, чем нам, вряд ли было в каком другом подразделении. Алексей Петрович был строгий и требовательный, ни в чем не давал спуска. Занятия проводил на пределе, в обстановке, приближенной к боевой. И всюду он успевал. Все видел. Все знал... В критический момент боя курсанты залегли и вдруг услышали ровный голос капитана: «Почему залегли? Разве этому учил вас Бородин? За мной, вперед!»

Стреляя и забрасывая гранатами врага, Бородин устремился вперед... Ожесточенный бой длился несколько часов. В какое-то мгновение мы даже понять не успели, как все произошло, — капитан Бородин упал, будто споткнулся. Первым подбежал к нему курсант Иван Морозов. Приподнял он голову Алексея Петровича, прижал к груди, но тот уже был мертв. И сказал тогда свою клятву Иван Морозов: «Сколько буду жить, столько

буду помнить капитана Бородина. Большой души был человек. Я многому научился у него. И буду жить и бороться, как жил и боролся наш командир».

Автору стала известной и судьба Ивана Морозова, героя-коммуниста. В последующих боях на Бородинском поле, сражаясь в окружении и прорываясь через кольцо врага, он крепко держал свою клятву. В 1942 г. он в качестве уже политрука роты в 112-й стрелковой дивизии сибиряков, как и его побратимы на Бородинском поле А. С. Гаврин и Николай Одинцов, в жестоких боях сдерживал натиск гитлеровских полчищ, рвавшихся к Сталинграду. В напряженном бою с танками и пехотой Морозов был тяжело ранен, эвакуироваться отказался, и, когда увидел, что его рота начала пятиться назад, он, преодолевая боль, напрягая последние силы, поднялся и, призывая бойцов: «Вперед, бить врага беспощадно!» — увлек их. Атака врага была отражена, но вторая пуля, попавшая в грудь политрука Морозова, оказалась смертельной. Так до конца своей жизни Иван Морозов был верен своей клятве, данной в час героической смерти любимого командира А. П. Бородина на Бородинском поле в октябре 1941 года.

...Эпизодом в Фомино еще не закончились испытания курсантов на верность партии и Родине. В начале этой главы говорилось о критических днях 17—18 октября на Бородинском поле, о борьбе не на жизнь, а на смерть его защитников, в том числе и курсантов ВПУ им. Ленина. В настоящем втором издании книги есть возможность привести некоторые дополнительные данные, почерпнутые из документов архива и воспоминаний живых свидетелей и участников этого сражения.

После боя за Фомино несколько часов отдыха были использованы для приведения рядов в порядок, назначения командиров вместо выбывших, пополнения боеприпасами. И вот новое, не менее ответственное задание командования: уничтожить гитлеровскую часть со штабом, прорвавшуюся в Сивково и угрожающую перерезать Минское и Можайское шоссе восточнее Можайска. Разведгруппа во главе с парторгом батальона А. В. Шиегиным в составе курсантов Е. Е. Хомутова, А. С. Якушева, Б. П. Лобанкова, В. Н. Шагова, А. И. Никифорова, Д. М. Самородова, М. Б. Ахламазова, А. А. Кулагина, А. С. Гаврина и других тщательно разведала подходы к селу, расположение охранения противника, огневых средств, что позволило командиру батальона М. Т. Малыгину принять четкое решение на проведение боя: совершив ночной марш по лесу, к 6.00 19.X батальон скрыто вышел на исходный рубеж; группа захвата, в которой были курсанты В. Шеклаков, М. Белов, Н. Хрипач и другие, — успешно и бесшумно ликвидировала боевое охранение противника и захватила траншею

перед селом; 8-я рота имела задачу атаковать центр села, захватить полевую радиостанцию, разгромить штаб, захватить документы; 7-я — атаковать со стороны реки Жмуть школу, церковь и стоянку автомашин. Атака началась в 6.00, в село ворвались внезапно. Группа под командой командира взвода Г. С. Лобашева, в которую входили курсанты Морозов, Санфиоров, Абрамов, Филатов, Кряжевских, Медведев и другие, атаковала дом, где размещался штаб. Из пяти офицеров, находившихся там, трое подняли руки, четвертый выстрелом из револьвера успел ранить курсанта Крапивского, но был тут же уничтожен командиром группы, а пятый из-за печки выстрелил по лампе. В наступившей темноте офицеры открыли стрельбу, пришлось бросить гранату. В результате схватки два офицера были убиты, два ранены, один пытался спастись бегством, но его настигла меткая пуля курсанта Медведева.

В штабе были взяты портфель с топографическими картами и ценными боевыми документами, несколько железных крестов и медалей. Курсанты подорвали автомашину с радиостанцией.

Выстрелы в штабе встревожили гитлеровцев. Танк, стоявший у магазина, открыл огонь, затем затрещали автоматные и пулеметные очереди из окон школы, домов. Бой разгорался. 1-й взвод 8-й роты, обходя очаги сопротивления дворами, забросал гранатами гитлеровцев, укрывавшихся за танком, и повредил танк, 7-я рота уничтожила два пулеметных расчета в школе, а затем началась героическая борьба за дома, в которых оказывали сопротивление засевшие там фашисты. Курсанты М. Б. Ахламазов, Д. И. Хатченков и А. С. Гаврин атаковали большой дом, в котором находилось до полутора десятков фашистов, отказавшихся сложить оружие. Тогда кто-то из курсантов крикнул: «Если враг не сдается, его уничтожают!» — и метко брошенные в окна гранаты довершили дело: 5 было убито, 4 ранено, а остальные выскочили на улицу с поднятыми руками...

...Бой все ожесточался. Враг хлестал пулеметными и автоматными очередями с чердаков, из-за углов построек, но выбитый из домов попадал под рвущий винтовочный огонь или штыковые удары курсантов, среди других отличился В. Сытин, А. Гаврия, В. Шеклонов, Ф. Широков, К. Устюжанин, М. Шнигаренко.

Когда казалось, что бой уже подходил к успешному концу, неожиданно на улицы села ворвалось 5 вражеских танков, из соседней деревни обрушился огонь минометов и орудий, а в тылу 7-й роты появилась большая группа пехотинцев, брошенная из Артемок и Алексняки. Батальон занял круговую оборону, 8-я рота вступила в бой с танками и следовавшими за ними автоматчиками. 2 танка удалось подбить, но натиск врага усиливался.

Командир батальона отдал приказ на выход из боя, на прорыв кольца окружения. Противник огнем из танков и пулеметов пытался отсечь путь отхода, но курсанты разорвали кольцо окружения и ушли в лес к обусловленному месту сбора. Отход прикрывал 1-й взвод 8-й роты, от стойкости которого зависела участь всех остальных. Это прекрасно понимал комбат Малыгин и сам остался во главе взвода. Для него был священен закон коммуниста — быть там, где всего труднее, где решается судьба боя. И взвод, равняясь на мужественного командира, успешно выполнил задачу.

В бою за Спвково батальон уничтожил 8 автомашин, около 30 мотоциклов, 3 пулеметных расчета с пулеметами, подбил 3 танка, уничтожил и рапил свыше 80 гитлеровцев, разгромил штаб полка, захватил очень важные боевые документы, но и сам понес большие потери. Погибли многие командиры в 7-й и 8-й ротах, пали смертью храбрых коммунисты Н. М. Медведев, В. И. Бочков, С. И. Иванов, Кузин, Зенин.

Тяжелой потерей для курсантов была гибель замечательного командира — коммуниста майора Михаила Тимофеевича Малыгина, оставшегося со взводом прикрытия. Он организовал и возглавил заслон на пути врага, ценой своей жизни помог сохранить жизни своих молодых товарищей по боевому строю. В архивном документе о Михаиле Малыгине сказано скупое: «...Год рождения — 1902, член ВКП(б) с 1938 года, образование — неполное среднее, военное — курсы командного состава в 1923 г., повторные курсы ком. состава — 1925 г. Национальность — русский. Место рождения — Смоленск. В должности командира батальона ВПУ им. Ленина с 17.XII.38 г.».

Вот и все. А ведь за плечами этого мужественного командира была большая жизнь: гражданская война, становление армии в мирный период, большой и благородный труд по подготовке кадров политработников. На последнем этапе своей жизни в течение 10—12 дней сражения на славном Бородинском поле Михаил Тимофеевич проявил себя отважным и высокоподготовленным командиром, неспясаемым коммунистом, глубоко понимавшим всю ответственность перед Родиной и партией. И он отдал все, даже жизнь, выполняя свой воинский и партийный долг.

5 октября, когда курсанты узнали, что поведет их в бой майор Малыгин, один из них в своих воспоминаниях записал: «...майор Малыгин был опытным военачальником, уравновешенным, добродушным, доступным каждому курсанту. И мы по первому его слову готовы были горы свернуть...» И это были не только высокие слова. В дни тяжелых испытаний на Бородинском поле они стали героической былью, одним из великого множества примеров авангардной роли коммунистов в бою.

В то время, когда курсантский батальон вел тяжелый бой в Фомино и Сивково, на Бородинском поле и под Можайском наступили критические часы. Генерал Л. А. Говоров доносил командующему фронтом: «...17 октября противнику удалось прорваться на ст. Бородино и далее через село Татарино выйти на Можайскую дорогу. Некоторое время бои велись непосредственно у Можайска на шоссе, но к исходу 18. X части противника ворвались в Можайск и через его южную окраину устремились на юг, к магистрали Мпнск — Москва».

К исходу суток враг овладел Б. Соколово, Чертаново, Лыткино, Борисово (на западном берегу реки Протва юго-восточнее Можайска) и вышел по автомагистрали к Можайскому шоссе западнее Пушкино.

В кольце врага оказались остатки 3-го батальона 17-го полка и отряда Воробьева. К ним и присоединились курсанты. Командир объединенного отряда Воробьев и комиссар Ефимов приняли решение прорваться в районе села Борисово через Протву и соединиться с отошедшими на восточный берег реки основными подразделениями 17-го полка и танковой бригады. Подойдя ночью к Борисово, отряд был встречен пулеметно-автоматным огнем гитлеровцев, но натиск наших воинов был настолько сильным, что враг не выдержал. В этом значительную роль сыграли решительные до дерзости действия старшины 8-й курсантской роты П. И. Осипова, который имел в подчинении всего 12—15 человек, обратив в бегство большую группу противника, прикрывавшую вход в село с запада, забросали гранатами окна окраинных домов, где располагались гитлеровцы.

Воспользовавшись замешательством врага и возникшей паникой, отряд прорвался через село, переправился через Протву и соединился со своими частями.

В этом бою пал смертью героя находившийся в рядах объединенного отряда еще один верный сын партии, мужественный солдат-коммунист боевой комиссар 17-го полка им. М. В. Фрунзе полковой комиссар Г. М. Михайлов. 17-й полк 32-й стрелковой дивизии сыграл огромную роль в сражении на Бородинском поле. На его долю выпала наиболее трудная задача — сражаться в центре боевого построения, на главном направлении удара врага. Именно здесь завязывались наиболее ожесточенные схватки, фашисты осуществляли прорывы, сжимали горстку храбрецов в кольцо окружения. Но 17-й полк отстоял честь своего боевого знамени, имя выдающегося пролетарского полководца и верного соратника В. И. Ленина — Михаила Васильевича Фрунзе. Комиссар Михайлов был достойным продолжателем дела ленинских комиссаров, всегда был там, где всего труднее, где назревала наибольшая

опасность, где нужны были вдохновляющее большевистское слово и личный пример. В этом последнем для него, небывало трудном бою он плечом к плечу со столь же мужественным комиссаром отряда Я. П. Ефимовым шел в первой шеренге бойцов, воодушевлял их на подвиг. И вопны отряда совершили почти невозможное — вырвались из плотных тисков многократно превосходящего по силам противника.

...К сожалению, в те трудные военные дни осени 1941 года у командиров и политработников мало оставалось времени для составления подробных репортажей о событиях дня, подвигах своих бойцов. Большинство сохранившихся боевых и политических донесений составлялись спешно, весьма лаконично, без подробностей, но которым можно было бы восстановить образ героев, время, место, характер совершенного подвига и ожесточенность боя.

Да, многие бесценные факты безвозвратно потеряны, как из-за сложности обстановки, так и из-за недооценки таких документов: тогда никто не думал о том, что это потребуется для написания одного из самых ярких фрагментов истории великой битвы с фашистскими полчищами.

В этой неравной и по-своему беспримерной схватке курсантов с врагом, когда речь шла о судьбе столицы нашей Родины, не было ни лучших, ни худших, отличились все ее участники. 14 из них комиссаром батальона были представлены Военному совету Западного фронта к правительственным наградам.

Военный совет Западного фронта прекрасно понимал значение совершенного курсантами подвига и, независимо от скупости репортажей своим приказом № 0136 от 27 февраля 1942 года, наградил их орденами и медалями.

...Затем военная судьба вновь повела курсантов по трудным фронтовым дорогам. После окончания в декабре 1941 г. обучения многие герои Бородинского сражения из батальона Малыгина, теперь уже младшие политруки и политруки, получили назначение в формируемые в Новосибирской и Омской областях 312-ю и 112-ю стрелковые дивизии, 146-ю курсантскую бригаду. В них А. С. Гаврилин стал политруком саперной роты отдельного батальона; П. И. Семененко — комиссаром отдельной зенитной батареи; М. Я. Шинкаренко — политруком роты противотанковых ружей; Н. И. Хрипач — политруком минометной роты; Г. П. Либман — помощником начальника политотдела дивизии по комсомолу; П. В. Макаров — инструктором политотдела дивизии; В. Н. Корнеев — комиссаром отдельной автороты; Б. В. Филимонов — комиссаром батареи отдельного противотанкового дивизиона; М. Белов — инструктором политотдела дивизии; В. Шекланов — начальником клуба при политотделе дивизии; А. И. Никифоров — политруком

роты связи. Е. Н. Кряжевских впоследствии стал командиром батальона десантников и войну закончил в Праге.

Закалка и боевой опыт, полученные в сражении под Москвой, позволили им сразу же найти свое место в боевом строю, завоевать авторитет и признание бойцов. Но еще долгими и трудными дорогами будут идти они к заветной цели — дню победы, мучать и закаляться в битвах под Сталинградом, на Курской дуге, в сражениях на Днестре, Днестре и Висле, в Заполярье и Прибалтике, в великом освободительном походе. Все они — и погибшие, и живые — были верными сынами партии, бесстрашными комиссарами, командирами и политработниками, с достоинством и честью выполнившими свой солдатский долг.

Так же самоотверженно, с высокой ответственностью за порученное дело трудились и трудятся сейчас, в мирные годы, бывшие бойцы героического курсангского батальона. Скажу коротко о некоторых из них. В. А. Филатов занимает пост секретаря Новосибирского обкома КПСС; Е. Е. Хомутов — заместитель председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, там же работает начальником отдела Н. Г. Мароков; А. С. Гаврин руководит отделом в одной из проектных организаций в Москве; Е. Н. Кряжевских, А. И. Никифоров, Г. С. Лобашев служат в органах КГБ и МВД; Д. М. Самородов — в издательстве «Металлургия»; К. С. Смиртюков — инженер автозавода им. Лихачева; В. С. Монахов — в Министерстве финансов СССР; Д. И. Хатчепков — старшим инженером в Министерстве электропромышленности СССР; А. А. Кулагин стал художником.

Это и к ним были обращены теплые слова приветствия и благодарности, произнесенные с трибуны XXIV съезда партии Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым. Это и им, от имени всей нашей партии, горячо и взволнованно аплодировали делегаты съезда, выражая ветеранам войны чувство благодарности за совершенный боевой подвиг и за честный бескорыстный труд во славу и могущество нашей Родины.

Мы рассказали еще об одной малоисследованной странице великой битвы за родную Москву. Рассказали кратко. Но и сказанное здесь дает известное представление о трудности и сложности борьбы с вражеской бронированной армией на Бородинском поле. И в том, что противник здесь получил неожиданный для него отпор, что был не только задержан на 8—10 дней, но и понес серьезные потери, что был сорван его план безостановочного движения к Москве, — во всем этом есть немалая заслуга курсантов Московского военно-политического училища имени В. И. Ленина.

Малоярославецкий рубеж. С утра 17 октября на район Ильинское и севернее, где оборонялся 2-й курсантский батальон с артиллеристами, враг обрушил сильный артиллерийско-минометный огонь и бомбовый удар авиации. Стонала земля, дым и пыль застилали горизонт. Прямыми попаданиями вражеских снарядов и авиабомб разрушено шесть дотов, их расчеты погибли. После 12.00 пехота противника с танками предприняла атаку, но огнем артиллеристов, пулеметчиков, гранатами курсантов и бойцов артиллерийско-пулеметного батальона атака была отбита. В 16.00 с еще большим остервенением враг возобновил атаку, предпослав ей новый удар артиллерии и авиации. Ему удалось прорваться на левом фланге 2-го батальона, подойти к командному пункту начальника Подольского пехотного училища, 8-я рота была окружена. Командиры штаба и курсанты в неравной борьбе отразили атаку на командный пункт, уничтожив восемь танков и две автомашины; рота продолжала удерживать свои позиции, отбиваясь от наседавшего со всех сторон противника. Защитники дотов вынуждены были экономно расходовать боеприпасы, вода вскипала в кожухах пулеметов, но их огонь метко разил каждого, кто осмеливался приблизиться. И вот настали критические минуты. Взбешенный враг подвел к дотам на дистанцию 50—70 метров танки, и они в упор открыли огонь по амбразурам. Одно за другим рушились укрепления, превращаясь в братские могилы героев, до последней минуты своей жизни веро служивших своей Родине.

...Начальник училища принимал все возможные меры, чтобы оказать помощь 8-й роте. Брошенные в контратаку два взвода 5-й роты были встречены вражескими танками и успеха не добились. К почти положению на этом участке сложилось весьма тяжелое. Удерживала свои позиции только 5-я рота с гарнизоном командного пункта.

О положении на участке центрального сектора Малоярославецкого рубежа к исходу 17 октября генерал Смирнов доложил командарму-43: «Вот уже 12 дней Подольское пехотное училище обороняет данную ему полосу, имея громадные потери в людском и материальном отношении... Из посланного командованием 43-й армии 12-го сп. пришел один 3-й батальон, из которого после боя с противником осталось около 100 человек, остальные два батальона ведут бой в районе Черкасово... Левый фланг от Ильинское до Б.-Шубинка в руках противника. Правый фланг от Лукьяново до шоссе Ильинское обороняют 60 человек, занимая тыловые дзоты. Противник с утра сегодня концентрирует танки, артиллерию, до полка мотопехоты с целью бросить по шоссе на Малоярославец. Мои резервы исчерпаны...»

Генерал Смирнов не предлагал оставить позиции, верил, что его курсанты, если это нужно Родипе, будут сражаться до последнего дыхания, но просил только быстрее подослать подкрепление и снаряды к 152 мм пушкам, чтобы было кому и чем сдерживать натиск врага.

Просьба генерала Смирнова должным образом была воспринята командармом.

С утра 18 октября противник 15 танками и пехотой обрушился на левый фланг 5-й роты. До 16 часов дня длился напряженный бой. Противник прорвался в совхоз «Кудиново» и в деревню Замыцкая, окружил остатки 5-й роты, изолировав гарнизон командного пункта. Связь с артиллерией была прервана, один дивизион 517-го гаубичного полка вынужден был вести самооборону и в неравной борьбе расчеты героически погибли. Вокруг командного пункта шла жестокая схватка сводного взвода из бойцов и командного состава разных частей. До 17 часов они стойко отбивали все атаки, но затем вынуждены были отойти, и всю тяжесть неравной борьбы принял на себя личный состав командного пункта. Ему удалось прорваться и присоединиться к 5-й роте, которая, оставив доты, заняла круговую оборону на открытых позициях. Начальник училища Смирнов из остатков 5-й роты и двух рот 305-го пулеметного батальона организовал оборону в районе деревни Лукьяново (в 2 км северо-восточнее Ильинского), а затем отвел бойцов в район Рылово (в 12 км северо-западнее Малоярославца) в расположение командного пункта 108-го запасного полка. Здесь остатки личного состава училища были переданы в подчинение командира 53-й дивизии и получили приказ к утру 19 октября отойти на рубеж Коненково — Заболотье. Силы оборонявшихся были истощены и по приказу командарма-43 Малоярославец был оставлен.

Примерно так же развивались события южнее Малоярославца, под Детчино. Командир и комиссар 4-го курсантского батальона сообщали, что 16—17 октября 14-я рота курсантов, оборонявшая деревню Савишова и высоту западнее ее, отражала упорные атаки до полка пехоты дивизии «СС» с танками. С большими потерями врагу удалось ворваться в деревню, но здесь он попал под интенсивный огонь пулемета и винтовок группы курсантов, укрепившихся в одном из домов. Попытки фашистов захватить их живыми не удалось, и, понеся потери, враг вынужден был отойти и укрыться за строениями. В ход были пущены зажигательные пули, дом загорелся, но герои продолжали мужественно сражаться. Напрасно ждали эсэсовские палачи выхода бойцов из полыхавшего дома — они предпочли погибнуть, сражаясь до последнего вдоха.

Намеченная командпром 312-й дивизии с утра 17 октября контратака группы под командованием начальника штаба 4-го курсантского батальона капитана А. Т. Горяинова с целью выбить противника из Малаховки и высоты 209,2 не состоялась. Противник упредил ее: до 8 батарей открыли интенсивный огонь по переднему краю обороны 14-й и 16-й рот. Адская канонада продолжалась более трех часов. В 9.00 группы по 17—20 самолетов начали обрабатывать этот же участок с шквированием, после чего до полка пехоты атаковали роты с фронта и флангов и к 14 часам дня окружили их. До темноты было слышно, как окруженные вели жаркий бой, а затем все стихло. Группа Горяинова отходила под давлением превосходящих сил противника.

Сложившаяся обстановка вынудила командира 312-й дивизии полковника А. Ф. Наумова с наступлением темноты отвести 1079-й полк и остатки 4-го батальона курсантов с приданными ему подразделениями на рубеж разъезд Ерданево — Афанасово — Чулково (южнее Малоярославца на 4—10 км).

Здесь они были вновь атакованы противником во фланг со стороны Алешково — Староселье и под сильным огнем врага переправились вброд через Протву у Лаптева и Федоровского.

Так одна за другой закрывались страницы боевой истории курсантов Подольских училищ, которым суждено было первым принять на себя удар превосходящих сил противника, прорвавшихся 5 октября к Юхнову. 14 дней и ночей вместе с другими боевыми частями они героически сдерживали врага перед рубежом Можайской линии обороны. Они совершили выдающийся подвиг, имевший огромное значение для Родины, помогли выиграть драгоценное время, позволившее Ставке подтянуть резервы. Много, очень много прекрасных бойцов, завтрашних командиров отдали на полях Подмосковья свои жизни. Но смертью смерть поправ, они ушли в бессмертие¹.

Уже несколько позднее поступили скупые сведения о подвиге 13 курсантов-артиллеристов, занимаемый ими дот. 16 октября в секторе их обороны появились танки и пехота противника. Пехотинцы шли нагло, во весь рост, ведя беспорядочный огонь из автоматов. Командпр гарнизона дота отдал приказ: огонь открывать только по его команде. Прекрасная маскировка делала дот незаметным для противника. Все приготовились к своему первому бою. Волновались. В доте оставались

¹ Все, о чем говорилось здесь о подольских курсантах, дано по сохранившимся рабочим записям, документам архива. В журп. «Вопросы истории КПСС» № 9 за 1966 г. бывший комиссар 4-го батальона курсантов Д. В. Панков подробнее рассказывает о подвиге курсантов 4-го батальона, называет имена многих героев.

лишь два пулеметчика, а остальные расположились рядом в окопах. Когда вражеские солдаты подошли на расстояние до 100 метров, по ним неожиданно хлестнул дружный огонь из пулемета и винтовок. Среди гитлеровцев возникло замешательство, упали раненые и убитые, а остальные поспешно бежали.

Первая победа открыла курсантов. Дотемна они отбили еще четыре атаки, и к ночи все успокоилось. Командир взвода находился в соседнем доте справа, но связи с ним не было, и что происходило у соседей, они не знали, слышали только, что там шла перестрелка. А здесь появились первые раненые. О горячей пище герои и не думали, жили на сухом пайке, запасы которого в виде сухарей, полукопченой колбасы, сахара и папирос еще оставались. Но скоро кончилась вода во фляжках. Пришлось в окопе вырыть ямку, куда стекала дождевая вода, и ею пользоваться.

В последующие два дня противник подверг дот сильному артиллерийско-минометному обстрелу, затем с 40—50 метров открыл огонь по амбразуре из танка. Атака следовала за атакой. Уже погибло 5 человек, 4 получили серьезные ранения, разбит пулемет. Но при каждом новом натиске врага оставшиеся в живых вместе с ранеными с еще большей яростью сражались, дав клятву друг другу не оставлять своего боевого поста до последнего защитника. Кончались гранаты, на исходе патроны, но врагу так и не удалось сломить волю и мужество небольшой группы бойцов.

Наступила ночь. Боеприпасы израсходованы полностью, мучила жажда. Убитых товарищей укрыли землей в траншее. Из раненых остался в живых только один, с перебитыми ногами. И трое, уцелевшие в этом пекле, положив на шпатель беспомощного товарища, стали лесом пробираться на восток. В лесу они присоединились к небольшой группе красноармейцев из других частей. С огромным трудом им удалось пробиться к своим, но оказалось чрезмерное напряжение; в тяжелом состоянии их отправили в госпиталь. Вот почему сведения о беспримерном подвиге 13, сражавшихся героически в доте, оказались слишком скудными и до сих пор не удалось установить имена героев.

Приказом командарма-43 генерал-лейтенанта К. Д. Голубева 24 октября оставшиеся в живых курсанты Подольского пехотного училища были выведены из боя для продолжения учебы.

Все, что стало известно из документов и рассказов живых участников боев Подольского пехотного училища и тех курсантов и командиров артиллерийского училища — не может не волновать и не вызывать восхищения их подвигом, их вкладом в защиту столицы в наиболее трудные и критические дни первой половины октября.

Нет, еще не сказали полным голосом «былинники речистые» о выдающемся подвиге курсантов. Не все еще имена их подняты на пьедестал славы. Еще резец скульптора и кисть художника, талант писателя не послужили по-настоящему этому благородному делу. Пусть же девиз: «Никто не забыт и ничто не забыто» будет тревожить сердца всех, кому дороги ратные подвиги тех, кто в дни тяжелых испытаний под Москвой припал на себя удар чудовищной военной машины гитлеризма, не дрогнул, не согнулся, а проявил величие духа, мужество и стойкость, достойные нашего народа.

Однако до обидного мало сказано о героических делах Подольского артиллерийского училища. К сожалению, в моих рабочих записях, в делах штаба МВО и МЗО не оказалось ни записей, ни документов от руководства этого училища. Розыск боевых и политических донесений в архиве МО СССР также пока ничего не дал.

Нет сомнения, что и личный состав Подольского артиллерийского училища — командиры, политработники, курсанты — сражался на полях Подмосковья с той же отвагой, что и другие защитники столицы. Дело чести военных историков найти героев, всех до одного, рассказать о них советским людям. Но в этом благородном и чистом деле не должно быть ни домыслов, ни натяжек, ни малейшего налета субъективизма.

Несколько лучше было на участке 16-й армии К. К. Рокоссовского. По своему составу эта армия была, пожалуй, сильнее 5-й и 43-й. К тому же у нее было несколько дней для организации обороны и подготовки к встрече с противником. Попытки врага прорвать оборону армии все эти дни терпели провал, несмотря на то, что он ввел в бой моторизованную, танковую и пехотную дивизии. Сказывался боевой опыт командования этой армии. Был момент, когда более 60 вражеских танков с пехотой атаковали совхоз «Болычево», оборонявшийся подразделениями 1075-го полка 316-й дивизии. Главный удар пришелся по роту лейтенанта Маслова. Бойцы пулеметным огнем отсекали пехоту от танков, забросали бронированные машины гранатами и бутылками с горючей смесью, а артиллеристы тем временем методично разделялись с другими. Такая организация обороны, стойкость советских воинов произвели на врага ошеломляющее впечатление. Он заметался и поспешно отошел, оставив сотни трупов и 9 подбитых, подорвавшихся на минах и подожженных танков. Урок был преподан внушительный.

Севернее Волоколамска такой же отпор фашистам дали курсанты училища имени Верховного Совета РСФСР. Первый коптр-

удар нанесли бойцы взвода лейтенанта Малькова. Тяжело раненный, он руководил боем, пока не отбили яростную атаку.

Начальник штаба училища полковник А. М. Игнатович сообщил тогда об одном эпизоде. Шел жаркий бой, подходили к концу снаряды, а ездовой Александр Ефремов не показывался. Вскоре со стороны леса, в километре от огневых позиций, артиллеристы увидели мчащуюся повозку, а на ней стоящего во весь рост Ефремова. И тут паперерез ему из ложины выскочила пробравшаяся в наш тыл группа фашистов, намереваясь схватить воина и повозку. Батарейцы с волнением наблюдали, как повозка остановилась, с нее быстро соскочил Ефремов, бросился на землю. Раздался винтовочные выстрелы. Из группы гитлеровцев повалились один, второй, третий... Остальные кинулись врассыпную и открыли огонь из автоматов. Двое артиллеристов бросились на вырубку своему ездовому, но было уже поздно. То, что произошло дальше, просто невозможно было предвидеть. Выстрелы прекратились. Ефремов поднялся с земли, спокойно подошел к лошади, выпряг ее и отпустил в поле. Поднялись и фашисты, сгрудились и пошли к повозке, махая руками и автоматами. Издали казалось, что вот-вот они схватят юного героя. Уже осталось до него несколько шагов... и в этот момент Саша Ефремов совершил бессмертный подвиг — молниеносно выхватил из ящика снаряд, с силой ударил его взрывателем по другому снаряду, мощный взрыв разнес в клочья гитлеровцев. Но погиб и герой. Он предпочел смерть плену, но в последнем порыве уничтожил 10 вражеских солдат.

Темп общего наступления противника на Москву резко замедлился. Наиболее опасным было его продвижение на Серпуховско-Алексинском направлении, создававшее угрозу не только Туле с севера и Москве с юга, но и жизненно важной железной дороге и шоссе Москва — Тула.

Ставка и командование Западного фронта предпринимали энергичные меры для усиления обороны столицы войсками и техникой. Под Калинин подошла 133-я стрелковая дивизия, предназначавшаяся для Можайского рубежа, под Серпухов для 49-й армии, которой была поставлена задача не допустить противника к железной дороге и шоссе, выдвигались резервы Западного фронта.

Обстановка потребовала от Военного совета МВО и МЗО уделить особое внимание укреплению южных подступов к Москве. Через местные организации была произведена срочная дополнительная мобилизация населения на строительство Подольского рубежа. Начальнику Подольского боевого участка поручили при-

слупить к дополнительным добровольческим формированиям из трудящихся Подольска и района и вместе с истребительным батальоном держать их в полной боевой готовности. Авиацния Сбытова помогала 49-й армии.

Тула готовилась к самообороне, и там было решено всех коммунистов и комсомольцев считать мобилизованными, а население поднять на строительство оборонительных сооружений на подступах к городу и в нем самом.

Военный совет вынужден был пойти на крайние меры: в ночь на 16 октября командующий П. А. Артемьев запросил у правительства разрешение на минирование мостов в городе, железнодорожного узла и других важных объектов. Согласие было получено. В течение трех дней под 12 городских мостов было заложено 21,6 тонны взрывчатки, отработан порядок и условия, при которых могли быть приведены в действие взрывные механизмы, поставлена надежная охрана и дежурные исполнители команды. Минирование объектов железнодорожного узла было возложено на оперативную группу Особого корпуса железнодорожных войск с разбивкой объекта на 8—10 секторов. Всю работу проводили так, чтобы исключить случаи нарушения движения поездов. Специальные отряды, высланные на основные магистрали, ведущие к Москве с севера, запада и юга, докладывали о ходе выполнения заданий. Работа по минированию проводилась максимально скрытно. Эти крайние меры принимались в расчете на самое худшее, хотя никого не оставляло убеждение, что прибегать к этому нам не придется.

О роли минных заграждений на подступах к Москве довольно вразумительно сказал на допросе пленный немецкий танкист. Когда его спросили: «Почему не идете на прорыв танками излюбленным методом вдоль дорог», он ответил, что только безумец рискнет двинуться по дорогам, где каждый метр минирован..»

Неприступная крепость обороны

После рассмотрения документов и вопросов организации строительных работ на внешнем поясе обороны столицы штаб разработал и 21 октября доложил Военному совету соображения по возведению оборонительных сооружений на окраине и в городе Москве.

В системе обороны города определялось три рубежа: по Окружной железной дороге, по Садовому кольцу, по кольцу «А»

и Москве-реке с юга. Между рубежами оборона строилась вдоль сквозных улиц с перекрытием всех входных и выходных ответвлений. Система огня организовывалась по принципу опорных пунктов с размещением огневых средств в полуподвалах, цокольных этажах, в окнах, на балконах зданий и на чердаках. 24 октября Военный совет принял решение свести части, занимавшие боевые участки, в три боевые группы: Северо-Западную, Западную и Юго-Западную с тем, чтобы в ближайшие же дни развернуть их в дивизии полевого типа. После тщательного обсуждения 28 октября было решено на базе этих боевых групп, усилив их истребительными батальонами Московской области, создать Московские стрелковые дивизии. Одну дивизию сформировать из коммунистических и рабочих батальонов Москвы, назвав ее 3-й Московской коммунистической стрелковой дивизией; 4-ю и 5-ю Московские стрелковые дивизии сформировать из истребительных батальонов, 2-ю Московскую стрелковую дивизию — за счет мобилизованных конгигентов москвичей, владимирцев и ярославцев.

Вся эта реорганизация была в основном закончена в начале ноября и сразу придала обороне более стройную систему. Эти четыре дивизии насчитывали в своем составе 39 023 человека, в них было 9 190 коммунистов и 10 572 комсомолец.

Дивизии должны были освоить и совершенствовать оборонительные рубежи, проводить усиленную боевую подготовку, с тем чтобы в короткое время стать высокобоевыми кадровыми соединениями Красной Армии.

В те же дни московские организации успешно готовили второй эшелон защитников Москвы — отряды и боевые дружины. На 20 октября было создано 169 боевых дружин общей численностью 7000 человек, в их числе 300 девушек. В отрядах истребителей танков обучалось 2059 человек. Таким образом, трудящиеся Москвы и Подмосковья вновь поставили на защиту родного города пятидесятитысячную армию. Это была внушительная сила не только по количеству, но и по духу, по готовности и решимости сражаться насмерть, но врага в столицу не пустить.

В двадцатых числах октября положение под Москвой значительно осложнилось. Передовая «Правды» в день опубликования постановления ГКО об осадном положении вышла под крупно пабравным заголовком: «На защиту родной Москвы!» В ней говорилось: «Приближение линии фронта к Москве увеличивает опасность воздушных налетов. Теперь фашистские бомбардировщики могут появляться в сопровождении истребителей. Это усложняет борьбу с фашистской авиацией. Летчики, зенитчики, прожектористы должны быть всегда на страже, проявлять тройную смелость и храбрость. Все командные звенья МПВО обязаны усилить меры

противовоздушной защиты, сделать все, чтобы свести к минимуму вред от налетов воздушных бандитов».

Весь личный состав ПВО и МПВО воспринял это как боевой приказ. О многом надо было подумать и многое предпринять. Теперь время возможного появления самолетов врага над Москвой с момента их обнаружения укладывалось уже в считанные минуты. Поэтому и время перехода москвичей в убежища с момента объявления тревоги сократилось до 5—10 минут, а случалось и так, что одновременно с объявлением тревоги на жилые кварталы начинали падать вражеские бомбы.

Поступил еще один тревожный сигнал с Западного фронта. Разведкой фронта и партизан устанавлены в войсках противника специальные химические части и транспорты с химическими боеприпасами. Потребовалось срочно провести проверку готовности к противохимической защите, ибо вероятность применения гитлеровцами химсредств была не исключена — ведь планы «блицкрига» захвата Москвы до зимы трещали по всем швам. А это не могло не бесить Гитлера, все более настойчиво требовавшего любыми средствами, во что бы то ни стало до зимы разделаться с Москвой...

А о готовившемся химическом нападении мы в настоящее время располагаем подтверждением самого врага. Вот две записки в дневнике генерала Гальдера: «31 июля 41 г. Радке: О потерях в 52-м минометном химическом полку. В руки противника попало большое количество секретной матчасти и документации. 3 октября. Полковник Оксер: Отчет о боевом опыте химических войск и о подготовке их к боевому использованию в операции «Тайфун»¹.

В дальнейшем к этому вопросу Гальдер возвращается неоднократно, в частности пишет о формировании «тяжелых метательных установок в химчастях». Значит, наша тревога была обоснованной и принятые меры оправданы.

Подводя итог, можно сказать, что к концу октября опасность, нависшая над Москвой, не ослабевала, а возросла, особенно с Волоколамского направления. Наиболее мощная танко-механизированная группировка противника упорно пыталась прорваться к столице, шли тяжелейшие бои, и только упорное, героическое сопротивление 16-й армии Рокоссовского и правого фланга армии Говорова сдерживали противника на Истринском рубеже.

¹ Ф. Гальдер. Военный дневник. М., Воениздат, 1971, т. 3, кн. 2, стр. 13, 215—216.

На рубежах Московской зоны обороны

История знает немало примеров, когда судьба того или иного укрепленного рубежа зависела не от мощности укреплений, а от того, достаточно ли было сил и средств, чтобы, опираясь на эти рубежи, отразить нападение превосходящих сил противника, и от морального духа обороняющихся войск. Во второй мировой войне Французская линия «Мажино» была оставлена, по существу, без боя после того, как была обойдена главными силами немецко-фашистских войск. Герои нашей Брестской крепости бились до последнего патрона, до последнего дыхания даже тогда, когда оказались окруженными. А вот на Вяземском и Можайском рубежах, несмотря на высочайший героизм советских воинов и их самопожертвование, удержаться не удалось — у нас явно не хватило для этого сил и средств.

Теперь на ближних подступах к Москве положение коренным образом менялось. Каждый рубеж заблаговременно занимался значительными силами, осваивался, и его защитники готовились к схватке с врагом, составляя вторую линию прикрытия столицы. Если не суждено было бы Западному фронту сдерживать бешеный натиск врага и пришлось отходить на ближние подступы к городу, то вместе с дивизиями МЗО, резервами Ставки и всеми средствами ПВО — они должны были создать неодолимый барьер для немецко-фашистской военной машины. В этом и состояло тогда огромной важности предназначение Московской зоны обороны...

К началу ноября грозной силой стали на внешнем оборонительном рубеже Московские дивизии: 3-я Коммунистическая перекрыла входы в город по Ленинградскому и Волоколамскому шоссе; 4-я — магистраль Москва — Минск, 2-я оседлала Можайское шоссе, прикрыла Поклонную гору, Потылиху, Калужскую заставу; 5-я надежно перекрыла Малоярославское шоссе, Киевскую автостраду, Наро-Фоминское шоссе на участке от Кунцева до Люберец. Эти дивизии располагали 205 орудиями, 1489 пулеметами. Ставка разрешила нам сформировать для этих дивизий 8 дивизионов гвардейских минометов РС, до 10 полков противотанковой артиллерии и по роте противотанковых ружей на полк. Для усиления обороны система огня противотанковых средств была увязана с огнем зенитной артиллерии генерала Д. А. Журавлева, с действиями авиации ВВС МЗО и авиакорпуса ПВО. В дивизиях было достаточно противотанковых и ручных гранат, бутылок с горючей смесью.

С удесятенной энергией наращивались темпы строительства оборонительных рубежей. Будто титаническая сила прокладывала

глубокие борозды траншей, вадыбливала землю холмами дотов, дзотов, землянок, укрытий, исполосовала глубокими противотанковыми рвами и эскарпами, преградила дорожные артерии стальными ежами и бетонными надолбами. В октябре в основном эта работа была завершена. Огромный труд в строительстве и совершенствовании оборонительных сооружений вложили сами бойцы, но главное было сделано трудящимися Москвы, Владимира, Калининна, Ярославля. Ближние подступы к Москве и ее окраинам прикрыли противотанковые препятствия (без минных полей) общей протяженностью 324 километра, противопехотные препятствия протяженностью 256 километров, 3800 огневых точек, из них 1500 железобетонных, 37 500 металлических ежей и железобетонных надолбов, мощные баррикады.

При каждом выезде на рубежи меня поражала неумная энергия, с какой работали москвичи и москвички на строительстве оборонительных сооружений. К концу октября их было 54,5 тысячи, и три четверти из них — девушки, женщины и подростки. На помощь им подошли еще 50 тысяч добровольцев и мобилизованных Московским областным Советом. Смотрел я на них и удивлялся. Откуда у них, горожан, умение вот так заправски орудовать лопатой и киркой, откуда силы, чтобы долбить промерзлую землю, таскать и устанавливать тяжеленные металлические ежи, бетонные надолбы, железобетонные колпаки?

А ответ мог быть только один: силы свои они черпали в любви к Родине, к своему родному городу, в ненависти к немецко-фашистским захватчикам.

С глазами, полными тревоги, они обращались ко мне с неизменным вопросом: каково положение на фронте и хватит ли сил, чтобы отстоять Москву? Я разъяснял, что положение остается пока тяжелым, но враг уже начинает выдыхаться, бойцы Западного, Юго-Западного и Калининского фронтов героически отстаивают каждую пядь родной подмосковной земли и попытки врага с ходу ворваться в Москву сорваны. Рассказывал и о мерах, принимаемых партией и Верховным Командованием.

Надо было видеть, как теплели их глаза, разглаживались горестные морщинки и с каким новым приливом сил и энергии принимались они за работу.

На одном из участков я был свидетелем беседы агитатора Я. Титова по статье Вл. Лидина, напечатанной в газете и глубоко взволновавшей бойцов. Титов читал: «...мы знали, верили, что Москва была нашей и останется нашей. Но на подступах к нашему городу, в местах, где мы отдыхали, где загорали летом или катались на лыжах, где были построены сапатории, дома отдыха, пляжи и лыжные станции — теперь проходит линия фронта.

Тревожное небо лежит над нашим родным городом. Дыхание войны вошло на его улицы и широкие площади... На переключке величайшей эпохи нас спросят и прежде всего спросит об этом наша совесть: остался ли ты на посту, сохранил ли ты в грозное время спокойствие духа и способность к борьбе? Сделал ли все для того, чтобы с гордостью сказать про себя — я москвич! — и это будет значить прежде всего — я боролся за Москву, я ее защищал!

Москвичи! Будем на страже великого города, сохраним право и честь называться его сыновьями и дочерьми, отдадим ему нашу любовь и нашу признательность за все то, что сделал для наших детей наш прекрасный город Москва!»

Эти строки оказали большое эмоциональное воздействие на бойцов.

А на Московском направлении после десятидневных ожесточенных боев ценой больших усилий и потерь двум моторизованным и армейскому корпусам противника удалось 25 октября прорвать главную полосу обороны 16-й армии на участке 1073-го и 1075-го полков 316-й дивизии и выйти на рубеж Татьянаино — Сафатово — Клишино — Оташево, охватывая Волоколамск с флангов. Части 16-й армии к исходу 27 октября вынуждены были оставить Волоколамск и отойти в направлении Ново-Петровское — Руза. Боевую позицию 6-й роты 1073-го полка врагу удалось захватить, лишь когда погибли все ее защитники. В районе Яропольца героически сражался курсантский полк Младенцева. В течение 15 суток успешно отражал он по нескольку атак противника и ценой огромного напряжения сорвал все попытки врага прорваться. Отдельные вклинения противника в оборону ликвидировались решительными контратаками, а смелые вылазки в тыл врага наносили ему серьезные потери. Так было в районе деревни Телегино, где две роты из батальона майора П. Ф. Тряпкина, скрытно перебравшись через реку Лама, неожиданно атаковали и отбросили неприятельский батальон. Курсанты сдерживали врага до 30 октября и только вследствие ухудшения обстановки под Волоколамском, по приказу Рокоссовского, отошли на новые позиции.

В оборонительных боях кремлевские курсанты уничтожили свыше 500 гитлеровцев, захватили 8 противотанковых орудий, 12 минометов, 20 автомашин, повредили и подожгли около 10 танков. За мужество и героизм, проявленные в этих оборонительных боях, 59 курсантов и красноармейцев, 30 командиров и политработников были награждены боевыми орденами и медалями. В феврале 1942 года я имел огромное удовольствие и честь вручать

эти награды отличившимся, среди них были: командир батальона автоматчиков Мальцев, военком Новгородов, командиры Дьячков, Андреев и многие другие. Они получили ордена Красного Знамени.

С захватом Волоколамска противник рассчитывал, что ему без особого труда удастся вырваться к Истринскому водохранилищу, форсировать его и устремиться на Москву, но наткнулся на непреодолимое сопротивление бойцов 16-й армии и вынужден был приостановить наступление.

На Наре и в Наро-Фоминске шли ожесточенные бои. Неважно складывалась к концу октября обстановка на участке 49-й армии и под Тулой. Враг приблизился к Серпухову, и начальник гарнизона — начальник тыла 49-й армии Н. А. Антипенко был готов к тому, чтобы взорвать железнодорожный мост. 29 октября, сломив сопротивление вышедших из окружения 50, 3 и 13-й армий Брянского фронта, танки Гудериана прорвались к Туле, на ее окраинах завязались бои. 25 октября городской комитет обороны объявил город на осадном положении. Тульский рабочий полк и часть гарнизона вступили в схватку с врагом. Тула в опасности! С юга на Москву надвигались темные тучи коричневой чумы. Между Западным и Брянским фронтами образовался опасный разрыв, протяженностью в 60 километров.

Напряженно работали Генштаб, Ставка, организуя перегруппировку сил; без устали трудились железнодорожники, подвозя резервы, вооружение и боеприпасы. Еще суровее и строже стала жизнь в Москве. Меры Главного командования, героизм бойцов, прикрывавших Москву с запада, подорвали силы врага, сбили наступательный порыв и вынудили его остановиться на рубеже Московское море — восточнее Волоколамска — река Нара — Наро-Фоминск — река Ока до Алексина. Наступило некоторое затишье, но все понимали, что такое положение долго не продлится, что Гитлер не смирится с провалом плана молниеносного овладения Москвой, и наступление неизбежно возобновится. Когда — сказать было трудно, но готовиться к нему надо было без промедления.

Немало неприятностей доставляли участвовавшие дневные и ночные налеты вражеской авиации. В воздухе шли ожесточенные бои, воздушные тревоги следовали одна за другой. Но ни страха, ни смятения у москвичей они давно уже не вызывали. Москва продолжала свою напряженную трудовую и ратную жизнь, эвакуация промышленных предприятий шла нормально, что, конечно, бесило врага. Во второй половине октября отмечено его стремление во что бы то ни стало вывести из строя жизненные центры столицы и страны, нанести удары не по площадям, а по

конкретным целям: Кремлю, зданию ЦК партии, электростанциям, Генеральному штабу, штабу Московского военного округа, центральному посту ПВО. Последствия изменений в тактике действий вражеской авиации свидетельствовали, что для решения поставленных задач отбирались лучшие экипажи и каждому назначалась определенная цель. Это подтвердили и пленный летчик, и изъятая у него карта с обозначением всех наиважнейших объектов столицы. Первые две тысячекilограммовые бомбы упали вблизи штаба округа на улице Осипенко, не принеся, однако, существенного ущерба зданию. Но чуть позже этому же или другому немецкому асу удалось отбомбиться более прицельно, и одна из тяжелых фугасных бомб упала в Москву-реку против штаба и взрывом своим принесла немало неприятностей — несколько командиров были контужены взрывной волной или поранены осколками стекла, в ряде комнат выбило перегородки, сорвало штукатурку.

Насколько помнится, в самых последних числах октября, поздним вечером, нас с командующим вызвали в здание ЦК партии к А. С. Щербакову для доклада об организации обороны города. Было тихо и малоллюдно на улицах. Полная луна на безоблачном небе заливала улицы своим мертвенно-бледным светом. В кабинете Щербакова находились Б. Н. Черноусов, Г. М. Попов, В. П. Провин, П. С. Тарасов, А. И. Чугунов и еще несколько товарищей. Развесив карты и схемы, командующий приступил к докладу. Присутствовавшие слушали его, что-то отмечали на листках бумаги, уточняя обстановку, подходили к картам и схемам. Александр Сергеевич, как всегда спокойный, устало потирал отекавшие от бессонницы веки, незаметным движением большой правой руки успокаивал, очевидно, разболевшее сердце, временами задавал вопросы, уточнял детали, иногда чему-то сдержанно улыбался. Его удивительная теплая улыбка настраивала на спокойный тон.

В душе, однако, каждый понимал, что до спокойствия было далеко. Враг стучался в ворота Москвы, постоянно напоминая о своей близости частыми ударами с воздуха. Ежедневно взрывы фугасок, град «зажигалок» сеяли огонь и разрушения. В сводках коменданта города подытоживалось количество сброшенных бомб, отмечались места разрушений, очаги пожаров, жертвы, а командование ПВО подсчитывало количество участвовавших в налетах, прорвавшихся к городу и сбитых вражеских самолетов. За этими лаконичными сводками — бессонные ночи, слезы близких, оплакивающих погибших на фронте или во фронтовом городе — Москве.

Прошло уже минут тридцать с начала доклада командующего.

Рассмотрев вопросы организации наземной обороны, Артемьев перешел к обоснованию перестройки системы ПВО города в связи с изменившимися условиями. Но не успел он закончить вводной части этого раздела, как раздался огромной силы взрыв. Здание задрожало и, казалось, вот-вот рухнет. Град осколков стекла, куски штукатурки осыпали присутствовавших, воздушная волна бросила всех на пол: погас свет, кабинет начал заполняться едким дымом. Сильную коптузину получил Щербаков, а остальные по счастливой случайности отделались незначительными царапинами и ушибами. Все наши записки, карты, схемы и листы доклада разметало по сторонам, основную и запасную двери заклинило, и мы оказались наглухо запертыми в кабинете. Только с помощью пожарных и сотрудников секретариата была взломана дверь запасного выхода, и участники заседания с грузом, через густой дым и пламя начавшегося в нижних этажах пожара выбрались во двор.

Здесь мы увидели следующую картину. Машина А. С. Щербакова была опрокинута и отброшена к стене, у остальных выбиты стекла, помяты кузова, разбиты радиаторы. Мой водитель старшина В. П. Михайлов с залитым кровью лицом, словно бы в недоумении, топтался около своего ЗИС-101, водитель машины командующего, старшина Коваленко, справившись с минутной растерянностью и стерев с лица кровь, уже деловито хлопотал, приводя машину в порядок. А в нижнем этаже бушевал пожар. Пожарные героически отстаивали каждую комнату, выносили погибших и раненых работников ЦК комсомола. Героически погиб на своем посту красноармеец дивизии имени Ф. Дзержинского комсомолец Артемий Трифионов. Он навечно зачислен в списки части. Часовой — младший сержант коммунист Георгий Марков, сбитый с ног обвалившимся потолком, раненный в лицо и руки осколками стекла, на время потерял сознание, но, придя в себя, продолжал стоять на посту до прихода разводящего.

По дороге в штаб порученец Алешин рассказал следующее. Когда мы с командующим ушли на совещание, он остался в машине. Вскоре к нему и Михайлову подсел Коваленко, еще три или четыре шофера секретарей МК, и завязался один из тех разговоров, какие обычно возникают между шоферами — людьми много поездившими и повидавшими — на длительных стоянках. Вдруг тишину переулка разорвал рев пикирующего бомбардировщика. Тревоги не объявлялось, и поэтому атака оказалась настолько внезапной, неправдоподобной, что никто из сидевших в машине не успел оценить размеры опасности. В завывание авиационных моторов вплелась высокая визгливая нота падающей бомбы, и тут же все растворилось в грохоте мощного взрыва.

Двери машины были приоткрыты, и некоторых сидевших в ней выбросило на мостовую. Остальные были ранены осколками стекла.

Выяснение обстоятельств этого чрезвычайного происшествия показало, что служба ВНОС своевременно предупредила главный пост о подходе на большой высоте одиночного самолета противника. Но на главном посту ПВО решили, что это разведчик, поэтому огня не открывали, тревоги не объявляли, а подняли на перехват истребителей. Решение было в какой-то мере обоснованным. Ведь частые воздушные тревоги изнуряли летный состав и зенитчиков, снижали их боеспособность. Нарушали они и рабочий ритм на предприятиях Москвы. Кроме того, заградительный огонь зенитчиков требовал большого расхода боеприпасов. И уже были случаи, когда при приближении одиночных самолетов тревоги не объявляли, а с непрошеным гостем расправлялись истребители. Но в данном случае, как пришлось вскоре убедиться, шел не разведчик, а, видимо, самый матерый гитлеровский ас со специальным заданием — нанести удар по зданию ЦК ВКП(б). Полностью добиться поставленной цели ему не удалось. Центральный Комитет партии и ЦК комсомола, Московский городской комитет партии продолжали действовать с еще большим мужеством и решимостью, а командование ПВО сделало надлежащие выводы, чтобы впредь подобное не могло повториться.

Начиная с 13 октября центральная печать изо дня в день обращалась к воинам и народу с разъяснением степени опасности, нависшей над Родиной и ее столицей Москвой. Опубликованные в конце октября Призывы ЦК ВКП(б) к 24-й годовщине Великого Октября звучали, как набат: «Ни шагу назад! Остановить врага, отстоять Москву!», «Разобьем и уничтожим врага на подступах к Москве!» В них слышались призыв и приказ матери-Родины. Огромная армия агитаторов, пропагандистов и просто коммунистов на фронте, в тылу, в Москве была включена в работу по разъяснению положения на фронте и задач, вытекающих из Призывов ЦК. Работники Политуправления округа и МЗО, политорганов соединений были направлены на рубежи, в гущу бойцов, чтобы довести до них боевой дух Призывов партии, вызвать новый прилив энергии, сил и душевного подъема. Они понесли к бойцам специальное обращение партии:

«Бойцы рабочих батальонов столицы! Будьте неустрашимыми в борьбе с врагом! Псмыните, что от вашей стойкости и умения во многом зависит приблизить час начала разгрома врага под Москвой. Не отступайте ни на шаг!! Истребляйте фашистских

бандитов! Уничтожайте их танки! Не давайте покоя врагу и победа будет за нами».

Передо мной газета «Боевое знамя» от 26 октября. На митинге, посвященном 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, бойцы-москвичи одной из дивизий в своем решении записали: «Наступил час, когда интересы народа требуют от каждого воина Красной Армии высшего самопожертвования... Вкладывайте всю душу в военное дело. Теперь это наша главная профессия».

С высоким патриотическим накалом прошел митинг в батальоне краснопресненцев. В своем решении они заявили:

«Мы клянемся, что не уроним твою честь, Красная Пресня, будем стойко биться за тебя, за Москву, за великую советскую землю... Не быть России под немцами! Не быть поколению краснопресненцев рабами фашистских баронов! Все отдадим, кровь и жизни не пожалеем, чтобы отстоять Москву, чтобы отбросить и уничтожить немецко-фашистских захватчиков».

Бауманский рабочий батальон давал клятву: «Мы, москвичи, любим свою столицу, ее прекрасные улицы и величественные площади, любим ее славную историю. Серые стены Московского Кремля видели много завоевателей, расшибавших себе лоб о твердую русскую государственность. Никогда Москва не сдавалась на милость победителю, не сдастся она и на сей раз...»

В окопах, землянках, на полях подмосковных рощ москвичи, взявшиеся за оружие, клялись перед своими женами, детьми, родителями, перед всем советским народом стоять насмерть, но в Москву врага не пустить, клялись овладеть в совершенстве оружием, своей воинской специальностью, превратить свою боевую позицию в неприступную для врага крепость.

Москва — арсенал фронта

В первые месяцы войны удельный вес военной продукции составлял 23,5 процента всего промышленного производства Москвы. Фронт получал установки и снаряды гвардейских минометов, 82 и 120 мм минометы; начало налаживаться производство пистолетов-пулеметов, противотанковых ружей; выпускалось огромное количество боеприпасов, гранат, мин, снаряжения и многое другое. Эвакуация предприятий ослабляла эту базу снабжения фронта. Убывали на восток и квалифицированные рабочие кадры, без которых бессмысленно было налаживание в тылу производства сложной военной техники.

Сама московская партийная организация к ноябрю претерпела огромные изменения. В летние месяцы она отдала фронту свыше ста тысяч своих членов. Во второй октябрьский набор стали под ружье новые десятки тысяч коммунистов, почти на две трети сократилась численность столичной комсомолки. А обстановка властно требовала не только восстановления производства военной продукции, но и ее увеличения.

Не обошлось и без скептиков, которые полагали, что на оставшемся устаревшем оборудовании и при острой нехватке квалифицированных кадров крупное военное производство не развернешь, что в лучшем случае можно лишь создать мастерские по ремонту боевой техники. Да, если исходить из простой арифметики, то в их сомнениях был определенный резон. Действительно, на чем производить, какими силами, где взять необходимые остродефицитные материалы?.. И вот тут-то в полной мере проявился коллективный разум и воля московских коммунистов, могучая сила их организации, их ленинская страстность и непоколебимая уверенность в неисчерпаемых творческих силах народных масс.

Историкам предстоит еще немало потрудиться, чтобы во всей полноте раскрыть для современников и потомков, как московские коммунисты, их руководители в считанные дни воссоздали многие свои крайне поредевшие организации. Ведь и осенью сорок первого, как в суровые годы гражданской войны, на многих редко закрывавшихся ранее дверях можно было увидеть листки бумаги с лаконичной, тропливо сделанной надписью: «Комитет закрыт. Все ушли на фронт и на оборонительное строительство».

Но вновь ожили опустевшие было корпуса промышленных предприятий, словно бы и не утихал напряженный ритм труда в кустарных мастерских и на предприятиях коммунально-бытового обслуживания, производивших то, без чего не мог обойтись фронт, без чего нельзя было обеспечить победу.

В этом был достойный изумления и в то же время закономерный итог инициативной, творческой работы партии.

В те дни, да и позже — по свежим следам событий трудно было охватить, осмыслить все то, что делали московские организации, превращая столицу не только в неприступную крепость, но и в кузницу оружия. Мы, живые участники событий, развернувшихся в те грозные дни осени 1941 года, можем описать лишь некоторые фрагменты гигантского исторического полотна, рассказать только о том, что находилось в сфере нашей деятельности или близко соприкасалось с ней. И вполне очевидно, что ни в одном, ни в нескольких воспоминаниях не воссоздать полностью атмосферу, в которой жили, трудились и боролись москвичи, атмосферу горения, мужества, стойкости, творческих иска-

Илий тех, кто оставался в столице и принял на себя всю тяжесть борьбы, труда и испытаний. Очевидно, с этой благородной задачей справятся в будущем историки и восстановят до деталей величественную картину незабываемой героической эпопеи, возведут на пьедестал почета и славы как общий героизм москвичей.

С волнением читаются страницы документов о том, как после эвакуации основных поставщиков военной продукции, волей и мужеством московских партийных и советских организаций, трудящихся Москвы изо дня в день наращивалось, казалось бы, на пустом месте, производство всего необходимого для фронта.

На заводе имени Орджоникидзе осталось всего 150 рабочих, 10 человек инженерно-технического персонала и 40 станков. Но это не смутило труженников-патриотов. В короткий срок они наладили выпуск затворов к pistolетам-пулеметам Шпагина. Производство ППШ организовал на оставшемся оборудовании и автозавод ЗИС, а 1-й ГПЗ поставлял для них затворы. 2-й часовой завод вновь стал давать взрыватели к минам. Троллейбусный парк Ленинградского района наладил производство гранат. Завод «Красный пролетарий» организовал производство походных кухонь, боеприпасов и ремонт танков. Завод «Серп и молот» — ремонт тяжелых танков КВ. Завод имени Владимира Ильича стал изготавливать осколочно-фугасные снаряды. Кондитерская фабрика «Рот фронт» вместо шоколада, конфет и бисквитов освоила производство пищевых концентратов, снарядов, наладила ремонт зенитных орудий. Кустарная мастерская, производившая столовые ложки, стала делать ручные гранаты. Заводы газированной воды организовали массовый выпуск бутылок с горючей смесью. Завод, производивший портсигары, пуговицы, пудреницы, перешел на выпуск капсюлей, запалов и даже технических устройств для боеприпасов. Фабрика, производившая шпильки, заколки для волос и булавки, перешла на производство противотанковых гранат. В мастерских автопарков организовали ремонт боевых машин. Ремонтный цех хлебозавода начал производство 50 и 82 мм минометов. Железнодорожные депо (начальники Бондарев и Титов, секретари партбюро Филатов и Рогачев) строили бронепоезда, доты на колесах (используя старые танковые башни). Уже в ноябрьские дни ушли на фронт созданные железнодорожниками бронепоезда «Смерть фашизму», «Комиссар Лестев», «Москвич» и другие.

Я не знаю, есть ли такая мера, которой можно измерить всю глубину патриотических чувств, любви к своему городу и к Родине, овладевших москвичами в это тревожное время и нашедших свое конкретное выражение в трудовых подвигах, в самозабвенном труде. Я привел лишь небольшой перечень того, что и где

делалось. Но за этим — огромный труд московских партийных и советских организаций. Ведь в это время резко сократилось энергопитание, прекратился подвоз угля из Подмосквовного бассейна, не хватало металла, заново надо было организовывать производство взрывчатки, расширить сеть снаряжательных мастерских, обучать женщин и подростков, пришедших в те дни на производство, устранять уже весьма серьезные затруднения на транспорте, угрожавшие срывом подвоза к фронту из глубины всего необходимого, и при всем этом — выполнять срочные задания Государственного Комитета Оборонаы по производству вооружения и боеприпасов. А задания были огромные — в декабре нужно было дать 50 и 82 мм минометов больше в четыре с лишним раза, а ПППШ — в 35 раз больше, чем в ноябре, наладить массовое производство противотанковых ружей (ПТР).

Девяносто четыре процента из всей продукции Москвы в те грозные дни — военная продукция! За этой цифрой — невиданное упорство и мужество юношей, девушек, женщин, кадровых рабочих, инженеров, техников и пенсионеров.

Девиз тружеников Москвы был один: «Фронту нужно — значит, будет!»

Комсомольские бригады завода имени Фрунзе и свыше 100 рабочих авторемонтного завода № 1 18 суток не выходили из цехов, пока не выполнили ответственного военного заказа. Слесари железнодорожных мастерских Жаров, Павлов, Мерзилкин выполняли дневное задание на 600 процентов. Револьверщица Дулова выполняла нормы на 390, ее подруга Полецук — на 300 процентов, а комсомолец машиностроительного завода Серов со своей бригадой давал десять норм. Работники Ленинского райкома комсомола собрали в цехах эвакуированных заводов оставшиеся станки, создали несколько мастерских по выпуску вооружения и боеприпасов. Работая на этом оборудовании, бывшие ремесленники Дмитрий Митрофанов, Николай Сосков, Константин Флягин и другие их товарищи выполняли нормы на 150—160 процентов. На заводе имени Ильича рабочие Омельченко, Черноухов, Алексашин, Иванов перекрывали дневные задания в два-три раза. Сотни рабочих автозавода выполняли по две нормы. Автоматчик машиностроительного завода Масленкин перешел на обслуживание трех автоматов и выполнял нормы на 385 процентов. Завод, где директором был Мямлин, получил специальное задание Государственного Комитета Оборонаы, и коммунисты мастер Спиридонов и инженер Константинов не выходили с завода, пока задание не было выполнено. Цех, возглавляемый мастером коммунистом Кабановым, за 10 дней выполнил 54 процента месячного задания.

Если в мирное время для решения технических вопросов тре-

бывались недели и месяцы, то теперь их решали за несколько часов и дней. Так, один из заводов, руководимый Бажковым, получил срочное задание — в короткий срок дать оборудование для сотен санитарных вагонов и второе — организовать производство отдельных узлов для автомата. То, что раньше показалось бы невозможным, было сделано: в два дня изготовили штампы и приспособления, заказ выполнили в срок.

Коммунисты железнодорожного депо Кротов, Градусов, Васильев, Бурцев и другие в кратчайшие сроки разработали чертежи, подготовили оснастку для постройки бронепоезда.

Слесарю Ефиму Балякину для производства детали миномета нужен был штамп, который мог изготовить другой завод только через неделю. Но фронт не мог ждать. И рабочий взялся изготовить штамп сам. Трое суток, не смыкая глаз, не разгибая спины, трудился Балякин, но своего добился и, пользуясь своим штампом, стал давать две-три нормы в смену.

Не могли сидеть спокойно дома и давно уже ушедшие на заслуженный отдых старые рабочие. Ведь враг угрожал родному городу, всему, что создано было их многолетним честным трудом. Сыновья ушли на фронт, а к станкам встали жены и дети солдат, они нуждались в помощи и совете.

Шесть суток не отходил от промывочных ванн Сергей Кузьмич Молчанов. В котлах окисдировались минометные стволы, так нужные фронту, а сменщик заболел, заменить некому, под угрозой срыва задание. И вот шесть долгих суток Сергей Кузьмич бессменно стоял на боевом посту. В голове гудело, глаза смыкались от бессонных ночей, ныли поясница, ноги и руки; вздремнуть удавалось лишь урывками, минутами. Его уговаривали прилечь, поспать, давали помощника из подростков, но не таков окисдирующий Молчанов. Он не мог доверить неопытному подростку такое ответственное дело.

В. М. Молеву шел седьмой десяток, но когда над столицей нависла угроза, он сразу же явился в свое депо, потребовал место у верстака. Его назначили слесарем в инструментальную. Всех работающих рядом с ним удивляла кипучая, не по летам, энергия Василия Михайловича. Он не только быстро изготовлял инструмент, но и помогал слесарям то метчики нарезать, то исправить сложную деталь поврежденного в бою орудия, то учил молодых рабочих «секретам» мастерства. Среди подростков он как бы забыл о возрасте, жил с ними одной жизнью и вместе с ними собирал средства на постройку танка «Комсомолец», внося половину своего заработка.

Такими сообщениями были заполнены страницы московской печати, сводки и доклады. Но вот два документа, которые как

бы обобщают эти факты. Первый — это письмо трудящихся Дзержинского района Ленинграда к дзержинцам-москвичам о трудовом соревновании в честь 24-й годовщины Великого Октября и защите родных городов. Обсуждение этого письма на заводах «Борец», «Красный штамповщик» и других вызвало новый подъем трудовой активности. Выступавшая на митинге старая работница «Красного штамповщика» сварщица Грибокова взволнованно сказала: «Лучший ответ нашим братьям и сестрам города Ленинграда — это еще лучше работать, еще больше давать вооружения Красной Армии. Я вношу предложение: в выходной день выйти всем на работу... А отдыхать мы будем потом!» Почин красноштамповщиков поддержали коллективы других предприятий.

Второй волнующий документ, вызывающий чувство гордости за нашу славную молодежь, за ее горячее сердце, за готовность на самоотверженный труд и подвиг во имя Родины, — это обращение «К молодым защитникам Москвы». 80 тысяч комсомольцев и молодежи героического города поставили свои подписи под этим обращением. В нем они писали: «...воскресниками, выполнением двойных и тройных норм, участием в охране города от вражеских лазутчиков, провокаторов, пособников врага — всем мы помогаем фронту. Мы с вами в одних рядах. Судьба столицы в наших руках. Мы должны отстоять Москву! Мы отстоим ее! Каждый молодой боец готов умереть, но не пропустить врага... В первые ряды мужественных и храбрых вставай, комсомолец!»

Подписывая это обращение, многие делали приписки. Я приведу лишь некоторые из них, наиболее характерные для настроения молодежи того времени.

«Подписывая настоящее письмо, заверяем нашу родную Красную Армию, что мы с каждым днем будем больше выпускать снарядов и продукции для фронта... Банда Гитлера должна быть разгромлена и будет разгромлена единством нашего народа, мощью Красной Армии.

Коллектив сотрудников и учащихся ремесленного училища № 50».

«Дорогие, родные товарищи! Бейте фашистскую гадину, а мы обязуемся столько дать продукции, чтобы хватило разбить врага. Петрова, Броварина».

«Пламенный привет храбрым защитникам столицы! — писали 96 молодых работниц. — Бейте врага не щадя своей жизни, а мы на своих постах тоже не щадя жизни изготовим все, что нужно для фронта, и столько, сколько вы потребуете. А если потребуются, мы, девушки Советской страны, тоже пойдем на фронт».

Комсомольцы — Вернер, Гаврилов и другие — от имени своих товарищей приписали к обращению: «Даем вам, родные, клятву, что будем выполнять и перевыполнять производственную норму, а если надо — готовы пойти на фронт сандружинницами, пулеметчиками, шиферами. Приложим все силы для уничтожения врага».

147 девушек-комсомолок фабрики «Красная оборона», среди них Трошина, Исакова, Макарова, Басова, в минуту грозной опасности клялись отдать все свои силы работе для фронта и в любую минуту влиться в боевые ряды, чтобы с оружием в руках отстаивать свою счастливую молодость, свою родную Москву, свою любимую Родину.

В дни смертельной опасности для Родины наша молодежь трудилась и сражалась с высоко поднятой головой, с чистым сердцем, целиком отдавала себя великому делу освободительной борьбы.

И как бы отражая решимость всех советских людей отстаивать Москву, татарский поэт Ахмед Ерикеев в своем стихотворении написал:

Покуда кровь живая не остыла,
Покуда дышим, веря и любя,—
Любимая! Ты слышишь клятву тыла!
Не отдадим, не отдадим тебя!

Подвиг строителей рубежей

После напряженного труда на производстве еще надо было брать лопаты, кирки, ломы и идти строить оборонительные рубежи, занимать места в строю батальонов Всеобуча, отрядов истребителей танков, снайперов, пулеметчиков и минометчиков, чтобы овладеть в совершенстве искусством уничтожать врага. 20 октября газета «Правда» от имени ЦК партии обращалась к москвичам: «...ценой любых усилий мы должны сорвать планы гитлеровцев... Успшим темпы работ. Каждый подмосковный город, село, станция, каждый район столицы, улица, дом — должны превратиться в крепость обороны, быть готовым к встрече с врагом, к жестокому бою, к уличным схваткам».

И москвичи отвечали на этот призыв:

«Мы твои сыны и дочери, Москва! Твои навсегда! Мы тебя строили в годы пятилеток, мы теперь будем защищать тебя. Тысячи нас, москвичей, вышли на оборонительные работы. Тяжело труда мы не боимся, не пожалеем ни сил, ни здоровья. Будем работать от зари до зари».

И это поистине был труд вдохновенный, от зари до зари. Холодный осенний дождь, мокрый снег, пронизывающий ветер, недостаток инструментов, перебои в питании, неудовлетворительное бытовое размещение, бомбежки и обстрелы вражеской авиацией, беспокойство о родном очаге, об оставленных родителях и детях, тяжелый и для многих непривычный физический труд, жгущие мозоли на руках — вот что пришлось испытывать людям, шедшим на подвиг. Их девизом было «Работать столько, сколько нужно для победы». Шли они на это с полным сознанием своего гражданского долга.

На воскресенье 16 ноября вышло свыше 270 тысяч молодых москвичей. Они заработали в этот день более 3 миллионов рублей и внесли их в фонд постройки колонны танков имени Ленинского комсомола. Секретарь Москворецкого райкома партии с удовлетворением отмечал, что ежедневный труд 7,5 тысячи трудящихся района был удостоен благодарности командования МЗО за досрочное выполнение работ и высокое их качество. Во главе строителей шла бригада Безбородова, вдвое перевыполнявшая дневные задания. Он с восхищением отзывался о девушках с кондитерской фабрики «Марат», выполнявших двойные нормы землекопов.

Столь же законной была гордость и секретаря Свердловского райкома В. Горина. Труженики этого района досрочно закончили работы на своем участке. Их работа была оценена на «отлично». Это воодушевило строителей, и на новом месте они так же досрочно выполнили задания.

Перевыполнение норм в два-три раза стало обычным явлением.

Газета «Вперед» (№ 205) Загорского района в то время писала: «С каждым днем выполнение норм увеличивается. Есть уже лучшие люди, показавшие отличные образцы труда. Хорошо работает звено товарища Озеровой Анны Алексеевны, домохозяйки с Н.-Кукуевской улицы. В ее звене работают ее сын Николай, домохозяйки Латышева Елена Михайловна и Коряшкина Праксovia Григорьевна. Они выполнили в первый день две нормы, а в последующий — три нормы выработки».

Домохозяйки... За этим словом как бы скрывалась отрешенность от больших мирских дел во имя дел домашних, обыденных, житейских. Но вот пробил час и раскрылся большой внутренний мир этой значительной части населения нашей страны. Домохозяйки пошли на фабрики и заводы, чтобы заменить убывших на фронт мужчин, на строительство рубежей, в отряды и дружины МПВО, в госпитали к раненым. Они брали на себя уход за детьми и престарелыми, шли на дому обмундирование для воинов, стирали белье в госпиталях, стали донорами, выходили на вос-

красники, собирали металлолом и макулатуру, обучались военному делу и готовились так же стойко, как их мужья и сыновья, защищать свою Москву и Родину. Вчерашние домохозяйки стали бойцами, строителями оборонительных рубежей, великими труженицами великой освободительной войны. И вклад их в дело защиты Москвы огромен.

Примеров беззаветного, самоотверженного, сознательного труда москвичей, подобных приведенным выше, можно было бы привести великое множество. Трудовой героизм на всех участках оборонительного строительства, в цехах заводов и фабрик — везде и повсюду, где этого требовали интересы защиты города, интересы фронта, стал массовым явлением. К новому ноябрьскому наступлению немецко-фашистских полчищ оборонительные рубежи уже, выглядели достаточно грозными.

Военный совет с большим вниманием и удовлетворением выслушал доклад руководителей инженерной службы МЗО генерал-майоров Е. И. Сысоева и Е. В. Леошени, бригаднженера А. И. Пангсена о результатах героического труда москвичей. Итог был замечательный: только на строительстве внутреннего пояса Москвы участвовало 110 тысяч, а на всех оборонительных работах, включая лесные завалы, — до 250 тысяч человек, из них — до 75 процентов женщин и подростков; было затрачено на строительство оборонительных рубежей 1777 тысяч человеко-дней, на оборонительные работы в черте города — свыше 667 тысяч и на лесных завалах более 1657 тысяч, а всего — свыше четырех миллионов человеко-дней. Сооружено (в погонных метрах): противотанковых рвов 72 092, эскарпов и контрэскарпов 79 426, надолбов — 52 691, проволочной сети на кольях — 206 532, лесных завалов — 1460, установлено противотанковых ежей 13 467 штук.

Все это позволило Военному совету доложить ГКО и Ставке о том, что неодолимое желание москвичей «сделать Москву недоступной фашистским оккупантам, не допустить их поганить московские улицы — рождено чудеса на трудовом оборонительном фронте... Трудящиеся сделали своими руками то, что, по отзывам крупных иностранных специалистов (наших союзников. — К. Т.), обратило Москву в неприступную в инженерном отношении крепость».

Наши замечательные советские женщины составляли 75 процентов всех работавших, и их настроение убедительно выразила колхозница А. Д. Горлова: «Всей Красной Армии скажем: гоните фашистских продов в шею. А мы со своей стороны, если это нужно для победы нашей, всю область перекопаем».

Советское правительство высоко оценило подвиг славных тружениц, наградив орденом Трудового Красного Знамени — 15,

«Знак Почета» — 40, Красной Звезды — 6, медалью «За трудовую доблесть» — 94 и «За трудовое отличие» — 92, а колхозница Н. М. Хозикова, руководитель бригады землекопов, была удостоена ордена Ленина.

И вот улицы Москвы, как в 1905 и 1917 годах, вновь перерождались баррикадами. Для молодого поколения они еще недавно казались только символом революционных битв. Но сегодня заграждения вновь выросли на улицах города — более мощные, оснащенные по всем правилам фортификационного искусства, способные выдержать удары тяжелого оружия, надежно преградить дорогу танкам.

Эти баррикады будут защищать не малочисленные и плохо вооруженные боевые дружины героических краснопресенцев, а вся трудовая Москва и не только винтовками и самодельными бомбами, но и современными орудиями, дула которых уже грозно выглядывают из амбразур, пулеметами, создающими зону сплошного огня на подступах к заграждениям, противотанковыми и ручными гранатами, испепеляющим пламенем горючей смеси «КС», которые обрушатся на врага еще при его подходе к баррикадам.

Неузнаваемым стал облик Москвы. Баррикады, надолбы, проволочные заграждения, заложенные мешками с песком или забитые щитами из толстых досок окна магазинов и первые этажи государственных учреждений. На заснеженных бульварах, в парках подняли в небо стволы зенитных орудий, тут же как бы притаились огромные китообразные тела аэростатов. Жилые и многие служебные здания на важнейших направлениях посуровели и будто нахмурили брови. Через прищур заложенных камнями окон-амбразур выглядывают стволы пулеметов, снайперские винтовки. На балконах, укрытых ящиками или мешками с песком, расположились истребители танков с запасом гранат и бутылок с горючей смесью.

Трудно было разобраться, где гражданский человек, а где воин, готовый к бою. Лица у всех озабочены, движения торопливны, разговоры коротки: каждый понимал, что делает очень важное дело, на которое отведено немного времени.

Такими были Москва и москвичи в те дни, перед новым натиском фашистской бронированной орды.

А на рубежах, куда вышли москвичи, шла напряженная солдатская жизнь. Днем и ночью — учеба. Повсюду развернулось соревнование за отличное владение своим оружием и техникой, за лучшую огневую позицию, окоп, блиндаж, за овладение другими военными специальностями. В Военный совет, в Политуправление

шли доклады: командир пулеметного отделения Никитин, пулеметчики-снайперы Гаврилова, Ковшова, Поливанова за отличную стрельбу получили благодарность командования дивизии; молодые бойцы Вершинин, Купцов, Ластухин выбивают из винтовки 25—27 очков из 30 возможных, а пулеметчики командира отделения Брюханенко все пять зачетных пуль кладут в «яблочко».

К середине ноября не осталось почти ни одного орудийного или пулеметного расчета, боевого экипажа, где не было бы подготовлено запасных наводчиков, прибористов, механиков, башенных стрелков.

О великом душевном подъеме, воле к победе и твердой решимости москвичей в канун новой схватки с врагом я рассказал тогда в статье «Не бывать в Москве фашистским людоедам», напечатанной в московских газетах.

Вместе со взрослыми, с присущей юности страстностью готовилась к бою с врагами наша молодая поросль — пионеры. Они мечтали стать разведчиками, связными, наблюдателями. Тимуровцы 666-й школы старательно изучали винтовку, гранату, тренировались в метании бутылок с горючей смесью, в маскировке. В те дни широко обошла печать сообщения о том, как под Медынью 13-летний Толя Никишин выводил из окружения курсантов роты Ботвинского по одному ему известным тропинкам глухого леса, по бродам через реку; как пионер Вова Зиновин первым разведал место приземления подбитого фашистского самолета и затем повел к нему бойцов, захвативших в плен вражеского летчика. Примеров таких было много. Дети повзрослели. Они тоже готовились встать в ряды защитников родного города!

Москва, полная испепеляющей ненависти к врагам, была готова к бою не на жизнь, а на смерть. И к ее защитникам с верой и надеждой устремлялись взоры трудящиеся всего мира, к ним шли обращения со всех концов советской земли.

«...Защитники Москвы! Как звезда Кремлевской башни, светит над нашей землей наша столица — сердце, душа и мозг страны. Москва для нас всех — это символ единства народов Советского Союза, это символ его мощи и воли к победе. Со всех сторон к вам обращены взоры, полные надежды и веры... Вам выпало на долю нанести смертельный удар гитлеровским планам. Нерушимо наше единство, наша дружба, нерушима общность наших стремлений, дорогие братья и сестры. Одно знамя реет над нами — славное знамя партии Ленина, знамя победы!.. Защитники Москвы — красноармейцы, рабочие, ополченцы, женщины, девушки, все взявшие оружие, вы являетесь нашей гордостью

и славой...» — писали в обращении представители украинского народа.

«Родным москвичам... Друзья, мы вместе с вами переживаем суровые и тяжелые времена, — писали гвардейцы 1-й Московской мотострелковой дивизии, ведущие тяжелые кровопролитные бои под Наро-Фоминском. — От нас с вами во многом зависит судьба русского народа. Поражение несет нам рабство, горе и надругательство. Это страшнее смерти... Мы с вами люди одной крови, одной закалки. Мы на все готовы, мы выстоим и опрокинем врага. Победа будет за нами. Правда восторжествует».

3 ноября газета «Правда» в своей передовой пишет:

«Перед всеми нашими бойцами Можайского, Малоярославецкого, Волоколамского и Калининского направлений, перед всеми воинами, обороняющими подступы к Москве, стоит теперь величайшая задача — выдержать и этот новый напор гитлеровских полчищ, встретить его железной стойкостью, мужеством, самоотверженностью. Мы должны истощить, измотать, обескровить фашистскую армию, похоронить на подмосковных землях новые немецкие дивизии... Мужественной защитой Москвы мы покажем путь к победе всем нашим войскам, дерущимся на других фронтах Великой Отечественной войны. Таков великий смысл происходящих и предстоящих битв».

Как и в годы гражданской войны, огромное эмоциональное воздействие оказывали на защитников Родины и ее столицы яркие запоминающиеся плакаты. Какой силой веяло от плакатов И. Тондзе «Родина-мать зовет!», Б. Мухиной «Защитим родную Москву!», какой страстью дышали чеканные слова лозунгов-приказов: «Москва в опасности! Все на защиту родного города!», «Не допустить фашистских людоедов в Москву!» и другие. Пламенные призывы к защитникам столицы были расклеены везде и всюду, на афишных тумбах, стенах домов... Они заставляли каждого крепче сжать кулаки, стиснуть зубы, подтянуться. Все, что видели и слышали в те дни москвичи, все, чем они жили, над чем работали, сливалось, аккумулялировалось в одном непреклонном, непреодолимом стремлении — защитить Москву!

Огромное, мобилизующее значение имело и обращение героических защитников полуострова Ханко к москвичам. Почти четыре с половиной месяца отважный гарнизон выдерживал натиск врага. Тяжелые снаряды и бомбы вздыбили каменистую почву полуострова. Порой казалось, что человеческие сердца и нервы не выдержат чудовищной силы огня артиллерии, минометов и авиабомб. На этом строил свои расчеты враг и просчитался. Сердца и нервы героев выдержали. Их мужество, бесстрашие, стойкость явились ярким примером для подражания.

2 ноября, как только была получена газета «Правда» с обращением защитников Ханко, Н. М. Миронов со всеми работниками Политуправления, политорганов соединений и частей провели собрания, митинги, беседы в землянках, на огневых позициях. Это обращение вызвало исключительный подъем душевных сил у бойцов. В Военный совет и Политуправление пошли взволнованные письма для героев Ханко, резолюции, обращения, новые социалистические обязательства и клятвы быть такими же стойкими и мужественными, как герои Ханко. На основе этих писем, резолюций был составлен ответ воинов Московской зоны обороны доблестным защитникам полуострова Ханко, подписан представителями всех частей и соединений и 13 ноября опубликован в «Правде». Лейтмотивом этого документа была клятва бойцов: «Ни шагу назад. Стоять насмерть!.. Будем беспощадно истреблять врага на нашей священной земле. Будем драться до последней капли крови. Отстоим Москву, не пропустим к древним стенам Кремля гитлеровских насильников... С нами весь народ. В сердце каждого советского человека живет любовь к Москве. С нею связаны самые чистые, самые светлые и благородные мысли и чувства советских людей... Мы клянемся матери-Родине, клянемся перед всем советским народом, что будем биться с врагом день и ночь, не щадя сил своих и самой жизни. Клянемся отстоять Москву. Всю любовь свою к родной земле, к женам и детям нашим, все неукротимое стремление наше к счастью мы вложим в борьбу и победы...»

Так ответили героям Ханко воины Московской зоны обороны и их представители, подписавшие письмо,— мастер завода «Изолятор» П. Ключков, студентка Московского юридического института депутат Верховного Совета РСФСР политрук Ена, работница завода медсестра Калекина, доцент кафедры философии Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б) красноармеец-пулеметчица Жидкова, доктор экономических наук, профессор-красноармеец Войтинский, профессор-красноармеец Петров, писатель-драматург Петров-Сокольский, Герой Советского Союза студент Берендеев, заслуженные мастера спорта орденосцы-врачи братья Знаменские, краснофлотцы — пулеметчик Жеболдов и минометчик Куликов, командир батареи Толчапов, командир танка сержант Акатев, командир авиаэскадрильи Даргис.

Мыслители, писатели, поэты прошлого и настоящего много сказали возвышенных слов о нашей русской женщине, ее благородстве, силе и красоте души, патриотизме и мужестве, с которым она пробивала себе дорогу к признанию, к равноправию. Война с фашизмом по-новому раскрыла облик нашей советской женщины, для которой главным в помыслах, побуждениях, в действиях

стала забота о судьбе Родины, готовность идти на любые испытания, на смертельную схватку с врагом, но отстоять все радостное и счастливое, что завоевано и создано за годы Советской власти.

Все, чем жили в эти грозные дни наши женщины, хотелось бы показать на примере только нескольких из этого героического поколения. Вот Анна Федоровна Жидкова. Ее подпись стоит под ответом героям полуострова Ханко. До войны она достигла многого — кандидат философских наук, доцент Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б). Работа ответственная и почетная. Началась война, Жидкова сразу же подала заявление о зачислении добровольцем на фронт, но ей отказали, как не имевшей военной подготовки. Тогда она записалась на трехмесячные курсы медсестер, успешно окончила их, и когда в октябре Москва становилась под ружье, Анна Федоровна вступила в Коммунистической батальон, с ним вошла в состав 3-й Коммунистической дивизии.

На вопрос, почему она сменила педагогическую и научную деятельность философа на трудную фронтовую солдатскую жизнь, она ответила: «Теперь у нас одна философия — бить нещадно врага...»

В дивизии она в совершенстве овладела станковым пулеметом, стала снайпером и лично уничтожила не один десяток фашистов. А. Ф. Жидкова была назначена инструктором политотдела дивизии по пропаганде, ей присвоили звание старшего политрука. Но она мало находилась в политотделе, ее тянуло в гущу бойцов, на передний край. Там своим зажигающим большевистским словом она возбуждала ненависть к врагу, звала бойцов на подвиги. Когда под деревней Павлово на Северо-Западном фронте шел жестокий бой и была смертельно ранена пулеметчица Дуся Бондаренко — Анна Федоровна легла за пулемет и его огнем уничтожила до роты гитлеровцев, но погибла и сама. За мужество, за подвиги А. Ф. Жидкова посмертно награждена орденом Красного Знамени.

Свою подпись на ответе героям Ханко А. Ф. Жидкова ставила и от имени своих боевых подруг по дивизии — Нины Жаворонковой, Зибе Ганиевой, Наташи Ковшовой, Маши Поливановой и многих других, перед патриотизмом и мужеством которых нельзя не преклоняться.

17-летняя комсомолка студентка геологоразведочного института Нина Жаворонкова с первых дней войны рвалась на фронт защищать Родину, но ей отказывали по молодости. Тогда она пришла в Краснопресненский райком комсомола, имея при себе противогаз, санитарную сумку, села в приемной и заявила, что не уйдет из райкома, пока не пошлют на фронт.

— Я комсомолка, и мое место среди героических защитников,— заявила патрютка.

Просидев день, она добилась своего. С Краснопресненским батальоном она влилась в 3-ю Коммунистическую дивизию и мужественно боролась за спасение раненых на поле боя.

Такой же волевой, настойчивой была и славная дочь азербайджанского народа Зибе Ганиева, студентка Государственного института театрального искусства, ныне кандидат филологических наук. Ей также в начале войны отказали в направлении на фронт, и только в октябре молодой патриотке удалось добиться поставленной цели — в 3-й Коммунистической дивизии она стала радисткой-разведчицей, неоднократно ходила в тыл врага, передавала ценные сведения о противнике, овладела снайперским мастерством и лично уничтожила 21 гитлеровца, была удостоена правительственных наград.

Слава о подвиге Наташи Ковшовой и Маши Поливановой, посмертно удостоенных звания Героя Советского Союза, облетела весь мир, их имена золотыми буквами вписаны в историю Великой Отечественной войны. 23 октября, заступая на боевой пост у стен столицы, они писали в окружной газете «Красный воин»: «Мы, советские девушки-снайперы, вместе с бойцами нашего батальона принимали присягу. Каждый воин клялся в своей верности Родине и готовности защищать ее, не щадя своей жизни... Наш девиз: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!» Под этим девизом они сражались и героически погибли, выполнив до конца свою клятву.

Таковы были славные и мужественные дочери народов нашей страны. А их было только в одной 3-й Коммунистической дивизии более 500, во 2-й дивизии — около 150.

Это к ним и другим миллионам советских женщин-бойцов и тружениц были обращены слова Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в день двадцатилетия победы над гитлеровской Германией: «С такой силой, как в дни войны, никогда не проявлялись величие духа и негибаемость воли наших советских женщин, их преданность, верность, любовь к Отчизне, их безграничное упорство в труде и героизм на фронте».

Парад на Красной площади

Приближалась 24-я годовщина Великого Октября. Тревожное время, тревожные и думы. Москвичи уже не спрашивали, будут ли традиционные торжества, парад. Понимали — враг близко, не до этого. А на востоке страны, в ее тылу,

все советские люди жадно вслушивались в сводки Совинформбюро, знали: раз звучит в эфире «говорит Москва» — Москва стоит. 7 ноября ожидали с каким-то особым волнением. Если будет торжественное заседание и парад — значит, Москва стоит крепко, спадет с сердца тяжелый камень тревог. О вероятности проведения ноябрьского парада запрашивали в письмах, об этом хотели знать и товарищи, прибывавшие из тыловых районов страны.

Что можно было ответить? Только то, что, безусловно, традиционный парад войск на Красной площади явился бы событием огромного политического значения, вдохновил бы советский народ на новые подвиги. Но надо быть реалистами: обстановка под Москвой оставалась очень напряженной. Да и вражеская авиация располагалась сейчас слишком близко к столице и сколь бы надежной и прочной ни была система ПВО, угроза воздушного налета не снималась с повестки дня. Словом, сказать что-либо определенное никто бы не взялся, все зависело от решения Центрального Комитета партии и высших военных органов.

Примерно в последних числах октября командующий П. А. Артемьев был вызван в Ставку. Возвратившись в штаб, Павел Артемьевич рассказал:

— Не знаю, как и сказать тебе. Самому трудно в это поверить... Мне поручено подготовить части гарнизона к параду на Красной площади... Был чрезвычайно удивлен этим поручением, пытался доложить, что войска гарнизона выполняют ответственную задачу по поддержанию порядка и спокойствия, боевые части, вся артиллерия занимают рубежи. Кроме того, для парада нужно хотя бы несколько танковых батальонов, но в распоряжении командования округом их нет.

— И что вам ответили на это? — спросил я.

— Сталин сказал, что я недооцениваю значимости этого мероприятия и что парад должен состояться, необходимые для этого войска следует найти. Артиллерией поможет в ГАУ Яковлев, о танках — подумаем. Командовать парадом приказано мне. О подготовке докладывать Буденному, который будет принимать парад. До ночи 6 ноября о подготовке к параду должен знать строго ограниченный круг лиц.

Рассказывая это, Павел Артемьевич заметно волновался. Я прекрасно понимал его, ибо каждый в подобном положении испытал бы, вероятно, то же самое.

Действительно, решение о проведении парада было столь необычным и неожиданным, что не могло не взволновать. Вся страна жила глубокой тревогой за судьбу Москвы. И членам Политбюро ЦК надо было обладать большим мужеством, прозор-

ливостью, чтобы в еще незначительных переменах, в задержке продвижения врага увидеть возможность на весь мир заявить, что Москва стоит и будет стоять непоколебимо; она проводит свой традиционный парад на Красной площади. Это было поистине историческое решение.

После всестороннего обсуждения Военный совет определил, что на парад выйдут: батальоны курсантов Окружного военно-политического училища, Краснознаменного артиллерийского училища, полк 2-й Московской стрелковой дивизии, полк 332-й дивизии имени Фрунзе, стрелковые, кавалерийские и танковые части дивизии имени Дзержинского, Московский флотский экипаж, Особый батальон Военного совета МВО и МЗО, батальон бывших красногвардейцев, два батальона Всевобуча, два артиллерийских полка Московской зоны обороны, сводный зенитный полк ПВО, два танковых батальона резерва Ставки, которые должны к этому дню подойти из Мурманска или Архангельска.

Без широкой огласки по одному вызывал командующий командиров и комиссаров частей и училищ, которым предстояло принять участие в параде. Не раскрывая истинных планов, он сообщал им, что москвичи хотят посмотреть части, отправляющиеся на фронт, с этой целью Военный совет предполагает примерно в первой половине ноября в районе Крымского моста провести смотр-парад не только тех частей, которые уйдут на фронт, но и некоторых остающихся в Москве и на ее рубежах. Они должны своим участием как бы скрепить боевое братство и решимость в любую минуту прийти на помощь уходящим. Было предложено в порядке обычных учебных занятий на закрытых территориях усилить строевую подготовку выделенных для смотра-парада частей.

И вот, на радость советским людям, в 18 часов 6 ноября заговорили все радиостанции Советского Союза: «Говорит Москва! Передаем торжественное заседание Московского Совета с представителями трудящихся города Москвы и доблестной Красной Армии, посвященное 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции...»

Ликование охватило всю нашу страну. С затаенным дыханием прильнули к приемникам и репродукторам и стар и мал, люди героического подполья и бойцы партизанских отрядов в тылу врага. У всех на душе был светлый праздник. Это был убедительный ответ советскому народу на тревоживший сердце вопрос о положении под Москвой, ответ всему миру на неоднократные хвастливые заявления гитлеровской верхушки о том, что падение Москвы — дело ближайших дней.

Торжественное собрание и для москвичей было неожиданным, радостным и вдохновляющим событием. Принимая решение о его проведении, Политбюро ЦК и Ставка Верховного Главнокомандования должны были особо оговорить меры, ограничивающие круг лиц, привлекаемых ко всем организационно-подготовительным мероприятиям. А дело это непростое. И Московскому горкому партии, и Моссовету пришлось основательно потрудиться. Во-первых, на станции метро «Маяковская» надо было подготовить зал на 2 тысячи мест, да так, чтобы знали лишь те, кто к этому непосредственно привлекался. Затем заказать в типографии пригласительные билеты, через секретарей райкомов, руководство Главного политического управления, начальника Политуправления МВО и МЗО составить списки приглашенных и организовать вручение пригласительных билетов не ранее, как за два-три часа до начала торжественного собрания. Со всеми этими задачами московские организации справились блестяще.

Перед командованием МВО и МЗО Верховный Главнокомандующий поставил задачу обеспечить строжайший порядок и полное спокойствие в городе и надежное его прикрытие с воздуха совместно с ВВС Красной Армии. Это обязывало держать в боевой готовности № 1 всю систему ПВО, усилить службу заграждения, установить более жесткий режим на контрольно-пропускных пунктах, расположенных на въездных путях в Москву, перестроить патрульную службу. Отдавая эти распоряжения, Военный совет должен был позаботиться и о том, чтобы во всех частях привели в полный порядок радиоприемники, радиотрансляционные точки и предупредили всех военнослужащих, что в 18.00 будет передано важное сообщение.

Нечего и говорить, что в столь тревожное время подобное предупреждение вызвало повышенный интерес. Строились разного рода догадки, предположения. Командиры и начальники политорганов обрывали телефоны, пытались получить заранее какое-либо разъяснение о сути «важного сообщения». В их голосах сквозили тревога, озабоченность; спрашивали: может быть, что-нибудь надо делать уже сейчас? Пришлось отвечать одно: «Выше бдительность, держать всех людей, составляющих боевые расчеты, в наивысшей боевой готовности и четко организовать слушание сообщения. Содержание сообщения немедленно довести до каждого бойца и командира в окопах, на огневых позициях, до экипажей самолетов на аэродромах».

Все это было сделано. Радость воинов можно было понять. И когда до 250 вражеских бомбардировщиков пытались сорвать праздничное торжество, они были встречены на подходе к городу особо плотной завесой зенитного огня, такими яростными стреми-

тельными атаками наших истребителей, что вынуждены были обратиться в бегство, не достигнув цели. Это был подарок воинов ПВО и летчиков ВВС празднику Великого Октября.

Вплоть до поздней ночи 6 ноября командиры и личный состав частей, отобранных для парада, так и не знали, что несколько часов спустя им выпадет великая честь — пройти церемониальным маршем по Красной площади, перед Мавзолеем великого Ленина.

Только после окончания торжественного собрания командующий округом сообщил командирам частей об истинной их задаче. Очень жаль, что не было в это время кинооператора или фотокорреспондента, чтобы заснять это чудесное мгновение, запечатлеть все то, что отразилось на лицах присутствовавших. Тут были и удивление, и восторг, п... сомнение. Но сомнение быстро рассеялось, и командиры убыли в свои части в приподнятом настроении, полные решимости за ночь сделать все возможное, чтобы с честью выполнить почетное задание.

Нелегко было организовать этот парад силами вновь сформированных частей, без обычной тщательной подготовки. Волновался Военный совет и за артиллерийские части, снимаемые с огневых позиций. Беспокойство доставила только что разгрузившаяся танковая бригада, которая должна особенно точно знать место в общем построении, порядок прохождения по Красной площади. Если в прошлых парадах части выходили без боеприпасов, то на этот раз в связи с близостью врага надо было выводить их в полной боеготовности, чтобы в случае надобности они могли вступить в бой без промедления.

Волновал вопрос — как поведет себя противник. Ведь Гитлер на весь мир заявил, что 7 ноября на Красной площади в Москве он проведет парад своих «непобедимых» войск, везших в обозе для этого парадное обмундирование. Известным стал и его приказ: в ближайшие дни во что бы то ни стало разделаться с Москвой. Пленные рассказывали, что, если они возьмут Москву, им были обещаны теплые квартиры, имущество этого богатого города, отпуска домой.

У одного пленного офицера было обнаружено обращение немецкого командования к солдатам восточного фронта. В нем говорилось: «Солдаты! Перед вами Москва! За два года войны все столицы континента склонились перед вами, вы прошагали по улицам лучших городов. Вам осталась Москва. Заставьте ее склониться, покажите ей силу вашего оружия, пройдите по ее площадям. Москва — это конец войны. Москва — это отдых. Вперед!»

Предвкушение «близкой победы» кружило головы солдатам

рейхсвера, толкало их вперед. Обер-ефрейтор Губер писал жене: «Еще немного времени и последнее сопротивление русских будет преодолено. Нас ждет окончательная победа. Русские заплатят тогда нам за все». Другой разбойник, нацист Христиан Хельцер, еще более циничен в своем письме к отцу Георгу Хельцеру: «Когда вы получите это письмо, русские будут разбиты, мы будем уже в Москве, промаршируем по Красной площади. Мне и во сне не снилось, что я увижу столько страданий. Надеюсь, что буду присутствовать и на параде наших войск в Англии». Эсэсовец Ксима в письме к жене уже предвкушал, как он займет в Москве теплую квартиру и пришлет «такие московские подарки, что тетка Мина лопнет от зависти».

И вот эти кровожадные звери, бандиты и грабители рвутся в Москву, жажда крови и обогащения. Они готовятся к пьяным оргиям, диким разбоям, к «варфоломеевской пощип».

Не учитывать этого было нельзя, требовалась высокая готовность ко всему. Почти не смыкая глаз, всю ночь мы вели переговоры с командованием ПВО, командирами дивизий на рубеже зоны обороны, с Генеральным штабом и штабами Западного и Калининского фронтов; согласовывали с ВВС Красной Армии вопросы воздушного прикрытия Москвы и парада. 550 самолетов стояло на аэродромах в готовности № 1.

А часовая стрелка неумолимо двигалась по циферблату. Павел Артемьевич Артемьев так и не прилег отдохнуть. К 6 часам он должен был прибыть на Красную площадь и там проверить правильность выполнения задач командирами частей, участвующих в параде, обеспечить своевременное построение войск.

Командующий волновался. Да и как было не волноваться? Впервые командовать парадом на Красной площади, да еще в условиях и обстановке совершенно необычных — дело в высшей степени ответственное. Артемьев попросил меня остаться на время парада в штабе, следить за порядком и спокойствием в городе, проверять готовность ПВО и ВВС и принимать экстренные меры, если в них возникнет необходимость.

...Предутренние часы. Густые хлопья снега покрыли белесой пеленой улицы. С 5 часов утра к Красной площади потянулись колонны участников парада, и с этого же часа от Московского комитета партии, от райкомов на автомашинах с особыми пропусками во все концы помчались посыльные с приглашительными билетами на парад. Каково же было удивление, радость, счастье внезапно разбуженных или стоявших еще у станков москвичей, когда им вручался столь драгоценный документ. Им предстояло стать свидетелями волнующего события, дорогого сердцу каждого советского человека!

В те суровые дни так уже было заведено: репродукторы радиотрансляционной сети на ночь не выключались. По всей стране и в тылу врага с нетерпением ждали шести часов утра, чтобы услышать голос Москвы и прослушать первый утренний выпуск «Последних известий». Не изменили себе советские люди и в этот раз, хотя трансляция по радио торжественного собрания внесла известное успокоение и, быть может, первую ночь за последний месяц советские люди спали чуть спокойнее. И вот за несколько минут до 8.00 на весь мир прозвучал знакомый голос Левитана: «Говорят все радиостанции Советского Союза... Центральная радиостанция Москвы начинает передачу с Красной площади парада частей Красной Армии, посвященного 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции...»

Второй, третий призыв слушать...

Незабываемые минуты, светлые и радостные! Весь наш народ до единого человека с затаенным дыханием вслушивался в далекие, но знакомые, памятные слова команд, в громкое «ура» на здравицы принимавшего парад Маршала Советского Союза С. М. Буденного, в какое-то особое торжественное звучание фанфар «Слушайте все!» и в слова, проникнутые глубокой верой в силу народную и нашу победу над врагом, произносимые И. В. Сталиным от имени Центрального Комитета партии и Советского правительства. А затем — торжественный марш частей. И перед мысленным взором каждого советского человека проходили могучей поступью колонны войск, грозными рядами двигались танки, орудия. Этим бойцам и технике прямо с парада предстояло идти в бой, на оборонительные рубежи, громить фашистов, замахнувшихся на святая святых нашей Отчизны — ее столицу.

Парад окрылил советских людей. Все поняли, что если под дулами вражеских орудий, под ударами с воздуха, под угрозой бронированных полчищ Москва традиционно отмечает день рождения страны Советов — значит, Москвы врагу не видать.

Парад на Красной площади произвел ошеломляющее впечатление и на врага. В то время, как на весь мир уже было растрезвонено об уничтожении Красной Армии, о неизбежном скором падении Москвы, об эвакуации Советского правительства за Урал, — звон Кремлевских курантов, услышанный на всех континентах, был подобен грому тысяч орудий. Это был колоссальной силы удар по престижу гитлеровской верхушки.

И вовсе не ненастье помешало воздушному налету на Москву в те исторические часы. Враг был взбешен и растерян. А сильные удары, организованные советским командованием в дни 6 и 7 ноября на Волоколамском, Можайском и Малоарославецком направлениях, которые в ряде случаев привели к вклинению в оборону

противника на значительную глубину, не на шутку встревожили немецкое командование. Парад советских войск на Красной площади стал еще одним ударом, но, быть может, сразу гитлеровское руководство не оценило реально всех его последствий. И именно здесь еще раз глубоко и непоправимо просчиталось. Оно не учло огромной силы эмоционального заряда, который был заложен в самом решении Центрального Комитета партии о проведении парада войск на Красной площади в канун решающего сражения за Москву. Дальнейшее развитие событий подтвердило мудрость этого решения.

Тыл отвечал на октябрьские торжества высочайшим трудовым подъемом. По решению МК и МГК дни праздников объявлялись днями фронта и укрепления обороны Москвы. Десятки тысяч москвичей вышли на воскресники, остались на вахте у станков. Слесарь завода «Газоаппарат» коммунист Матюшин до 7 ноября выполнял норму на 130—150 процентов, 8-го — уже на 193, а 9-го — на 319. До 400—500 процентов выполнял норму штамповщик Егоров. Уже к 15 ноября в фонд обороны москвичи внесли от своего добровольного труда 95 миллионов рублей. С предприятий, строительных участков на рубежах — отовсюду шли донесения о беспримерном трудовом подвиге москвичей, как отзвуке октябрьских торжеств в Москве. Страницы центральных газет были заполнены сообщениями, говорившими о высокой политической и трудовой активности всего советского народа, о горячей вере в победу, во имя которой они трудились с вдохновением, не щадя сил.

Перед новым натиском

Если на центральном участке Западного фронта враг вынужден был остановиться, а в районе Скирманово даже попытаться под ударами героических бойцов 16-й армии Рокоссовского, то на левом фланге, в районе Серпухова и Тулы, положение до крайности обострилось. 24-й механизированный корпус врага, захватив 28 октября Щекино, попытался на следующий день ворваться на южную окраину Тулы, но был отброшен войсками 50-й армии и Тульского гарнизона. Начались напряженные бои у стен нашей оружейной кузницы. Не добившись успеха с юга, фашистское командование предприняло обходные удары с севера и востока, ставя под угрозу прямые пути, связывавшие Тулу с Москвой.

Под непосредственной угрозой оказался Серпухов. Прикрывавшие его с северо-запада части 43-й, с запада и юго-запада — 49-й

армий, крайнѣ ослабленные предыдущими боями, с трудом сдерживали 12-й и 13-й армейские корпуса противника в междуречье Нары и Протвы на рубеже Воронино — Малеево — Троицкое — Салтыков и по северному берегу Протвы до впадения ее в Оку. Учитывая огромную важность удержания Серпухова, Ставка направляет сюда сильную кавалерийскую группу генерала П. А. Белова. Войска 49-й армии совместно с этой группой в тяжелых боях сходили до восьми дивизий противника, отбросили его к Угодскому Заводу, но поставленной задачи — окружить и уничтожить части 13-го армейского корпуса — выполнить не смогли. И все же сражение под Серпуховом сыграло свою роль. Город был удержан. Прибавилось опыта в организации крупных контрударов. Опасность, нависшая над городом, мобилизовала трудящихся. Ряды истребительного батальона и рабочих отрядов самообороны пополнились новыми бойцами. Их хорошо вооружили. Один из таких отрядов под командой коменданта Серпухова комбрига П. А. Фирсова смело выдвинулся в район Высокиничи, неожиданно произвел нападение на подразделения фашистов, разгромил их и с богатыми трофеями возвратился в город, вызвав бурю ликования у населения. Победа окрыляла бойцов. За удержание Серпухова героически боролась 60-я стрелковая, бывшая 1-я дивизия народного ополчения Ленинского района Москвы, под командованием Героя Советского Союза полковника М. А. Зашибаева. Командование МЗО внимательно следило за развитием событий на этом направлении и помогало своей авиацией.

К середине ноября разведывательные и оперативные сводки Генерального штаба показывали, что затишье подходит к концу, что враг готовится к новому решающему наступлению на Москву. Меры, предпринимаемые Ставкой и командованием Западного фронта к усилению флангов Западного фронта, то есть направлений, откуда ожидался главный удар противника, внушали достаточно обоснованную уверенность, что враг встретит здесь должное сопротивление и его расчеты на легкую победу, на повторение «Вяземской истории» не осуществятся.

Однако соотношение сил складывалось пока еще не в нашу пользу и не давало никаких оснований к самоуспокоению и благодущию, особенно потому, что главные танковые силы врага, сосредоточиваемые на флангах, намного превосходили то, чем располагали 30, 16, 49 и 50-я армии. И это уже было опасно. Поэтому мы должны были продолжать принимать самые энергичные меры к укреплению рубежей Московской зоны обороны, совершенствованию системы противотанкового огня, накоплению достаточного количества боеприпасов и упорядочению управления войсками.

Среди многочисленных мер, предпринимаемых Центральным Комитетом партии, ГКО и Ставкой для отражения вражеского нашествия, особое место занимала забота о формировании гвардейских минометных частей.

20 октября меня срочно вызывают к члену Государственного Комитета Оборона Г. М. Маленкову. Цель вызова не ясна. Поэтому в короткие минуты сборов и поездки я торопливо перебираю в памяти все самое главное — что делаем, что еще надо сделать для обороны столицы, для поддержания в ней должного порядка и какая помощь нам нужна. Через все посты прошел без задержки. Названа комната, куда надлежало явиться. Секретарь доложил о прибытии, и я не без волнения вошел в кабинет.

Член ГКО коротко расспросил о силах на рубеже обороны, вооружении их, обмундировании и нуждах. Он упредил меня, заметив, что главная наша трудность — недостаток артиллерийских средств, особенно противотанковых.

Я воспользовался случаем доложить, что Московская зона обороны не имеет ни одного дивизиона реактивных минометов, а все, что мы формируем, забирается на фронт.

— Вот по этому вопросу вы как раз и вызваны. Настало время позаботиться, как этого требует сложившаяся обстановка, и о Московской зоне. Принято решение, — говорил далее член ГКО — в течение 20—30 дней сформировать для непосредственной защиты Москвы 15 отдельных дивизионов гвардейских минометов. Срок жесткий, но надо принять все меры, чтобы сократить его, если нам удастся получить с заводов полностью боевые машины. Об этом позаботится ГКО и Московские организации, а на вас, как члена Военного совета, возлагается ответственность за выполнение этого срочного и важнейшего задания по формированию дивизионов. Вы будете особо уполномоченным ГКО. Ваши права и обязанности указаны вот в этом документе. — С этими словами Маленков вручил мне документ следующего содержания.

«Дан настоящий мандат члену Военного совета Московского Военного округа т. Телегину К. Ф. в том, что он является уполномоченным Государственного Комитета Оборона по минометным частям М-8 и М-13 в войсках Подмосквонной линии обороны.

Тов. Телегину вменяется в обязанность обеспечение каждой дивизии и каждой отдельной группы войск Подмосквонной линии обороны минометными частями, снарядами к ним и контроль за правильным использованием минометных частей М-8 и М-13.

Председатель Государственного
Комитета Оборона И. Сталин».

Так, к обязанностям члена Военных советов МВО и МЗО (а Московская зона обороны была приравнена к фронтовому объединению) добавилась еще одна и весьма большой важности — уполномоченного ГКО по формированию гвардейских минометных частей. Не скрою, эта задача в октябрьско-ноябрьские дни была очень трудной. Эвакуация промышленных предприятий и перестройка аппарата центральных учреждений изменили установившийся ранее порядок получения всего необходимого, в известной мере сократились возможности по изысканию дополнительных ресурсов.

Особо важное значение приобретало максимальное использование оставшегося промышленного оборудования для производства «катюш» в Москве, иначе пришлось бы ждать их получения с Урала, куда эвакуирован был завод «Компрессор». Особенно это касалось организации ремонта боевых машин, поступающих с фронта, за счет которых можно было вновь сформировать часть дивизионов. Московский комитет партии горячо поддержал инициативу одного из организаторов производства «катюш», старейшего работника завода «Компрессор» Михаила Прокопьевича Курапова. При эвакуации завода он с группой товарищей решил создать на предприятии ремонтную базу, чтобы не отправлять на Урал на ремонт поступавшую с фронта технику. Военные представители на заводе полковник Г. А. Копылов и военинженер 3-го ранга П. П. Усачев поддержали его, а директор завода М. М. Богданов санкционировал организацию этого цеха. Таким образом, часть оборудования, изготовленные узлы и детали к М-13 были оставлены и работа закипела. Вместе с оставшейся частью конструкторов коллектив цеха № 16 разработал модификацию второй боевой машины — М-8 под имевшийся на авиационных базах значительный запас снарядов этого калибра, что позволило сформировать три дивизиона М-8.

16 ноября я докладывал Государственному Комитету Обороны, что к 15 ноября сформировано не 15, а 16 дивизионов гвардейских минометов, из коих — 13 дивизионов М-13 и три — М-8. Все дивизионы обеспечены положенным им по таблице вооружением, снаряжением, специальным имуществом и транспортом.

Личный состав прошел специальную отборочную проверку. Большинство комсостава дивизионов после изучения материальной части присутствовало на учебно-показательных стрельбах; боевые системы освоило, с тактическим применением ознакомлено.

Очень сложно было в короткий срок сформировать эти дивизионы. Я с благодарностью вспоминаю о большой помощи, которую оказали командующий гвардейскими минометными частями

В. А. Аборенков, член Военного совета этих частей П. А. Дегтярев, полковники Быков и Ю. П. Бажапов (ныне Маршал артиллерии). Всем им немало пришлось потрудиться, чтобы помочь командующему и мне разобраться в специфике этого нового грозного оружия. Правда, не всегда у нас были с ними приятные разговоры, особенно когда они забирали сформированные для МЗО дивизионы. Но мы понимали, что фронту нужна была безотлагательная помощь.

Дивизионы гвардейских минометов сыграли очень важную роль в решающих боях за Москву. Когда где-либо возникала острая ситуация, туда немедленно выводили гвардейские минометы. И эти «органы», как называли их враги, наводили на противника страх, сеяли смятение. Пленный сержант Абтцен показывал, что под Клином от «полка остался один батальон. Главные потери дивизия понесла от ваших «органов» («катюш»).

Во второй неделе ноября доносились до Москвы отзвуки сражений под Скирманово, Наро-Фоминском, Серпуховом, Тулой. Уже сам по себе факт, что немецко-фашистским полчищам не удалось удержаться в мощном и тактически выгодном Скирмановском узле обороны, прорваться через Наро-Фоминск на Кубинку, овладеть Серпуховом и Тулой, свидетельствовал, что опасность, нависшая над столицей, удесятерила силы бойцов, укрепила их дух. Ну и, конечно, ошутимее давали о себе знать уже накопленные резервы. И Главное Командование и командование Западного фронта имели некоторые силы для маневра, было организовано тщательное наблюдение за действиями противника и на каждый его тактический ход следовали четкие контрманевры. Это были благоприятные симптомы, которые давали возможность видеть перспективу.

Но самоуспокоение было бы преступно. Враг стоял под Москвой. Особенно беспокоило в эти дни Северное направление, где, по данным Генштаба, сосредоточивались 3-я и 4-я танковые группы, уже доставившие нам в октябре крупные неприятности. Захваченные нами документы и показания пленных говорили о том, что за прошедшие полмесяца эти группы были значительно пополнены людьми и боевой техникой.

Учитывая это, Главное Командование Красной Армии направило на правое крыло Западного и левое крыло Калининского фронтов несколько дивизий, в том числе 24-ю кавалерийскую и 58-ю танковую дивизию. Но первая еще не участвовала в боях, а вторая имела лишь небольшое количество танков Т-26 и ни одного Т-34 или КВ. Сюда же были переброшены сильно ослаб-

ленная 126-я стрелковая дивизия, отходившая еще из Прибалтики. 30-я армия, занимавшая южнее Московского моря участок протяженностью в 70 километров, располагалась в одном боевом эшелоне, а против нее уже развертывались 27-й армейский корпус, дивизии 41-го и 56-го моторкорпусов противника, превосходившие 30-ю армию по количеству танков более чем в десять раз. 16-я армия выглядела солиднее. На ее же 70 километров фронта она имела 4 стрелковые, 2 кавалерийские дивизии Доватора, 3 танковые бригады, курсантский полк училища имени Верховного Совета РСФСР, и во второй эшелон этой армии Ставка выводила 17, 20 и 24-ю кавалерийские дивизии. Против 16-й армии обозначились 46-й и 40-й моторизованные корпуса 4-й танковой группы и 5-й армейский корпус 9-й армии. В их составе на Истринско-Солнечногорском направлении были 2, 11, 5 и 10-я танковые дивизии и моторизованная дивизия «СС» «Рейх».

30-я армия должна была прикрыть Клинецкое направление, но сам город Клин оставался без боевого гарнизона. Надежд на выделение чего-либо из 30-й армии мы не питали, необходимо было готовить дополнительные силы, чтобы можно было ими маневрировать и в нужных случаях быть готовыми закрыть какую-нибудь брешь или упредить захват противником важных опорных пунктов.

9 ноября Военный совет создает 2-й Отдельный московский отряд особого назначения в составе двух артиллерийских дивизионов, пулеметного батальона, штаба и подразделений обслуживания. В его составе было четыре 85 мм, шесть 45 мм орудий, 10 противотанковых ружей и 10 счетверенных зенитно-пулеметных установок. Были приняты меры к укреплению Особого батальона Военного совета МЗО. В его состав входили две стрелковые роты, пулеметная рота, батарея ПТО, взвод бронемашин, авторота, взвод связи. Спешно заканчивалось формирование трех пулеметных батальонов, а командир 1-го корпуса ПВО генерал Журавлев готовил подвижные артиллерийско-пулеметные отряды.

Используя некоторое затишье перед новой бурей, было договорено с наградным отделом Главного управления кадров о вручении наград героям. Вспоминается, как вечером 12 ноября в клубе штаба 1-го корпуса ПВО вручались ордена большой группе героев воздушных боев, руководителям и организаторам противовоздушной обороны столицы. Небольшой зал, небольшая сцена.

Первыми подошли получать ордена Ленина бесстрашные летчики лейтенанты Г. С. Богомоллов и П. Н. Даргин. Они бесстрашно приняли высокие награды, торжественно произнесли: «Служу

Советскому Союзу!» Мне особенно было приятно вручать орден Красного Знамени волевому, энергичному и умелому руководителю зенитчиков, теперь уже генерал-лейтенанту Д. А. Журавлеву, вложившему большой труд, знания, опыт в создание надежной противовоздушной обороны столицы, умело руководившему отражением вражеских налетов, активно помогавшему в отпоре врагу и на земле.

Не менее приятным было поручение правительства вручить орден Красного Знамени генералам авиации — командующему ВВС МВО и МЗО Сбытову, командиру 6-го авиакорпуса ПВО Климову, генерал-майору артиллерии Герасимову, полковнику Виноградову, лейтенанту Васецкому, сержанту Черных и многим, многим другим. Обращаясь к награжденным, я не мог не сказать о пережитом за дни войны, о подвигах, совершенных ими, и о том, что, видимо, предстоит еще тяжелые испытания, в которых свои мужество и героизм они несомненно помножат на накопленный опыт и будут разить врага с еще большим мастерством и решимостью. Взволнованные слова искренней благодарности Коммунистической партии и правительству за высокую оценку их ратного труда, за честь и доверие защищать родную столицу шли из глубин сердец, и было радостно сознавать, что Родина вырастила таких замечательных сынов, готовых выполнить свой долг до конца.

Во избежание непредвиденных осложнений под Москвой Военный совет принял предложение начальника штаба А. И. Кудряшова об активизации разведывательной службы в дивизиях Московской зоны обороны, для чего прежде всего были укомплектованы разведывательные взводы, роты и батальоны наиболее подготовленными людьми. К этой работе подключились Политуправление и полтотделы соединений.

В частях учебные занятия разведчиков проводились на удалении до сорока километров от переднего края внешнего пояса Московской зоны обороны, что позволяло командованию держать под постоянным наблюдением эти районы, и штабу получать дополнительную к официальной информацию. Теперь никакой неожиданности не могло быть. Глаза и уши дивизий Московской зоны обороны были далеко впереди от главного рубежа.

По договоренности с командирами и штабами дивизий, действующих на фронте, разведывательные группы наших соединений по мере их подготовки включались в боевые разведки фронтовых дивизий, где приобретали боевой опыт, обстреливались.

С каждым днем напряжение на фронте возрастало. Сводки за 10—15 ноября сообщали, что на Волоколамском, Можайском и Малоярославецком направлениях происходила артиллерийская и минометная перестрелка, шли бои местного значения. А под Калинином, Серпуховом и Тулой в эти дни продолжались ожесточенные бои. 11 ноября сообщалось, что бойцы Вострухова стойко отражают бешеный натиск врага. Утром 12 ноября в районе Калинина пехота и танки противника, поддержанные сильным артиллерийско-минометным огнем, к полудню, потеснив наши части, захватили два населенных пункта. 49-я армия в районе Спас-Конино — Суходол ведет тяжелые бои с противником, пытающимся прорваться к Туле с северо-запада, и что только после тяжелейшего боя удалось выбить противника из поселка, примыкающего к южной окраине Тулы, и обезопасить главную магистраль города — улицу Коммунаров от простреливания огнем автоматов и минометов. Только сильным контрударом наших войск 13 ноября удалось отбросить противника от ближних подступов к Серпухову.

Внимание командования МЗО было приковано к образовавшемуся разрыву, протяженностью в десятки километров, на левом крыле Западного фронта между переданной 10 ноября в его состав 50-й армией и правым флангом 3-й армии Юго-Западного фронта, которую противник теснил к Ефремову. Успех противника на этом участке открыл бы ему дорогу на Коломну, Каширу. Нужно было срочно усилить оборону этих городов.

Сражение не утихало, ожесточенность его не спускалась, и враг настойчиво стремился захватить более выгодные позиции для решающего наступления на Москву. Военный совет получил сообщение командования 30-й армии о том, что 20-й запасной полк Водкова героически сражается под Калинином и не только отражает атаки танков и пехоты, но и сам наносит врагу чувствительные контрудары.

В эти дни пришел порадовавший нас приказ Ставки приять, доукомплектовать, довооружить, дообеспечить всем необходимым и отправить на оборонительные рубежи Московской зоны резервы Ставки, прибывающие в ближайшие дни из Поволжья, Урала и Сибиря.

Наступало 15 ноября. Можно было подвести некоторые итоги. Чего же добился враг в столь широко разрекламированном «последнем и решающем» наступлении на нашу столицу? Героическое сопротивление Красной Армии разрушило планы врага, и он вынужден был остановиться в 80—100 километрах от Москвы,

споткнуться у Тулы. Нельзя было не обратить внимания на помещенную в «Правде» за 13 ноября заметку «Исторические призывы Геббельса к терпению». В ней отмечалось, что от победного барабанного боя Геббельс вынужден был перейти к заунывным причитаниям, призывам к терпению, к ожиданию «тяжелой, неумолимой войны» и даже к завуалированному словесной шелухой предупреждению о возможности поражения вермахта. Разительным в разглаговльствованиях гитлеровского трубадура был призыв: «...нельзя задавать вопроса о том, когда наступит победа...» И это после того, как много раз фашистское руководство указывало «точные даты» и завершения «блицкрига», и падения Москвы, и даже парада немецко-фашистских войск на Красной площади...

Вполне очевидно, что в метаморфозе гитлеровской пропаганды, сменившей барабанную трескотню на заунывные призывы к терпению и вере в гений фюрера, нашли отражение результаты битвы за Москву, развернувшейся совсем не по тому «сценарию», который писали руководители «третьего рейха» и его генеральный штаб. И если на Нюрнбергском съезде в 1936 году нацисты вывесили плакат, который провозглашал: «...пропаганда помогла нам прийти к власти... Пропаганда поможет нам завоевать весь мир», то в ноябре 1941 года эта пропаганда утратила вдруг свой воинственный тон, стала призывать к долготерпению, готовиться к худшему и не задавать вопросов о сроках победы. Советский народ и его доблестная Красная Армия сбили спесь и чванство с гитлеровских главарей. И в этом был один из важнейших военно-политических итогов минувшего этапа битвы на подступах к Москве.

Интересна справка, составленная по заданию Военного совета Кудряшовым, о темпах продвижения врага с начала октября по 15 ноября. Так, до 5 ноября 1941 года темп вражеского наступления составлял:

Волоколамское направление. Начало наступления 15 октября. Количество дней — 22, продвижение — 42 километра, среднесуточный темп — 1,9 километра.

Можайское направление. Количество дней — 22, продвижение — 40 километров, в среднем за сутки — 1,6 километра.

Малоярославецкое направление. Количество дней — 27, продвижение — 70 километров, в среднем за сутки — 2,6 километра.

Таким образом, от глубоких прорывов, «бросков» уже не осталось и следа. За каждый отвоеванный километр пришлось платить большой кровью, перемолотой техникой. Именно это и заставило немецкое командование приостановить наступление.

С 5 по 15 ноября настойчивые попытки противника прорваться к Москве также потерпели провал. Так, на Ново-Петровском направлении за 10 дней ему удалось продвинуться всего на 4 километра, на Истринском — на 15, Звенигородском — на 8 километров.

Однако данные, которыми мы располагали, говорили о том, что Гитлер собирается предпринять еще одну «последнюю» попытку взять Москву. На это его толкают и престиж, и катастрофическое положение с зимним обмундированием для армии. Но, безусловно, главным для гитлеровцев оставалось то, что со взятием Москвы они рассчитывали добиться конечной цели — победы в войне. Именно поэтому сюда немецко-фашистское командование стягивало наиболее боеспособные части, большую часть танков, находившихся на Восточном фронте, отборные авиационные части. На овладение Москвой были нацелены 51 дивизия, в том числе 13 танковых и 7 моторизованных, дававших подавляющее превосходство на ударных направлениях над нашими войсками в танках, артиллерии, в людях.

Уповав на эту, казалось бы, всесокрушающую силу, Гитлер готовился сыграть ва-банк, бросить свои бронированные полчища на второй, «последний» и «решающий» штурм. Отданный им приказ гласил: «...в ближайшие дни во что бы то ни стало разделиться с Москвой».

Москва стояла перед самым тяжелым и опасным испытанием. По характеру сосредоточения войск противника уже явственно вырисовывался излюбленный его прием — прорыв на узких участках фронта крупными ударными группировками, сжатие в стальные клещи не успевших отойти войск и затем выход на оперативный простор. Если раньше нас как-то еще выручали время и расстояния, то в те дни не было уже в запасе ни того, ни другого, и каждый глубокий прорыв нашей обороны был чреват большими осложнениями.

Но и перед лицом грозной опасности нас, военных, и москвичей не покидала глубочайшая вера, что и эта попытка врага будет сорвана, он неизбежно потерпит поражение, что Москва выстоит и победит. Не скрою, были и слабонервные, и малодушные, психика которых не выдерживала длительного напряжения. Показали свой злобный оскал и провокаторы, злобные враги Советской власти, долго таившиеся в ожидании «своего часа», пытались поднять голову и прямая немецкая агентура. Таких было мало, считанные единицы. Постановление ГКО об осадном положении возложило огромную ответственность на Военный совет, но дало ему и чрезвычайные права беспощадно карать враждебные элементы по суровым законам военного времени. И права эти, когда

требовали обстоятельства, использовались решительно, без колебаний. Иначе и не могло быть, когда речь шла о судьбе Москвы, о судьбе миллионов советских людей, а в конечном итоге и о судьбе страны.

Обстановка была сложной, но как бы ни было трудно вопросы, затрагивающие судьбу, честь и жизнь людей, никогда не рассматривались поспешно или поверхностно, каждое дело тщательно изучалось, всесторонне оценивались состав преступления, тяжесть его последствий для Родины. Замечу, что многим обвиняемым, заслуживавшим самой суровой кары, но искренне раскаявшимся и оставлявшим надежду на исправление, Военный совет смягчал приговор и предоставлял возможность искупить свою вину перед Родиной на полях сражений. В условиях жесточайшей войны, в разгар решающей битвы это было проявлением высочайшего гуманизма и полностью себя оправдало.

В дни наивысшей опасности

Первая весть о переходе немецко-фашистских войск в наступление была получена 15 ноября через Генеральный штаб от командующего Калининским фронтом. Свой удар враг обрушил на 5-ю стрелковую дивизию, 21-ю танковую бригаду и 20-й запасной стрелковый полк. 5-я дивизия была вынуждена отойти за Волгу, а остальные в течение дня продолжали сражаться в районе станции Чертаново — Труново, теснимые по Ленинградскому шоссе на Городню. 16 ноября последовал второй удар на участке фронта 30-й армии и 107-й мотодивизии, в составе которой были танковая бригада и мотоциклетный полк. Затем главные силы 4-й танковой группы противника обрушились на 16-ю армию, особенно на 316-ю дивизию Панфилова и 50-ю кавалерийскую дивизию корпуса Доватора.

Утром 17 ноября начальник Генерального штаба позвонил командующему Артемьеву и сообщил, что 107-я мотодивизия с трудом сдерживает сильный натиск противника, отходит на Безбородово — Ново-Завидовское. Под угрозой Клин. От имени Верховного Главнокомандующего маршал Шапошников приказал послать на помощь 30-й армии и на прикрытии Клина все, что возможно, не ослабляя Подмосковского оборонительного рубежа. Тут же Артемьевым было отдано распоряжение об отправке в 30-ю армию на автомашинах двух пулеметных батальонов. Для прикрытия Клина сформирован сводный отряд под командованием майора Дорогина (военком — батальонный комиссар Тихонов), в составе свыше 1500 человек.

18 ноября сводный отряд занял оборону на подготовленном рубеже. Клинский истребительный отряд под командованием пограничника батальонного комиссара Левина, усиленный двумя пулеметными ротами, одной маршевой стрелковой ротой и частью сил 2-го Особого московского отряда, оседлал Ленинградское шоссе и железную дорогу южнее Ямуги на фронте до 3,5 километра.

Высоковский истребительный батальон, усиленный взводом станковых пулеметов, занял оборону у села Голяди. Стрелковый батальон 2-й Московской дивизии с двумя ротами 306-го пулеметного батальона и частью 2-го Особого московского сводного отряда оседлал Волоколамское шоссе в районе Борисово — Васильево на фронте в 3 километра. В резерве у командира отряда в районе деревни Малнино оставались одна маршевая и одна пулеметная роты. Весь фронт отряда по переднему краю занимал до 15 километров.

19 ноября командование МЗО усилило этот отряд бронепоездом № 53 и одной батареей гвардейских минометов и считало, что в случае отхода частей 30-й армии на Клин они получат достаточную помощь от частей, заблаговременно занявших оборонительный рубеж. Большого мы тогда дать не могли, не оголяя рубежа Московской зоны.

Дни с 18 по 22 ноября сводный отряд использовал для совершенствования обороны. С помощью местных организаций было дополнительно установлено свыше двадцати бронекотлов, усилены противотанковые препятствия, открыты ходы сообщения.

Мне нет необходимости подробно рассказывать, как развпались события в эти дни на фронте. Бой шел жесточайший за каждый метр священной подмосковной земли. Об этом уже немало написано и хорошо известно советским людям. Ставка поручила командованию МЗО помочь Западному фронту (а с 17 ноября 30-я армия вошла в состав Западного фронта) удержать Клип, и мне хочется подробнее рассказать, как же получилось, что Клип все же 23 ноября был сдан.

Должен заранее оговориться, что в разных источниках исторического и мемуарного характера события под Клином в те дни описываются авторами по-разному и не всегда документально обоснованно. То, о чем я хочу рассказать, подтверждается архивными документами, составленными по горячим следам боя, свидетельскими показаниями живых участников и лиц, руководивших обороной Клина от Московской зоны обороны. Не исключаю, что и в этих документах и показаниях свидетелей могут быть какие-то неточности, но они, на мой взгляд, более достоверно

трактуют ход событий и помогут историкам в дальнейшем, более глубоко, исследовании.

Итак, 21 ноября в район Ямуги (6 км севернее Клина) отошли 24-я кавалерийская и 58-я танковая дивизии с десятком легких танков. Несмотря на предупреждение командира сводного отряда Дорогина, кавалерийская дивизия расположилась в 200—300 метрах впереди переднего края обороны отряда, седлая Ленинградское шоссе, а танковая дивизия сосредоточилась на северной окраине Ямуги, сняв оттуда боевое охранение Клинского истребительного батальона. Дорогин доложил по радио командующему Артемьеву о сложившемся положении, которое лишало возможности обороняющихся вести огонь. Командующий выехал на место и своим распоряжением отвел 24-ю кавалерийскую дивизию в район Шевелино — Балавино — Ясенево, поставив ей задачу на оборону, а 58-ю танковую дивизию оставил на прежнем рубеже, согласовав ее взаимодействие с отрядом Дорогина.

22 ноября в Клин прибыла оперативная группа командования 16-й армии во главе с заместителем командующего генерал-майором Ф. Д. Захаровым для организации обороны города, и сводный отряд МЗО перешел в его подчинение. Один полк 24-й кавалерийской дивизии Захаров распорядился выдвинуть на реку Сестру, чтобы занять там оборону на открытом правом фланге сводного отряда.

Около 12 часов дня передовые части противника по Ленинградскому шоссе подошли к северной окраине Ямуги и завязали бой с малочисленной 58-й танковой дивизией. Не выдержав папора превосходящих сил, наши танкисты начали отходить. Выдвигавшийся на правый фланг отряда Дорогина кавалерийский полк около 13 часов был атакован танками и мотопехотой противника и начал отходить. В 14 часов фашисты открыли плотный артиллерийско-минометный огонь по переднему краю обороны, а затем последовала атака танков и пехоты, охватывавших оголенный после отхода кавполка правый фланг отряда. В ожесточенном бою, длившемся до наступления темноты, бойцы отряда отразили две атаки противника, но и сами понесли при этом значительные потери. Автоматчики противника, выйдя в тыл оборонявшихся, заставили их отойти к деревне Малнино. Командир отряда Дорогин ночью подкрепил этот участок обороны стрелковой ротой из 2-й Московской стрелковой дивизии и взводом станковых пулеметов из резерва. Распоряжением генерала Захарова в район Малнино ночью были выдвинуты кавалерийский полк 24-й дивизии и 31-я танковая бригада.

В ночь на 23 ноября командующий 16-й армией генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский отдал приказ: Клинскому отряду МЗО

и кавалерийскому полку стойко оборонять занимаемый рубеж, а 126-й стрелковой дивизии с 31-й танковой бригадой с рубежа совхоз Демьяново — Акулово перейти в наступление и отбросить противника на запад.

Для выполнения этого приказа нужно было вывести части на исходные рубежи и привести их в порядок. Но враг спешил использовать благоприятную для себя обстановку и времени для этого не дал. Подтянув свежие силы, в 13.00 23 ноября он обрушил сильный артиллерийско-минометный и пулеметный огонь по северным окраинам Майдапово, Малинино, Полуханово. Полчаса бушевал огненный смерч над позициями обороняющихся, а затем последовала атака с фронта и с флангов. Клинский отряд и кавалерийский полк под давлением противника вынуждены были оставить Малинино и отойти на северную окраину Клина. Танки противника ворвались в предместье города, перерезали Волоколамское шоссе и железную дорогу, угрожая выходом в тыл частям, защищавшим Першутино. Майор Дорогин бросил в бой свой резерв. Неимоверным усилием бойцов продвижение врага удалось приостановить, но судьба Клина уже была предрешена.

Выполнение приказа командарма-16 о наступлении 126-й стрелковой дивизии и 31-й танковой бригады могло бы значительно улучшить обстановку, но, к сожалению, соединения эти были малочисленными. Танковая бригада сделала попытку перейти в наступление южнее Першутино, но вскоре вынуждена была отойти в восточном направлении. С наступлением темноты начал отходить и отряд, прикрывавший Волоколамское шоссе. Противник ворвался в Клин.

С утра 24 ноября враг продолжал наступление по двум направлениям: на Солнечногорск и на Рогачев. При подходе к высотам западнее деревни Борозда отряд Дорогина подвергся внезапному сильному обстрелу артиллерии и минометов противника. Тогда часть бойцов отошла на Рогачев, а маршевая рота и пулеметная рота 306-го пульбата присоединились к 133-й стрелковой дивизии 30-й армии.

В боях за Клин героически сражался Клинский истребительный батальон с приданными 4-й и 5-й ротами 306-го пульбата и 2-й маршевой ротой. Их воодушевлял и умело руководил боем командир батальонный комиссар-погранчник Левин. Во время отражения 23 ноября очередной атаки гитлеровцев Левин был сражен вражеской пулей. Его место занял батальонный комиссар Попов, и бойцы сдерживали противника на окраинах Клина до последней возможности.

Героем был и командир 1-й роты 306-го пульбата лейтенант И. А. Хаустов. Мина вывела из строя расчет станкового пулемета,

и тогда за пулемет лег Хаустов, он вел огонь и командовал ротой. Красноармеец этого же пульбата Юдин косил врага, пока спарядом не разбило пулемет. Мужественный боец, взяв винтовку убитого товарища, продолжал уничтожать заседавших фашистов. Образцом мужества для бойцов этого батальона стал и комиссар старший политрук Дворнин. Когда был ранен командир маршевой роты, Дворнин принял на себя командование над ней, а затем и над второй ротой, надежно прикрыв отход першутинской группы. Бойцы этого отряда сделали все, что было в их силах, чтобы вместе с частями 30-й и 16-й армий на три дня задержать под Клином противника.

21 ноября Генеральный штаб потребовал от командования Московской зоны обороны прикрыть Рогачев и Дмитров, выделив для этого все, что возможно, и, как особо подчеркивалось, не ослабляя обороны на ближних московских рубежах. Задача для Военного совета оказалась не из легких. Снимать с рубежа не только части, но и подразделения больше было нельзя. В резерве оставался лишь особый батальон Военного совета, охранявший часть сил штаб МВО и МЗО, большинство его бойцов готовились к действиям в случае возникновения непредвиденных обстоятельств. Командиром батальона был майор А. И. Эппельград, военкомом — М. П. Петров.

Но поскольку сложившиеся обстоятельства и были в какой-то мере непредвиденными, ночью 21 ноября этот батальон, усиленный пулеметным батальоном, был погружен на автомашины, и его командир получил приказ: выдвинуться в район Рогачева, к исходу дня 22 ноября занять оборону по северо-западным и юго-западным окраинам города.

Прибыв на место и подчинив себе рогачевский истребительный батальон, Эппельград расположил части в обороне на фронте в 13 километров, что давало среднюю плотность на один километр: винтовок — 57, станковых пулеметов — 7, ручных — 2,8, орудий — 1. Построение обороны — линейное, рассчитанное на отражение передовых отрядов противника, если они где-либо прорвутся до подхода сил 30-й армии. Рубеж был подготовлен ранее и дни 22—25 ноября использовались для рекогносцировки, улучшения позиций, постановки минных заграждений, организации огня и разведки. 25 ноября в Рогачев прибыла оперативная группа командования 30-й армии во главе с начальником штаба армии полковником Г. И. Хетагуровым, который и принял под свое начало батальон Военного совета.

Дальше события под Рогачевом развивались следующим образом.

В отрезок времени с 10 часов 30 минут до 11 часов 26 ноября

противник до пехотной дивизии с танками вышел к Рогачеву, но, встретив упорное сопротивление на основных дорогах, проходивших через рубеж, изменил тактику. Его мелкие — в 2—3 танка — группы с автоматчиками и минометчиками стали обтекать подразделения с флангов, искать слабые места на стыках и на участках, не прикрытых артиллерией. Рогачевский истребительный батальон был атакован противником силами до двух батальонов с танками, левый фланг был смят, по своевременная помощь резерва Эпшельграда восстановила положение. На этом участке бой продолжался до 15 часов 30 минут, враг потерял 11 танков, из коих четыре подорвались на минном поле, 2 автомашины и свыше сотни солдат и офицеров. Но общее положение под городом складывалось неблагоприятно, и полковник Хетагуров отдал батальону приказ на отход к опорным пунктам обороны Пулиха — Ново-Карцево — Астрецово — Вороново, высотам 233,7 и 220,2, протяженностью пять и глубиной шесть километров.

К утру 27 ноября подразделение заняло новые позиции, но без пулеметного батальона и одной стрелковой роты, которые по распоряжению Хетагурова закрепились в районе населенного пункта Вятлино.

В 11.00 27 ноября, подтянув свежие силы, противник одновременно атаковал все опорные пункты батальона. Ему удалось окружить гарнизоны, расположенные в Пулихе, Вороново, Дятлено. Пять часов продолжался ожесточенный бой. Резервов у командира батальона не было, и чтобы избежать больших потерь, Эпшельград с разрешения Хетагурова отдал бойцам приказ прорываться сквозь вражеское кольцо и выходить на Дмитров. Этот приказ был выполнен.

За два дня боев особый батальон Военного совета уничтожил 13 танков противника, до роты пехоты, подавил 3 миномета. Люди его дрались героически.

Взвод лейтенанта Красильникова из противотанковой батареи лейтенанта Чистякова уничтожил 2 танка и 2 миномета. Сам Красильников, будучи тяжело раненным, оставался среди бойцов и руководил боем, пока они не отразили атаку танков и пехоты врага. Наводчик-эфрейтор комсомолец Звездин из 76 мм пушки подбил 4 танка. Командир стрелкового взвода младший лейтенант Матюшкин отдал команду «Огонь!», когда враг подошел к позициям на расстоянии 35—40 метров. На атакующих обрушились гранаты, опустошая их ряды и обращая в бегство оставшихся в живых. Молодой боец Болотин с гранатой в руке пополз навстречу танку и подорвал ему гусеницу, затем бутылкой горючей смеси поджег. Пламя охватило танк, и он загорел на месте. Огромное мужество проявил подносчик патронов Васо Набахтовели.

Казалось, что нет ни одного метра земли, где бы не бушевал ливень раскаленного свинца и железа, но Набахтовели, бесстрашно преодолевая зону смерти, своевременно доставлял боеприпасы.

Попытки противника прорваться с ходу через Рогачев на Дмитров наткнулись на стойкость и мужество воинов частей 30-й армии и особого батальона, которые преградили путь к городу. Эти двое суток были очень нужны Ставке, так как в Загорске уже сосредоточивалась 1-я Ударная армия. Не дать противнику перешагнуть через канал Москва — Волга было чрезвычайно важно. И в успешное решение этой задачи значительный вклад внес особый батальон Военного совета МВО и МЗО.

Одновременно с батальоном Военного совета для прикрытия участка Икша — Дмитров был выслан бронепоезд № 73 войск НКВД под командованием капитана Ф. Д. Малышева и военкома — старшего политрука И. Н. Трискевича. Вооружение бронепоезда состояло из четырех 76 мм орудий, 11 станковых пулеметов. Экипаж — 196 человек. Ему была поставлена задача курсировать на этом участке железной дороги, вести наблюдения и разведку и в случае прорыва противника к каналу или через него оказать поддержку нашим войскам.

Утром 28 ноября от разведки во главе с младшим сержантом Н. Т. Фомичевым и комсоргом бронепоезда Евтушенко было получено донесение, что враг захватил Яхрому и подошел к каналу Москва — Волга. На пути к Яхроме бронепоезд встретил колонну танков и автомашин противника и открыл по ней огонь. Завязалась жаркая схватка. Немецкие танки сосредоточили артиллерийский огонь по бронепоезду, был серьезно поврежден паровоз. Десятки пробоин и вмятин в бронеплощадке свидетельствовали, насколько ожесточенной была схватка. Экипаж бронепоезда показал высокие образцы мужества и героизма, исключительное огневое мастерство. Он уничтожил 7 танков, бронемашину, 2 орудия, минометную батарею, свыше десятка автомашин с гитлеровцами, а главное — сорвал план врага с хода ворваться в Дмитров.

В отчетном документе штаба МЗО записано: «Потери: убито — 7, ранено — 15. Отличилось 18 человек».

Подвиг героев бронепоезда был широко освещен в газете «Красный воин» и в московских газетах. Он стал примером верного служения Родине для всех бойцов Московской зоны обороны.

Свидетель боя бронепоезда с танками, бывший командующий 30-й армией, генерал Д. Д. Лелюшенко так описывает этот бой в своей книге «Заря Победы»: «...критическое положение! Противник вот-вот ворвется в Дмитров, а здесь штабы двух армий».

И тут, на наше счастье, на линии железной дороги Яхромы —

Дмитров появился бронепоезд. Он на ходу вел огонь. Машинист то резко бросал его вперед, то так же стремительно уводил назад... В броне уже зияло несколько пробоин...

Единоборство бронепоезда с двадцатью танками! Редчайший случай...»

За выдающееся мужество и ратный подвиг, сорвавшие план гитлеровцев с ходу овладеть Дмитриевом, по представлению Военного совета МВО и МЗО 18 человек команды были награждены орденами и медалями. Орденом Красного Знамени посмертно был награжден москвич командир пулеметного отделения младший сержант Н. Т. Фомпчев. Огнем зенитного пулемета он метко прошивал автомашины с пехотой, косил бегущих за танками фашистов. Его снайперские очереди опустошали ряды противника, останавливали продвижение врага. Но сам герой пал на боевом посту, до конца выполнив свой священный воинский долг.

В январе 1942 года многим из участников этого боя я вручил награды Родины, в том числе и орудиюному наводчику комсомольцу Г. П. Сапронову, удостоенному медали «За отвагу». Метким огнем отважный воин уничтожил орудие, 2 танка, бронемашину, 10 автомашин с пехотой, дезорганизовал движение колонны противника.

В третьей декаде ноября положение под столицей складывалось следующим образом.

23 ноября пал Клин; 24 ноября — Солнечногорск. Части 16-й армии отошли за Истринское водохранилище. Танковые дивизии противника то в одном, то в другом месте прорывали нашу оборону, и лишь изумительная стойкость и мужество бойцов 16-й и воинов правого фланга 5-й армий, оперативная помощь им резервами руководства Западным фронтом и Ставки не давали возможности немецко-фашистскому командованию тактической успех развить в оперативный.

Правда, свободных резервов пока еще не хватало и переброска соединений, частей и подразделений с одного участка на другой усиливала одни направления, ослабляла другие. С максимальным напряжением действовала авиация Западного фронта, ВВС МЗО, 6-го авиационного корпуса ПВО и Ставки. И удары ее были все более чувствительными для врага как в воздухе, так и на земле. Впервые с начала Великой Отечественной войны здесь, под Москвой пашей авиации удалось добиться количественного превосходства над авиацией противника и реально бороться за завоевание оперативного господства в воздухе. Это стало возможным потому, что на вооружение авиационных частей поступали современные

боевые самолеты, обладавшие высокими летно-техническими данными и более мощным вооружением, а летный состав уже имел немалый опыт ведения боевых действий. Все это замедляло темп продвижения противника, но остановить, задержать еще не могло. Фашистские полчища с севера упорно продолжали ползти к своей заветной цели — Москве.

Ставка потребовала от М. С. Громадина, ставшего к этому времени помощником наркома обороны по ПВО страны, оказать срочную помощь 16-й армии, которая должна была не допустить дальнейшего продвижения противника от Солнечногорска. По приказу Громадина командир 1-го артиллерийского корпуса ПВО Д. А. Журавлев должен был создать артиллерийскую противотанковую оперативную группу и к 8.00 24 ноября расположить в обороне 40 орудий на участке Солнечногорск — Новинки (5 км южнее Солнечногорска), 16 орудий во втором эшелоне, на участке Талаево — Скородумки, и 20 орудий на западной и юго-западной окраинах Федоровки фронтом на запад и юго-запад. Для организации взаимодействия с наземными частями к утру 24 ноября в Солнечногорск должен был прибыть начальник артиллерии Западного фронта генерал-майор И. П. Камера.

Журавлев это распоряжение выполнил в срок, но к моменту выхода артиллерийских противотанковых групп на огневые позиции Солнечногорск пал. И первая группа в составе 54 орудий и 16 зенитных пулеметов прикрытия под командованием полковника Д. Ф. Гаркуши (военком — старший политрук И. В. Стрелков) заняла огневые позиции в 5 километрах южнее города в районе северо-западнее Пешки — Новинки. Вторая группа из 5 батарей (20 орудий) при 5 зенитных пулеметах под командованием майора С. Л. Спиридонова (военком — батальонный комиссар П. П. Телегин) во взаимодействии с 7-й гвардейской, 18, 126 и 133-й дивизиями отражали бешеные атаки противника в районе Федоровка — Храброво, задерживая его продвижение. В ходе ожесточенных боев эти группы уничтожили 20 танков, 4 минометных батареи, 2 орудия, 3 автомашины с пехотой, 19 огневых пулеметных точек и до двух полков пехоты; подавили 4 наблюдательных пункта, но удержать свои позиции не смогли. Противник, не пробившись вдоль шоссе, воспользовался тем, что мороз сковал землю, и стал обходить обороняющихся стороной, вынудив их к отходу.

В бою под Солнечногорском героически сражался орудийный расчет 2-й батареи 278-го отдельного артиллерийского дивизиона во главе с политруком батареи Пропадиловым. Танки и пехота

врага настойчиво атаковали огневую позицию. Два танка не дошли до огневой позиции всего 100 метров и были подбиты. Была разбита и одна машина с пехотой. Лобовая атака сорвалась, но пробравшиеся во фланг и тыл фашистские автоматчики панесли удар в спину. Погибли стойкие и мужественные воины: политрук Пропадилов, сержант Маланин, пулеметчик Рыжов, бойцы-артиллеристы Морозов, Ульянов, Замковой, Сновилов, Овчинников и Дуров. Они с честью выполнили свой воинский долг, сражались до последнего вздоха.

Ставка потребовала и от командования МЗО выделить все, что возможно, чтобы задержать противника, направившего значительную часть сил 3-й танковой группы от Яхромы на юг по Рогачевскому и Дмитровскому шоссе. 23 ноября командиру 2-й Московской стрелковой дивизии генералу В. А. Смирнову было приказано прочно оборонять рубеж по Клязьминскому водохранилищу, выслал усиленные передовые отряды на северную окраину Сухарево и северо-восточную окраину Озерецкое. Последующим приказом Военного совета МЗО задача передовых отрядов была уточнена. 2-й батальон 2-го полка должен был удерживать Мелькисарово — Черкизово — Усково, а 3-й батальон с дивизионом легкого артиллерийского полка — рубеж Озерецкое — Рыбаки — высота 231,3 — Мышецкое.

Командиру 3-й Московской Коммунистической дивизии было поручено вести наблюдение за противником, прорывающимся со стороны Солнечногорска, и быть готовым отразить его удар. Разведывательный отряд этой дивизии под командой майора Матвеева 23 ноября в районе деревни Турицыно столкнулся с пятью танками и группой автоматчиков. Завязался бой. На помощь подошли три наших танка, но попали под интенсивный артиллерийский огонь и были подбиты. Особенно сильному обстрелу подвергся взвод А. Мартьянова, задержавший танки противника на перекрестке дорог. Отдав бойцам приказ на отход, Мартьянов с наблюдателем Томленовым организовали прикрытие. Пулеметные очереди прошли дерево, за которым стоял Мартьянов, ранив его в грудь и ногу. Истекая кровью, Мартьянов продолжал отстреливаться, пока бойцы взвода не вышли из-под огня. Боец Томленов, подхватив обессиленного командира, стал выходить с ним из зоны обстрела, но тоже был ранен. Получил ранение подбежавший им на помощь боец Пустовойтенко. Однако, преодолевая боль, мужественные солдаты вынесли своего командира в безопасное место. Связой Гайдукевич, перевязав свою рану, продолжал под огнем врага доставлять в подразделения приказы майора Матвеева, обеспечившие организованный выход отряда из боя.

Взвод конной разведки 1-го полка этой же дивизии под коман-

дой Ломтева в районе деревни Есипово получил от начальника артиллерии 16-й армии В. И. Казакова задание: установить силы противника в районе населенных пунктов Овсянниково — Торехово. Взвод задачу выполнил. Им было обнаружено на подходе к Овсянниково до 30 танков и батальона пехоты. Разведчики предупредили внезапный удар.

18 ноября на станции Клин был направлен отдельный легкий бронепоезд НКО № 53 для прикрытия станции и в помощь обороняющим город. Экипаж бронепоезда был сформирован в Тбилиси и как бы воплощал в себе великое интернациональное братство наших народов. Среди личного состава были русские, грузины, украинцы, армяне, азербайджанцы и представители других братских республик. Командовал грузин капитан А. Д. Джахиев, комиссаром был русский — политрук В. П. Полюсук. Бронепоезд имел четыре 76 мм орудия, 16 станковых пулеметов и 175 человек команды.

Начальник Клинского гарнизона самовольно изменил задачу бронепоезду, приказав курсировать на участке станций Подсолнечная — Покровская. 23 ноября, находясь на Покровской, командир бронепоезда получил по селектору сведения, что артиллерия противника ведет обстрел станции Подсолнечная и Ленинградского шоссе, по которому наши части отходили от Клина. Бронепоезд спешно направляется к Подсолнечной и при подходе к станции вступает в бой с танками врага, оказывает поддержку обороняющимся. Противник был остановлен на подступах к городу. Выполнив задачу подвоза со станции Крюково прибывшего туда электричкой пулеметного батальона, посланного Военным советом МЗО, командование поездом принимает меры к выводу с Подсолнечной состава с боеприпасами, взрыв которых от попадания снаряда или авиабомбы противника мог привести к большим разрушениям. Расчистив главный путь и подцепив состав с боеприпасами, бронепоезд повел его в Крюково, но на перегоне танки противника пытались перерезать путь. Пришлось вступать в бой. В жаркой схватке бронепоезд уничтожил 4 танка, один из которых было прорвало вплотную к поезду через железную дорогу, и несколько десятков фашистов, расчистив себе путь на Крюково. 8 бойцов и командиров за проявленное мужество и доблесть были награждены орденами и медалями.

В бою высокое мужество и боевое мастерство проявили командир бронепоезда капитан А. Д. Джахиев, комиссар-политрук В. П. Полюсук. Особо отличились командир орудия сержант В. В. Реуцкий, подмешивший раненого наводчика и с первого выстрела подбивший танк; наводчик 1-го орудия Г. Х. Кокошвили, получивший серьезное ранение, но не оставивший орудия до кон-

ца боя; наводчик-заместитель полтрука М. И. Кривошсев, подбивший 3 танка противника; командир 4-го орудия сержант Г. П. Маячко, подбивший танк после своего ранения. Начальник разведки младший лейтенант Ю. Г. Богдоев своевременно обнаружил заложенные противником мины на железнодорожном пути, обезопасил их и тем самым предотвратил вывод из строя бронепоезда.

Усиленный разведывательный отряд 3-й московской Коммунистической дивизии (стрелковая рота, батарея, две бронемашины) в десяти километрах восточнее Солнечногорска завязал бой с танками и мотопехотой противника и задержал их продвижение на несколько часов.

Так бойцы Московской зоны обороны вносили вклад в защиту столицы, отстаивая каждую пядь земли на подступах к своим оборонительным рубежам. Но опасность для столицы нарастала с каждым часом, а резервные силы Ставки только-только подходили, выгружались, развертывались. Враг всячески пытался сорвать их сосредоточение. Его авиация обрушивала удары по железнодорожным станциям и эшелонам в пути. Наша авиация работала с максимальным напряжением. Если с 21 по 25 ноября авиация Западного фронта делала в среднем по 70 самолето-вылетов в сутки, то с 25 по 30-е — до 372. Летчикам ВВС МЗО и корпуса ПВО приходилось делать по 8—10 вылетов в день, и, конечно, не только на прикрытие войск на поле боя или резервов, но и для нанесения ощутимых ударов по врагу. Так, группа Н. А. Сбытова, состоявшая из 78 самолетов, разгромила колонну танков и автомашин противника, двигавшуюся от Клиппа на Солнечногорск, и вторую колонну — на дороге от Стародальнее на Клушино. Последняя понесла настолько чувствительные потери, что вынуждена была возвратиться в Стародальнее...

Отступить дальше некуда: за нами Москва!

Последние дни ноября были для защитников столицы самыми тяжелыми. С севера враг стоял у ближних подступов к городу; на северо-западе форсировал Истринское водохранилище. На юге войска Гудериана, захватив Венев, охватывали Тулу с востока и севера, а 25 ноября подошли к южной окраине Каширы. Наша 49-я армия вела тяжелые бои за удержания Серпухова.

Положение стало предельно серьезным; напряжение в работе

было поистине невероятным. И только по прошествии времени можно по-настоящему оценить всю остроту пережитого и отдать должное героизму защитников Москвы, мудрости и энергии Ставки, мужеству командований Западным фронтом, армиями, проявивших в эти дни всю силу своего организаторского дарования, полководческого таланта.

Нужно было выиграть еще несколько дней до развертывания главных резервов Ставки, и Военный совет МВО изыскивал дополнительные силы для укрепления оборонительных заслонов. В Каширу направлены стрелковый и пулеметный батальоны, два артиллерийских дивизиона; в Коломну — стрелковый батальон, артиллерийский дивизион и две пулеметные роты. Их задача — предотвратить угрозу захвата этих городов противником.

В то время трудно было оценить по-настоящему такие факты, когда, например, командование Западным фронтом вынуждено было спешно перебрасывать с Калининского направления из 5, 43 и 33-й армий отдельные полки, батальоны, роты, изымать из всех дивизий центрального участка по одному полнокровному взводу на усиление 16-й армии. Или такие, как снятие с огневых позиций ПВО Московской зоны до 200 орудий и пулеметов; поручение командованию МВО в течение нескольких дней сформировать две курсантские бригады, 25 лыжных батальонов и к началу декабря доставить их под Москву; или, наконец, требование захватить во что бы то ни стало в плен офицера или унтер-офицера и доставить непосредственно в Ставку. Каждый вдумчивый читатель поймет, что к подобного рода крайним мерам могла побуждать только исключительно острая обстановка.

Верховный Главнокомандующий и командующий Западным фронтом в категорической форме потребовали от Рокоссовского освободить Солнечногорск и Клин. Доблестные довагорцы предпринимали несколько контратак с юго-запада, вдоль Ленинградского шоссе вводится в бой сводная группа из стрелковых, мотострелковых, танковых и артиллерийских частей, но вернуть очень важные для обороны Москвы пункты не удалось.

Как рассказывал мне впоследствии начальник артиллерии 16-й армии В. И. Казаков, в ночь на 25 ноября К. К. Рокоссовский был вызван Сталиным к аппарату и получил от него категорический приказ преградить путь врагу от Солнечногорска на Москву, во что бы то ни стало удержать Сходню. После этого разговора Рокоссовский вместе с членом Военного совета Лобачевым и Казаковым выехал под Солнечногорск. Противник уже подошел к деревне Пешки.

В помощь Западному фронту за счет частей, переброшенных с Калининского фронта и изъятых из 5-й армии, создается опера-

тивная группа генерал-майора Ф. Т. Ремизова. Ей ставится задача — остановить противника на направлении Красная Поляна — Химки. Помощник наркома обороны по ПВО М. С. Громадин приказывает командиру корпусного района ПВО генералу Д. А. Журавлеву взять на себя командование посланным на Солнечногорское направление артиллерийскими противотанковыми группами. 24 ноября Ставка посылает туда же командующего МВО и МЗО П. А. Артемьева в качестве своего представителя, чтобы он разобрался в обстановке и организовал оборону.

Под вечер 25 ноября П. А. Артемьев попросил меня проконтролировать выполнение ряда отданных им распоряжений, а сам со своим адъютантом капитаном Б. П. Коваленко в сопровождении бронемашини срочно выехал под Солнечногорск.

Возвратился Павел Артемьевич уже поздней ночью. Он рассказал, что к наступлению сумерек ему удалось добраться до села Пешки, где за одним из каменных зданий он увидел командование 16-й армии. Член Военного совета А. А. Лобачев познакомил его с К. К. Рокоссовским, В. И. Казаковым и находившимся тут же Л. М. Доватором. На северной окраине села шел бой, к наступлению темноты он стал перемещаться к центру, танки противника с автоматчиками продвигались по шоссе и в обход села справа и слева. Трассирующие пули накрыли южную часть села разноцветной паутиной. Разрывы снарядов и мин приближались к командному пункту Рокоссовского, и вот уже с трех сторон засвистели, зацокали по кирпичному зданию автоматные очереди. Посланная из танка «болванка» (бронепробивный снаряд) с грохотом вырвала кусок каменной стены дома, за которой укрывались командиры штаба. Мимо командного пункта отходили группы наших бойцов, отстреливаясь от наседавшего противника. В распоряжении командарма резервов никаких не было. В порыве еще не улегшегося нервного возбуждения, вызванного только что состоявшимися телефонными разговорами с Молотовым и штабом фронта, Рокоссовский решительно вышел на середину улицы и пытался остановить отходивших бойцов. Над головой командарма справа и слева прошли нити трассирующих пуль. Подскокший к нему Артемьев крикнул:

— Что вы делаете, товарищ генерал, уходите немедленно, вас убьют!

Павел Артемьевич с трудом уговорил Рокоссовского уйти за укрытие, а затем вместе с другими командирами, находившимися на командном пункте, отойти к деревне Есипово. Здесь Артемьев, связавшись со Ставкой, доложил И. В. Сталину об обстановке, сказал, что артиллерия есть, но нет в резерве стрелковых войск, чтобы уничтожить автоматчиков, обтекающих с флангов и тыла

огневые позиции артиллеристов. Сталин потребовал к телефону Рокоссовского.

Когда Артемьев спросил у Рокоссовского, чем же вызваны были внешне легкомысленное для командарма поведение и неоправданный риск в Пешках, Константин Копстаггинович ответил:

— А что мне оставалось делать после предупреждения, что за невыполнение приказа остановить противника я отвечаю головой? Чем я могу его задержать, вы видите сами. Мне оставалось одно — выйти на видное место и попытаться собрать вокруг себя все, что возможно...

Позднее, уже под Сталинградом, я однажды спросил у Рокоссовского, о чем он докладывал Сталину из Есипово и что ему говорил Верховный Главнокомандующий.

— Я сообщил ему, что положение крайне тяжелое, силы на грани истощения, слишком мало танков, нет резервов. Враг, пользуясь тем, что земля замерзла, обходит наши позиции с флангов, наступает крупными силами. Необходима самая срочная помощь стрелковыми, танковыми и артиллерийскими частями, помощь авиации. Доложил также, что бойцы армии сражаются мужественно, героически, но враг давит явным превосходством в живой силе и технике. Сталин внимательно выслушал, не перебивал и в конце разговора сказал: «Положение вашей армии понимаю. Трудно, но продержитесь еще несколько часов — помощь будет...»

16-я армия... Много бурь и невзгод прошумело над ней только за один прошедший месяц. В ураганном огненном вихре она не теряла самообладания, сдерживала натиск наиболее мощной танковой группировки врага, нигде не позволив ему превратить тактический успех в оперативный. Об этом хорошо сказал прославленный командарм в своей книге «Солдатский долг» (стр. 95):

«Вспоминая те дни, я в мыслях своих представляю образ нашей 16-й армии. Обессиленная, кровоточащая от многочисленных ран, она цеплялась за каждую пядь родной земли, давая врагу жестокий отпор; отойдя на шаг, она вновь была готова отвечать ударом на удар, и она это делала, расслабляя силы врага. Но противник не мог прорвать сплошной фронт обороны. Обе воюющие стороны находились в наивысшем напряжении».

...С 27 ноября борьба на северных подступах к столице вступила в решающую фазу. Набатным призывом, приказом матери-Родины звучали слова передовой статьи «Правды», обращенные к защитникам столицы:

«Нельзя ни на шаг дальше подпускать врага к Москве! Пусть знает каждый боец, каждый командир и политработник: за их

слипой город, дорогой всей нашей стране, сердце нашей Родины. Пусть знает: им доверили свою жизнь, свободу, честь жители Москвы, отцы, матери и дети... Враг уже не тот, что был в октябре... с беге он перешел на шаг, вынужден ползти... а затем и топтаться на месте... Сильнее удар и надломленный враг не выдержит... наступил момент, когда можно остановить его, чтобы «слопть»».

Все армейские коммунисты понесли этот призыв и приказ Родины в боевые порядки, в танковые и авиационные экипажи, на артиллерийские позиции. Горячим партийным словом, личным примером коммунисты пробуждали в сердцах защитников неукротимую ярость и невиданную стойкость. В эти дни ценой огромных потерь доставались врагу уже не километры, а считанные метры того самого «жизненного пространства», которое сулили немецкому солдату фашистские заправилы и которое стало для них пространством смерти и бесславия.

Основной состав оперативного штаба и работников Политуправления МВО и МЗО был на рубежах. Детально проверялась готовность московских дивизий к сражению. Пламя войны бушевало вблизи переднего края внешнего пояса обороны от канала Москва — Волга до Сходни и Нахабина, не только авиация, но и дальнебойная артиллерия противника бросали свой смертоносный груз на наши боевые позиции.

27 ноября противник ворвался в Льялово, Клушино, Холмы, Подпорино, Женеуево, 28-го захватил Поворово, а к 29 ноября подошел к Озерецкому, Красной Поляне, Дурькино, Гаретовке, Бакееву, Хованскому. Расположенному на огневых позициях в Химках артиллерийскому дивизиону большой мощности (210 мм пушки) приказано было открыть огонь по противнику, прорвавшемуся в район Красной Поляны.

Военному совету пришлось принять специальные меры, чтобы непрерывно и надежно работала связь с рубежом. Постоянно на самых опасных направлениях находились ответственные офицеры штаба, Политуправления, содержались в наивысшей готовности маневренные силы на автомашинах, с максимальным напряжением использовалась авиация для ударов по наиболее важным целям.

Встает страна огромная

Последние дни ноября сорок первого были для защитников столицы днями смертельной опасности, суровейших испытаний, проверки всех духовных и физических сил, воли

к борьбе и победе. И в то же время они стали предвестниками свершения больших долгожданных надежд. Как человек, ведущий трудное единоборство с враждебной силой, чутко улавливает ее слабеющие удары, усталость, потерю инициативы и мобилизует энергию для нанесения решающего удара, так и мы, несущие ответственность за оборону на ближних подступах, с напряженным вниманием ловили пульс битвы, следили за развитием событий, готовились. И, когда сражение за Москву достигло своей кульминации, когда, казалось, что враг близок к достижению своих целей, мы вдруг почувствовали, что чаша весов начала, наконец, склоняться в нашу пользу, что назревает крутой поворот.

Все последние донесения с переднего края говорили о том, что наступление немецко-фашистских войск выдыхается, что их наступательные возможности достигли предела и должны оборваться, как чрезмерно натянутая струна. Нет, не само по себе, конечно. Враг был еще силен; еще не угас его наступательный пыл, взвигнутый близостью Москвы, «которую можно было разглядеть в полевой бинокль». Не сразу психология «непобедимых» солдат рейхсвера способна была перестроиться на понимание жестокой реальности — крушения планов и надежд. Для этого нужны были крепкие, сокрушительные удары. И первые два из них нанесли 27 ноября группа генерала П. А. Белова под Каширой и войска 49-й армии И. Г. Захаркина под Серпуховым — там враг не только был остановлен, но и попятился назад, оставив 8 населенных пунктов.

Но особенно радостными были сообщения о подходе и начале выгрузки на многих подмосковных станциях главных резервов Ставки, прибывающих из глубин страны. Решительными мерами Центрального Комитета партии и Государственного Комитета Оборона удалось быстро расшить пробки на железных дорогах, надежно прикрыть эшелоны с воздуха, в небывало короткие сроки восстанавливать разрушенные авиацией противника пути — и поток воинских эшелонов докатился до столицы. В Загорске 27 ноября разгрузились 28-я и 43-я стрелковые бригады, а вслед за ними управление 1-й Ударной армии под командованием генерала В. И. Кузнецова. 28 ноября Ставка передает командование МЗО прибывающие на разгрузку в Московский узел 35, 36, 37, 40 и 49-ю стрелковые и 64-ю морскую стрелковую бригады, затем еще 17, 18, 53 и 84-ю стрелковые бригады. Генеральный штаб сообщил о прибытии в ближайшие 3—4 дня на рубеж МЗО из Уральского военного округа 48, 51 и 52-й, из Приволжского — 54-й и 66-й, из Сибирского — 72, 42 и 45-й, из Среднеазиатского — 34-й и 39-й и из других мест — 19, 60, 62, 46, 41-й стрелковых и 74-й и 75-й морских стрелковых бригад, 329, 334, 358, 322, 360

и 344-й стрелковых и 11-й кавалерийской дивизий. На нас возлагалась задача принять их и подготовить к участию в боях за Москву.

С огромным душевным подъемом приняли командиры и полнработники штаба и Политуправления МЗО эту немалой трудности задачу, она окрылила их, придала новые силы и энергию. Выполнение этого задания уже не рассчитывалось на многие сутки и даже дни, а только на часы, так как обстановка уже не позволяла.

Ночью 27 ноября Ставка приказала Военному совету МЗО срочно создать Северную оперативную группу под командованием генерал-майора А. И. Лизюкова, в составе 28-й и 43-й стрелковых бригад, усилив ее двумя дивизионами гвардейских минометов РС и ротой танков КВ, с задачей прикрыть Москву со стороны Рогачевского и Ленинградского шоссе, на рубеже Хлебниково — Черкнзово. Дополнительным распоряжением Генерального штаба нас обязывали собрать максимум автотранспорта для быстрой доставки бригад — 28-й в район Хлебниково, 43-й — в район Черкнзово. Руководство действиями этой группы возлагалось на командующего МЗО. В течение 8—10 часов эти бригады на указанные рубежи были доставлены благодаря огромной энергии и инициативе начальника автодорожной службы МВО и МЗО военного инженера 1-го ранга П. П. Бондаренко-Иваницкого, сумевшего к этому времени значительно пополнить автобатальон отремонтированными, а также принадлежавшими эвакуированным предприятиям и учреждениям автомашинами.

В ночь с 28 на 29 ноября Ставка приказала дополнительно усилить оперативную группу Лизюкова 35, 36 и 40-й стрелковыми и 64-й морской стрелковой бригадами. На моряков возлагалась ответственная задача: заняв оборону на рубеже Черное — Сухарево — Хлебниково (пскл.), перекрыть путь врагу на Пушкино. Вслед за этим Генеральный штаб директивой за подписью заместителя начальника Генерального штаба А. В. Василевского и военного комиссара Ф. Е. Бокова сообщили, что по решению Ставки оперативная группа Лизюкова должна быть развернута нами в 20-ю армию с дополнительным включением в ее состав 35-й стрелковой бригады и 517-го артиллерийского полка МЗО. Таким образом, нам было приказано в течение двух дней развернуть на северном направлении, прикрывающем Москву, 20-ю армию, полностью экипировать ее и передать в состав Западного фронта, а ряд прибывающих стрелковых бригад и сформированные лыжные батальоны направить в распоряжение 1-й Ударной армии.

Командиры штаба и работники Политуправления, разослан-

ныс на все станции разгрузки, а также на ряд пунктов по пути движения прибывающих войск, не успевали еще как следует ознакомиться с состоянием этих частей, их нуждами, как получали новые приказы: 84-ю стрелковую бригаду направить в распоряжение командующего 1-й Ударной, 36, 37, 40 и 49-ю стрелковые бригады — командующему 16-й армией, 17-ю стрелковую бригаду — в распоряжение командира 1-го гвардейского кавалерийского корпуса; подготовить для передачи в распоряжение командующего Западным фронтом 329-ю стрелковую дивизию, 19-ю и 69-ю стрелковые бригады.

Так, волею народа, под руководством Коммунистической партии на защиту родной столицы поднялась вся Советская страна. До войны братские республики слали в Москву мрамор и гранит для ее подземных; творцов; металл, уголь, хлопок и сырье для промышленности; творческие коллективы для показа народного искусства; теперь — своих лучших сынов с наказом: отстоять Москву и разгромить врага! Вестниками грядущей победы летели с востока эшелоны с могучей боевой техникой, боеприпасами, продовольствием. Труженики советского тыла, сами испытывавшие тяготы и лишения военного времени, щедро обеспечили воинов всем необходимым: одели их в добротные полушубки и валенки, снабдили теплым бельем, шапками-ушанками, перчатками. Вместе с воинскими эшелонами прибывали вагоны с подарками, письмами, наказами, с выражением глубокой веры в то, что славные сыны многонациональной семьи советских народов высоко будут нести честь своей матери-Родины, не пощадят ни сил, ни жизни в бою с лютым врагом.

И когда в московской или фронтовой печати публиковались эти волнующие, глубоко патриотические и зовущие к победе письма-наказы, невольно вспоминалось вещее высказывание нашего национального героя партизана Отечественной войны 1812 года Дениса Давыдова: «Огромна наша мать-Россия! Изобилует средств ее уже дорого стоит многим народам, посягавшим на ее честь и существование. Не знают они всех слоев лавы, покоящихся на ее дне... Еще Россия не подымалась во весь исполинский рост свой, и горе ее неприятелям, если она когда-нибудь поднимется...»

И такое время настало. Эта «кипящая лава» народного гнева поднималась на необъятных просторах Родины, и ее могучий, нарастающий гул забрал в себя шум заводов Урала, Сибири, Поволжья, Средней Азии, Закавказья, дробный перестук колес мчащихся к Москве воинских эшелонов.

Как-то Борис Полевой, рассказывая о беспримерных стойкости и мужестве советского солдата, сравнил его с былинным богаты-

рями. Защищая свою Родину, говорил писатель, наш народ уподобился любимому богатырю русского эпоса — Илье Муромцу. Чем яростнее напирал враг, тем могущественней и тяжелей становилась его рука. Чем больше врагов напирало на него, тем быстрее нарастали его силы...

С каждым днем становилось все яснее, что назревают великие события...

В эти последние дни ноября я познакомился с Александром Ильичом Лизюковым, Героем Советского Союза, удостоенным этого высокого звания за подвиг на знаменитой Соловьевской переправе во время Смоленского сражения и блестяще проявившим свое воинское дарование и мужество в боях под Наро-Фоминском, где он командовал 1-й гвардейской Московской мотострелковой дивизией.

Александр Ильич — рослый, энергичный человек с волевым лицом, пытливыми, слегка прищуренными глазами. По его немногословности, быстрому осмысливанию предстоящих задач было видно, что в самой сложной обстановке он не потеряет зря ни минуты, толково использует свой большой боевой опыт. Именно такой командир и нужен был в этот острый момент на северных подступах. Мы с Артемьевым тепло попрощались с ним, пожелав еще больших успехов, чем на Соловьевской переправе и под Наро-Фоминском. Александр Ильич просил доложить Верховному Главнокомандующему, что он доверие партии оправдает, а поставленную перед ним ответственную боевую задачу считает большой честью.

Выслушивая доклады, читая донесения и сводки о прибывающих резервах, их сосредоточении и развертывании на рубежах Московской зоны обороны, сравнивая все это с тем, что мы имели еще совсем недавно, иногда с трудом верилось в реальность происходящего. Но все было точно подсчитано: до бойца, оружия, пулемета, танка. И хотя напряжение в работе командования и штабов не спало, всех нас охватило чувство радости...

Напомню, все это происходило в самый критический момент сражения за Москву. Но защитники Москвы и все москвичи чувствовали, как слабеют с каждым последним днем ноября и первыми днями декабря удары противника. Командующий центральной группой войск неприятеля фельдмаршал фон Бок вынужден был констатировать, что создается такое положение, когда последний батальон, брошенный в бой, может решить участь сражения, как это было на Марне в 1918 году.

Оглядываясь на те тяжелые дни, нельзя не преклониться перед величайшим мужеством и энергией нашей партии, Ставки,

Государственного Комитета Обороны, перед подвигом советского народа, сумевших в невероятно трудных условиях проделать исполинскую работу не только по созданию могучих боевых резервов, но и доставке их под Москву в тот момент, когда сражение здесь достигло своей кульминационной точки. Только за несколько дней конца ноября и первые дни декабря на Московском направлении сосредоточились армии: 1-я Ударная в районе Дмитров — Яхрома, 20-я в районе Химки — Сходня, 26-я — в районе Иогинск — Воскресенск — Орехово-Зуево для прикрытия Коломенского направления, 61-я в районе Рязань — Рязань — Мичуринск, 10-я — южнее Рязани; в течение нескольких дней в 30-ю армию вводятся 4 стрелковые дивизии, в 16-ю армию — одна дивизия и 5 стрелковых бригад.

А в целом, через МВО и МЗО в состав только Западного фронта влилось (кроме 1-й Ударной, 10-й и 20-й армий) еще 10 стрелковых и 2 кавалерийские дивизии, восемь стрелковых и шесть танковых бригад¹, более десяти дивизионов гвардейских минометов и еще больше артиллерийских полков.

Но и это еще не все. За первой линией Западного, Калининского и Юго-Западного фронтов к началу декабря сосредоточивался большой силы второй эшелон главных резервов Ставки.

По директиве Генерального штаба командование Московской зоны обороны 2 декабря закончило разработку плана контрнаступления, если немецко-фашистским войскам все же удастся прорваться к рубежам МЗО. И генерал Кудряшов нанес этот план на карту, которую представил в Генеральный штаб. И когда я увидел карту-решение, составленную для Генерального штаба, то, несмотря на вполне достаточную осведомленность, испытал непередаваемое чувство удовлетворения — такие силы стояли на ближних подступах в готовности не просто встретиться с врагом лицом к лицу, но и перейти в решительное контрнаступление. Может быть, впервые я реально почувствовал, что кризис миновал и на нашей улице наступает праздник. А карта рассказала вот о чем.

На внешнем поясе обороны занимали рубеж 4 стрелковые, одна кавалерийская дивизии и 9 стрелковых бригад с 2 бригадами резерва, объединенные во вновь сформированную 24-ю армию. Пояс непосредственного прикрытия Москвы занимали 4 стрелковые дивизии и одна бригада, сведенные в 60-ю армию. Внутри городского пояса в оборонительных сооружениях располагались стрелковая

¹ Великая Отечественная война 1941—1945 гг. М., Политиздат, 1970, стр. 130.

дивизия и стрелковая бригада, с резервом командования — одна стрелковая дивизия, 3 стрелковых бригады и особая бригада моряков. На усилении этих войск находилось свыше 20 полков полевой артиллерии и дивизионов большой мощности и 8 дивизионов гвардейских минометов («катюш»). С ними взаимодействовали свыше 20 полков зенитной обороны, авиация МЗО и ПВО. А у этих сил в свою очередь был второй эшелон, состоявший из батальонов, рот, отрядов, дружин третьего набора Московского народного ополчения, насчитывавший свыше 20 000 бойцов, истребителей танков, пулеметчиков, снайперов, минометчиков, готовых в любой момент, по первому же тревожному гудку взять стоявшие у станков винтовки, сумки, наполненные грапатами и бутылками с горючей смесью, получить здесь же, в цехах, автоматы, противотанковые ружья, минометы и занять свои боевые позиции.

Вся армия Московской зоны обороны составляла более 200 тысяч человек.

Предвестники могучего удара

И вот 27 ноября в газете «Правда» люди могли прочитать то, о чем мечтали с самого начала войны: «...под Москвой началась расплата за все кровавые злодеяния, за слезы и мучки, которые он (фашизм.— *К. Т.*) причинил нам... Уничтожив врага под Москвой, мы начнем уничтожение его на всей захваченной им территории... Под Москвой должен начаться разгром врага!»

А в следующие дни все советские люди прочли в центральных газетах строки, так вдохновившие их, о том, что с 28 ноября по 5 декабря доблестные части Красной Армии сильными контрударами нанесли поражение противнику и начали отбрасывать его назад на Сталинградском, Каширском, Серпуховском и Клинском направлениях, освобождая десятки населенных пунктов, захватывая крупные трофеи.

...Итак, читатель коротко ознакомился с событиями, завершившими тяжелый этап оборонительного сражения за Москву. Но о многом, что происходило в те дни на полях Подмосковья, я здесь не рассказывал. О людях великого мужества, о подвигах воинов Западного, Калининского, Юго-Западного фронтов написано много исторических исследований, мемуаров, воспоминаний участников, и мне нет необходимости повторяться. Я хотел рассказать лишь о том, что каким-то образом ускользнуло от

внимания военных историков, не нашло еще достойного отражения в литературе¹.

Ценность всяких мемуаров состоит в том, что они «...должны быть чужды всякого вымысла и будут ценимы только по мере передачи ими действительных событий, свидетелем и непосредственным участником которых был автор мемуаров», — писал в 1847 году великий русский демократ Виссарион Белинский. Вот с этих позиций — непосредственного участника и свидетеля — я и стремился как можно более обстоятельно рассказать о делах и подвигах воинов МВО МЗО в дни кануна и в начальный период разгрома немецко-фашистских полчищ под Москвой, которые вместе с другими защитниками столицы развеяли миф о непобедимости немецко-фашистских войск и сорвали авантюристический план «молниеносной войны» против СССР.

Настало время, когда и бойцам Московской зоны обороны на деле надо было подтвердить верность клятве, которую они дали партии и Родине, советскому народу, родным и близким москвичам в ответном письме героям полуострова Ханко. Было бы отступлением от правды рисовать боевую деятельность воинов Московской зоны обороны только розовыми красками. Боевой путь их начинался не под звуки победных литавр, пришлось испытывать и горечь неудач, и отступлений, и отдельных поражений. Не везде проявилась должная стойкость и упорство. Не всегда и не везде командиры, политработники, штабы удерживали в своих руках твердое управление боем, проявляли настоящие командирскую волю и характер. Причин этому было много — отсутствие боевого опыта, несогласованность в действиях, необстрелянность бойцов. Подчас успех давался потом и кровью, тяжелым испытанием. Но в каждом новом бою, в каждой неравной схватке наши люди мужали, набирались воинской зрелости, и яркие подвиги их вошли золотыми строками в историю героической битвы за родную столицу.

Великое дело — этот боевой опыт. Он отражается не только в грамотных, обоснованных решениях, правильной организации взаимодействия, оперативном реагировании на изменение обстановки и умения находить выход, казалось бы, из безвыходного положения, но и в познании самого боя, умения распознать опера-

¹ После выхода первого издания моей книги Воениздат МО СССР выпустил мемуары генерал-полковника Д. А. Журавлева «Огненный щит Москвы» (1972 г.) и исторический очерк «На страже неба столицы» (коллектив авторов, 1968 г.), в которых подробно описываются мужество и героизм людей Московской ПВО.

тивные и тактические приемы врага, особенности средств, им применяемых, и возможность противодействия им имеющимися в распоряжении командира средствами. При всем этом решающим фактором остается стойкость и мужество советского бойца, его воинская смекалка, готовность к подвигу, преданность долгу, что в конечном счете складывается в боевой опыт.

...Рубеж, которого удалось противнику достигнуть к 2 декабря, оказался пределом его наступательных возможностей. Группы фашистских танков с автоматчиками лихорадочно метались с одного участка на другой, выискивая слабые места в нашем боевом построении, где можно было бы пролезть, чтобы затем ударить излюбленным приемом по флангам и тылу героически обороняющихся бойцов.

Но все эти попытки врага успеха не имели.

Явный провал планов пробиться к Москве с севера побуждает фашистское командование перенести усилия на другие участки, собрав в кулак все, что было еще возможно. Такую попытку предприняло оно на Волоколамском направлении силами до 9 пехотных и танковых дивизий, а затем — под Кубинкой. На Волоколамском направлении вражеский удар оказался безуспешным. В сводке за 5 декабря сообщалось, что за прошедшую неделю герои-воины армии Рокоссовского уничтожили 10 244 солдата и офицера, 139 танков, 22 самолета, 91 орудие, 10 бронемашин, 34 мотоцикла, 35 минометов, 15 радиостанций, 139 автомашин противника. Захвачено 12 танков, 5 орудий, 16 пулеметов, 4 миномета, 4 радиостанции и 51 автомашина...

Поражение на Волоколамском и Наро-Фоминском направлениях окончательно похоронило замысел врага овладеть Москвой. На исходные рубежи для контрнаступления вышли могучие резервы Ставки, путь к столице врагу преградили воля, мужество и ненависть к поработителям нашего народа.

Начинался новый, принципиально новый этап борьбы за столицу.

Учились и учили на подвигах героев

Скупыми были донесения в тяжелые дни боев под Москвой. Больше всего сообщалось о беспредельной стойкости и мужестве целых частей, подразделений, зачастую даже не указывалось ни имен, ни фамилий их командиров и политработников, и лишь изредка поступали сообщения о выдаю-

шесмя подвиге того или иного героя. Только по прошествии времени стали полнее раскрываться все обстоятельства, при которых совершался подвиг, восстанавливались имена и фамилии героев. Это обязывает всех, кто знает и помнит, кто видел, в том числе и меня, дополнить скупые и неполные подчас данные архивных документов своими воспоминаниями и рассказами боевых друзей, командиров и политработников, близко знавших героев, свидетелей совершенных ими подвигов.

Части Московской зоны обороны (исключая летчиков и части ПВО) с момента ее создания 12 октября и до середины ноября, по существу, непосредственного соприкосновения с врагом не имели. Среди пехотинцев, артиллеристов было очень мало таких, кто прошел через тяжкие испытания на полях сражений, имевших боевой опыт. Это заставляло искать пути, формы и методы, которые помогли бы передать, донести боевой опыт фронтовых частей, примеры мужества, героизма до каждого бойца и командира частей Московской зоны обороны, расположенных на ее рубежах.

И работники аппарата МВО и МЗО внимательно подбирали, систематизировали материалы, опубликованные в печати, а также поступавшие от представителей политотделов дивизий, действовавших на различных направлениях, через постоянную связь Политуправления МВО с политотделами армий и Политуправлением Западного фронта. Всем формами устной и печатной пропаганды доводили до сведения личного состава рассказы о бесстрашном подвиге 28 панфиловцев у Дубосекова, о том, как этот подвиг под Солнечногорском повторили кавалеристы эскадрона 37-го кавалерийского полка под командой лейтенанта Красильникова. На высоте севернее деревни Федюково, вооруженные гранатами и бутылками с горючей смесью, они вели неравный смертельный бой с танками противника и уничтожили 25 бронированных машин. Бойцы Московской зоны знали и о подвиге истребителей танков Сергея Головачева и Михаила Валикова из подразделения лейтенанта Андрея Ремизова: выдвинувшись вперед навстречу 9 танкам противника, Головачев и Валиков под огнем орудий и пулеметов в неравной борьбе уничтожили 4 танка, а остальные обратили в бегство.

Взволновали бойцов сообщения о подвиге связиста, московского слесаря гвардии сержанта Новикова. Это было под Наро-Фоминском. Прервалась связь с наблюдательным пунктом артиллеристов. Новиков пошел восстанавливать ее, нашел разрыв, но внезапно был атакован группой гитлеровцев. Закусив концы провода зубами, он стал отстреливаться и 4 фашистов уничтожил. Но силы были неравными, изрешеченный пулями, Новиков погиб, но

и мертвый продолжал выполнять боевой долг, пропуская ток через себя на батарею, чем помог оставшимся в живых успешно отразить натиск врага.

Это о нем тогда написал поэт Алексей Сурков:

Осенний день был
облачен и хмур,
Дрожал от взрывов
подмосковный лог.
Связист зажал зубами
тонкий шнур
И за сугроб
отстрелиться лег.

Комсомолец-сибиряк Н. Мейсак из 82-й стрелковой дивизии в ночь на 7 ноября под Дорохово вступил в неравную схватку с группой противника, прорвавшейся на передовой наблюдательный пункт командира полка. И когда его, уже пробитого в нескольких местах вражескими пулями, хотели вытащить из блиндажа, он, собрав последние силы, бросил одну за другой две гранаты и уничтожил фашистов. Однако сам герой был сильно изранен и почти сутки пролежал без сознания, пока не спасли его две местные жительницы и мальчик.

В последние дни октября стали известны подробности подвига, совершенного в середине октября под Малоярославцем подольским курсантом-комсомольцем Иваном Шатырко. Находясь в траншее рядом с пулеметным дотом, он в течение нескольких часов вместе с пулеметчиками бесстрашно отражал попытки врага овладеть огневой точкой. Атака следовала за атакой, но врага неизменно встречал меткий огонь. Противник обрушил на дот артиллерийско-минометный огонь, бросил авиацию. Дот замолчал; Шатырко был тяжело ранен осколком в грудь. И вот впереди опять замаячили серо-зеленые фигуры. Шатырко понимал: винтовкой врага не остановишь, нужен шквальный огонь, но пулемет молчал. Тогда, преодолевая боль, напрягая последние силы, боец пробрался из окопа в дот. Здесь он увидел, что пулеметчик убит, а второй помер никак не может найти неисправность. Шатырко устранил задержку, лег за пулемет, и, когда вражеские солдаты, убаюканные наступившей тишиной, приблизились на 50 метров, пулемет заговорил снова, сея в рядах врага опустошение. Очередная атака была отражена. Шатырко послал бойца к командиру роты за поддержкой. Время шло, а посыльный не возвращался. Вокруг дота с новой силой бушевал огненный смерч, помощь пробиться не могла. Утром опять налетела авиация, разрывы бомб сотрясали дот, и он начал оседать набок. Пулемет замолчал, казалось, уже навсегда. Немцы вновь осмелели, пошли в рост, не пригибаясь. И опять огненные струи хлестнули по цепи обнаглевших гитлеров-

цев, и вновь побежали назад оставшиеся в живых. Теперь это сделал пробравшийся ночью в дот смельчак из смельчаков сержант Никонов, заменивший павшего смертью героя курсанта Шатырко. Когда подошли бойцы подкрепления, они обнаружили перед дотом до 250 фашистских трупов.

Славой овеван и подвиг артиллерийского связиста 289-го противотанкового полка 16-й армии младшего сержанта П. Д. Стемасова, который заменил выбывшего из строя командира орудия. Сам Стемасов, наводчик Неровов, тракторист Чоботов выдержали поистине героическую схватку, уничтожив 8 танков. Пять суток, окруженные, они отбивались от гитлеровцев, экономно расходуя каждый снаряд, патрон и гранату; устояли и вырвались к своим, не оставив врагу доверенного им народом орудия. Подвиг этих богатырей Родина оценила достойно. Стемасову присвоено звание Героя Советского Союза, остальные его боевые друзья награждены орденами, а прославленный 289-й артиллерийский противотанковый полк, воспитавший этих и многих других героев, стал в дальнейшем 1-м гвардейским артиллерийским противотанковым полком.

Воспитанный совет, Политуправление широко пропагандировали беспримерный героизм танкового экипажа комсомольца лейтенанта П. В. Кузнецова, который 21 и 22 ноября в районе Дорохово огнем и гусеницами уничтожил танк, 8 орудий, бронемашину, 6 автомашин с боеприпасами и до батальона пехоты врага. Танк, ведомый отважным экипажем, был дважды подбит, Кузнецов ранен, но под жестоким огнем войны восстанавливали машину, перевязывали раны и снова шли в бой.

Мы учили защитников Москвы на подвиге комсомольского экипажа танка лейтенанта Ошкало, командира орудия, секретаря комсомольской организации роты из 28-й танковой бригады старшины Трохинского, которые в течение трех дней уничтожили 11 танков, противотанковую пушку и свыше 150 вражеских солдат; на подвиге командира комсомольского экипажа лейтенанта Наумова из той же 28-й танковой бригады. В боях за Скирманово он уничтожил 2 танка, 2 орудия и на подожженном, пылающем танке врезался в гущу обезумевших гитлеровцев, кося их из пулемета, давя гусеницами. Их грозная машина сгорела, как сердце Данко, осветив боевым друзьям путь к подвигу, путь к победе.

Знали бойцы на оборонительных рубежах и о выдающемся подвиге героя-дзержинца¹ Сергея Белоуса, который, будучи посланным ночью выяснить, что за шум моторов на дороге, проходящей через открытый фланг роты, столкнулся с 5 немецкими

¹ Из дивизии особого назначения имени Ф. Э. Дзержинского.

танками и вызвал артиллерийский огонь на себя. 2 танка подбили артиллеристы, один — вывел из строя Белоус противотанковой гранатой, а 2 уцелевших поспешно отошли назад. Не прорвались здесь и следовавшие за головными еще 12 танков. Опасность выхода врага в тыл была предотвращена. В газете «Красная Звезда» и выпущенной листовке писалось:

«...Презирая смерть, во имя защиты Москвы Сергей Белоус сорвал злодейский план фашистов. Подвиг этот прославил его на всю страну... Не трудно представить, что случилось бы, окажись на месте Белоуса какой-нибудь малодушный человек, который испугался бы танков, дрогнул в решающую минуту. Такой человек, растерявшись, не только наверняка погиб бы сам, но и погубил бы много своих товарищей, нанес немалый вред обороне Москвы.

Бесстрашие — мать победы. Смелость — самая верная броня и самое грозное оружие в бою. Будь отважен, презирай смерть, и враг никогда тебя не осилит, ты с честью выполнишь свой долг перед Отечеством.

Будем же, товарищи, тверды как сталь, бесстрашны и хладнокровны всегда и везде! Будем биться за родную Москву так, как бьются Сергей Белоус и тысячи других героев обороны столицы».

Своих артиллеристов и молодых политработников мы учили на подвигах наводчика 694-го артиллерийско-противотанкового полка Резерва Главного Командования сержанта Е. А. Дыскина, наводчика С. Е. Плохих и заряжающего Пленицина, комиссара этого полка Федора Бочарова. Только в первой половине ноября было закончено формирование в Москве этой части, а 17, 18 и 19 ноября многие ее воины отдали жизнь, защищая родную столицу. В эти дни на Волоколамском шоссе в районе Ново-Петровское разыгрались тяжелейшие бои с крупной танковой группировкой противника, рвавшейся к Москве. Три дня и три ночи героическая 16-я армия сдерживала бешеный натиск. На долю 694-го полка выпало одно из труднейших испытаний. Враг лез напролом, не считаясь с потерями. Кое-где ему удавалось врываться на огневые позиции, заходить с флангов и тыла, наши бойцы встречали врага огнем, пускали в ход штыки, гранаты и бутылки с зажигательной смесью, несли потери, но даже раненные продолжали сражаться и сдерживать натиск.

В этих жестоких боях особым мужеством отличился восемнадцатилетний брянский десятиклассник Ефим Дыскин. Несмотря на многочисленные раны и потерю крови, герой вместе с оставшимися в живых наводчиком С. Е. Плохих и заряжающим Пленициным продолжали неравную борьбу с врагом и огнем единственного уцелевшего в батарее орудия уничтожили 7 танков. Рядом с ними в этом пекле находился и комиссар полка Федор Бочаров, помогая

воидам и воодушевляя их на подвиг личным примером. В представлении Бочарова к награде начальник артиллерии 16-й армии В. И. Казаков и комиссар Дмитриев писали: «...в тяжелых боях на подступах к Москве комиссар Бочаров показал всему личному составу полка пример мужества и отваги в боях с оголтелым врагом. 18. XI. 1941 г., когда немецкие танки прорвали передний край линии нашей обороны и вклинились в боевой порядок войск, комиссар Бочаров; будучи на огневых позициях, непосредственно руководил боем, появлялся на самых ответственных и опасных местах. Расчет красноармейца-наводчика Дыскина, на которого пала вся тяжесть боя, видя у своего орудия боевого комиссара, не дрогнул, отражая атаку за атакой врага, уничтожив в этом бою 7 танков противника... Наводчик Дыскин представлен к званию Героя Советского Союза¹.

За проявленные боевые заслуги в борьбе с немецким фашизмом комиссар Бочаров удостоен правительственной награды — ордена Красного Знамени...

За эти три дня герои 694-го артполка уничтожили и сожгли свыше 60 танков противника.

История еще не знала примеров такого массового героизма, самоотверженности и самопожертвования, какие были проявлены защитниками столицы в борьбе с бронированной армадой неприятеля. Именно здесь, как никогда ранее, превосходству врага в танках, артиллерии и авиации было противопоставлено великое мужество советского солдата, его верность воинскому долгу и своей любимой Родине.

Известно, что в октябрьско-ноябрьских оборонительных боях танковые соединения врага были в значительной степени перемолоты и усеяли поля Подмосковья безжизненными остовами. В это внесли свой неоценимый вклад и артиллеристы, и летчики — те, кому самим предназначением и мощью врученного оружия положено было уничтожать танки. Но поистине величественным был подвиг пехотинцев.

Все интересующиеся ходом сражения под Москвой, подвигами защитников, не могут не обратить внимания на то, что в этих подвигах значительное место занимают те, кто с гранатой и бутылкой горючей смеси вступал в единоборство с бронированными машинами противника. И панфиловцы, и герои-доваторцы эскадрона Красильникова, и 28 пулеметчиков 2-й Московской

¹ Герой Советского Союза Е. А. Дыскин, ныне профессор, полковник медицинской службы, работает в Ленинграде. Бывший токарь 1-го ГПЗ С. Е. Плохих награжден орденом Ленина, а красноармеец Пленцици — орденом Красного Знамени. Комиссар Ф. Бочаров — полковник в отставке, работает в Министерстве цветной металлургии.

стрелковой дивизии, возглавляемые лейтенантом Н. А. Бойко и политруком Л. Жепевским, повторившие подвиг панфиловцев у Озерецкого, и вносовцы Нариманяна под Акулово, и бойцы политрука Успенко; истребители танков старшего лейтенанта Верещагина; бойцы Лопатин и Сердюков и еще многие десятки и сотни героев стояли насмерть на своих рубежах, превращая фашистскую ударную силу в груды искореженного и сгоревшего металла.

Да, граната и бутылка горючей смеси — оружие людей особого мужества. Для того чтобы применить такое оружие, надо было смотреть смерти в глаза. Каждый из героев понимал, что, может быть, делает последний в своей жизни шаг, последний взмах руки, но понимал еще и то, что этот вражеский танк не должен пройти дальше.

Ратный подвиг защитников столицы вошел в века. Но никогда не должно быть забыто, что общий успех складывался из частных успехов, что массовый героизм — это личный героизм тысяч и тысяч воинов, каждый из которых, защищая отведенный ему клочок земли, свою позицию, чувствовал ответственность за судьбу Москвы, судьбу Родины и не щадил ради них ни сил, ни самой жизни.

Они проявили такую стойкость и мужество, каких еще не знали ни история войн, ни история человечества.

В бою под Клином грудью своей закрыл вражескую пулеметную амбразуру воин 1319-го стрелкового полка 185-й стрелковой дивизии В. В. Васильковский, в ходе контрнаступления такой же подвиг совершили командир взвода 1174-го стрелкового полка 348-й стрелковой дивизии Н. С. Шевеляков и боец 1186-го стрелкового полка 355-й стрелковой дивизии Я. Н. Падерин, повторившие подвиг, впервые совершенный в августе 1941 года под Новгородом политруком А. К. Панкратовым.

В московском небе героические советские летчики совершили десятки воздушных таранов, каждый из которых был высшим актом воинской доблести.

На такие подвиги был способен только советский человек, советский воин, для которого его Родина, счастье народа стало главным смыслом всей его жизни и борьбы.

Бесчисленные примеры выдающегося героизма и стойкости повседневно доводились до бойцов Московской зоны обороны, запоминались ими, рождая чувство гордости за своих товарищей по оружию, желание подражать им, быть такими же мужественными, дерзкими и беспощадными в бою. К этому звали подвиги воинов Московской зоны обороны в боях под Боровском, Клином, Солнечногорском, Рогачевом и Дмитровом, зенитчиков и расчетов постов ВНОС, вступавших в смертельную схватку с врагом

в первые дни ноябрьского натиска немецко-фашистских войск.

Пост ВНОС младшего лейтенанта Р. К. Корякина был неожиданно окружен противником. Бойцы заняли круговую оборону. В ответ на выкрики «Рус, сдавайся!» последовал дружный огонь. Бой был жестоким, неравным. Вот уже пали смертью храбрых бойцы-наблюдатели Баешкин, Евстигнеев, Козлов, ранен Трифонов. Кольцо врага сжималось. Но в момент, когда с дикими криками противник бросился в атаку, вновь дружно загремели выстрелы, полетели гранаты. В рядах атакующих возникло замешательство, перешедшее в паническое бегство. С наступлением темноты смелым ударом герои разорвали кольцо окружения, вынесли тяжело раненного командира и других товарищей.

Двадцатые числа ноября. Части 16-й армии под напором противника вынуждены с тяжелыми боями отходить. В зону боевых действий попадает зенитная батарея противовоздушной обороны Москвы, расположенная на ее дальних подступах. Батарея отходит на запасную позицию, а прикрывать отход остается заместитель политрука пулеметчик Кочан. Вскоре появляются вражеские танки. Головной танк уже у самого ровника, в котором укрылся Кочан... Быстрый взмах руки — и с треском разбивается о броню бутылка с горючей смесью. Ваметнулось пламя. Танк рванулся в сторону, дернулся и замер на месте. Раскрылись люки, экипаж выскочил и укрылся за танком. Увеличив скорость, к позиции нашего бойца приближается второй танк, ведя на ходу пушечно-пулеметный огонь. А из-за подбитой машины хлещут автоматные очереди, сухо гремят выстрелы из пулеметов... До последнего дыхания бился с врагом верный сын Родины Кочан. Он честно выполнил долг, задержал врага. Батарея тем временем развернулась на новой позиции и отразила атаку. В пробитом пулей комсомольском билете героя была найдена записка, торопливо набросанная в последние минуты перед решающей схваткой: «Буду драться до последнего патрона, буду уничтожать гитлеровцев до последнего удара сердца». Клятву свою он выполнил.

Зенитную артиллерийскую батарею воентехника 2-го ранга И. В. Жаворонкова и политрука Д. А. Сажнева, защищавшую деревню Кново, 1 декабря атаковали свыше десятка танков с автоматчиками. Орудийные расчеты замполитрука В. Г. Громышева и сержанта Г. А. Шадунца вступили в единоборство с танками. Беглым огнем они прижали к земле автоматчиков, а затем запылали два танка, и противник отошел. 3 декабря с рассветом до 20 танков и до батальона пехоты вновь пытаются овладеть Кново, их натиск не выдерживают бойцы двух рот 2-го полка 2-й Московской стрелковой дивизии и отходят, по оставшиеся на своих позициях два орудия с бесстрашными

командирами Громышевым и Шадунцом метким огнем вносят в ряды атакующих замешательство. Озлобленный враг сосредоточивает на них огонь танковых пушек и пулеметов. Seriously ранен Громышев, но он остается у орудия, замешив раненого заряжающего Б. Е. Барабанова. Осколком снаряда ранен наводчик Артамохин, ранен в голову осколком мины боец В. С. Конев. Ему предлагают уйти в укрытие, отправиться на медпункт, но Конев сказал: «Пока глаза видят врага и не оставили силы, я буду сражаться и в госпиталь не пойду».

Вражеская пуля сразила коммуниста Громышева. Орудие замолчало, но орудие Шадунца выпускало снаряд за снарядом, заставляя танки противника метаться по полю. Осколок разорвавшегося вблизи снаряда сбивает прицел, орудие ослепло. Кажется, неравная борьба окончена... Но комсомолец Шадунц начал целиться через ствол, а пока заряжающий досылал снаряд, рассчитывал упреждение, вносил поправку. Орудие продолжало стрелять, и еще 5 вражеских танков остались догорать на поле боя. Ошеломленный отпором и потерями, противник прекратил атаки.

Случай этот совершенно исключительный; мастерство Шадунца, помноженное на мужество, принесло поразительный успех. Командир 331-й дивизии генерал-майор С. В. Король по-отечески расцеловал героя, поблагодарил за верность воинскому долгу. Командир батареи Жаворонков, старший лейтенант Шадунц, замполитрука Громышев (посмертно), артиллеристы Баранов, В. Р. Петреев и остальные участники боя — были удостоены высоких правительственных наград.

Прорыв танков противника в направлении Апрелевки 1 декабря не застал врасплох воинов поста ВНОС, расположенного на западной окраине деревни Акулово, возглавляемого старшим сержантом Хореном Айрапетовичем Нариманяном. Наблюдатели Каширин и Гарин подсчитали, что по дороге и полю движется до 30 танков. Наших войск поблизости нет, прорыв грозит большой опасностью. Нариманян быстро закодировал доведение командиру роты ВНОС, а в заключение открытым текстом дописал: «Остаюсь на месте, будем драться до последнего вздоха...»

Что происходило дальше, никто уже не знал. Только слышали вдалеке гулкие артиллерийские раскаты, глухие взрывы ручных гранат и треск пулеметных очередей. А когда особая морская бригада МЗО и резервные части 5-й армии выбили противника из деревни Акулово, они увидели полуразрушенный блиндаж поста Нариманяна, около него 3 обгоревших вражеских танка и более десятка фашистских трупов. В блиндаже обнаружили изрешеченные пулями и осколками гранат тела Хорена Нариманяна, радиста Андрея Скакуна и бойцов Мухайла Каширина,

Григория Гарина, Николая Пичкурова, Василия Курбанова, Абзара Алиева, Николая Куракина. Они предупредили об опасном прорыве противника, приняли на себя всю тяжесть его удара и героически отдали свои молодые жизни, защищая родную Москву. Из всего расчета выжил боец Прохоров, посланный Нариманяном для восстановления прерванной связи и не пробиравшийся обратно к товарищам.

Значительный вклад в разгром гитлеровских полчищ под Москвой внесли наши летчики ВВС МВО и МЗО и 6-го авиакорпуса ПВО. Они первыми из воинов Московской зоны обороны вступили в схватку с врагом, защищая небо столицы, ведя воздушную разведку, поддерживая и прикрывая наземные войска. В рядах летчиков выросла плеяда воздушных богатырей, бесстрашно вступавших в неравные схватки с врагом и выходявших победителями. О некоторых из тех, чья слава сразу же облетела нашу страну и перешагнула ее рубежи, я уже рассказывал в главах, посвященных дооктябрьским событиям. В последующих боях отличились и стали в шеренгу Героев Советского Союза А. Катрич, И. Калабушкин, С. Ридный, В. Каменщиков, и о них хочется сказать особо.

Лейтенанту Алексею Катричу исполнилось 24 года, когда он принял первое боевое крещение. В Харьковскую военно-авиационную школу пилотов этот крестьянский паренек пришел по путевке комсомола, а, окончив ее, вскоре стал мастером высшего пилотажа, был принят в ряды Коммунистической партии. Как военный летчик он упорно и настойчиво готовил себя к бою, постоянно совершенствовал профессиональное мастерство, изучал боевой опыт ветеранов воздушных сражений. Особенно волновали его такие выдающиеся подвиги крылатых бойцов, как огненный таран, совершенный в битве у реки Халхин-Гол комиссаром эскадрильи Ююкиным, обрушившим свой горящий самолет на артиллерийские позиции врага, как подвиг советского летчика Скобарихина, сразившего таранным ударом воздушного противника в небе Монголии. На таких примерах учился молодой летчик мужеству, беззаветной любви к Родине.

Началась Великая Отечественная война. И вот уже облетела страну весть о бессмертном подвиге экипажа капитана Н. Гастелло, повторившего подвиг своего бывшего комиссара Ююкина, свидетелем которого он был. Первые схватки с воздушным врагом, рвущимся к Москве. Подвиги лейтенантов В. Талалихина и В. Ковалева, капитана К. Титенкова, совершивших ночные и дневные тараны.

...По-воровски, прячась за облаками, к Москве крадется вражеский разведчик, чтобы затем привести за собой стаю «кондо-

ров». Команда на взлет. Командир звена лейтенант Катрич поднимает в воздух свой истребитель. На полных оборотах двигателя все выше и выше через кучевые облака пробивается самолет в ослепительную голубизну неба. Холод забирается под летное обмундирование; уже ощущается недостаток кислорода, пора надевать маску, но там, еще выше, инверсионный след вражеского самолета. Надо спешить, иначе враг уйдет, а высота дается все труднее... Наконец, набрали около 8 тысяч метров, тех самых, которые отделяли нашего летчика в момент взлета от вражеского воздушного разведчика. Вот он впереди, «дорнье-217». Катрич выжимает все, на что способен его истребитель МиГ-3, и быстро сближается с противником. Уже виден ствол кормовой пулеметной установки. Его надо упредить, иначе... Нажата гашетка управления огнем крупнокалиберного пулемета, цветастая трасса рванула по кабине стрелка. Ответного огня не последовало. Значит, попал! Теперь надо добраться до летчиков. Очередь, другая, третья... Пули прошли фюзеляж, оставили рваные дыры в плоскостях, но «дорнье», резко маневрируя, огрызаясь бортовыми пулеметами, со сниженным пошел на разворот. Но истребитель словно прикипел к хвосту противника, летчик не выпускал черный силуэт из прицела, готовясь нанести решающий удар.

Пора! Гашетка до упора вдавлена в ручку управления самолетом. В ответ — тишина. Патроны кончились... И словно поняв, что произошло, вражеский самолет, издевательски покачав крыльями, стал по прямой уходить на запад. Нет, коммунист Алексей Катрич не мог с этим смириться. И он решает идти на таран.

После вручения ему ордена Ленина и Золотой Звезды Героя, Алексей Николаевич Катрич рассказал: «...у меня оставался единственный выход — таранить. Нельзя было упустить воздушного разведчика, рвавшегося к Москве. Но хотелось не только уничтожить врага, но и спасти свой самолет. Поэтому и созрело решение нанести удар по самому чувствительному месту машины — отрубить винтом хвостовое оперение «дорнье». Приблизившись к врагу вплотную, чуть доворачиваю... Раздается скрежет металла, истребитель отбрасывает в сторону. Выравниваю слегка вибрирующую машину и вижу, как разведчик накренился, клюнул носом и, кувыркаясь, стремительно полетел к земле. А я благополучно посадил свой самолет на аэродром...» Так был совершен первый в мире высотный воздушный таран.

Нельзя не восхищаться подвигом командира эскадрильи 11-го истребительного авиационного полка лейтенанта Венедикта Ефимовича Ковалева, повторившего 14 декабря подвиг Гастелло. В районе села Румянцево группа, ведомая Ковалевым, обнару-

жила большое скопление пехоты и техники отступающих фашистов. Командир повел группу на штурмовку, но при выходе на цель самолеты попали в зону сильного зенитного огня. Рядом с ястребком разорвался снаряд, вспыхнул мотор. Летчик пытается сбить пламя скольжением, но тщетно. Понимая, что самолет вот-вот взорвется, воздушный боец мог покинуть его на парашюте, спасти жизнь. Но коммунист Ковалев решил иначе: он бросил пылающую машину в самую гущу врага. Взрыв баков с горючим, неизрасходованных боеприпасов внес в ряды противника опустошение, привел его в ужас. Ковалеву посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Незадолго до своего последнего вылета В. Е. Ковалев на митинге полка торжественно заявлял: «Клянусь тебе, Родина, клянусь тебе, родная Москва, что беспощадно буду бить и уничтожать фашистов, которые пытаются захватить нашу столицу, покорить страну и залить кровью советскую землю...»

Свою клятву коммунист выполнил до конца.

Только недавно я вручал орден Красного Знамени замечательному воздушному бойцу лейтенанту П. Г. Дядику. Сколько энергии, неукротимого боевого задора и неисчерпаемой веры в свою счастливую звезду было в этом жизнерадостном и жизнелюбивом авиаторе. К этому времени на его счету было 120 боевых вылетов, 11 сбитых вражеских самолетов, десятки смелых до дерзости штурмовок позиций противника, в результате которых было уничтожено 8 танков, 40 автомашин с боеприпасами и до 200 гитлеровцев. Коммунисты полка единодушно приняли его в ряды ленинской партии. Когда враг прорвался к Клину, Дядик делал по 4—5 вылетов в день. В последнем своем вылете он смело атаковал колонну танков и пехоты, но вражеский зенитный снаряд оборвал жизнь этого блестящего воздушного бойца и мастера штурмового удара.

А счет подвигам продолжал расти. В ноябре, выполняя боевое задание, летчик-истребитель лейтенант Н. Г. Лископоженко, Зуев и Ключко встретили шестерку Ю-88, прикрытых истребителями Ме-109, без колебаний вступили с ними в бой. Враг был опытный, искусно маневрировал, пытался ускользнуть от прицельного огня. У Лископоженко кончились боеприпасы, но выходить из боя мужественный летчик не хотел, не мог покинуть товарищей в трудную минуту. Но чем им помочь? Быстро созрело решение: идти на таран!

Направив свой самолет на бомбардировщика, Лископоженко срезает «юнкерсу» хвостовое оперение, но при столкновении сам получает серьезное ранение. Превозмогая боль, летчик повел свою поврежденную машину на снижение, но в это время его

атаковали 3 «мессера». Уйти от них было невозможно, но отдать жизнь без боя герой не мог, он должен был бороться до конца. И, улучив момент, когда враг, уверенный в легкой победе, допустил просчет, советский летчик наносит таранный удар по атаковавшему его истребителю, сбивает его, а сам, напрягая последние силы, с огромным трудом дотягивает до аэродрома и благополучно приземляет на нем свой ястребок.

Николай Гаврилович Лисконоженко совершил в небе Подмосковья выдающийся подвиг, первым нанеся в одном бою два таранных удара. Такого еще никогда не было. Только позже, в 1942 году, его повторили гвардии старший лейтенант Герой Советского Союза А. Хлобыстов и морской летчик Герой Советского Союза М. Борисов. 27 декабря 41-го года Указом Президиума Верховного Совета СССР, за мужество и героизм Н. Г. Лисконоженко был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза, а имя его навечно занесено в списки части, в которой он сражался.

Всеобщее восхищение защитников Москвы вызывал летчик П. Деменчук, в один день сбивший Ю-88 и таранивший «хейнкель-111», а богатырский подвиг младших лейтенантов В. Г. Пирожкова и В. И. Довгого явился ярким примером не только великого мужества советских авиаторов, но и взаимопонимания, единства устремлений в бою. Отражая один из сентябрьских воздушных налетов на Москву и израсходовав боеприпасы, они не захотели возвращаться на аэродром, пока в баках было горючее, а в воздухе — самолеты врага. Ведущий пары В. Пирожков решительно сближается с Ю-88, наносит винтом удар по стабилизатору, но стервятник продолжал лететь. Самолет Пирожкова с поврежденным винтом начинает отставать. И тогда вперед выходит Довгий, нагоняет противника, рубит винтом хвостовое оперение «юнкерса». Удар оказался для врага смертельным, а отважные летчики-истребители благополучно привели свои самолеты на аэродром.

Славными боевыми делами отмечен ратный путь и летчика лейтенанта Куприянова. Как-то, находясь в разведывательном полете, он обнаружил движение колонны танков и другой боевой техники противника. Передав по радио условным кодом координаты колонны, он, продолжая разведку, обнаружил посадочную площадку с двумя транспортными самолетами противника и беззаправщиками около них. Почувствовав опасность, один из самолетов пошел на взлет, но атакованный и подожженный Куприяновым рухнул на землю. Куприянов делает второй заход, на него обрушивается шквал зенитных снарядов, один из них повреждает мотор и поджигает самолет. Малая высота уже не

позволяла выбраться с парашютом. Летчик направил свой истребитель на транспортный самолет противника, и сильный взрыв разнес вражескую машину в клочья. Смерть стояла рядом с летчиком, но и она отступила перед богатырской силой духа советского воина. Не то при резком переводе машины в пикирование, не то взрывной волной Куприянова выбросило из кабины самолета. На какое-то время он потерял сознание, а очнувшись, увидел приближающихся трех фашистов, открывших по нему огонь из автоматов.

Отстреливаясь, Куприянов отполз к лесу и сумел уйти от преследователей, а на третий день его, совершенно ослабевшего, подобрала красноармейцы разведчики. За свой подвиг Куприянов был награжден орденом Красного Знамени.

На счету молодого летчика С. В. Ачкасова, бывшего железнодорожника из подмосковного города Ступино, был уже один поверженный тараном фашистский бомбардировщик, за что воин был награжден орденом Ленина. Много было еще вылетов, жарких схваток, а главный подвиг был впереди.

29 октября, находясь в воздухе в паре с командиром эскадрильи, Ачкасов увидел идущих на Москву 5 бомбардировщиков и 7 истребителей противника. Командир дал команду на атаку бомбардировщиков. На Ачкасова наваливаются 3 истребителя прикрытия, отжимая его от своей ударной группы. С первой очереди Ачкасов сбивает одного истребителя, потом, демонстрируя высокое пилотажное мастерство, сражается с двумя другими, дважды прикрывает командира, когда вражеские самолеты опасно его атакуют... Но вот снова «мессер» занял выгодную для атаки позицию. Все решали секунды. Ачкасов бросает свой истребитель врагу наперерез и сокрушает его таранным ударом по корпусу. Фашистская машина разваливается в воздухе, а сам Ачкасов, с трудом выбравшись из кабины изуродованного самолета, на парашюте опустился на землю и был подобран колхозниками.

Так Сергей Ачкасов за короткое время совершил два воздушных тарана, рискуя жизнью, спас жизнь своего командира. О нем тогда московские газеты писали: «Отважному сыну советского народа Ачкасову — СЛАВА! Равняйтесь по такому коммунисту, как Ачкасов!» Подвиги его были увенчаны Золотой Звездой Героя.

Не каждому дано выдержать невероятное физическое и духовное напряжение, не всем дана такая воля, чтобы до предела сблизиться с противником, хлещущим по тебе огненными трассами, чтобы, не свернув, идти к цели сквозь огненный заслон. А 22-летний летчик 16-го истребительного авиаполка Иван Голубин обладал такой волей. К моменту нашего контраступления на его счету уже было 10 сбитых самолетов врага. Удары его

были стремительны, маневры отличались высоким классом мастерства, огонь пулеметов и пушек неотразим, Иван Голубин по праву заслужил высокое звание Героя Советского Союза.

Были в штабе ВВС округа старший инспектор техники пилотирования подполковник Г. П. Карпенко и инспектор майор А. Н. Федоров. Карпенко, возглавлявший авиационную группу на самолетах Пе-2, вместе с Федоровым умело наводили ночью самолеты врага на ложные объекты. Кроме того, их самолеты, оборудованные сильными прожекторами, выполняли роль осветителей: поймав в световой луч самолет врага, они сами же расстреливали его. Военный совет не раз объявлял им благодарность за успешное выполнение сложных заданий. Карпенко пользовался высоким уважением товарищей и командования как мастер точного прицельного бомбометания, за умение выбрать важную цель. На счету Карпенко было 48 боевых вылетов, из них 21 — ночью и 15 — на разведку, им было выведено из строя на аэродромах 18 вражеских самолетов, 2 сбито в воздушных боях; подбито и сожжено 20 танков, 120 автомашин, 50 повозок, взорвана бензозаправочная база, разрушена железнодорожная станция, переправа через реку. В группе с другими экипажами атаками с небольшой высоты было уничтожено на Клинском аэродроме 38 фашистских самолетов.

Есть еще одна категория мужественных воздушных бойцов, роль которых в битве за родную столицу чрезвычайно велика. Речь идет о «крылатых комиссарах» — политработниках авиационных частей, отважно сражавшихся в московском небе.

Комиссары были душой и совестью каждого боевого коллектива, воспитывали личный состав в духе высокой коммунистической убежденности, преданности Родине, готовили их к подвигу и вели за собой. Они не только поднимали боевой дух воздушных защитников столицы, но и сами показывали пример отваги в воздушных боях, были умелыми и мужественными воздушными бойцами. В те сложные и напряженные дни «крылатые комиссары» регулярно информировали вышестоящие политорганы о боевом состоянии части, о совершенных их однополчанами подвигах, но, как правило, умалчивали о себе, находясь по терминологии кинороботников как бы «за кадром». К сожалению, столь же скромными на сообщения о боевых делах комиссаров-фронтовиков оказались и вышестоящие политорганы, в силу чего так мало сохранилось документов, освещающих боевые дела и подвиги комиссаров-авиаторов. И только благодаря долговому и настойчивому творческому поиску старшего научного сотрудника архива МО СССР Л. Шумейко мы узнали, хотя далеко еще не полно, и об этих героях.

...За пять месяцев отражения вражеских палетов на Москву комиссары авиационных частей лично участвовали в 189 воздушных боях и 97 штурмовках наземных войск и аэродромов, уничтожили 22 самолета противника и нанесли значительные потери гитлеровцам на земле.

24 октября в районе Можайска военком 436-го истребительного авиаполка батальонный комиссар А. Ф. Горшков смело вступил в бой с 3 истребителями противника и 2 из них сбил. Третьему самолету удалось пушечной очередью поразить самолет Горшкова, комиссар получил 21 осколочное ранение и, несмотря на это, направил свой самолет на таран. Однако мотор отказал, комиссар вынужден был посадить самолет в районе деревни Марьино и поджечь его. Подоспевшие местные жители помогли Горшкову перевязать раны и уйти в лес, где он собрал до 50 бойцов из разных частей, с ними уничтожил группу фашистов с пулеметом, пытавшуюся преградить им путь, и благополучно вывел отряд через линию фронта в расположение своих войск.

Примером бесстрашия был для летчиков комиссар эскадрильи 16-го истребительного авиационного полка старший политрук Филимонов. В одном из жестоких воздушных боев он лично сбил 3 «мессершмитта», а 29 октября в групповом бою с его участием было уничтожено 11 Me-109, один Ю-88 и один Ю-87.

Столь же отважным был и комиссар эскадрильи старший политрук Ф. Казаков, в паре с ведомым сбитый 2 Хе-111, один «фоккевульф» и 2 Me-109. Казаков участвовал в 11 штурмовках наземных войск. После выполнения одного из таких заданий 13 ноября 1941 года группа наших истребителей при возвращении на аэродром подверглась атаке четверо превосходящих сил противника. Комиссар Казаков первым ринулся навстречу врагу, но силы были слишком неравными. Комиссар Казаков пал смертью героя.

К плеяде героических комиссаров принадлежат и комиссар 28-го авиаполка батальонный комиссар Д. Авелев, и бывший военком эскадрильи старший политрук М. Г. Десятиченко. Они взяли на себя ответственную задачу произвести разведку сил противника в районе Московского моря. В районе поиска были атакованы пятью вражескими истребителями, вступили с ними в бой, одного фашиста сбили, а второго подожгли. Но пулеметная очередь противника оборвала жизнь комиссара Авелева.

Грозой для воздушного противника были защитники московского неба военком эскадрильи старший политрук Ю. И. Герасимов, награжденный орденом Красного Знамени; старший политрук Колесников, совершивший 17 боевых вылетов. 9 ноября, будучи раненым в бою, он сумел перетянуть на поврежденном

самолете через линию фронта, а по выздоровлении снова поднялся в фронтовое небо. Старший политрук Волков, увидев, что командира полка майора Ракова атакуют три неприятельских истребителя, бросился на выручку и спас командиру жизнь. Бесстрашно бился с врагом комиссар 445-го истребительного авиационного полка батальонный комиссар Тележко.

Для многих комиссаров воздушные схватки с врагом в битве за Москву были только началом боевой биографии. Батальонный комиссар А. Ф. Горшков день Победы встретил заместителем командира полка; бывший военком 171-го авиаполка А. М. Винокуров, мастерством которого как воздушного бойца восхищались все летчики полка, закончил войну заместителем командира авиадивизии; бывший военком эскадрильи Л. И. Крайнов воевал под Сталинградом и Ленинградом, дошел до Берлина, а в послевоенное время успешно летал на реактивных самолетах, передавал свой фронтовой опыт молодым авиаторам.

Можно было бы продолжить рассказ о героических подвигах комиссаров-авиаторов. Но и приведенные примеры показывают, что они были достойными представителями партии в частях, умелыми организаторами боевой и политической работы, примерными воздушными бойцами, на которых равнялись, у которых учились беспощадно бить ненавистного врага.

Бесстрашные защитники московского неба выполнили свою задачу, сорвали злодейский план Гитлера и его генералитета сровнять Москву с землей. Последний, самый сильный, но заранее обреченный на провал налет на Москву был 2 декабря, когда фашистское командование, как азартный игрок, поставило на карту все, чтобы прорваться к городу с севера и запада. Начало налету положили действия 30 самолетов «на изнурение», начавшиеся с 20.00 1 декабря и закончившиеся безрезультатно в 5.00 2 декабря. В 10 часов в воздухе появились главные силы, волны самолетов одна за другой накатывались с небольшими промежутками. В налете участвовало до 350 самолетов, бой в воздухе продолжался до 15 часов дня. 15 вражеских самолетов было сбито (из них два — зенитчиками).

Хотя враг и не добился поставленных целей, но и потери понес небольшие — сохранил силы для продолжения попыток воздушного нападения на столицу, но, как показали дальнейшие события, этот налет стал «лебединой песней» как для «прославленной» гитлеровской эскадрильи «Кюндор», так и для всей группировки фашистской авиации под Москвой.

За все время воздушных налетов на Москву враг сбросил

в черте города 1445 фугасных авиабомб, а не донес до цели, спасаясь от стремительных атак наших летчиков и разящего зенитного огня — 10 031. Гитлер грозил испепелить Москву зажигательными бомбами, но из 110 тысяч их, подвешенных на бомбодержатели, в пределах столицы упали 45 тысяч и на подступах к ней — 64 967. И этот людоедский план фашистского руководства был сорван героическими москвичами.

Сейчас, по прошествии стольких лет, можно по-настоящему оценить подвиги героев, защищавших свою родную столицу от воздушного врага, и воздать им славу за то, что они своим необыкновенным мужеством, кровью и жизнью многих крылатых сынов Отечества уберегли сердце нашей Родины от варварского разрушения, сорвали каннибальский замысел Гитлера сровнять Москву с землей, а жителей ее уничтожить. А. С. Щербаков на заседании сессии Верховного Совета СССР в июне 1942 года говорил: «Население Москвы вместе с бойцами ПВО героически отстояли свой родной город от вражеских налетов. И вы, товарищи депутаты, видите свою столицу целой и невредимой». Небо над Москвой оказалось плотно закрытым для врага. С июля по декабрь подходило к столице свыше 3300 самолетов противника, а прорвалось только 207, свыше 900 было уничтожено, сотни, получив порции стали и свинца, едва убралась восвояси.

Вручая боевые награды героям Московского ПВО за отражение первого воздушного налета врага на Москву, М. И. Калинин давал наказ:

«Охраняйте Москву как зеницу ока. Защита нашей столицы в этой войне имеет огромное международное и политическое значение. Бейте врага так, чтобы все вопны ПВО страны брали с вас пример»¹.

Летчики, зенитчики, прожектористы и весь личный состав Московской зоны ПВО с честью выполнили этот наказ.

Моряки под Москвой

Яркие, незабываемые страницы вписали в боевую летопись сражения под Москвой советские моряки. Кто не знает об их традиционной беззаветной храбрости, готовности к подвигу. В гражданскую войну белогвардейцы и интервенты бледнели при одном упоминании о революционных матросах, прозвали их «черной смертью». В Одессе, Севастополе, под Ле-

¹ Газета 1-го артиллерийского корпуса ПВО «Тревога» 28/VII—1941 г.

нинградом, Керчью и Новороссийском гитлеровцы на своей шкуре испытали сокрушительную силу атак моряков, их бесстрашие, волю к победе. И вот сражаться за Москву прибыли 62, 64, 71, 74, 75, 84 и 166-я (154-я) морские стрелковые бригады тихоокеанцев, амурцев, волгокаспийцев, прибыли в самые критические дни, когда враг собирался переступить своим кровавым сапогом через порог Москвы.

Первыми навстречу врагу вышли 64-я бригада под Красную Поляну, 62-я — в район станции Луговая и 71-я — под Яхрому. Зная бесстрашие советских моряков, никто не усомнился в их способности с честью решить любую боевую задачу. Однако первые же сообщения о их действиях заставили насторожиться. Нет, они не дрогнули, не убоились схватки с противником. Но в их «почерке» оказалось слишком много от бесшабашной удалы времен гражданской войны, они были недостаточно подготовлены к условиям современного боя на суше. В чем же это конкретно выразилось?

2-му батальону 64-й морской стрелковой бригады на 4 декабря была поставлена задача: совместно с 331-й стрелковой дивизией и 28-й стрелковой бригадой выбить противника из совхоза «Озерцкое» и Красной Поляны. До исходных позиций (2 км западнее станции Луговая) подразделению надо было пройти 5 километров и в 8.00 начать атаку. Батальон сосредоточивался без соблюдения требований маскировки, двигался походной колонной. В результате колонна на марше была обстреляна из минометов, а перейти в атаку батальон смог только в 10 часов 30 минут. Это заставило командира бригады полковника И. М. Чистякова вместе с представителем штаба МЗО майором Д. П. Егоровым выехать в батальон для наведения порядка. Комбриг взял управление в свои руки, собрал личный состав, разъяснил ему задачу, организовал личную командирскую разведку и охранение и в 18 часов 30 минут повел бойцов в атаку. Моряки стремительно бросились на позиции врага. Атака была настолько неожиданной и лихой, что противник был смят и обращен в бегство. К 20.00 совхоз был очищен и дорога в него была заказана врагу уже навсегда. Уроки первого боя запомнились крепко, и в дальнейшем эта бригада действовала безупречно.

Несколько позднее нам стали известны замечательные дела героев-моряков 71-й бригады и их мужественного командира Я. П. Безверхова под Языковым и Белым Растом.

В районе деревни Белый Раст уже третий день шел ожесточенный бой с частями 24-й пехотной дивизии противника, усиленной десятками танков. Все ее попытки потеснить, отбросить героических моряков терпели провал. И в это время в район

Языкова (юго-западнее Яхромы) прорвались фашисты, угрожая ударом во фланг и выходом в тыл сражающимся под Белым Растом. У комбрига резервов не было. Безверхов поднял «в ружье» всех работников штаба, поллитотдела, бойцов охраны, свободных связистов, оставив на КП небольшую оперативную группу, усадил экстренно созданный отряд на трофейные грузовые автомашины, привез его к месту прорыва и с ходу ввел в бой. Схватка была жестокой и упорной. Командир бригады Безверхов возглавил атаку.

Моряки сражались яростно и дерзко. Вскоре к ним на помощь подоспела танковая рота с десантом, хорошо помогли минометчики, и враг вынужден был откатиться назад. Брешь была закрыта. В разгар боя разорвавшимся снарядом был тяжело ранен в бедро и контужен Безверхов. На некоторое время он потерял сознание, но пока его перевязывали, сознание и силы возвратились, и он не покидал поле боя до полной ликвидации опасного прорыва.

В боях за Белый Раст показали морскую боевую хватку артиллеристы этой бригады под командованием капитана Демина, особенно батарея Дуклера, а в ней — орудийный расчет сержанта Георгия Литвинова.

...Обнаружено скопление противника в Белом Растве. Батарею Дуклера приказано скрытно через лес выдвинуться ближе к деревне и произвести внезапный огневой налет. При выходе артиллеристов на опушку леса враг их обнаружил, батарея подверглась минометному обстрелу. Проскочив через зону огня, воины быстро развернули орудия и открыли ответный огонь. Однако внезапности добиться не удалось, батарею надо было отводить на исходные позиции под сильным огнем и угрозой окружения. Отдав приказ на отход расчету орудия сержанта Литвинова и приданного ему отделения моряков, Дуклер ставит задачу — прикрыть отход батареи. Нелегкой оказалась эта задача, она потребовала от оставшихся 29 моряков высокого мужества и героизма. Враг окружил бойцов, заставил их занять круговую оборону у домика, стоявшего на отшибе деревни. Моряки поклялись: «Стоять насмерть, но задачу выполнить!»

До ночи врагу не удалось сломить упорство героев. На рассвете он еще более плотно охватил домик, но в течение дня так и не мог к нему прорваться. Тогда фашисты вывели на церковную площадь танк, чтобы расстрелять прямой наводкой эту «деревянную крепость», но не успел танк сделать и одного выстрела, как его прошили два снаряда, посланные меткими морскими канонирами. Взорвался боезапас и танк развалился, словно картонный.

Уже подходили к концу спаряды, но лучший наводчик береговой обороны Тихоокеанского флота, экономя их, бил без промаха. Противник вновь и вновь бросается в атаку, но попадает под шквальный огонь автоматов, его забрасывают гранатами и принуждают откатываться назад. Еще атака, и снова безрезультатная...

К наступлению сумерек моряки увидели, как фашисты выкатывают орудия на прямую наводку. Остаться здесь дольше было бессмысленно, задачу свою они выполнили, батарея давно благополучно вышла из зоны огня. И бойцы решили идти на прорыв. Сняв с орудия замок и закопав его в подполье, они по одному, по двое незаметно сосредоточились в условленном месте и стремительным броском вырвались из кольца. А потом за их спинами прогремели орудийные выстрелы и дом, послуживший им неприступной крепостью, осел и развалился.

Когда из Белого Раста противник был выбит, моряки извлекли из-под развалин «дома тетки Бузинихи» свою пушку и как драгоценную реликвию боевой славы передали в Ленинградский Военно-Морской музей.

После того как войска 5-й и 33-й армий оставили Можайский рубеж, враг был остановлен на рубеже Звенигород — Наро-Фоминск — река Нара и предпринимал настойчивые попытки улучшить свои позиции, связать силы наших войск. А главные события развергались севернее и южнее Москвы. Это вовсе не значило, что с центрального участка Западного фронта опасность не угрожала. Наоборот. Правому флангу 5-й армии Говорова приходилось отражать сильные атаки противника на Звенигородском направлении, обеспечивать стык с армией Рокоссовского.

Командование Западного фронта, хотя и снимало с центрального участка отдельные части и подразделения на помощь 16-й и 30-й армиям, сохраняло достаточные силы с учетом противостоящей группировки противника. Наро-Фоминское направление, где враг более настойчиво стремился организовать прорыв, находилось под пристальным вниманием командования фронтом и Ставки.

Еще во второй половине октября была возвращена с юга 1-я гвардейская мотострелковая дивизия под командованием Героя Советского Союза генерал-майора Я. Г. Крейзера. Эту дивизию прекрасно знали не только москвичи, но и вся наша страна, как Московскую пролетарскую дивизию, радовавшую своей четкой, уверенной поступью на московских парадах. К этому времени она приобрела уже и громкую боевую славу в ходе

Смоленского сражения, удостоилась высокой чести стать первой гвардейской мотострелковой дивизией, имеющей в своих рядах Героев Советского Союза, таких, как наводчик орудия Н. М. Дмитриев, кавалеров ордена Ленина лейтенанта Ф. Я. Светоча, Руиса Рубена Ибаррури и около 500 других воинов, удостоенных орденов и медалей за мужество, доблесть и стойкость в боях. Дивизия была поставлена на самом боевом участке в районе Наро-Фоминска и сразу же вступила в тяжелые бои в самом городе.

Здесь воины продолжали возвешивать славу гвардейцев, росли ряды героев, среди которых достойное место заняла санитарка Лена Ковальчук, спасающая жизнь десяткам раненых, участвовавшая в разведках боем, лыжных вылазках в тыл врага, в дерзких ударах штурмовых отрядов. Ее подвиги были отмечены орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны, Красной Звезды и многими медалями.

Когда фашистское командование осознало, что «последнее решающее» наступление ударных группировок севернее и южнее Москвы потерпело полную неудачу, генерал-фельдмаршал фон Бок сделал ставку на удар 4-й армии в районе Наро-Фоминска.

В этом свете любопытна запись в дневнике Гальдера за 29 ноября: «Разговор с фон Бокком: якобы у командования группы армий «Центр» отсутствует ясность относительно целей наступления. Это болтовня Геринга. Командование группы армий точно знает, к чему стремится. Но оно опасается, что, если развернутое сейчас наступление на Москву не будет иметь успеха на севере, Москва станет новым Верденом¹, то есть сражение превратится в ожесточенную фронтальную бойню. Бросать 4-ю армию (20-й армейский корпус) слишком рано. Это станет целесообразным только тогда, когда наши войска, наступающие с севера, достигнут Звенигорода»².

Но Звенигорода враг так и не достиг, его не пустили туда войска Говорова и Рокоссовского. И немного уже понадобилось фон Боку времени, чтобы осознать окончательное крушение планов и надежд. Северная группа забуксовала, остановилась и начала пятиться назад. В этот же день, следом за записью разговора с фон Бокком, Гальдер отмечает: «Разговор с Грейфенбергом (начальник штаба группы армий «Центр»): Он доложил, что командование 4-й армии намеревается 1.12 начать наступле-

¹ Французская крепость, которую в первую мировую войну германская армия не могла взять.

² Ф. Гальдер. Военный дневник. М., Воениздат, 1974, т. 3, кн. 2, стр. 80.

ние на своем центральном участке. Командование группы армий согласно. Основание:

а) Согласно достоверным данным, противник снимает свои войска с этого участка. Они будут действовать против обеих наших танковых групп.

б) Я заявил, что эта точка зрения совпадает с мнением ОКХ (главное командование сухопутных войск. — *К. Т.*)»¹

Итак, стоя перед лицом неизбежного поражения, обманывая самих себя иллюзорными надеждами, как и всякие другие авантюристы в подобной ситуации, гитлеровские генералы не хотят мириться с мыслью, что наступает грозный час крушения всех планов и, как утопающие, хватаются за соломинку. Этой «соломинкой» и должна была стать 4-я армия, ее удар на центральном участке Западного фронта.

И сейчас нельзя однозначно ответить, по каким причинам — по неведению или по трусости перед Гитлером — эти генералы вместе с некоторыми фашистскими главарями обманывали самих себя, друг друга и свой народ, заявляя, что «...последние боеспособные силы Советов уничтожены», что «исход кампании на Востоке тем самым уже решен» и что «восточная кампания теперь вообще не составляет более проблемы», — как это делал рупор Геббельса — фашистская газета «Фёлькишер Беобахтер» или сам министр пропаганды. Ведь это Геббельс приказывал всем газетам оставить на 2 декабря свободное место для помещения «сенсационного сообщения о взятии Москвы доблестными войсками фюрера». Сообщалось также, что новое пополнение у русских замечено только на одном участке и в небольшом количестве, что «оборона противника находится на грани своего кризиса» и что «необходимо использовать эту слабость противника», как об этом писал фон Бок 1 декабря в своем приказе командующим армиями.

Еще заглянем в дневник Гальдера. Запись 30 ноября: «Для ведения огня по Москве будет переброшено: 10 батарей 150 мм пушек (дальность стрельбы 11 300 метров), 2 батареи 150 мм пушек (15 300 м), 1 батарея 194 мм пушек (20 800 м). Эти батареи будут отправлены в группу армий «Центр» 16.12...» (т. 3, кн. 2, стр. 86).

Планируя операцию «Тайфун», гитлеровское руководство и командование педантично предусмотрели все политические и военные аспекты овладения Москвой, детально рассчитали и спланировали ход операции. Но оно переоценило свои силы и недооценило силы и возможности Советского государства и его народа.

¹ Ф. Г а л ь д е р. Военный дневник. М., Воениздат, 1971, т. 3, кн. 2, стр. 83.

Отчаявшись добиться успеха на севере и юге, гитлеровское командование решает попытать счастья в центре.

С рассветом 1 декабря две пехотные дивизии с 70 танками атаковали 222-ю стрелковую дивизию на стыке с 32-й стрелковой дивизией Полосухина. Противнику удалось выйти на рокаду Наро-Фоминск — Кубинка, затем повернуть на север в тыл 32-й стрелковой дивизии и развить наступление на Кубинку. К середине дня 30—40 танков с пехотой овладели деревней Акулово, 17—20 танков подошли к деревне Чупряково (7 км восточнее Акулово), овладели ею и продолжали двигаться на восток. К 21.00 танки противника продвинулись в сторону деревни Головенки.

Для их уничтожения командарм-33 генерал Ефремов выслал на автомашинах 600 бойцов. На подступах к Кубинке шел горячий бой, противник вплотную подошел к командному пункту Полосухина, все командиры и красноармейцы, героически отражая это нападение, подбили и подожгли пять танков.

Под деревней Юшково были спешно выдвинуты сводный отряд резервных частей 33-й и 5-й армий, танковая бригада, а также из МЗО Особый морской отряд в составе 3 лыжных батальонов, артиллерийского и гвардейского минометного дивизионов, бронепоезда № 53 и стрелкового полка, вошедшие в непосредственное подчинение командарма-33 Ефремова. В завязавшемся встречном бою противник получил сокрушающий удар и обратился в позорное бегство за реку Нара, оставив на поле боя 53 танка, 65 орудий, 50 пулеметов, 35 минометов. Большие потери понес враг и в личном составе. Попытка противника удержать в своих руках боевую инициативу окончательно провалилась.

Под знаком контрнаступления

Получив первые контрудары под Каширой, Дмитровом и Яхромой, под Белым Растом, Красной Поляной и Крюковым, потерпев поражение под Кубинкой, гитлеровское командование вынуждено было отдать приказ о переходе к обороне северо-западнее Москвы с 5 декабря, а с 8 декабря — по всему советско-германскому фронту. Но было уже поздно. Наши армии, значительно пополненные резервами Ставки, боевой техникой, перешли в контрнаступление, и «непобедимое» войско Гитлера сперва попятилось, а затем и обратилось в бегство, оставляя на поле боя убитых, раненых, боевую технику и имущество.

Вспоминается пленум Московского городского комитета пар-

тии, происходивший 6 декабря 1941 года. Официальных данных о начале контрнаступления еще не публиковалось, но все участники пленума жили волнующим ожиданием этого события.

Вот почему так взволнованы были представители Ростокинского и Ленинградского районов столицы, старались до открытия пленума выяснить у военных, не случилось ли чего-нибудь опасного на фронте, ибо с утра до них доносился необычно сильный гул артиллерийской канонады, непрерывно ухали орудия особой мощности в Химках, проносились на север эскадрильи краснозвездных самолетов.

...В президиум поднимаются члены бюро, секретари горкома. По их улыбающимся лицам нетрудно догадаться, что «там» — хорошо, все в порядке. А минуту спустя А. С. Щербаков сообщает собравшимся, что наши войска перешли в контрнаступление и враг отступает.

Трудно описать, что творилось в зале, где всегда властвовала деловая, рабочая обстановка. Сейчас здесь бушевали, гремели аплодисменты, знакомые и незнакомые люди горячо поздравляли друг друга с великим событием в жизни москвичей и всего советского народа.

Пленум принял важные решения, вскрыл новые резервы в производстве боевой техники и боеприпасов, так необходимых Красной Армии для выполнения великой исторической освободительной миссии.

Для Московской зоны обороны наступал также новый этап. Она должна была всей мощью авиации, имеющейся в ее распоряжении, помогать войскам Западного фронта громить, гнать и уничтожать врага, пополнять наступающие войска резервами из частей, расположенных на рубежах, готовить к участию в наступлении личный состав московских дивизий, закончить строительство оборонительных рубежей внешнего пояса обороны, прикрывающих Каширское и Коломенское направления, формировать новые части, принимать, доукомплектовывать, довооружать и дообеспечивать прибывающие маршевые пополнения и резервы Ставки.

Наступили дни, когда мы должны были расставаться с соединениями и частями, занимавшими рубежи зоны. Они уходили на помощь наступающим войскам.

Распоряжения Генерального штаба шли одно за другим. 9 декабря приказано передать Западному фронту 329-ю стрелковую дивизию, 19-ю и 60-ю стрелковые бригады, а взамен их принять для включения в 60-ю армию 360-ю стрелковую дивизию

и 51-ю стрелковую бригаду. 19 декабря предложено отправить на фронт 332-ю имени М. В. Фрунзе, 334, 358 и 360-ю стрелковые дивизии. Одновременно решением Ставки мы должны были принять 385-ю и 391-ю стрелковые дивизии, 14, 15 и 38-ю стрелковые бригады и формируемое управление Особого стрелкового корпуса резерва Ставки, прибывающих в МЗО. Наконец, директивой Ставки от 25 декабря 60-я армия, штаб которой располагался в дачных постройках Серебряного Бора, преобразовывалась в 3-ю Ударную армию. Командующий — генерал-лейтенант М. А. Пуркаев, член Военного совета — бригадный комиссар А. П. Рязанов, начальник штаба генерал-майор А. П. Покровский. Военный совет Московской зоны обороны должен был помочь этой армии автотранспортом для спешной погрузки в эшелоны и отправки на Северо-Западный фронт.

Таким образом, на самом ответственном этапе битвы за столицу Московская зона обороны была для Западного фронта крепкой опорой, устойчивым и надежным вторым боевым эшелоном, базой для организации отпора врагу, важным источником сил для ликвидации опасных прорывов на дальних и ближних подступах к Москве, трамплином, с которого началось победное контрнаступление.

Бывший начальник штаба Западного фронта Маршал Советского Союза В. Д. Соколовский так оценивал вклад Московской зоны обороны: «Резервные полки и дивизии поступали в распоряжение Военного совета Московской зоны обороны, где проводилось их доукомплектование и снаряжение. Здесь же по заданию Ставки спешно формировались 20 танковых бригад, 16 дивизионов и полков реактивных минометов, а также несколько артиллерийских полков ПТО. К концу сентября войска зоны насчитывали 50 тысяч человек, а через месяц они увеличились в 2,5 раза. Это была внушительная сила, составлявшая второй боевой эшелон обороны столицы. Москва и Московская зона обороны явились огромным материальным и моральным резервом Западного фронта»¹.

Контрнаступление развивалось с нарастающей силой. Не знаю, какой еще другой документ в то время мог бы так взволновать советских людей, вызвать такое ликование, такой взлет патристических чувств, как первое сообщение Совинформбюро, опубликованное в газетах 13 декабря о разгроме немцев под Москвой.

Как победный гимн, звучали слова: «...измотав и обескровив противника, наши войска перешли в контрнаступление... С 6 по 10 декабря освобождено свыше 40 населенных пунктов, города

¹ Беспримерный подвиг. М., «Наука», 1968, стр. 23.

Рогачев, Клин, Солнечногорск, Венев, Сталиногорск, Михайлов, Елифань... Захвачено танков — 386, автомашин — 4317, мотоциклов — 704, орудий — 305, минометов — 101, пулеметов — 515, автоматов — 546. В итоге с 16 ноября по 10 декабря захвачено и уничтожено (без авиации) танков — 1434, автомашин — 5416, орудий — 575, минометов — 339, пулеметов — 870. Потери немцев, по неполным сведениям, составили только убитыми свыше 85 тысяч человек...»

С замиранием сердца слушал советский народ радио Москвы. Хмурое, затянутое облаками небо словно бы пронизали яркие лучи солнца. В Москву и на фронт потоком пошли письма, телеграммы, резолюции митингов, обязательства ответить на победу новыми трудовыми подвигами. На заводах и фабриках еще напряженнее заработали станки, быстрее застрочили швейные машины. Многие раненые, несмотря на протесты медперсонала, вышли из госпиталей на улицу и были захлестнуты потоком любви и признательности москвичей. В душу каждого вошел большой светлый праздник. Как-то и дышалось легче, и сил прибавилось. Все поняли, что над горизонтом занялась новая заря — заря грядущей полной победы, и что бы еще не ожидало впереди, какие бы испытания ни пришлось пережить, но начат победный путь.

А война уходила все дальше и дальше на запад. Наступление продолжалось. Враг жестоко огрызался, пытаясь поправить непоправимое. Летели с высоких постов одни фашистские генералы, всплывали другие. Чтобы залатать образовавшиеся на фронте дыры, подкрепления стали подбрасывать на самолетах... Но остановить успешно развивающееся контрнаступление враг уже был бессилён. На 25 декабря среднесуточный темп продвижения наших войск составлял: на Клинском и Волоколамском направлениях — 6,5 километра, Калужском — 8, Тульском — 11, Калининском — 9—11 километров.

26 декабря Генеральный штаб в связи с изменившейся обстановкой предложил Военному совету Московской зоны обороны представить соображения о перебазировании строительных организаций и пулеметных батальонов с ближних подступов к Москве на Волоколамский, Можайский, Малоярославецкий и Калужский рубежи по мере освобождения их наступающими войсками Западного фронта.

Такие соображения были разработаны штабом округа и МЗО и рассмотрены Военным советом. Суть их состояла в том, что для гарантии от каких-либо неожиданностей Москву на дальних подступах необходимо прикрыть восемью двухполосными полевыми укрепленными районами.

На ближних подступах по внешнему обводу города предлагалось сохранить двухполосный пояс обороны, составлявший два мощных укрепленных района. Одним из них прикрыть все основные направления к Москве с северо-запада, запада и юго-запада и вторым — по кольцу Окружной железной дороги и внутри города, сохранив в нем все 90 подготовленных батальонных районов, занимаемых войсками Московской зоны обороны. Помимо этого, Военный совет счел необходимым просить Ставку, чтобы ее резервы по-прежнему сосредоточивались на рубежах Московской зоны обороны вплоть до коренного изменения положения на Московском направлении.

Эти соображения были одобрены Генеральным штабом. Военному совету было предложено готовиться к формированию управлений 10 укрепленных районов, предусмотрев в составе каждого из УРов по 6—10 артиллерийско-пулеметных батальонов, усиленных артиллерийскими полками, огнеметными частями и другими средствами обороны.

Несмотря на успешный ход контрнаступления, накопленный опыт предостерегал нас от малейших проявлений благодушия, самоуспокоения. К концу декабря враг еще продолжал упорно грызаться на рубежах рек Ламы и Рузы, под Можайском и Малоярославцем, пытался возвратиться Калугу, удержаться под Тулой. А продвижение наших частей далеко не свидетельствовало о том, что победные километры давались легко. Нет, их приходилось брать с бою, пробиваться сквозь огненную метель, выбивать врага из каждого населенного пункта, из каждой щели. Атаки, штурмы, удары по укрепившемуся в обороне противнику требовали высокого мужества, неукротимого наступательного порыва, рождали своих героев, знаменосцев победы.

Хочу идти в бой коммунистом

Анализируя итоги боевой деятельности войск МВО и МЗО в конце декабря 41-го года, Военному совету и Политуправлению хотелось получить ответ на вопросы: как отразилось тяжелое положение под Москвой на духовном облике защитников столицы, на их думах, поступках, какова была ответственность всей партийно-политической работы. Мы вновь и вновь перечитывали многочисленные резолюции митингов и собраний, обращений и клятв защитников Москвы, критически осмысливали политдонесения о состоянии воинской и партийной дисциплины, поведении личного состава в боевых условиях, вопросы бдитель-

ности и боеготовности. Все это сопоставляли с личными наблюдениями, встречами на рубежах, аэродромах.

Как в любом большом деле, встретилось, вспомнилось много всякого, но главный вывод был однозначным: бойцы, командиры, политработники Московской зоны обороны задачу свою решили с честью и готовы пройти через все военные невзгоды, выдержат все испытания и победить. Это подтверждалось стойкостью и мужеством воинов на земле и в воздухе, их тесной сплоченностью вокруг ленинской партии. Не случайно чем круче становилась обстановка, тем более усиливался приток заявлений о желании вступить в ряды Коммунистической партии.

В этом высоком устремлении советского человека раскрывалась с новой силой его непоколебимая вера в мудрость ленинской партии, в ее способность привести народ к окончательной победе. За 6 месяцев по Московской зоне было принято в ряды партии 3700 человек. В 6-м авиационном корпусе ПВО в сентябре стали коммунистами 33 боевых летчика, в ноябре — 62, а в декабре — уже 182.

В партию шли лучшие из лучших, отличившиеся в боях, проявившие высокие образцы мужества. Стали в передовые шеренги бойцов партии такие, как Иван Голубин, писавший в своем заявлении в парторганизацию 16-го истребительного авиационного полка: «Клянусь, что высокое звание коммуниста оправдаю, не пожалев жизни для победы над врагом». Он сдержал клятву, за героизм и отвагу ему было присвоено звание Героя Советского Союза; такие, как Иван Калабушкин, Борис Пирожков, И. П. Шумилов, также удостоенные звания Героя Советского Союза; Н. А. Семенов, В. Ф. Коробов, В. Д. Лапочкин, лично сбивший 3 самолета и совершивший 13 штурмовок противника; лейтенант Бимочкин, совершивший 138 боевых вылетов и уничтоживший 3 самолета (один лично и два в групповом бою); лейтенант Н. Т. Самонов, совершивший 130 боевых вылетов, лично уничтоживший 4 самолета¹; лучшие авиационные техники — Бердин, Калининченко, Бушмелев, восстановивший 5 самолетов и обеспечивший 350 самолетов-вылетов без поломок и происшествий; командир отделения 15-й батареи 250-го зенитного артполка Переверднев. Среди них и командир лучшего пулеметного расчета 9-го полка 5-й Московской стрелковой дивизии Сафонов, и лучший агитатор взвода командир передового оружейного расчета 1117-го полка Голубев, добившийся полной взаимозаменяемости подчиненных и наивысшего количества выстрелов в минуту. Ког-

¹ На личные сбережения Н. Т. Самонова и его родителей был построен самолет, на котором герой громил врага.

да этого молодого коммуниста спросили, как он этого достиг, Голубев ответил: «Я выполняю партийное задание, работаю агитатором, ежедневно беседую с бойцами не только по текущим вопросам, но и по вопросам жизни подразделения, рассказываю, как стать отличным артиллеристом, используя все сообщения газет о боевом опыте артиллеристов на фронте».

Разве не вызывает чувства гордости наша прекрасная молодежь, думы и чувства которой выразил кремлевский курсант комсомолец П. Валерко. В заявлении о приеме в ряды партии он писал: «...сегодня меня ранило, но я не покинул поле боя. И если меня рванят еще несколько раз, я все равно не уйду, потому что я ненавижу фашистов, потому что я люблю свою Родину больше жизни и обязан драться, защищая ее, пока бьется мое сердце».

Великий Ленин в годы гражданской войны говорил, что личный пример коммунистов в бою имеет решающее значение для сплочения беспартийных и поднятия боеспособности: когда беспартийные массы видят, как коммунисты на фронте берут на себя самые трудные и самые ответственные обязанности, несут больше всех потерь в боях — число наших сторонников среди беспартийных рабочих и крестьян вырастает вдесятеро.

Коммунисты в бою и ратном труде всегда и повсюду были подлинным образцом мужества и стойкости. Олицетворяя дух нашей партии, ее волю и решимость, они первыми были там, где труднее, где требовалось их вдохновляющее слово, личный пример. На них равнялись, им подражали, хотели быть такими же. Именно поэтому лейтенант П. М. Мовчун из 71-й морской стрелковой бригады писал в парторганизацию: «Я хочу быть в бою таким же бесстрашным и самоотверженным, как коммунисты, хочу идти вместе с ними впереди всех на самые трудные и опасные участки фронта. Очень прошу принять меня в партию Ленина. Клянусь драться с фашистами смело и дерзко, не жалеть ни крови, ни самой жизни для достижения победы»¹.

Таким же высоким и чистым побуждением продиктовано письмо из госпиталя раненого рядового московского ополчения Ерохина своему парторгу роты, в которой он сражался: «Вы, товарищ парторг, и все вы, товарищи коммунисты, поблагодарите за меня ефрейтора коммуниста Якимова, расцелуйте его по-солдатски. Для меня, рядового бойца, он сделал очень многое. Я его никогда не забуду. С первых дней окопной жизни мы были с ним вместе, вместе воевали, жили в одной землянке, спали рядом, делили по-

¹ С. Кувшинов. У стен Москвы. М., Воениздат, 1969, стр. 54.

братски радости и горе. Якимов обучил меня пулемету. Якимов просветил меня, научил понимать жизнь. С каким вопросом к нему ни обратишься, он все просто и ясно растолкует: Якимов для меня был больше, чем другом, — я равнялся по нему, учился у него, всюду старался следовать за ним, не отставая. Он сблизил меня с великой партией ВКП(б), и я хочу сейчас вступить в ее ряды»¹.

Рассказано здесь лишь о немногих из великого множества тех, кто шел в бой со сложенным в кармане гимнастерки заявлением о приеме в партию, тех, в чьей груди билось пламенное сердце большевика, тех, кто со словами: «За Ленина, за партию!» — закрывал своим телом амбразуру дота, шел на воздушный таран, вызывал огонь на себя. Миллионы советских бойцов были людьми высочайшего мужества, беспредельно преданными сынами своего народа, горячо верившими в свою ленинскую Коммунистическую партию и в самые трудные минуты решительно становившимися в ее ряды.

Вот и теперь, в годину смертельной опасности для Родины, набатом отдавался в сердцах патриотов призыв ленинской Коммунистической партии к оружию, к отпору захватчикам, к разгрому врага. И все советские люди, как один, еще теснее сплотились вокруг партии, пошли за ней, ибо знали твердо: где партия — там победа!

Враг подсчитывал наши силы по количеству бойцов, орудий, танков, самолетов, делил километры дорог на скорость танков, количество авиационных бомб на площадь наших городов. Он хорошо знал арифметику, но плохо разбирался в диалектике. Арифметика, помноженная на авантюризм, привела немецко-фашистское руководство и командование вермахта к роковому просчету. Они не учли не имеющего единиц измерения морального фактора, не смогли взвесить могущества идей партии Ленина, пробуждавших в каждом советском воине и гражданине несокрушимую стойкость, железную волю к борьбе с врагом социалистического Отечества. А советские люди знали об этом, знали даже в самые трудные минуты, что на нашей улице будет праздник, потому что это именно к нам, советским людям, можно в полной мере отнести мудрый вывод В. И. Ленина: во всякой войне победа в конечном счете обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь. Убеждение в справедливости войны, сознание необходимости пожертвовать своею

¹ Коммунистическая партия в годы Великой Отечественной войны. М., Политгиздат, 1958, стр. 85.

жизнью для блага своих братьев поднимает дух солдат и заставляет их переносить неслыханные тяжести... Это осознание массы целей и причин войны имеет громадное значение и обеспечивает победу.

Партконференция МЗО

Теперь, когда ситуация под Москвой круто изменилась, пришла пора подвести итоги первого и важнейшего этапа жизни Московской зоны обороны, в соответствии с полученными директивами Государственного Комитета Обороны и Ставки Верховного Главнокомандования определить задачи командиров, политработников, партийных организаций на предстоящий период.

В решении этих задач и должна была сыграть важную роль открывшаяся 26 декабря Первая конференция коммунистов Московской зоны обороны. В ее работе приняли участие А. С. Щербаков, представители Главного политического управления Красной Армии дивизионный комиссар Л. Гуревич и бригадный комиссар М. А. Пронин, секретари Московского комитета партии К. Соколов, В. К. Павлюков, председатель исполкома Моссовета В. П. Пронин, председатель исполкома областного Совета П. С. Тарасов.

На Военном совете предварительно обсуждались основные положения доклада «Об итогах работы и основных задачах организации МЗО», с которым мне было поручено выступить. Все были едины в том, что главное внимание должно быть сосредоточено на вопросах боевой готовности частей, на анализе имеющихся еще недостатков, мешающих московским дивизиям стать высокобоеспособными соединениями полевых войск, на уроках боевых действий. Основываясь на этом, и следует оценивать состояние партийно-политической работы в войсках. Командующий готовился выступить с разъяснением ближайших основных задач коммунистов МЗО в совершенствовании боевой выучки войск, дальнейшем укреплении оборонительных рубежей.

В докладе красной нитью должна была проходить мысль, что в деле разгрома врага положено только начало, что фашистский зверь только ранен, но не убит, и опасность еще далеко не миновала. Отбоя тревоги еще никто не давал, и никому не дозволено расслабляться, снижать накал в работе.

Доклад, выступления командующего П. А. Артемьева, начальника Политуправления М. Н. Миронова настроили делегатов на

серьезное, самокритичное рассмотрение итогов своей работы, на глубокий анализ положения дел в частях и соединениях. Не славословя, выступавшие говорили о боевых подвигах защитников столицы, называли имена героев, приводили примеры, на которые надо равняться, и, как подобает коммунистам, прямо и принципиально вскрывали недостатки, предлагали пути их быстрейшего устранения. Делегаты конференции с большим интересом выслушали выступление секретаря парторганизации 250-го зенитно-артиллерийского полка 1-го корпуса ПВО старшего политрука Артемова, рассказавшего, как коммунисты этой части помогали командирам повышать эффективность борьбы с фашистской авиацией, добиваться высокой организованности, дисциплины, развивать чувство ответственности бойцов за образцовое выполнение воинского долга. В этом полку за 6 месяцев войны было принято в члены ВКП(б) 40 человек и в кандидаты — 125, во всех подразделениях созданы партийные организации и партгруппы.

В выступлениях начальника политотдела 5-й Московской стрелковой дивизии батальонного комиссара И. И. Белова, начальника политотдела МЗО полкового комиссара Я. И. Чистогова, ответственного редактора газеты «Красный воин» полкового комиссара Ушеренко и других резко осуждалась практика отдельных политработников, превращавшихся только в «распространителей» газет, увлекавшихся административно-хозяйственной деятельностью в ущерб своим основным обязанностям.

Командующий П. А. Артемьев в своем выступлении призвал собравшихся не успокаиваться на достигнутом и от подготовки одиночного бойца переходить к планомерной и всесторонней подготовке взводов, рот, полков и дивизий, особое внимание уделяя обучению наступательным действиям, маршевой подготовке и управлению в бою, чтобы в кратчайший срок поднять соединения МЗО на уровень лучших кадровых, ибо недалеко то время, когда и эти московские дивизии пойдут по нелегким дорогам войны до нашей полной победы.

На конференции Военный совет выразил благодарность всем работникам военкоматов Московского военного округа, самоотверженно выполнявшим свой долг, всему личному составу комендантской службы; бойцам, командирам и политработникам дивизии особого назначения имени Ф. Э. Дзержинского, обеспечившим строгий порядок и спокойствие в столице и прилегающих районах. Многие работники военкоматов и комендантской службы по представлению Военного совета были награждены орденами и медалями СССР.

Партийная конференция в своем решении записала торжественное обязательство превратить подмосковные рубежи в еще

более могучий бастион и подготовить части к выполнению любого задания партии, правительства и Верховного Главнокомандования.

Все выступавшие на конференции с вдохновенными словами благодарности обращались к родной партии, к ее Центральному Комитету — организатору победы наших войск под Москвой.

Последние бои частей Московской зоны обороны

Сражение все дальше откатывалось от стен столицы на запад. После поражения врага на Дмитров-Клинском и Венев-Сталиногорском направлениях и выхода наших частей в район Волоколамска и Белева, для центральной группировки противника обстановка под Москвой складывалась явно неблагоприятно. Угроза флангам заставляла фашистское командование любой ценой удерживать важнейшие магистрали как для маневра, так и для вывода войск на запад. Киевское шоссе и Малоярославец приобретали для противника крупное оперативно-стратегическое значение. Здесь его войска еще в октябре вышли к реке Наре, за 70 дней обороны сильно укрепились, особенно в пунктах, занимавших командное положение: Каменское, Ольхово, Круглино, Чубарово. По реке Истье и в междуречье Нары и Истья были созданы сильные опорные пункты вокруг деревень Окатово и Воробьи, Алоново и Аристово.

В течение почти двух месяцев части 43-й армии предпринимали неоднократные попытки прорвать оборону на Наре, но безуспешно. Начавшееся контрнаступление под Москвой создавало лучшие условия и для 43-й армии, однако она нуждалась в подкреплении резервами. Поэтому генерал армии Г. К. Жуков обратился к Военному совету Московской зоны обороны с просьбой помочь 43-й армии в овладении Малоярославцем. В 43-ю армию был послан особый батальон Военного совета под командованием майора А. И. Эпельграда и старшего батальонного комиссара М. П. Петрова. В батальон входили 2 стрелковые, пулеметная и минометная роты, батарея 76 мм орудий, взводы: истребителей танков, саперный, связи, комендантский и хозяйственного обслуживания, общей численностью в 702 человека. Личный состав батальона был поставлен на лыжи.

К 24 декабря — моменту прибытия батальона в распоряжение командарма-43 — 93-й стрелковой дивизии удалось пробить брешь во вражеской обороне и выйти к лесу восточнее Аристово и Алоново, но дальнейшее продвижение было остановлено противни-

ком. Прделанный дивизией коридор простреливался пулеметным и минометным огнем. Перед батальоном командарм-43 поставил сложную и ответственную задачу: в течение ночи пройти через брешь, проделанную 93-й дивизией, в лес восточнее Аристово и далее через деревни Половники и Тайдышево, атаковать и захватить селения Воробьи и Окатово, прервать единственную коммуникацию врага от Малоярославца к фронту и уничтожить его батарею севернее Савеловки.

Выполнение этого приказа давало возможность 43-й армии обойти опорные пункты противника на Наре, отрезать врагу путь к отступлению по шоссе на Малоярославец, задержать подход его резервов, сорвать оборону по реке Истье, в районе Окатово и Воробьи.

Да, задача, поставленная батальону, была не из легких! Предстояло пройти по глубокому снегу и лесом в тыл врага на 18—20 километров. Но командование МВО — МЗО, хорошо знающее возможности батальона, заверило Военный совет 43-й армии, что эти трудности личный состав преодолет, бойцы закаленные, обстрелянные и хорошо подготовленные. В помощь командиру батальона были посланы старший помощник начальника оперативного отдела штаба Московской зоны обороны майор Петров и начальник оргинструкторского отделения политотдела МЗО старший политрук Г. Д. Ильин.

В ночь на 25 декабря батальон, имея впереди хорошо организованную разведку и боевое охранение, перешел линию фронта и сосредоточился в лесу восточнее Аристово, откуда, атаковав, к 18.00 овладел Тайдышевом, разминировал подходы к опорным пунктам Воробьи и Окатово и в 21.30 внезапно ворвался в них, смяв вражеские гарнизоны. Захватив эти опорные пункты и организовав круговую оборону, Эпшельград нагнал страх на противника, открыто передавая по телефону и радио распоряжение «полкам и батальонам». Важная коммуникация врага попала под контроль батальона, и связь противника по ней с фронтом была прервана.

С 23.00 25 декабря противник пытается сбить батальон, обстреливает его позиции 3—4 батареями минометов, предпринимает несколько атак, но все безуспешно. Смелые вылазки разведчиков заставили противника начать отход на запад. С рассветом 26 декабря возобновляются уже более серьезные попытки ликвидировать «пробку» на шоссе. Враг атакует одновременно со стороны Волобуева и из района Чубарова, нанося основной удар по селению Воробьи, оборонявшемуся 1-й ротой под командой лейтенанта И. В. Герасимова. Но встретив решительный отпор и оставив на поле боя до 400 трупов солдат и офицеров, противник в беспо-

рядке бежал. За два дня боев за удержание Окатово и Воробьи батальон нанес противнику жестокий урон, а сам потерял 19 человек.

27 декабря батальон был передан в подчинение командиру 53-й стрелковой дивизии и в тот же день, выполняя очередную боевую задачу, поддержанный двумя танками 26-й танковой бригады, в 10 часов 30 минут овладел селом Белоусово. Враг здесь сопротивлялся отчаянно, встретил наших воинов плотным огнем, но бойцы батальона не дрогнули и с честью выполнили боевой приказ.

Еще более ожесточенные бои развернулись за село Оболенское. Круглые западные берега реки Протвы, командные высоты, многочисленные оборонительные сооружения, сильные опорные пункты противника, прикрывавшие дороги, очень осложняли задачу овладения этим узлом обороны. Помимо особого батальона Военного совета, в этом бою приняли участие учебный батальон 43-й армии и 26-я танковая бригада под общим командованием командира танковой бригады полковника Бурдова. По его плану должен был наноситься концентрический удар: с севера — особым батальоном, с юга — учебным, а в центре — танковой бригадой. Но этому плану не суждено было осуществиться, так как учебный батальон потерял ориентировку и вышел не к своему рубежу, а в тыл особого батальона Военного совета МЗО.

31 декабря Бурдов организует повторное наступление, но уже без учебного батальона 43-й армии. Смелый натиск особого батальона с севера и танкистов — с юга сломил сопротивление противника, обратил его в бегство. Однако сковывающие маневр атаки вдоль магистральных дорог слишком дорого стоили батальону.

Начиналось сражение за освобождение Малоярославца, подступы к которому преграждали эсэсовские части, в изобилии снабженные автоматическим оружием. Полковник Бурдов поставил особому батальону задачу прорваться вдоль железной дороги и овладеть центром города. С подходом батальона к окраинам завязался упорный бой. Плотный минометно-пулеметный и автоматный огонь вдавливал бойцов в снег, но, искусно маскируясь, используя железнодорожное полотно и кюветы, смельчаки подавляли вражеское сопротивление. Не приостановила их и наступившая темнота. Просачиваясь мелкими группами и уничтожая зашедших в дома гитлеровцев, в 2.00 2 января бойцы вышли на Некрасовскую улицу. К исходу дня воинами батальона совместно с подошедшими частями 53-й стрелковой дивизии и моторизованным батальоном 26-й танковой бригады сопротивление врага в центре города и на его окраинах было сломлено, Малоярославец

полностью очищен от противника, и особому батальону было приказано занять оборону по юго-западной окраине города, прикрывая подходы к нему по Калужскому шоссе.

Командиры и политработники особого батальона Московской зоны обороны показали себя мужественными и умелыми руководителями боя, они в трудные минуты шли во главе атакующих, внимательно следили за изменениями обстановки, вовремя помогали огнем и резервами. Подвиги личного состава батальона, его командира майора Эпшельграда, комиссара Петрова были высоко оценены командирами 93-й и 53-й стрелковых дивизий и 26-й танковой бригады. По представлению Военных советов 43-й армии и Московской зоны обороны 84 бойца, командира и политработника батальона приказом от 10 января 1942 года были награждены Военным советом Западного фронта орденами и медалями Советского Союза.

Военный совет МЗО докладывал Верховному Главнокомандующему: «Выполняя поставленные задачи, батальон показал высокие боевые и моральные качества. Бойцы, командиры и политработники батальона проявили мужество, отвагу и героизм в боях с врагами и, не останавливаясь ни перед какими трудностями, смело и дерзко рвались вперед...»

В боях от прямого попадания в грудь героически погиб секретарь партийного бюро политрук И. П. Прокофьев; в обе ноги был ранен секретарь комсомольского бюро, ранен в руку и командир батальона, на смену которому прибыл из штаба МЗО майор Довбыш. Он и руководил боем по овладению Малоярославцем.

Военный совет армии обратился к командованию МЗО с просьбой оставить батальон в армии с тем, чтобы развернуть его в гвардейский полк, но на это мы не могли пойти, так как батальон не только охранял штабы МВО и МЗО, но и был боевым резервом.

Так закрывалась последняя страница боевой истории Московской зоны обороны. Пусть она войдет в летопись нашей великой победы над немецко-фашистскими полчищами под Москвой. Мужество и героизм воинов достойны того, чтобы их навсегда сохранила память народная.

Подводя итоги этому этапу жизни Московского военного округа и Московской зоны обороны, Военный совет не мог не оценить и самоотверженной работы своих ближайших помощников — командиров штабов и управлений, работников Политуправления. На их долю выпала нелегкая задача совмещать две, а то и три должности и по округу, и по зоне обороны.

В силу сложившейся к концу 1941 года обстановки границы МВО значительно расширились. Эта дополнительная нагрузка

легла на плечи каждого работника аппарата. Усиленный в августе малочисленной оперативной группой по строительству Можайской линии обороны (развернувшейся в октябре в штаб Московской зоны обороны), округ принял на себя и все, что было связано с созданием оборонительных рубежей на дальних и ближних подступах к Москве. Как уже известно, задачу эту он выполнял настолько позволяли обстановка, время, людские и материальные ресурсы. Чтобы дать реальное представление о грандиозности этой работы, напомним, что на всех рубежах было вынута, перемещено 180 миллионов кубометров земли — примерно в 60 раз больше, чем при сооружении Волховской ГЭС, израсходовано 2,5 миллиона кубометров лесоматериалов; к строительству привлекалось около миллиона человек.

Военный совет с чувством глубокой признательности отмечал действительную помощь в этой жизненно важной для обороны столицы работе областных, городских и районных партийных и советских организаций, особенно московских. Создание в октябре Управления оборонительного строительства Моссовета во главе с энергичным и опытным организатором М. А. Ясным принесло ощутимые результаты в оборонительном строительстве, сокращении сроков работ, улучшении снабжения рабочих батальонов всем необходимым. Достаточно сказать, что силами этого управления в трудных погодных условиях было вынута 3 103 866 кубометров земли, построено в погонных метрах: противотанковых рвов — 80 292; эскарпов — 9710, надолбов — 67 809, проволочных заграждений — 203 129. Установлено 30 316 противотанковых «ежей»; построено: пушечных дотов — 144, пулеметных — 95, дзотов пушечных — 238, пулеметных — 300; пулеметных огневых точек с металлическими колпаками — 67, с железобетонными — 1038. Только в домах города сооружено артиллерийских и пулеметных огневых точек — 496, построено баррикад — 10 398 погонных метров, не считая того, что делалось по инициативе районных организаций и боевых дружин на предприятиях. Сюда не включены также оборонительные работы, выполненные войсками, расположенными на рубеже и в резерве, военно-полевыми строительными и 1-й саперной армией Ставки Верховного Главнокомандования, прибывшей в Подмоскowie во второй половине ноября.

Сколь бы ни были сухими эти цифры, но без них человеку нового поколения трудно или даже невозможно представить колоссальный труд, затраченный москвичами на создание неодолимой обороны, понять, что утверждение: «Москва превратилась в неприступную для врага крепость», не просто красивые слова, а они наполнены реальным содержанием, отражают особое вели-

чис. трудового подвига москвичей и всех, кто создавал этот щит столицы.

В октябре развитие событий под Москвой привело к возложению на командование МВО функций руководства фронтом Можайской линии обороны и Московской зоны обороны. Это потребовало серьезной организационной перестройки сложившегося аппарата, максимального напряжения их сил, проявления инициативы и творчества в работе, повышения чувства личной ответственности за порученное дело, за судьбу Москвы. Тесное взаимодействие сотрудников, отделов, управлений, взаимопонимание и взаимопомощь при решении вопросов любого масштаба стали непреложным законом, обеспечивали желаемые результаты, помогали избегать ошибок и просчетов.

Еще не настало время раскрыть полностью всю организационно-мобилизационную работу округа и МЗО, проделанную в интересах фронта. Приведу лишь такие данные: с 16 ноября 1941 года по январь 1942 года здесь сформированы, вооружены и отправлены только на Западный фронт 72 маршевые роты, доукомплектованы и подготовлены к выходу на фронт 10 стрелковых, 3 кавалерийские дивизии, 22 стрелковые бригады, вновь сформированы 4 стрелковые дивизии, 6 пулеметных батальонов, 2 курсантские бригады, 25 лыжных батальонов, 3 армейских полевых управления, 2 саперные армии, свыше 20 отдельных гвардейских минометных дивизионов и многие другие подразделения, части, соединения.

В этой связи необходимо добрым словом вспомнить командование и всех работников военкоматов тыловых округов. Они совершенно незаслуженно обойдены вниманием историков, фронтовиков-мемуаристов, литераторов, кино-телеработников. Без их вклада невозможно представить наших побед и особенно под Москвой. Трудом тыловых военных органов создавались резервы Ставки, маршевые пополнения, мобилизовывалось из народного хозяйства необходимое для действующей армии имущество, транспорт.

Военный совет, поощряя особенно отличившихся работников служб и управлений за их самоотверженный ратный труд, отлично понимал, что все они не щадят себя по долгу совести, по велению сердца советского патриота и бойца. Вот почему даже в самые трудные минуты работать с такими людьми было легко, надежно. Они не были только исполнителями воли старших начальников, но каждый проявлял творческую инициативу, вносил свой посильный вклад в успешное решение общей задачи. Их сплачивали, объединяли, воодушевляли крепкие партийные организации штабов и управлений.

Военный совет высоко ценил опыт, эне́ргию, неутомимость в работе своих ближайших помощников — начальника штаба И. С. Белова, заместителя командующего Н. П. Никольского, командующего зоной ПВО М. С. Громадина, командующего ВВС МВО Н. А. Сбытова, начальника артиллерии Н. Ф. Устинова, инженеров М. С. Овчинникова, Е. В. Леошени, А. И. Пангсена, Е. И. Сысоева, интенданта округа Ф. П. Погудо, начальника отдела кадров Б. К. Мосягина, начальника связи В. И. Усова, начальника отдела военных сообщений А. Г. Чернякова, автодорожной службы П. П. Бондаренко-Иваницкого, начальника отдела горюче-смазочных материалов А. Д. Сапкова, медико-санитарной службы — Славина с их замечательными помощниками и исполнителями.

С особым удовлетворением Военный совет отмечал работу штаба Московской зоны обороны во главе с генералом А. И. Кудряшовым, его оперативными работниками: Д. П. Федоровым — героем борьбы с белофиннами, полковником Д. А. Черновым, подполковником А. А. Мурашовым, майором Н. Г. Павленко. Верным и надежным помощником Военного совета было и Политуправление МВО — МЗО, возглавляемое Н. М. Мироновым с его замечательными работниками Ф. К. Прудниковым, В. А. Мезенцевым, А. М. Фадеевым, Медновым, Парусовым; политотдел МЗО во главе с полковым комиссаром Я. И. Чистоговым и его работниками М. Д. Фирсовым, Бутеевым, Ильиным и другими. В любой острой ситуации политуправленцы и политотдельцы первыми получали задания, обеспечивали всю необходимую помощь штабам и управлениям при решении наиболее трудных задач. Большой организаторской и пропагандистской работой в войсках политорганы поддерживали высокий боевой дух, укрепляли патристические чувства бойцов, дисциплину, готовили их к выполнению священного воинского долга.

Здесь я назвал в основном руководящий состав штабов МВО — МЗО и Политуправления. Но нужно выразить глубокую благодарность и всем командирам, политработникам, вольнонаемным, — всем трудившимся в эти грозные дни с полной отдачей сил и творческих способностей. Без их самоотверженного труда было бы невозможно выполнить весь огромный объем работ командования округа и МЗО.

Этим коротким рассказом о людях, вложивших огромный труд в создание условий для разгрома немецко-фашистских полчищ у древних стен столицы нашей Родины — Москвы и принимавших в этом непосредственное участие, автор и заканчивает свое повествование об одном из самых трудных и славных этапов борьбы советского народа и его вооруженных сил против гитле-

ровских захватчиков. Пусть этот скромный труд поможет читателю приоткрыть новые страницы из героической истории нашего социалистического Отечества, а историкам даст возможность продолжить более углубленное исследование о делах и людях ордена Ленина Московского военного округа и Московской зоны обороны в грозные дни 1941 года.

Послесловие

Прошло более 30 лет со дня нашей победы под Москвой. В те дни мировая печать была заполнена восторженными откликами на это событие. Писали о «русском чуде под Москвой», о России — «источнике вдохновения», о том, что с востока восходит новая заря освобождения от фашистского порабощения. Но те, кто совершали это «чудо», сами еще не задумывались о величии содеянного ими подвига, о его всемирно-историческом значении. Они воевали, в жестоких боях отстаивали честь, свободу и независимость своей Родины. Они жили одним устремлением — выстоять, защитить Москву, разгромить немецко-фашистские полчища, изгнать их с родной земли. И только после полного и окончательного разгрома гитлеровского фашизма в мирные дни можно было рассмотреть, обдумать, взвесить, оценить по достоинству величественный подвиг народа-победителя в целом и отдельно на каждом этапе битвы с фашизмом. В том числе — и сражение под Москвой, в результате которого немецко-фашистская армия потерпела первое крупное поражение во второй мировой войне, был развеян миф о ее «непобедимости» и окончательно сорван план «молниеносной войны» против Советского Союза.

Тогда, в сорок первом, нам неизвестен еще был людоедский план «Ост», отражавший чудовищные намерения фашистских варваров в отношении многих народов мира, особенно восточноевропейских стран, — физическое истребление сотен миллионов людей, превращение их в бессловесных рабов, удел которых «...повиноваться немцам, быть честным, старательным и послушным». Всю каннибальскую сущность этого плана и директив, противоречащих законам человечности и морали, испытали на себе чехи, словаки, поляки — все прогрессивные слои населения поращенной Европы. Но особую лютую ненависть питали фашистские людоеды к русскому, украинскому, белорусскому и другим советским народам. Вот что написано в «Памятке немецкого солдата», найденной у убитого гитлеровского офицера Цигеля:

«Помни и выполняй: ...нет нервов, сердца, жалости — ты сделав из немецкого железа. После войны ты обретишь новую душу, ясное сердце — для детей твоих, для жены, для Великой Германии, а сейчас действуй решительно, без колебаний...

У тебя нет сердца и нервов. На войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание — убивай! Этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семьи и прославишься навеки...

Ни одна мировая сила не устоит перед германским напором. Мы поставим на колени весь мир. Германия — абсолютный хозяин мира. Ты будешь решать судьбы Англии, России, Америки. Ты — германец: как подобает германцу, уничтожай все живое, сопротивляющееся на твоём пути, думай всегда о возвышенном, о фюрере, и ты победишь! Тебя не возьмут ни пуля, ни штык. Завтра перед тобой на коленях будет стоять весь мир».

Черная ночь фашистского мрака нависла над Европой. Казалось, что фашизм торжествует победу. Самые священные ценности европейской цивилизации были оплеваны, выброшены на свалку, растоптаны полчищами новых гуннов. Они глубоко вклинились на территорию советской земли, оказались под священными стенами Москвы и Ленинграда.

Упоенные успехами на западе, первыми победами на нашем фронте, гитлеровские трубадуры возвестили всему миру о разгроме и уничтожении Красной Армии, что «кампания против России была выиграна в течение 14 дней» (Гальдер), что «русский колосо разрушен», «жизненные центры Советского Союза будут захвачены в ближайшие дни», «Москва и Ленинград будут сровнены с землей» (Гитлер) и что 7 ноября Гитлер проведет на Красной площади парад своих «доблестных и непобедимых», и нет ему преграды на пути к мировому господству.

Так рисовалась обстановка в воспаленных мозгах гитлеровцев. Верили этому и в некоторых империалистических кругах Запада. Тот же Черчилль, по свидетельству американского генерала Маршалла, в своих телеграммах командующим армиями 6 и 9 июля 1941 года предупреждал о возможности в скором времени «падения России», что «Советский Союз будет разгромлен минимум в один месяц, максимум в три месяца».

Но сыны и дочери Советской страны не на жизнь, а на смерть сражались на подступах к Москве, под Ленинградом, Одессой, Севастополем, на полях Украины, сдерживая и перемалывая бронированную фашистскую военную машину, навалившуюся всей своей тяжестью на нашу Родину. Весь мир с затаенным дыханием следил за ходом этой битвы. Сердца людей доброй воли горели надеждой, сердца врагов и недругов — злорадством.

Но напрасны были надежды врагов. Советский Союз выстоял. Наша армия оказалась достойной своего героического народа. Она приняла на себя всю тяжесть удара гитлеровской военной машины, выстояла в тяжелейших оборонительных боях и, расправив богатырские плечи, нанесла сокрушительный ответный удар. И луч надежды для поработанных народов разгорелся еще ярче, вдохнул волю к сопротивлению и борьбе, заставил заговорить другим языком руководящие круги западных государств. Именно этим и объясняется столь поспешное прибытие в Москву министра иностранных дел Антони Идена, который, не доверяя сообщениям о начале разгрома немцев, выезжал в район Клина, чтобы лично удостовериться в реальности и мощи контрнаступления Красной Армии и в бегстве фашистских войск из-под Москвы.

События под Москвой заставили Черчилля в последних числах декабря не без труда выдать из себя заявление в канадском парламенте о том, что «гигантская мощь России становится все более очевидной». По английской радиостанции Би-би-си в 23 часа 13 декабря на весь мир прозвучали слова: «Лондон приветствует город Москву, храбрую Красную Армию, героев Красной авиации. За три месяца вы разгромили самый мощный натиск во всей истории войн... Половина мира, затаив дыхание, ожидала исхода. И вот этот исход — победа, победа для Москвы!»

«Это величайшая победа демократических держав за всю войну», «Отступление немцев от Москвы изменило всю перспективу борьбы» — писали американские газеты.

Победные залпы под Москвой отозвались погребальным звоном в стане врага. Начались лихорадочные поиски «козлов отпущения». На солдат, еще недавно превозносимых до небес как самых храбрых и «непобедимых» в мире, посыпался град угроз, жестоких репрессий, обвинений в потере «германского духа», сняты были с постов генералы, командующие армиями и даже главнокомандующий сухопутными войсками фон Браухич.

Фашистское руководство пыталось преуменьшить значение поражения своих войск под Москвой, заявляя, что это «преднамеренный отход», русская зима, которая якобы требует каких-то «новых форм продвижения», что «бои имеют местное значение». И в наше время твердолобые реваншисты, не желающие посмотреть правде в глаза и считаться с реальной действительностью, дуют в ту же дуду, но в качестве главной причины поражения выдвигают теперь уже бездарное руководство Гитлера и чуть ли не «десяти» и даже «двадцатикратное превосходство русских».

Что касается русской зимы, то действительно были и лютые морозы, и снежные метели, и глубокие снега. Но воздействие

свое опи в равной мере оказывали как на противника, так и на наши войска. Нет, не снежные заряды, конечно, выбили врага из теплых помещений и заставили бежать на запад по заснеженным подмосковным полям. Вот что писал своей жене 6 декабря солдат-пехотинец Фортгаймер, судя по всему, более здраво оценивший ситуацию, чем его высокопоставленные руководители: «Дорогая жена! Здесь ад. Русские не хотят уходить из Москвы. Они начали наступать. Каждый час приносит страшные вести для нас. Холодно так, что стынет душа... Умоляю тебя, перестань писать мне о шелке и резиновых ботиках, которые я должен привезти тебе из Москвы. Пойми, я погибаю, я умру, я это чувствую».

В письме неизвестного немецкого солдата к приятелю по имени Роберт, датированном 25 декабря и обнаруженном в захваченной полевой почте, сообщалось, что «...русским очень тяжело наступать, так как по снегу двигаться очень трудно. Но красных ничто не останавливает». Вот в этих-то словах и заключена правда. Да, русских «ничто не останавливает». Их двигала вперед сквозь трескучие морозы и яростный вражеский огонь великая любовь к Родине, жгучая ненависть к захватчикам.

Наши читатели, несомненно, хорошо знают, что никакого «десятикратного превосходства» в силах у нас под Москвой не было. Проще всего, конечно, взвалить вину на покойников, на Гитлера. Опубликованные документы Нюрнбергского процесса, план «Тайфун» и директивы к нему, документы о разногласиях в командовании вермахта в июле — августе 1941 года, а также дневник Гальдера убедительно говорят о том, что никто из высшего генералитета вермахта не только не возражал против стратегических планов Гитлера на Востоке, а, наоборот, активно поддерживали их, иногда расходясь лишь в частности — в сроках нанесения генерального и решающего удара и в методах. Все они в равной степени ответственны перед судом истории, перед советским и своим народами за преступную авантюру, за кровь и муки, за горе и слезы людей.

Начиная войну, фашистские главари одним из основных способов борьбы избрали метод устрашения, дикого террора, запугивания, с тем чтобы сломить волю советского народа к сопротивлению, заставить сдаться на милость победителю. Гитлеровскому руководству, ослепленному звериной ненавистью к советскому социалистическому строю и творцам его — советским людям, не дано было понять всей глубины ленинского высказывания о том, что никогда и никто не победит народа, знающего, за что он воюет, что защищает.

Гитлеру и его генералитету казалось, что достаточно нанести поражение войскам приграничных военных округов, как совет-

ский строй развалится, не выдержит испытаний, что единство и дружба его народов — это только фикция. И это было еще одним просчетом авантюристов. События показали, что опасность, нависшая над Родиной, еще сильнее сплотила воедино многонациональную страну, а социалистическая система хозяйства доказала свою жизнеспособность, свое превосходство над капиталистической.

Фашистские изуверы рассчитывали пушками «подогнать» под свои интересы объективные законы исторического развития, изменить ход истории. Но история еще не знает примеров, когда поработители закрепили бы свое господство «на вечные времена». Они сгорали в испепеляющем пламени освободительной борьбы народов. Ибо есть ярость, есть гнев, перед которыми рушатся крепостные преграды. Есть силы, перед которыми бессильны все чудовищные средства истребления. Эта сила — любовь к Родине, готовность защищать ее независимость, свободу и счастье своего народа.

Многообразны и беспрецедентны в истории человечества проявления силы русского, советского духа в тяжелые дни военных испытаний. Враг это почувствовал уже в первые дни войны и вскоре вынужден был признать: «Неоспорим факт, что из всех противников, которых встречал немецкий солдат, советский боец является самым стойким и упорным». О провале плана «молниеносной войны» в России заговорила и международная печать: «Немцы натолкнулись на гораздо более стойкого и опасного противника, чем рассчитывали. Потери немцев в людском составе, танках и самолетах исключительно велики». Пришло время, когда в этот хор включились и фашистские генералы: «...удивительным было упорство противника... Это был противник со стальной волей... Здесь не могло быть и речи о том, чтобы быстрыми ударами «разрушить карточный домик», как хвастливо заявлял Гитлер перед нападением на СССР».

А вот что писал из-под Москвы своему сыну Бернару немецкий солдат Крамер: «...я знаю русских солдат еще по прошлой мировой войне. Русский был уже тогда невероятно упорным противником. Теперь же к этому надо добавить ужасы танковых боев, воздушных бомбардировок, и, кроме того, надо сказать, что сегодняшний русский солдат вдесятеро ожесточеннее сражается, чем солдат царской армии». Или вот пленный лейтенант Грюнтер: «Русские солдаты совершенно загадочны в своей воле и сверхчеловеческой самоотверженности». А официальный немецкий листок «Динст аус Дойчланд» после провала наступления на Москву вынужден был признать, что «боевой дух русских солдат сломить невозможно».

А вот и официальный документ — секретный циркуляр ставки германского главного командования «Оценка русского государства, тактики и боеспособности войск», составленный, как видно, на горьких для его авторов уроках битвы за Москву. В нем, в частности, говорится: «На позициях русские боролись с исключительным упорством, до последних сил. На вторжение русские отвечали внезапными контрударами... После прорыва справа и слева русские стойко держались на своих позициях и пытались закрыть бреши контрударами. Даже в безнадежном состоянии русские не прекращали борьбы. Они пытались обычно пробиваться... Русские были до сих пор наиболее упорным противником. Они в состоянии и впредь оказывать ожесточенное сопротивление».

И, наконец, чтобы увидеть, как трансформировались в умах противника взгляды на войну, можно привести выдержку из письма некоего Рихарда своему брату: «Несколько недель назад я так бежал, как никогда еще не бегал даже во время игры в футбол... Знаешь, с меня этой России уже достаточно... Теперь мы уже знаем, что такое война и какие последствия она с собой несет».

Решающей силой, которую недооценивал гитлеровский генералитет, была дружба наших народов, был мужественный советский человек, советский воин, его негибкая воля, его преданность и любовь к Родине, его святая вера в правоту своего дела, умножавшие его стойкость и упорство в борьбе и труде, звавшие на подвиг, на самопожертвование, к победе. Счастье нашего народа состоит в том, что ведет его от победы к победе испытанная, закаленная в борьбе, мудрая и мужественная Коммунистическая партия, верная заветам своего вождя и учителя В. И. Ленина, сумевшая мобилизовать духовные и материальные силы народа на отпор врагу, на преодоление трудностей неудачного периода войны и повести его по пути к победе.

Советский народ высоко оценил деятельность Верховного Главнокомандования, Генерального штаба, Военных советов, командующих и политорганов фронтов и армий, талантливого руководство которых обеспечило не только преодоление нависшей над столицей и Родиной смертельной опасности, но и убедительно доказало превосходство советского военного искусства, марксистско-ленинской науки о войне над порочной и авантюристической «военной наукой» германского империализма.

Победный гром контрнаступления наших войск под Москвой прокатился по всей планете как предвестник надвигающейся опустительной бури. Далеким и нелегким был еще путь солдатский до Берлина. Но в жестокой битве у стен столицы закалилась и возмужала наша армия, опытными стали ее командные и политические кадры, возросла и техническая вооруженность. В 1942 год

Красная Армия вступала победоносно — отбрасывая врага на запад все дальше и дальше от Москвы. И все советские люди почувствовали, поняли, что сделан очень большой, очень важный шаг к победе.

А героические советские воины продолжали развивать боевой успех. И еще напряженнее работали героические труженики тыла, обеспечивая сражающуюся армию всем, что было необходимо для разгрома врага. Все это прекрасно выразил в своем выступлении под новым, 1942 год Михаил Иванович Калинин: «Наши силы в борьбе с врагом растут. Мы уверены в победе. Мы знаем, что ни один советский человек не успокоится до тех пор, пока хотя бы один гитлеровец будет топтать священную советскую землю, пока гитлеризм не будем выжжен калёным железом».

Победой под Москвой был зажжен маяк, лучи которого осветили путь к победам под Сталинградом и на Курской дуге, на Днестре и в Белоруссии, в Восточной Европе, Польше и на территории несостоявшегося «тысячелетнего райха».

И пусть же теперь с новой силой прозвучат слова, сказанные нашей партией в дни начавшегося контрнаступления в декабре 1941 года: «Родина гордится своими славными сынами — бойцами, командирами и политработниками, мужественно сражавшимися на подмосковных рубежах. Родина гордится мужеством и стойкостью трудящихся Москвы, которые своим героическим трудом на производстве, на строительстве оборонительных рубежей помогали и помогают Красной Армии, снабжая ее оружием и боеприпасами, крепя тыл и воодушевляя».

Подвиг Москвы, поставившей в боевой строй сотни тысяч своих лучших сынов и дочерей, почти половину своих коммунистов и комсомольцев, показавших в боях выдающиеся мужество и стойкость, Москвы, ставшей арсеналом и кузницей боевого снабжения фронтов, — был заслуженно отмечен. Москва удостоена высокой чести стать в ряд золотозвездных городов — городов-героев.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Началась война	7
Кажется, желание сбывается	16
Вместо фронта — в тыловой округ	20
Первая встреча с секретарем ЦК	26
Москва военная	30
Новое назначение	32
Московское ополчение	35
Защитники московского неба	44
Наши герои	55
Можайская линия обороны	61
Партия перестраивает свои боевые ряды	73
Преодолевая трудности	75
Советские патриоты	78
Новое грозное оружие	84
Политбойцы	89
Поиски новых боевых резервов	91
В дни «затишья»	94
Можайскому рубежу нужны реальные силы	99
Первый сигнал тревоги	102
«Тайфун» на Западном фронте	106
Москва в опасности	111
Тяжелый день 5 октября	119
Дип тревог и надежд	142
Фронт Можайской линии обороны	166
На Волоколамском рубеже	172
Обстановка накаляется	176
Создание нового фронта обороны	179
Московская зона обороны	196
Москвичи, к оружию!	200
На дальних подступах	209
Москва готовится к бою	219
На осадном положении	231
В последние дни на Можайском рубеже	235
Неприступная крепость обороны	254
На рубежах Московской зоны обороны	257
Москва — арсенал фронта	264
Подвиг строителей рубежей	270
Парад на Красной площади	278
Перед новым натиском	285
В дни наивысшей опасности	295
Отступать дальше некуда: за нами Москва!	306

Встает страна огромная	310
Предвестники могучего удара	316
Учились и учили на подвигах героев	319
Моряки под Москвой	335
Под знаком контрнаступления	341
Хочу идти в бой коммунистом	345
Партиконференция МЗО	349
Последние бои частей Московской зоны обороны	351
Послесловие	358

Телегин К. Ф.

Т31 Не отдали Москвы! Изд. 2-е, доп., перераб. М., «Сов. Россия», 1975.

368 с. с ил. на вкл.

К. Ф. Телегин — член Военного совета Московского военного округа и Московской зоны обороны, принимавший непосредственное участие в организации обороны столицы от немецко-фашистских захватчиков, рассказывает о подвигах москвичей. Он вспоминает о первых воздушных налетах врага, об организации московского ополчения и рабочих отрядов, переформированных в московские стрелковые дивизии, о сражениях на историческом Бородинском поле, под Можайском и Малоярославцем, Волоколамском и Калугой, Боровском и Вереях; о том, как готовился и проводился парад на Красной площади 7 ноября 1941 года, об ожесточенной битве на ближних подступах к городу и о переходе Советской Армии в контрнаступление и разгроме врага.

Книга написана на основе записей автора, сделанных в те грозные дни, личных воспоминаний и воспоминаний других участников великой битвы под Москвой. Первое издание, выпущенное издательством «Советская Россия» в 1968 году, было высоко оценено читателями и прессой. Второе издание дополнено и переработано.

Т 11202—086
М—105(03)75 85—75

9(С)271

Константин Федорович Телегин

НЕ ОТДАЛИ МОСКВЫ!

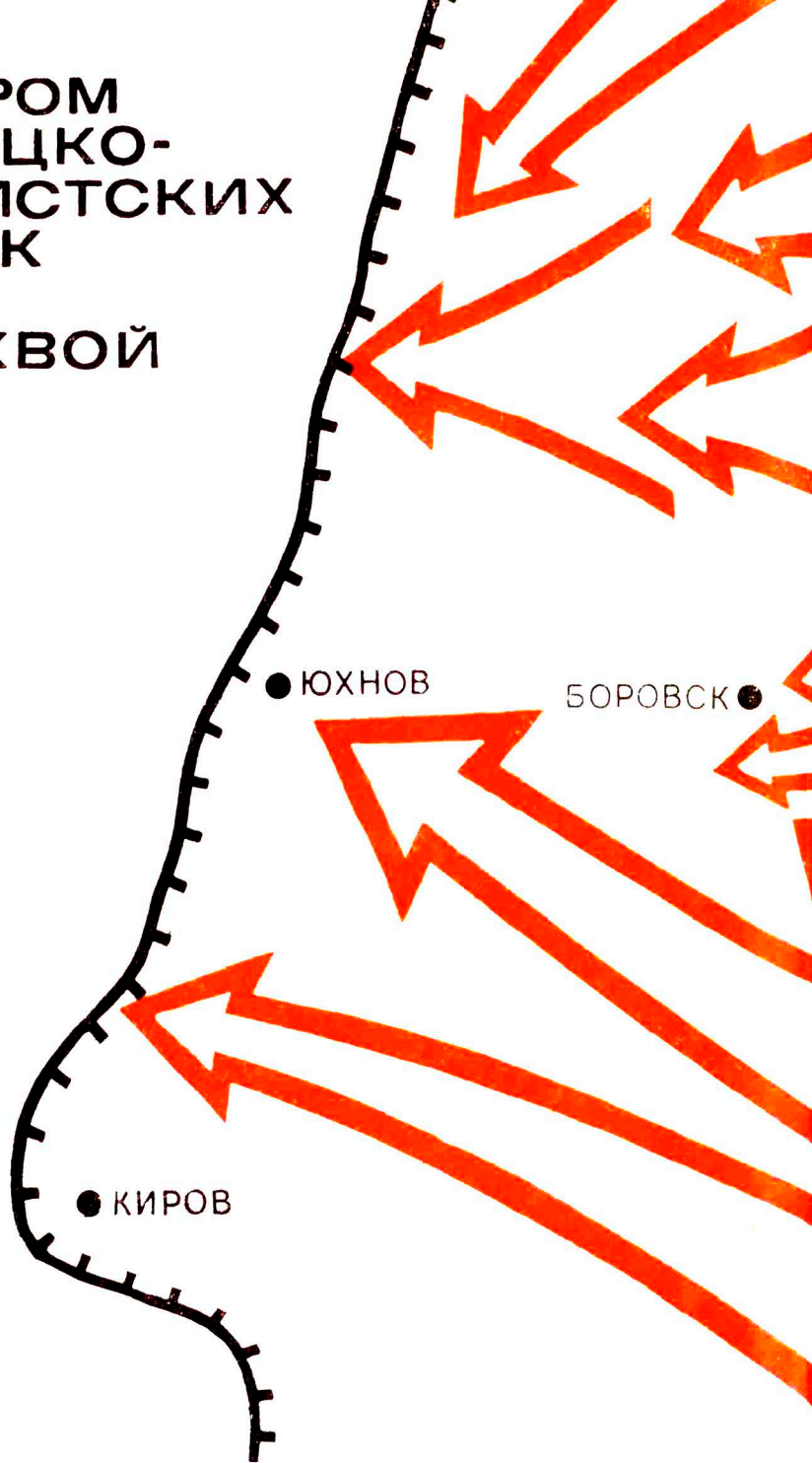
Редактор Н. С. Хехловская
Художественный редактор В. В. Щукина
Технические редакторы В. А. Преображенская
и И. И. Капитонова
Корректор В. Л. Данилова

Сдано в набор 10/IX-74 г. Подписано к печати 13/II-75 г.
Форм. бум. 60×84¹/₁₆. Физ. печ. л. 23,0+16 вкл. Усл. печ. л.
23,25. Уч.-изд. л. 25,74. Изд. инд. ХД-325. А09241. Тираж
75.000 экз. Цена 1 р. 10 к. в переплете. Бум. № 1.

Издательство «Советская Россия»,
Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавополиграфпрома Государствен-
ного комитета Совета Министров РСФСР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь
Московской области, ул. им. Тевосяна, 25, Заказ № 2453.

РАЗГРОМ НЕМЕЦКО- ФАШИСТСКИХ ВОЙСК ПОД МОСКВОЙ

МОСКВА

● НАРО - ФОМИНСК

ТУЛА

